СОДЕРЖАНИЕ

М. Н. ПОКРОВСКИЙ.—ВСЕСОЮЗНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ИСТОРИКОВ-МАРКСИСТОВ

(Декабрь 1928 г.—Январь 1929 г.)

Исторический материализм в нашей стране сделал новый крупный шаг вперед. 30 лет тому назад он боролся за существование, за право признания его одним из «законных» научных течений. 10 лет тому назад об этих «правах» исторического материализма больше уже не могло быть споров. 5 лет тому назад редкий из профессоров истории, по крайней мере в РСФСР, не об'являл себя «марксистом»,—находя людей, которые этому верили. Но, говорили все это время, и чем ближе к нашим дням, тем чаще: марксизм-то у нас есть, но ученые историки-марксисты—где они? И 4 года тому назад робко возникло первое добровольное об'единение таких историков. Были сомнения, возможно ли, имеет ли под собою реальную базу даже такое скромное начинание.

После конференции совершенно ясно, что добровольного общества в области марксистско-ленинской исторической науки нашей стране далеко недостаточно. Мерой значительности нашей конференции может служить отношение к ней наших идеологических противников. Одна большая германская газета правого направления поместила обстоятельный фельетон, посвященный нашей конференции. Статью писал человек, несомненно, достаточно осведомленный в наших исторических делах и великолепно схвативший сущность происшедшего, великолепно понявший, что конференция—это шаг к подлинной, реальной гегемонии марксизма в создании исторической науки СССР, что теперь дело идет не о вывесках и не о самозванщине, не о людях, причисление которых к марксизму может лишь вызвать улыбку на устах любого ленинца, хотя бы он в данный момент обретался в самом угрюмом настроении, но о подлинных научных работниках, которые мыслят по-ленински, все мировоззрение которых настолько проникнуто историческим материализмом, что нематериалистических трудов они давать просто не могут, а труды давать будут, ибо имеют для этого все данные.

И автор помянутого фельетона, злобно шипя на конференцию, пытается утешить себя своеобразной статистикой, по которой выходит, будто конференция представляет лишь ничтожное меньшинство людей, работающих в области исторической науки в нашей стране. 9/10 русских историков, говорит он, не имеют ничего общего с марксизмом.

Именно конференция неопровержимо установила, что подавляющее большинство нашей исторической молодежи состоит из марксистов. И если 600 человек, собравшихся на конференцию, представляют собой, действительно, одну десятую всех историков, работающих у нас, то СССР может поздравить себя с 6 000 научных работников в области этой науки. Мы первая историческая страна в мире, чорт возьми! Всякие Германии и Америки перещеголяли.

Но это, разумеется, чепуха. Число активно работающих историков нашей страны едва ли далеко выйдет за пределы одной, первой тысячи. Из них 600 марксистов уже налицо, да, наверное, не меньше половины такого числа, рассеянных по Союзу, не смогли приехать. Ученый автор статьи в правой немецкой газете своей статистикой охватил совсем не это будущее нашей науки. Его 9/10—это 9/10 бывших «ординарных», «экстраординарных» и, в особенности, бывших «заслуженных»: вот тут он, вероятно, совершенно прав. На этом научном кладбище (просят не смешивать с обыкновенным, матерьяльным кладбищем для физических тел грешных людей: впрочем, этимологически кладбище ведь и обозначает место, куда складывают вообще что не нужно, а вовсе не одних покойников: ср. «кладбище паровозов», «кладбище автомобилей» и пр.) нет, конечно, места для марксизма, для самого живого и животворящего мировоззрения, какое есть на земном шаре. На кладбища мы решительно никаких претензий не заявляем: пусть покоятся в мире. «Вы еще не в могиле, вы живы, но для дела мертвы вы давно»—и никак даже нельзя сказать, что этим людям суждены были какие-либо «благие порывы». Давным давно прошло то время, когда «заслуженным» такие порывы были свойственны. Если брать их действительно крупные, ведущие работы, дату их напечатания придется начинать, по большей части, с цифры «18...», а уж если работа написана в первом десятилетии нынешнего века, то это прямо последнее слово науки. А мы накануне перехода в четвертое десятилетие... На одной—двух путных книжках по истории, вышедших в последние два десятилетия, оправдания «заслуженным» не построишь. Одним «царем Алексеем Михайловичем в своем хозяйстве» Заозерского—прекрасная книга, показывающая, между прочим, как исторические факты текут сами на поддержку марксистской концепции, хотя бы собиратель этих фактов был в 1 000 километрах от марксизма, лишь бы он только фактов не фальсифицировал—не перешибешь запах тлена, идущий от остатков «школы Ключевского». И автор последних крупных работ «школы Виноградова» довольно давно уже в могиле,—в настоящей могиле,—к вели-

чайшему огорчению всех марксистов, которым А. Н. Савин, как всякий подлинный крупный ученый, был очень нужен и полезен. А что нового дала «школа Виноградова» после Савина?

Но, возразят мне любители «памятников старины и искусства», что же вы можете противопоставить шеренге живых еще физически, хотя пусть и дряхлеющих, пусть ничего нового не производящих, но все же крайне мудрых и «опытных» работников? Прежде всего, позвольте напомнить, что «опытность»—великое дело в искусстве, а не в науке. В 40-х годах прошлого столетия Погодин был неизмеримо опытнее Соловьева и Кавелина: но даже никто из «заслуженных» не решится отрицать, что вели вперед русскую историческую науку тех дней именно «мальчишки» Соловьев и Кавелин, а не «маститый» Погодин. Т. Татаров очень кстати напомнил, как Погодин советовал Кавелину вместо общих исторических концепций заняться изучением вопроса, кто именно были тиуны и целовальники? Старый приказный от исторической науки великолепно понимал, что для него и его «охранительницы», как именовал он историю, опасны именно общие концепции «мальчишек» [1], а вовсе не их мелкие специальные монографии. Теперешние Погодины, брюзжащие на современных «мальчишек», понимают это не хуже их предшественника середины 19-го столетия. Повторяется старая история. «Мальчишки» наших дней отличаются от «мальчишек» 40-х годов прошлого столетия главным образом тем, что наши «мальчишки»—революционеры, а те были только либералы. Допустим, что решение вопроса, на чьей стороне тут преимущество,—дело вкуса: когда речь идет о науке, нужно быть готовым ко всякого рода странностям. Но к спору о науке непосредственно это-то ведь отношения и не имеет. Труды научные подайте! Ну, так вот: труды есть, труды в области западной истории гораздо более серьезные, чем какими были первые научные труды Грановского (на фоне тогдашней науки, разумеется,—я строго соблюдаю необходимую историческую пропорцию; с точки зрения современной науки первая работа Грановского—не ученое исследование, а просто студенческий реферат). В области русской истории мы имеем не только крупные научные работы, которые не стыдно было реферировать перед заграничной публикой, даже на международных конгрессах (доклады т. Дубровского в Берлине и Осло), но мы имеем постановку новых вопросов, т. е. то именно, чем занимались, к ужасу и негодованию Погодина, Соловьев и Кавелин в 40-х годах. А что «новым вопросом» в дни Соловьева были отношения между древними русскими князьями, а для нашей молодежи—вопрос о характере русского империализма и причинах участия России в войне 1914 года (работы тт. Ванага, Ронина, Гиндина, Грановского, А. Сидорова и др.), это уже относится

[1] К сведению поклонников старины: Соловьев защищал свою магистерскую диссертацию 24 лет от роду, а свою знаменитую докторскую—28, т. е. как раз в возрасте нашей красной профессуры...

на счет той разницы между революционерами и либералами, о которой говорилось выше.

Против «заслуженных» выступает фаланга не студентов, и даже не магистрантов, а, по старой терминологии, воскресающей иной раз и теперь, «приват-доцентов». Святая серая скотинка, на которой, между прочим говоря, ехали «заслуженные» к своей «заслуженности», хочет теперь, как это бывало во все критические эпохи исторического процесса и исторической науки, из батрака превратиться в хозяина. Что при старом режиме, в силу господствовавших тогда принципов академической бюрократии, иерархии и подчиненности, многим из теперешней молодежи не удалось бы попасть даже и в батраки, это тоже между прочим. Как бы то ни было, теперь смена налицо. Это надо твердо помнить. В области общественных наук и философии смена уже пришла. Это в области естественных и точных наук, в области техники и медицины нам приходится еще создавать смену. Здесь можно брать то, что уже есть. Что мы совершаем эту операцию восприятия новой смены из рук вон плохо, об этом не может быть двух мнений. Происходит это, главным образом, от общей хаотичности и неурегулированности научного дела в нашем Союзе. Повидимому, долго еще придется у нас обосновывать и доказывать ту мысль, которую на конгрессе в Осло развивал представитель столь мало революционного учреждения, как «Лига наций». Этот почтенный человек совершенно здраво рассуждал, что время индивидуальной работы отдельных ученых в области истории давно прошло, что те проблемы, которые стоят перед историками наших дней, могут быть разрешены лишь к о л л е к т и в н ы м трудом. А этот коллективный труд не всегда может совершаться в порядке персимфанса: иногда, и очень часто, дирижерская палочка будет нужна. И вот тут то мы и сталкиваемся с основным фактом, около которого почти все время вилась мысль конференции, и из которого на самой же конференции был сделан надлежащий практический вывод. Наши научные исследовательские учреждения в области истории всецело находятся в руках именно старых людей. Дирижерскую палочку держат в руках или сами «заслуженные», или их уполномоченные, которым физически предстоят еще долгие годы бодрой жизни, но которым давно готов роскошный мраморный памятник на кладбище идеологий. У нас еще нет ни одного научного учреждения в области истории, где наша научная молодежь, молодежь уже не только учащаяся, но молодежь т в о р я щ а я, молодежь, ведущая науку вперед,—чувствовавала бы себя в своей идеологической обстановке, чувствовала бы себя «дома», и не видела бы рядом с собой, в качестве «старшего поколения», никого, кроме старших по возрасту представителей той идеологии, за которую борется, которой проникнута сама эта молодежь.

Важнейшим практическим выводом конференции была, хотя и не зарегистрированная официально в ее резолюциях, но органически вышедшая

из работы конференции мысль о необходимости создания марксистского научно-исследовательского института истории. Нужно сказать, что мысль эта уже давно стучится в дверь. Ее неоднократно высказывал т. Рязанов, и до и после того, как он отряс от ног своих прах исторического института РАНИОН'а. Правда, Давид Борисович повидимому еще колеблется относительно точки привеса этого нового учреждения,—и ходят слухи, будто он намеревается поставить его в самом центре кладбища, в виде, должно быть, крематория... Думается, что загружать работу этого нового учреждения функцией погребения научных покойников нет ни малейшей надобности. Предоставим им самим погребать друг друга. Новое учреждение должно быть, конечно, связано с одним из тех новых центров марксистской мысли, которые созданы революцией, вышли из революции. Коммунистическая академия—это единственый научно-организационный центр, который мы можем считать вполне нашим, в котором не может случиться таких трюков, что вот на издание немарксистской литературы денег сколько угодно, а на издание марксистской—нет ни гроша. Или где заказы «заслуженных» исполняются моментально и с образцовой тщательностью, а если заказ идет, по грехам, от коммуниста, так жди — пожди годика два, а то и вовсе ничего не дождешься. Таких анекдотов в Коммунистической академии быть не может, все подобное в ее деятельности органически исключено. И вот почему единственным местом, где можно поставить новое учреждение, новый институт истории, может быть только Коммунистическая академия.

Итак, первое, что доказала наша конференция,—это существование у нас настоящей марксистской исторической науки не в форме популяризаций и общих курсов (в таком виде марксистская историческая наука существовала у нас и до революции), но в форме исследовательской работы. В форме большого отряда молодых исследователей, многое уже выработавших, иногда чуть не прямо контрабандой, в стенах тех учреждений, где официальной хозяйкой является старая домарксистская наука, а еще чаще в стенах учреждения, в сущности вовсе не являющегося «исследовательским» по своей официальной вывеске: Института красной профессуры. Научно-исследовательская работа ленинизма в области истории до сих пор шла, надо прямо сказать, кустарным путем. Пора ей принять у нас те формы, которые приличествуют стране, где господствует диктатура пролетариата и ленинизм является единственно приемлемой идеологией для широчайших кругов. Но наша конференция выявила не только это.

Конференция была первым всесоюзным совещанием историков-марксистов: на ней присутствовали не только русские историки (секции «русской истории» на конференции даже и не было—была секция народов СССР), не только историки РСФСР, но историки Белоруссии, Украины, Закавказья, Туркменистана и Узбекистана. От последних двух, правда, наци-

ональных историков было очень мало—двое или трое, из молодежи, еще более молодой, нежели наша красная профессура. Там смена только приближается, да и есть ли там кого сменять? «Заслуженные» занимались историей «инородцев» больше из Ленинграда (то-бишь, Петербурга, в дни славы и мощи «заслуженных»), выезжая на места лишь в порядке экспедиций. Там, вероятно, марксистская история будет первым видом научной истории, тотчас после летописей. Счастливые люди! Но в других перечисленных союзных республиках своя историческая наука есть, иногда с глубоко уходящими национальными корнями. Являлось опасение—не заглушит ли то, что растет из этих корней, молодую марксистскую поросль? Не окажется ли национализм сильнее марксизма?

В общем, для всей конференции, опасения были рассеяны и пристыжены самым блестящим образом. Решение об образовании всесоюзного общества историков-марксистов было принято единогласно. В пользу этого решения первым выступили именно «националы», Грузия и Белоруссия. Упрекнуть в каком бы то ни было «исправлении» марксизма в угоду национализму ни грузинские, ни белорусские доклады (от Средней Азии докладчиками были ненационалы) не смог бы самый придирчивый критик. И, что касается докладов, то же относится и к Украине. Но в прениях именно со стороны украинцев раза два прозвучал тягостный диссонанс. Повидимому, это был диссонанс почти в буквальном смысле слова, некоторая неспетость внутри самой украинской делегации (характерно, что при предварительном голосовании по вопросу о всесоюзном обществе украинская делегация раскололась—часть голосовала за общество, часть против; по нашим наблюдениям, большинство украинской делегации голосовало за, и меньшинство против—тт. украинцы категорически это отрицают; возможно, что наша аберрация об'ясняется «великодержавным шовинизмом»...). К сожалению, в статьях украинских историков, появившихся после конференции, диссонанс не ослабел, а стал резче. Об'яснить его не трудно. Некоторые — и выдающиеся — украинские историки-марксисты пришли к нам сравнительно недавно, пришли из партий, идеологически полярно противоположных марксизму. Между тем марксизм, особенно в его последней, наиболее сложной, ленинской форме, отнюдь не такая вещь, которую можно было бы усвоить в два счета, без особых усилий—особенно не располагая таким могучим репетитором, каким для нашего поколения явилась революция. И вот, некоторым украинским историкам-марксистам начинает казаться, что учение о гегемонии пролетариата в буржуазной революции есть троцкизм (!). Другие находят, что классовое об'яснение идеологий должно быть «поправлено» этнографическим: не только, говорят они, такие-то суть мелкие буржуа, но именно украинские мелкие буржуа, и в этом гвоздь. Этак ведь можно докатиться и до того, что не то важно, что Дзержинский был коммунистом, а то, что он был

поляк. А пожалуй даже и до того, что не то важно, что Ленин был величайшим из вождей рабочего класса, а то, что он был великоросс (и улика налицо—статья о «национальной гордости великороссов»). Словом, трудно себе представить, до какой нелепости можно докатиться с таким «классово-национальным» методом. Не то удивительно, что среди украинской исторической молодежи проскальзывают такие течения: люди, которые еще относительно недавно, уже взрослыми людьми, были националистами, не могут сразу совлечь с себя ветхого Адама, это естественно. Но удивительно, что старые ленинцы, националистами никогда не бывшие, им в этом потакают и их в этом поддерживают. Неужто до такой степени «бытие определяет сознание»? А ясный и очевидный вред от этой реакционной идеологии, явное заражение атмосферы этой националистической отрыжкой обнаружились тут же, на месте. Член конференции, русский, совершенно зря обвиненный в «великодержавном шовинизме» за то, что он классовое об'яснение предпочел этнографическому, возражая, с видимым удовольствием привел цитату из книги одного украинского исторического деятеля, где украинцы названы «малороссиянами». Формально ничего не возразишь—цитата есть цитата, в ней слова не выкинешь. Но *таким* цитатам на нашей конференции, казалось бы, совсем не место—и если бы не мало-тактичные националистические выпады с одной стороны, их не было бы и с другой. Думается, что эта маленькая перепалка лучше всего другого свидетельствует, до чего полезно нам будет именно *всесоюзное* общество историков-марксистов, лучшее средство для искоренения как «великодержавного», так и всякого иного шовинизма.

Другим очень хорошим противоядием явится, конечно, постановка в центре внимания наших историков-марксистов какой-нибудь крупной проблемы, *классовый* характер которой бил бы в глаза, не допускал бы никаких националистических споров и «недоразумений». И это было сделано на нашей конференции. Одним из центральных ее докладов был доклад т. Панкратовой об изучении истории *рабочего класса* в СССР. Гегемон нашей буржуазной революции и диктатор после революции социалистической, класс, делавший нашу историю на протяжении последних тридцати лет, не имеет еще своей «биографии». Несколько отрывочных монографий, несколько полу— а то и совсем—меньшевистских популярных обзоров; и это все. Давно пора было заполнить этот пробел: то, что за это принялся покойный Н. А. Рожков в последний год своей жизни, снимает многое множество его старых грехов. Мы знаем, что сделала пролетарская масса в старой «России» и в новой советской стране. Но как возникала эта масса? Из каких элементов она составилась? Как превратилась она в тот поток раскаленной лавы, который сжег не только царизм, который—в единственной стране в целом мире—испепелил и буржуазный, капиталистический строй? Ответа, научного и конкретного ответа, на это нет. Пролетариат появляется на нашей исто-

рической сцене совсем готовым, как Минерва из головы Юпитера, в 1890-х годах. Но и с этих пор мы больше знаем о его политических выступленниях, нежели о его интимной жизни, чаще всего видим его на улице, на баррикадах и реже всего на фабрике, у станка. Между тем для истории нашего пролетариата менее всего годится западноевропейский трафарет. На Западе пролетарская масса складывалась из потерявших свою мастерскую городских ремесленников и открепленных от земли крестьян. У нас первые рабочие крупной промышленности выходили из рядов крестьян, прикрепленных к земле, а ремесленный слой был совсем тонкий (он был все же). У нас между феодализмом и промышленным капитализмом не было тех промежуточных ступеней, которые так характерны для Запада. Хозяин нашей мануфактуры XVIII века был иногда чистой воды феодал, а более яркой средневековщины, чем история нашей крупной металлургической промышленности на Урале или на Выксе, не найдешь в Западной Европе, моложе XIV—XV века. И наши первые забастовки часто направлялись не столько против капиталиста, сколько против барина, закабалившего принадлежащие ему «души» на фабрику. Развиваться наш промышленный капитализм начал, когда еще во всем цвету стояло крепостное право. Понять историю нашего пролетариата во всем ее своеобразии значит понять своеобразие нашей пролетарской революции. Может быть, о характере этой последней не было бы таких споров (они замолкли теперь,—но обманываться не следует: в прикровенной форме они продолжаются и по сей день; «правый уклон» фактически отрицает социалистический характер нашей революции, сознают это правые уклонисты или нет—все равно), если бы мы ясно представляли себе, кто именно делал эту революцию. Но мы не ясно представляем себе не только это, но также и то, что именно сталось с главной движущей силой революции после победы пролетариата. Мы никогда не изучали систематически рабочего класса советских стран, и мы составляем себе нередко о нем суждение по наиболее ярким фактам, встречающимся на страницах газет, т. е. откровенно говоря, по «анекдотам». Тут огромное поле для работы не одних историков-марксистов, а всех секций Коммунистической академии.

Я не имею возможности останавливаться на всех многочисленных темах, затронутых докладами в различных секциях конференции (не в пример международному когрессу историков в Осло, посещаемость этих секционных докладов была такова, что по внешнему виду заседания секции всякому показались бы пленумом). В этой же книжке «Историка-марксиста» читатели найдут подробный обзор всех занятий конференции. Но я не могу не остановиться на одной особенности этой последней. Она вскрыла не только гораздо более обширные кадры последователей исторического материализма в нашей стране, чем можно было ожидать, она показала, что наше мировоззрение начинает захватывать и соседние с нашей наукой области, притом такие области, где еще недавно господствовали безраздельно идеализм и

психологизм. Великолепный доклад академика Н. Я. Марра показал, что к нашим, материалистическим, выводам можно прийти не только от изучения классовой борьбы (каковое изучение некоторые наивные люди считают основным характеристическим признаком марксизма, забывая, что такое понимание марксизма давно опровергнуто самим Марксом), но и от изучения истории человеческой речи. Все человеческое есть продукт общественной работы. «Сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивидууму. В своей действительности она есть совокупность общественных отношений». Индивидуальное—не начало, как казалось и кажется буржуазным историкам, а конец, итог. И отправляться в об'яснении исторического процесса от индивидуального, как до сих пор делают «заслуженные», это значит заставлять историю итти вверх ногами.

Д. БАЕВСКИЙ. — БОЛЬШЕВИКИ В БОРЬБЕ ЗА III ИНТЕРНАЦИОНАЛ[1]

Второй конгресс Коминтерна, положивший начало оформлению революционного авангарда международного пролетариата, в своей резолюции о роли партии в пролетарской революции сказал: «Эпоха непосредственной борьбы за диктатуру пролетариата родит новую партию пролетариата—коммунистическую партию»[2]. Эта н о в а я партия, рожденная в первых боях за власть, отличается от старых социал-демократических партий не только по своей идеологии, но и по самому типу своей организации.

Первой партией нового типа, партией, готовой более других к руководству пролетариатом в его борьбе за власть, была к началу этих боев, к 1917 г., партия большевиков. Она, еще будучи одной из партий II Интернационала, была прототипом международной ленинской партии—III Интернационала. «Боюсь,—писал в марте 17 г. Ленин,—что б о л е з н ь ю повальной теперь будет в Питере «просто» увлечение, без систематической работы над партией н о в о г о типа, ***ни в коем*** случае не à la «II Интернационал»[3].

Систематическая работа над партией нового типа стала необходимым условием победы пролетариата над буржуазией. Партии старого типа («à la II Интернационал») стали партиями к л а с с о в о г о с о т р у д н и ч е с т в а пролетариата с буржуазией, стали средством подчинения революционного авангарда пролетариата буржуазии. На II конгрессе Коминтерна, выступая по вопросу о роли партии в пролетарской революции, Ленин сказал:

«Если итальянские товарищи оставляют в своей партии оппортунистов, вроде Туратти и К°, т. е. буржуазные элементы, то это, действительно, есть сотрудничество классов»[4].

Партия, в которой остались еще оппортунистические или центристские элементы, есть партия старого типа, п а р т и я б л о к а к л а с с о в ы х

---

[1] Настоящая статья является частью работы автора для подготовляемых Институтом Ленина очерков по пред'истории Коминтерна.

[2] Резолюция II Конгресса о роли коммунистической партии в пролетарской революции. См. Ленин, Собр. соч., т. XXV, 2-е изд., стр. 568.

[3] Ленинский Сборн. II, стр. 292.

[4] Ленин, Собр. соч., т. XXV, 2-е изд., стр. 349.

интересов. Такие партии не могут быть основой III Интернационала. Здесь нужна партия из подлинно левых, подлинно революционных элементов—партия монолитная, не терпящая в своей среде представителей чуждых пролетариату классовых интересов. Ленин создал такую партию в долголетней борьбе с оппортунизмом в русском рабочем движении. Этот процесс создания большевистской партии в общих чертах известен. Борьба Ленина на международной арене за партию нового типа—вот область еще мало исследованная.

Уже во время кампании борьбы с бернштейнианством Ленин и Плеханов по-иному вели эту борьбу, чем Каутский, примиренчество и «дипломатичность» (предпочтение «худого мира доброй ссоре») которого Ленин отмечал еще тогда [1]. Как ставил Ленин вопрос о разрыве с оппортунистами на разных этапах международного рабочего движения—этот вопрос еще требует изучения, но самое беглое знакомство с выступлениями Ленина против оппортунизма в России и в Интернационале показывает, что в Интернационале вопрос о размежевании с оппортунистами Ленин ставил иначе, чем в российской социал-демократии. Ставил иначе не только потому, что западно-европейский рабочий был опутан традициями мирной эпохи и не имел возможности пройти ту школу, которую прошел в годы революции и реакции русский рабочий; не только потому, что большевики в Интернационале (особенно в этом вопросе) были одиноки, не имели хоть сколько-нибудь значительной поддержки. Все это было налицо и в начале войны, и даже в большей степени, и все же Ленин с первых же дней ее поставил вопрос о расколе с оппортунистами.

Основным и решающим было для Ленина то, что он не считал неизбежным переход большинства старых партий на сторону «своей» буржуазии против международного пролетариата. То, что до войны было тенденцией, после 4 августа стало фактом. Открытый переход оппортунистов и центристов на сторону буржуазии сделал раскол Интернационала необходимым, а «сдвиг в сторону революционного мышления и революционного действия» [2] среди европейских рабочих—сделал его осуществимым.

Значит ли это, что Ленин «не сразу понял социальное значение и общественные источники рабочего соглашательства и не сразу распознал в Каутском 1903 г. Каутских 1917 г.» [3], и только война помогла ему распознать сущность оппортунизма, как это утверждает К. Радек? Нет, не значит.

После революции 1905 года, которая была началом конца мирной эпохи в развитии рабочего движения, борьба двух тенденций в нем приняла

---

[1] См. Ленин, Собр. соч., т. IV, стр. 371.

[2] Предисловие Ленина к брошюре А. Гильбо «Социализм и синдикализм во Франции во время войны», Изд. «Комм. Инт.» П. 1920 г. стр. 3.

[3] Статья К. Радека «По поводу трех некрологов о Ленине» в «Правде» № 42 от 21/II—24 г.

более глубокий характер. Штутгартский конгресс Интернационала, происходивший непросредственно после революции 1905 г. и проходивший в значительной степени под знаком ее, стал ареной борьбы этих двух тенденций. Это сказалось в прениях по колониальному и военному вопросу и в голосовании поправки Ледебура к резолюции Ван-Коля. За эту поправку голосовало 127 чел., главным образом, из числа представителей отсталых стран и угнетенных наций; против нее голосовало 108, и в их числе были германская, австрийская, голландская делегации целиком и большинство делегаций Англии и Франции. Вместе с ревизионистами голосовали и виднейшие вожди ортодоксального крыла, будущие центристы. Выдержанная принципиальная линия была только у подлинно левых. Ленин и Р. Люксембург своей знаменитой поправкой к резолюции по военному вопросу, говорившей об использовании военного кризиса для ускорения краха капитализма, противопоставили социал-шовинизму оппортунистов и беспринципной дипломатии будущих центристов с в о ю линию, линию борьбы против империализма и социал-империализма.

После конгресса Ленин в статье, посвященной подведению итогов его работы, сделал очень важные выводы: «Это голосование по колониальному вопросу,—писал он,—имеет очень важное значение. Во-первых, особенно наглядно разоблачил себя здесь социалистический оппортунизм, пассующий перед буржуазным обольщением. Во-вторых, здесь сказалась одна отрицательная черта европейского рабочего движения, способная принести не мало вреда делу пролетариата и заслуживающая поэтому серьезного внимания». Колониальная политика дает возможность буржуазии империалистических стран за счет эксплоатации угнетенных наций несколько улучшить положение рабочих метрополии, особенно его верхушечных слоев. «При таких условиях,—пишет он дальше,—создается в известных странах материальная, экономическая основа заражения пролетариата той или другой страны колониальным шовинизмом. Это может быть, конечно, лишь преходящим явлением, но тем не менее надо ясно сознать зло, понять его причины, чтобы уметь сплачивать пролетариат всех стран для борьбы с таким оппортунизмом» [1].

Эта выдержка из статьи Ленина 1907 г. красноречиво говорит о том, что за 7 лет до мировой войны Ленин ясно видел глубокие корни социал-империализма, «рабочей аристократии», — этой новой [2] социальной базы оппортунизма, делавшей его г о р а з д о б о л е е о п а с н ы м в р а г о м, чем тогда, когда он опирался, преимущественно, на «академиков». Поэтому Ленин ставит в порядке дня задачу — «с п л а ч и в а т ь п р о л е т а р и а т в с е х с т р а н д л я б о р ь б ы с таким оппортунизмом». Эту борьбу с оппортунистами Ленин в то время мыслил себе не в виде н е м е д л е н н о г о раскола

---

[1] Н. Ленин, Собр. соч., т. VIII, 1 изд., стр. 499—500.

[2] Новой не для всех стран; в Англии наличие слоя обуржуазившейся рабочей аристократии отмечали Маркс и Энгельс во второй половине XIX в.

с ними. Почему? Потому, что он считал, что «колониальный шовинизм» в рабочем движении, «может быть», будет «преходящим явлением». Несмотря на это проблема Горы и Жиронды в рабочем движении встала перед Лениным по-новому, иначе, чем в годы борьбы с бернштейнианством. Штутгартский конгресс был проверкой последовательности и революционной выдержанности вождей II Интернационала, он помог распознать, куда растет «социалистический оппортунизм». Ясно стало, что он растет к социал-империализму. Позже, в 1915 г., Ленин писал: «И если взять, например, группировку направлений на Штутгартском международном социалистическом конгрессе 1907 г., то окажется, что международный марксизм был против империализма, а международный оппортунизм уже тогда был за него» [1].

Старое деление в социал-демократии на ревизионистов и ортодоксов начало сменяться новым—на социал-шовинистов и антишовинистов, в основном соответствовавшим старому, но представлявшим, по выражению Ленина, высшую, более близкую к социалистическому перевороту, стадию развития [2]. Это намечающееся расширенное воспроизводство разногласий в рабочем движении на новой, более высокой основе дало возможность Ленину в статье 1908 г. «Марксизм и ревизионизм» наметить перспективу перерастания идейных разногласий в рабочем движении в вооружённую борьбу. «То, что теперь мы переживаем зачастую только идейно,—писал он,—придется еще непременно пережить рабочему классу в несравненно более крупных размерах, когда пролетарская революция обострит все спорные вопросы...» и дальше: «Идейная борьба революционного марксизма с ревизионизмом в конце XIX века есть лишь преддверие великих революционных битв пролетариата...» [3].

Именно зрелость капитализма, близость социалистической революции, углубила разногласия в рабочем движении. Возможность столкновения революционного социализма и оппортунизма, как классовых врагов, стала более реальной, чем она была в конце XIX в. Решение поставленной Лениным задачи сплочения пролетариата для борьбы с оппортунизмом зависело от того, является ли оппортунизм «крайностью», «уродством» или он стал господствующим течением в интернационале. Оно зависело от того, имеются ли налицо элементы консолидации последовательно революционных элементов, готовых работать над этим «сплочением» пролетариата.

Следующий конгресс II Интернационала—Копенгагенский—дал Ленину новый материал для решения этих проблем. На этом конгрессе особенное значение приобрела борьба двух течений в кооперативной комиссии.

---

[1] Ленин, Собр. соч., т. XIII, стр. 103—104.

[2] II Ленинский Сборник, стр. 227. Разрядка моя—*Д. Б.*

[3] Ленин, Собр. соч., т. XI, ч. 1, стр. 61. Разрядка моя—*Д. Б.*

Прения по вопросу о кооперативах показали Ленину, что 1) ревизионисты стоят за мирное «врастание» в социализм и против экспроприации средств производства, т. е. против социалистической революции, 2) что на сторону ревизионистов перешли крупнейшие вожди ортодоксального крыла. Это, понятно, не было неожиданным открытием ни для кого, но, в связи с обострением противоречий и приближением решающих боев за социализм, в связи с намечающимся переходом оппортунистов на сторону империализма, это явление стало особенно значительным. Поэтому-то Ленин из опыта Копенгагенского (так же, как и Штутгартского) конгресса сделал важные выводы о необходимости подготовки раскола Интернационала:

«Немецкая делегация,—писал он,—составляется поровну из представителей партии и профсоюзов. От этих последних проходят почти сплошь оппортунисты, ибо выбирают обыкновенно секретарей и прочую союзную «бюрократию. В общем немцы неспособны вести выдержанной принципиальной линии на международных с'ездах, и гегемония в Интернационале подчас ускользает из их рук. Бессилие Вурма перед Эльмом только лишний раз иллюстрировало тот кризис в германской социал-демократии, который состоит в нарастании неизбежной решительной разверстки с оппортунистами» [1].

Вопрос о «разверстке с оппортунистами» Ленин ставил не только по отношению к германской социал-демократии. Подводя итоги Копенгагенскому конгрессу, он писал: «Разногласия с ревизионистами наметились, но до выступления ревизионистов с самостоятельной программой еще далеко. Борьба с ревизионизмом отсрочена, но эта борьба придет неизбежно» [2].

Неспособность старых вождей левого крыла (А. Бебеля, В. Адлера, К. Каутского) организовать отпор наступающему оппортунизму вызывает все больше недовольства в рядах подлинно революционных элементов II Интернационала и способствует обособлению подлинно революционных элементов от центристских.

В рядах германской социал-демократии еще во время борьбы с бернштейнианством давало себя знать недовольство «дипломатией» и терпимостью К. Каутского и Бебеля. Из рядов «искровцев» выходит открытое признание недостаточности борьбы Каутского против Бернштейна и солидаризация с одним из «недовольных» — Парвусом [3]. На Штутгартском конгрессе заключают боевой союз против оппортунистов Ленин и Р. Люксембург. Они делают очень существенные поправки к резолюции Бебеля по вопросу о милитаризме. Бебель не соглашался с первой редакцией поправки, которая «говорила гораздо прямее о революционной агитации и революционных дей-

---

[1] Ленин. Собр. соч., т. XI, ч. II, стр. 105.

[2] Там же, стр. 107. Разрядка моя—*Д. Б.*

[3] Статья Плеханова «За что нам его благодарить?». См. собр. соч. Плеханова, т. XI, стр. 24.

ствиях»[1]. Уже здесь намечается начало обособления подлинно революционных элементов Интернационала от колеблющихся внутри левого крыла. Этот процесс «расслоения» левого крыла продолжается и после Штутгартского конгресса. Как на проявление его, можно указать на дискуссию в германской социал-демократии по вопросу о массовых революционных действиях между К. Каутским и Р. Люксембург и ее соратниками. Усиленная разработка вопросов революционной массовой борьбы началась среди германских революционных с.-д. под влиянием русской революции 1905 г. Дебаты о массовой стачке на Магдебургском партейтаге (сентябрь 1910 г.), полемика Каутского с Р. Люксембург по этим вопросам, полемика К. Радека с Каутским по вопросам империализма (ряд статей и брошюра «Der deutsche Imperialismus und die Arbeiterklasse», Bremen, 1912), выступление голландского марксиста А. Паннекука в 1912 г. в «Neue Zeit», со статьей: «Массовые действия и революция», критикующей позицию К. Каутского в вопросе о массовых действиях как «теорию бездеятельного ожидания»—все это проявления процесса идейного размежевания «левых радикалов» с Каутским. «Лево-радикальное» течение, по оценке Ленина, отстаивая революционную тактику, «об'единялось убеждением, что Каутский переходит на позицию «центра», беспринципно колеблющегося между марксизмом и оппортунизмом»[2]. По словам А. Паннекука[3]: «Каутский и его друзья преградили дорогу» стремлениям левых радикалов «увлечь партию... на путь массовой борьбы». На этой почве шел процесс обособления «левых радикалов», от Каутского, способствовавший консолидации революционных элементов в Интернационале. Идейное размежевание с оппортунистами в Голландии привело к размежеванию организационному. Группа левых во главе с Гортером и Паннекуком, основавшая свой орган «Трибуна» (отсюда название «трибунистов»), пошла на раскол, отказавшись подчиниться постановлению партийного с'езда (февраль 1909 г.) закрыть «Трибуну», и основала новую партию—«Социал-Демократическую Партию» (SDP) в отличие от старой, руководимой Трульстрой и Ван-Колем, Социал-Демократической Рабочей партии (SDAP). Это был чрезвычайно значительный факт в процессе формирования элементов III Интернационала в недрах Второго.

Международное Социалистическое Бюро II Интернационала, разбирая этот «конфликт» на XI сессии 7 ноября 1909 г., как полагается, стало в своем большинстве на сторону голландских оппортунистов и отказало в просьбе новой партии включить ее в интернационал. На это постановление лево-радикальные немецкие газеты «Leipziger Volkszeitung» и «Bremer Bürgerzeitung» реагировали резким протестом, называя это решение достойным

[1] См. примечание Ленина на стр. 372 книги Г. Зиновьева «Война и кризис социализма». Пг. 1920 г.

[2] Ленин, Собр. соч., т. XXI, 2 изд., стр. 448.

[3] «Коммунист» № 1—2, 1915 г., стр. 71.

сожаления, и охарактеризовали В. Адлера, чья резолюция была принята МСБ, как «адвоката международного оппортунизма». Ленин в «Социал-демократе» № 10 [24/XII (6/I 10 г.) 1909 г.] солидаризировался с этими газетами. Таким образом, накануне Копенгагенского конгресса революционные элементы продемонстрировали свою солидарность.

Ленин не только внимательно следил за процессом консолидации подлинно левых, но и принимал в нем участие. На МСБ он поддерживал трибунистов, в большевистской печати сочувственно отзывался о новой брошюре А. Паннекука [1] и в своей переписке с Р. Люксембург и ее соратниками проявлял большой интерес к ее борьбе с Каутским. Это видно хотя бы из следующего отрывка из письма 7/X 1910 г. т. Карскому-Мархлевскому: «А что, финал вопроса о массовой стачке в Магдебурге (принятие резолюции Розы Люксембург и взятие ею обратно 2-ой части) не послужит к миру ее с Каутским, Vorstand'ом? Или нескоро? (Розе Люксембург я писал недели 2 тому назад из Стокгольма)» [2].

Целый ряд фактов из жизни с.-д. партий в период между Штутгартским и Копенгагенским конгрессами подтвердил правильность и своевременность ленинской линии на подготовку раскола II Интернационала. На самом конгрессе поведение Вурма и других «друзей Каутского» убедило в необходимости начать подготовку создания левой фракции во II Интернационале.

На Копенгагенском конгрессе Ленин делает попытку собрать совещание левых, которое в конспекте одного из своих рефератов октября—ноября 1914 г. Ленин называет «приватным собранием левых Интернационала в Копенгагене». Перечисленные им в этой записи делегаты, как это видно из протоколов конгресса [3], действительно были в числе делегатов, за исключением Д. Б. Рязанова, которого в списке делегатов от России нет. Самый факт совещания, таким образом, не подлежит сомнению. Во время работы конгресса Ленин повидимому имел переговоры с частью левых по вопросу о поведении в кооперативной комиссии. «Марксисты французские (Гэд), русские (Ленин), польские, болгарские и голландские,—пишет после конгресса Г. Зиновьев,—чтобы обезвредить социализацию... внесли поправку [4]. Из протоколов конгресса видно [5], что поправку вносил Ленин, который ее, повидимому, раньше согласовал с другими левыми.

---

[1] «Die Taktischen Differenzen in der Arbeiterbewegung, см. Собр. соч. Ленина, т. XI, ч. 2, стр. 133—148.

[2] III Ленинский сборник, стр. 450.

[3] Huitième Congrès Socialiste Internationale, 1911, p. 16—42.

[4] Г. Зиновьев, Социал-демократия и кооперативы. «Социал-Демократ» № 17, 25—8 октября 1910 г., стр. 6.

[5] Huitième Congrès Socialiste Internationale, p. 166—167.

Накануне закрытия конгресса было более широкое совещание. В ленинской записи в качестве участников его перечислены следующие делегаты: Гэд, Ш. Раппопорт (от Франции), Р. Люксембург (от Германии) и Ю. Карский-Мархлевский (от Польши), А. Браун (от Австрии), Ленин, Плеханов, Рязанов—от России, Де Брукер—от Бельгии и П. Иглезиас—от Испании.

В конце списка есть пометка «и другие», что позволяет предполагать, что представители левых Голландии и Болгарии также были на этом совещании. Участие их тем более вероятно, что на конгрессе были представлены болгарские «тесники» (В. Коларов, Х. Кабакчиев, Д. Благоев) и голландские «трибунисты» (Вайнкоп, Ван-Равенстейн). О присутствии на этом совещании болгарских левых с.-д. говорит и тот факт, что о нем имеется довольно подробное сообщение в статье Благоева о Копенгагенском конгрессе [1]. В ней перечислены почти все те лица, которые имеются и в записи Ленина. Он упоминает об участии в совещании Гэда, Р. Люксембург, Плеханова, Де Брукера и П. Иглезиас. Происходило оно накануне закрытия конгресса и носило характер обмена впечатлениями между левыми делегатами. Гэд отметил отказ оппортунистов от самых основных положений марксизма, что сказалось особенно в прениях по вопросу о кооперации. Р. Люксембург об'ясняла усиление оппортунизма обилием профсоюзных «функционеров» среди делегатов конгресса. Эти люди не выражают мнения рабочего класса, который становится все более революционным. Капитализм достиг такой ступени развития, противоречия так обострились, что пролетариат все более проникается духом революционного социализма. Плеханов подчеркнул необходимость борьбы в печати против оппортунизма всех видов. Это сообщение Д. Благоева показывает, что совещание обсуждало коренной вопрос—об усилении оппортунизма в Интернационале. Но сделать всех необходимых выводов (особенно организационного порядка) оно не смогло, так как в нем были люди вроде Плеханова, пережившего недолговременный «ренессанс», и Гэда, уже тогда показавшего себя как вождя, скатывающегося к центризму (его поведение в кооперативной комиссии). Были в составе его и представители ряда стран, где левые себя еще мало проявили (Испания, Австрия, Бельгия). Эти последние были, повидимому, привлечены в порядке «вовлечения», «вербовки». Это подтверждается сообщением Г. Зиновьева, бывшего делегатом на конгрессе.

«На Копенгагенском конгрессе,—пишет он,—т. Ленин сделал вторую попытку [2] создания левого крыла; он пытался устроить международ-

[1] Д. Благоев. Копенгагенский конгресс. «Новое время», кн. VIII и IX за 1910 г.

[2] Первой попыткой т. Зиновьев считает нелегальное совещание на Штутгартском конгрессе, но достоверность этого факта нам проверить не удалось. Ввиду значительного интереса этого сообщения приводим соответствующую выдержку: «В 1907 году на Штутгартском конгрессе начинается первое формирование той фракции, из которой вырос III Интернационал. Во главе этой фракции стояли Владимир Ильич и покойная

ное совещание революционных марксистов, но дело шло через пень-колоду: собралось всего человек 10, половина которых боялась ходить на эти совещания. На тов. Ленина смотрели с изрядной дозой недоверия, его не знали, а против него выступали самые выдающиеся представители II Интернационала: представители, об'единявшие российскую социал-демократию. Копенгагенская попытка создания левого крыла во II Интернационале, потерпела фиаско» [1].

Если это совещание и не дало организационного закрепления начавшегося процесса консолидации революционного крыла II Интернационала, то все же самый факт его говорит о том, что Ленин в 1910 г. считал, что пришло время начать работу над созданием левой фракции во II Интернационале. Он говорит о том, что уже в 1910 г. Ленин встал на путь борьбы за руководство международным рабочим движением, не останавливался перед возможностью раскола II Интернационала.

Мировая война помогла пролетариату Запада создать партию нового типа. 4 августа партия старого типа умерла для всех революционных рабочих. 4 августа оппортунисты стали полновластными хозяевами в партии. Генеральный штаб дал им монополию представительства партии в печати. Неорганизованные, необособившиеся от центра левые радикалы могли в одиночку подавать свои голоса в зарубежной печати (письма К. Либкнехта, Р. Люксембург и К. Цеткин, Ф. Меринга в «Labour Leaber», Berner Tagwacht» и «Volksrecht» в сентябре—октябре 1914 г.). А когда К. Радек попытался уговорить одного с.-д. депутата из бременских левых радикалов присоединиться во время голосования кредитов в рейхстаге к К. Либкнехту, тот ответил, что голосовать против кредитов не будет, т. к. «профессиональная бюрократия в Бремене усилилась, а среди рабочих не видно еще никакого движения, он—человек семейный, не может рисковать» [2].

Видя подавленность масс, их пленение буржуазным шовинизмом, рядовые левые радикалы не могли в первые месяцы войны противодействовать превращению с.-д. партии в придаток военно-империалистической машины.

Эта полная победа оппортунистов в партиях II Интернационала и означала крах II Интернационала. С этого времени II Интернационал становится

Роза Люксембург. Тов. Ленин в своих докладах и беседах рассказывал нам о том, как во время Штутгартского с'езда он с Розой Люксембург делали первую попытку собрать нелегальное совещание (нелегальное не в смысле полицейском, а по отношению к вождям II Интернационала) марксистов, склонных разделять точку зрения В. И. и Розы Люксембург. Таких людей оказалось немного во II Интернационале, но, тем не менее, первая попытка образования левого крыла во II Интернационале, первая основа такой группировки в Штутгарте была заложена». «Коммунистический Интернационал» № 2 за 1924 г., стр. 250. См. также Г. Зиновьев, Собр. соч., т. XV, стр. 252.

[1] Там же стр. 261, см. также Г. Зиновьев, Собр. соч. т. XV, стр. 253.

[2] См. автобиографию К. Радека, Энциклопедический Словарь „Гранат“, т. 41, ч. 2, стр. 168.

синонимом оппортунизма, социал-империализма. В первом же номере «Социал-Демократа» после об'явления войны Ленин писал: «Крах Интернационала налицо... «И этот крах есть именно крах оппортунизма, оставшегося в плену у буржуазии» [1]. Оппортунизм показал, что он целиком перешел в лагерь буржуазии. А партии Интернационала оказались в плену у оппортунистов. Теперь уже не течение, не оттенок, не крыло во II Интернационале оказались в плену у империализма, а весь Интернационал в целом. «Крах II Интернационала»—писал в 1915 г. Ленин—означает «полную победу оппортунизма, превращение социал-демократических партий в национал-либеральные»... [2]. В России национал-либеральные с.-д. политики к началу войны стояли уже вне партии. Поэтому российская с.-д. партия, возглавляемая большевистским Ц. К., устояла против захлестнувшей II Интернационал волны шовинизма и стала ядром нового III Интернационала.

Свой манифест (ноябрь 1914 г.) эта партия заканчивала лозунгом: «II Интернационал умер, побежденный оппортунизмом. Да здравствует очищенный от оппортунизма III Интернационал!».

III Интернационал должен был стать Интернационалом бури и натиска, боевым штабом пролетарской революции.

Июль 1914 года стал рубежом в мировой истории. Он открывает новую эпоху, эпоху империалистических войн и социалистической революции. В первые же недели войны Ленин дал оценку не только данной войны, но и всей эпохи и дал генеральный лозунг для всей эпохи: превращение империалистической войны в гражданскую. Ленин мыслил себе его именно как лозунг эпохи, когда писал: «Такое превращение, конечно, не легко и не может быть произведено «по желанию» отдельных партий. Но именно такое превращение лежит в об'ективных условиях капитализма вообще, эпохи конца капитализма в особенности» [3]. Этот лозунг означал постановку в порядок дня борьбы пролетариата за власть, означал такое «направление» работы пролетарских партий, которое содействовало бы превращению эпохи империализма в эпоху социалистической революции.

Лозунг борьбы за III Интернационал вытекает из этой общей установки. Готовясь к предстоящим боям, пролетариат должен был прежде всего изгнать из своего лагеря агентов империализма. Разрыв с оппортунистами становится необходимым условием борьбы против империализма. Бросая лозунг раскола Интернационала, Ленин обосновывая его тем, что «империалистская эпоха не мирится с сосуществованием в одной партии передовиков революционного пролетариата и полумещанской аристократии рабочего класса, пользующей-

---

[1] Ленин, т. XVIII, 2-е изд., стр. 69.

[2] Там же, стр. 278.

[3] Там же, на стр. 70. Разрядка моя.—*Д. Б.*

ся крохами от привилегий «великодержавного» положения «своей» нации»[1]. Сожительство с оппортунистами, которое возможно было в «мирную» полосу развития империализма, стало невозможным со вступлением в полосу боев за власть.

Открытый переход оппортунизма в лагерь своей национальной буржуазии, с одной стороны, и наступление эпохи непосредственной борьбы за социализм, с другой,—вот что придало борьбе двух тенденций в Интернационале новый характер, вот что заставило Ленина бросить лозунг немедленного раскола II Интернационала, лозунг создания новых рабочих партий противостоящих старым.

Как представлял себе Ленин пути осуществления этого лозунга? Какие тактические маневры Ленин намечал в 1914/15 г. для проведения этого стратегического плана? На что мог он опереться в 1914 г. в борьбе за новый Интернационал? Прежде всего на большевистскую партию, уже очистившуюся он оппортунистов и построенную по-новому, вооруженную наиболее революционной теорией. Эта партия должна была взять на себя роль застрельщика в деле создания нового Интернационала.

«Весь гвоздь задачи в России теперь—организовать идейный отпор оппортунистам Интернационала и Каутскому. Весь гвоздь в этом»[2]. И в другом месте он пишет, что необходима борьба против оппортунизма. «Это международная задача. Лежит она на нас, больше некому. Отступать от нее нельзя». Манифест Ц. К., напечатанный в № 33 «Социал-Демократа», был документом международного значения. Он должен был стать критерием подлинного интернационализма. В конце октября 1914 г. В. И. Ленин инструктирует Шляпникова, как ему выступать при переговорах с социал-демократами нейтральных стран. «Ставьте им,—пишет он,—короткий ультиматум: вот вам манифест... нашего Ц. К. о войне! Хотите напечатать его на вашем языке? Нет? Ну так adieu, нам не по дороге!»[3]. Из дальнейшей переписки Ленина с Шляпниковым и Коллонтай видно, что заграничный центр партии поставил задачу возможно более широкого ознакомления Европы и Америки с позицией большевиков. Манифест Ц. К., резолюции Бернской конференции, брошюра «Социализм и война»—все эти партийные документы необходимо было, по выражению Ленина, «двинуть» на других языках... Первый набросок манифеста Ц. К. («тезисы группы социал-демократов» (сент. 1916 г.) Ленин представил на обсуждение итало-швейцарской конференции в Лугано. Конференции социалистов в Лондоне и в Стокгольме большевики использовали для выступлений с декларациями представителя б-ков в М. С. Б. т. Литвинова и одного из видных рабочих большевиков А. Г. Шляп-

[1] Ленин, т. XVIII, 2-е изд., стр. 279.
[2] Ленинский Сборник II, стр. 202. Разрядка моя. *Д. Б.*
[3] Ленинский Сборник II, стр. 201—202.

никова. Все эти факты знаменуют начало непосредственной борьбы большевизма за руководство международным рабочим движением, начало сплочения революционных элементов международного рабочего движения под знаменем ленинизма.

В первые же месяцы войны большевики и близкие к ним интернационалисты (А. Коллонтай) начинают работу по сближению с «левыми» западных партий. Среди этих «левых» много было еще «сырых» в революционном отношении людей, людей, которых надо было еще «завоевывать» для дела революции. Интересен ленинский подход к таким «левым». «Познакомьтесь,— пишет от 27/X—14 г. Шляпникову,—с Höglund'ом—молодой шведский с.-д. вождь «оппозиции», прочтите ему наш манифест (сошлитесь на меня: мы познакомились в Копенгагене). Попробуйте, не будет ли тут идейной близости (он только наивный сентиментальный антимилитарист: вот этим людям и надо сказать—либо лозунг гражданской войны, либо оставайтесь с оппортунистами и шовинистами)» [1].

Среди «левых» интернационалистов не мало было пацифистов и «наивных антимилитаристов». Это сказалось во время дискуссии по вопросу о разоружении в рядах Циммервальдской левой и в ряде пацифистских выступлений «левых». Обострение противоречий в обстановке войны, левение масс должно было способствовать закалке этих колеблющихся еще элементов, их обособлению от центристских. Первый год войн, когда массы еще не оправились от оглушившего их взрыва войны, когда бедствия войны, еще не оказали своего революционизирующего действия—«левые» едва «шевелились». В обстановке затишья Ленин чутко прислушивался к каждому голосу протеста против войны, против социал-империализма. В этих условиях накануне Циммервальдской конференции он написал:

«Совершенно понятно, что для осуществления международной марксистской организации надо, чтобы существовала готовность создания самостоятельных марксистских партий в разных странах. Германия как страна наиболее старого и сильного рабочего движения имеет решающее значение. Ближайшее будущее покажет, назрели ли уже условия для создания нового марксистского Интернационала. Если да, наша партия с радостью вступит в такой, очищенный от оппортунизма и шовинизма, III Интернационал. Если нет, это покажет, что для этой очистки требуется еще более или менее длинная эволюция. И тогда наша партия будет крайней оппозицией внутри прежнего Интернационала—пока в различных странах не создастся база для международного товарищества рабочих, стоящего на почве революционного марксизма» [2].

[1] Ленинский Сборник II, стр. 202.
[2] Ленин, т. XVIII, 2-е изд., стр. 217.

Это место из брошюры «Социализм и война» замечательно тем, что показывает, как Ленин учитывал конкретные условия осуществления лозунга борьбы за III Интернационал. Вопрос о «назревании условий для создания нового марксистского интернационала» имел решающее значение. Ленин знал, что это «назревание» идет, но темп его нельзя было еще определить. На партию большевиков легла международная задача собирания, консолидации элементов III Интернационала. Путь к осуществлению этой цели лежал через блок с социал-пацифистскими, лево-центристскими элементами в Циммервальде. Проблему об'единения и размежевания приходилось разрешать в своеобразных условиях. Ленин видел, что блок с левеющими под давлением масс центристами будет носить временный характер.

«Громадную важность имеет,—писал он летом 1915 г.,—наше отношение к колеблющимся элементам в Интернационале вообще. Эти элементы— преимущественно социалисты пацифистского оттенка — существуют и в нейтральных странах и в некоторых воюющих странах (в Англии, например, Независимая Рабочая Партия). Эти элементы могут быть нашими попутчиками. Сближение с ними против социал-шовинистов необходимо. Но надо помнить, что это — только попутчики, что в главном и основном при восстановлении Интернационала эти элементы пойдут не с нами, а против нас, пойдут с Каутским, Шейдеманом, Вандервельде, Самба. На международных совещаниях нельзя ограничить своей программы тем, что́ приемлемо для этих элементов. Иначе мы сами попадем в плен к колеблющимся пацифистам» [1].

Незрелость левеющих масс делала подчас выразителями их протеста против господствующих классов таких колеблющихся пацифистов. Это позволяло, на известной ступени, использовать робкую борьбу против шовинистских вождей, «попутчиков», вроде Мергейма, для дела пропаганды идеи интернационализма в массах. Наконец, в рядах единой «оппозиции» еще начинался лишь процесс дифференциации, процесс обособления левых от центра. Нарушенный войной, он возобновился на более высокой ступени развития рабочего движения, в более революционой обстановке. Поэтому то, что в 1910 г. на Копенгагенском конгрессе было неудавшейся попыткой, в 1915 г. на Циммервальдской конференции стало фактом. Левые обособились от центристов в лево-циммервальдскую фракцию, с особой платформой, с собственным бюро и со своей прессой.

Формирование левой фракции в циммервальдском об'единении началось еще до созыва 1-й международной социалистической конференции в Циммервальде. К моменту ее созыва у левых уже были налицо платформа и связь между «центром» (Швейцария) и «местами». Написанные К. Радеком тезисы,

[1] Ленин, т. XVIII, 2-е изд., стр. 215. Разрядка моя.—*Д. Б.*

легшие в основу проекта резолюции циммервальдской левой, были обсуждены сначала в Швейцарии, а затем разосланы и в другие страны. Судя по имеющемуся в Институте Ленина корректурному оттиску тезисов с пометками Ленина, им был внесен в них ряд поправок. С июля 1915 г. Ленин шлет А. Коллонтай ряд писем по вопросу о подготовке общей с шведскими и норвежскими левыми декларации. Как основу для «Verständigung» (сговора) Ленин посылает «проект индивидуальной декларации международных левых» (повидимому, тезисы К. Радека) [1] и просит прислать замечания [2].

«Сговор» шел, повидимому, не только со скандинавскими левыми. К. Радек в своей автобиографии сообщает, что во время подготовки Циммервальдской конференции «уже была установлена связь части немецкой левой, так называемых северо-германских левых радикалов, большевиков, шведских левых, части швейцарских левых с большевиками» [3].

Сообщение это можно считать достоверным, т. к. связь заграничного центра большевиков с шведскими левыми (как это видно из переписки Ленина с Коллонтай) была, действительно, установлена. С северо-германскими лево-радикалами (главным образом, Бремен) был связан К. Радек, находившийся в Швейцарии и сотрудничавший в это время с большевиками.

Состав Циммервальдской конференции и позиция, занятая официальными представителями германской оппозиции А. Гофманом и Г. Ледебуром (отказ от голосования против военных кредитов), подтвердил правильность создания левыми своей фракции. На этой конференции было, как и на конгрессах II Интернационала, и правое, и левое крыло и центр. Циммервальдское об'единение было блоком классовых интересов пролетариата и мелкой буржуазии.

Циммервальд был лишь этапом на пути к созданию партии нового типа. Зародышем этой партии была циммервальдская левая.

«Гвоздем борьбы», по выражению Ленина, между левыми и центристами на Циммервальдской конференции и после нее был вопрос о расколе с оппортунистами. Сейчас же после конференции избранная им Интернациональная Социалистическая Комиссия в Берне заявила в своем бюллетене, что «этот секретариат ни в коем случае не должен заменить существующее международное бюро; наоборот, он будет немедленно распущен, как только последнее будет в состоянии выполнять лежащие на нем обязанности» [4].

Это значило, что при первой попытке Международного Социалистического Бюро II Интернационала «восстановить» интернационал (на основе

---

[1] Возможно, что был и ленинский проект. См. Лен. Сб. II, стр. 237, где Ленин пишет: «что это он (А. Шляпников—*Д. Б.*) только критикует мой проект?»

[2] См. Лен. Сборн. II, стр. 234.

[3] Энциклопедич. словарь «Гранат», т. 41, ч. 2, стр. 159.

[4] «Int. Soc. Comm. zu Bern. Bulletin» № 2, 1915 г. Eine Erklärung.

«взаимной амнистии») Циммервальдское об'единение будет распущено. На февральском расширенном совещании I. S. K. германский левый центрист Леукан заявил: «Раскол Интернационала неприемлем. Поможете Шейдеману...». Если раскол необходим, то пусть он «придет справа», т. к. «мы хотим массы иметь за собой», а раскольническая политика Борхарда «помогает большинству» [1].

В этом же духе высказывались и русские центристы («окисты»).

Итак, центристскому большинству явно было не по пути с «левыми» в основном вопросе—о расколе Интернационала. Несмотря на это, они, под давлением левых (большевиков в особенности), внесли в Кинтале резолюцию, осуждающую социал-пацифизм и резко критикующую М. С. Б., т. е. сделали шаг вперед к разрыву с оппортунистами. Ленин так и расценивал ее манифест, как шаг вперед. «В общем, это все же, несмотря на тьму недостатков,—писал он в мае 16 г. А. Шляпникову, — шаг к разрыву с социал-патриотами» [2]. Ленин рассматривал целесообразность пребывания в циммервальдском блоке под углом зрения подталкивания колеблющихся к расколу с социал-шовинистами и завоевания лучших элементов для формирования нового интернационала.

Циммервальд был полезен, пока циммервальдские центристы шли с левыми против правых; он стал вреден, когда они повернули к блоку с правыми против левых. Этот поворот наметился в декабре 1916 г., когда представители циммервальдского большинства своими пацифистскими выступлениями показали, что они на деле вступили в контакт с международным империализмом, пытающимся перейти от империалистической войны к империалистическому миру (выступление Вильсона, «пробные шары» Германии). Этот переход от интернационалистских деклараций к деловому сотрудничеству с империализмом Ленин оценил как крах Циммервальда.

«Циммервальдская правая,—писал он в 17 г. А. Коллонтай,—по-моему, идейно похоронила Циммервальд: Bourderon + Meerheim в Париже голосовали за пацифизм, Kautsky тоже 7/I 1917 в Берлине, Турати (17/XII 1916!!) и вся итальянская партия тоже. Это — смерть Циммервальда!! На словах осудили «социал-пацифизм» (см. кинтальскую резолюцию), а на деле повернули к нему!!

Гримм подло повернул к социал-патриотам внутри швейцарской партии (наш друг в Стокгольме пришлет Вам материал об этом), войдя в блок с ними 7/I 1917 (Parteivorstandsitzung) против левых за отсрочку с'езда!!» [3].

---

[1] Архив Института Ленина. Запись Г. Зиновьева хода заседаний расшир. совещания I. S. K. в феврале 1916 г.

[2] Лен. Сборн. II, стр. 267. Разрядка моя.—*Д. Б.*

[3] Лен. Сб. II, стр. 283. Разрядка моя.—*Д. Б.*

Выставляя тезис о крахе Циммервальда, Ленин оставался одинок даже в бюро циммервальдской левой. Двое остальных его членов, К. Радек и Г. Зиновьев, были против разрыва с Циммервальдом, даже после получения известий о революции в России [1]. Между тем самый факт этой революции в корне менял международную обстановку, создавая новые условия для об'единения интернационалистских элементов.

На апрельской конференции 17 г. ленинский голос был единственным, поданным против резолюции за участие в стокгольмских инсценировках Гримма и К° [2]. Лишь два года спустя, в марте 1919 г., на 1-м конгрессе Коммунистического Интернационала было принято формальное решение о разрыве с Циммервальдом. В заявлении участников Циммервальда тезис о том, что «Циммервальдское об'единение изжило себя», обосновывался тем, что «центр, как показала Бернская конференция, теперь соединяется с социал-патриотами для борьбы против революционного пролетариата, и таким образом, хочет использовать Циммервальд в интересах реакции. В то же время в целом ряде стран окрепло коммунистическое течение, и борьба с элементами центра, которые тормозят развитие социальной революции, стала одной из самых настоятельных задач революционного пролетариата» [3].

Этот документ явился записью того, что уже давно осуществилось в жизни. Бурно нарастающая революция в Европе уже давно отмела Циммервальдский блок. Иные, более короткие и более верные пути для воздействия большевиков на рабочие массы Запада дала Октябрьская революция. Циммервальдский этап в борьбе за III Интернационал остался далеко, далеко позади.

Работа большевиков по собиранию революционно-пролетарских элементов в Циммервальде была медленной, кропотливой работой в обстановке подавленности масс, в обстановке жестокой международной реакции. Это была скрупулезная работа в международном подпольи. Это была борьба за кадры, кадры для охвата пробуждающихся масс. Из какого материала приходилось подчас выковывать эти кадры, видно хотя бы из ленинской характеристики Хёглунда. А ведь Хёглунд был в то время не худшим среди левых циммервальдцев. Ленину приходилось ловить и «обрабатывать» тогда «ходившего в левых» Нобса (редактор цюрихской газеты «Volksrecht»), чтобы извлечь из него какую-нибудь пользу для циммервальдской левой. Кружок из нескольких швейцарских юношей был уже большим достижением. Владимир Ильич, по словам Надежды Константиновны, переживал «треволнения первых об'яснений» [4] с швейцарскими левыми. Сообщая об

[1] См. автобиографию К. Радека, Энциклопедич. словарь, «Гранат», том 41, ч. 2, стр. 162, 163.

[2] Петрогр. общегор. и всеросс. конф. РСДРП в апреле 17 г., стр. 146, 147.

[3] I Конгресс Коминтерна. Протоколы. 1919, стр. 138, 139.

[4] Архив Института Ленина. Письмо Н. К. Крупской О. Равич от 13/XII 1916 г.

обсуждении тезисов Ленина о задачах швейцарских левых, Н. К. пишет. что при чтении этих ленинских тезисов «швейцарцы только глаза открывают широко от такой неожиданной для них постановки вопроса. «О, mein Gott!», но понемножку начинают привыкать». В другом письме Н. К. пишет: «...публика архинеопытна в политической борьбе, архинаивна, а, главное, ни на какую борьбу итти не хочет». При первом натиске Гримма «левая публика сразу сдрейфила»... «Нобс просто закрыл «Volksrecht» для левых, стал толковать о положительной работе» [1]. Не везде, понятно, левые были на уровне захолустной Швейцарии. В Германии, Швеции, Голландии у левых было больше воли к борьбе, но «неопытность в политической борьбе была почти такая же. Беспомощность в организационных делах была общей чертой большинства левых циммервальдистов. Большевики, рассеянные по всем воюющим и нейтральным странам, играли роль дрожжей в интернационалистском движении. Местами, в Швейцарии, во Франции, например, большевики состояли членами рабочих органзаций (Eintracht в Швейцарии и отдельные синдикаты во Франции). И это давало им возможность вступить в непосредственное общение с иностранными рабочими. Из таких товарищей в Париже Инесса Арманд предполагала создать особые группы. «Я предложила, писала она Ленину,—организовать при комитете секции из членов, работающих среди фарнцузов (многие из наших рабочих ведут устную пропаганду на фабриках), комиссию для работы среди французов. Комиссия эта будет работать под руководством ЦК или левой Циммервальда—как найдете нужным. Итак, прошу поусердней нами руководить» [2].

Для французского правительства работа большевиков обычно не была тайной, и оно высылало их из Франции, как это было, например, с т. Г. Сафаровым, активно работавшим среди французов. Там, где условия позволяли, большевики вели пропаганду своих взглядов путем рефератов. Так В. И. Ленин прочел ряд рефератов в разных концах Швейцарии, А. Коллонтай во время поездки в Америку выступала с большим успехом на многолюдных митингах. В одном из своих писем Ленину она пишет:

«На другой день, после отказа вождей поддержать циммервальдскую резолюцию, мы с Лоре провели ее на собрании партийных рабочих и работниц в 1000 человек! Лоре думает, что придется действовать с низов» [3].

Таким образом, обращаясь через голову вождей к партийным массам, большевики завоевали партийные организации снизу. Основная линия работы большевиков шла по линии организационной помощи местным левым. Они стремились сорганизовать революционно-настроенные элементы, связать их между собой, помочь им литературой, подчас техникой, помочь им своим

---

[1] Архив Ин-та Ленина. Письма Н. К. Крупской О. Равич 13/XII 1916 г.

[2] Памяти Инессы Арманд, Сборник под редакцией Н. К. Крупской, Гиз, 1926. стр. 18.

[3] Архив Института Ленина. Письмо А. М. Коллонтай В. И. Ленину. 1916 г.

опытом и во внутрипартийной борьбе и в проведении массовых кампаний (1 мая, женский день). «Надо бы,—пишет Инесса Арманд Ольге Равич,—связать «Jugend Internationale» с парижской «Jeunesse Sindicaliste»[1]. Связывание одной левой группки (или органа) с другой, согласование их выступлений, идейное и организационное сплочение левых,—по этой линии шла, главным образом, работа большевиков, игравших роль цемента в строящемся здании III Интернационала. Большевики не создают своей пропагандой революционно-интернационалистского движения, а организуют его.

Линия большевиков на создание в международном рабочем движении партии нового типа была линией на раскол Интернационала. «Эта линия—писал Ленин А. Г. Шляпникову в сентябре 1916 г.—замечательно подтверждена событиями, расколом в Англии и т. д.»[2]. В международном рабочем движении в 1915—16 г. наметилась определенная тенденция к расколу старых партий. В Германии в конце 15 г., начале 16 г. сторонники Р. Люксембург и К. Либкнехта начали тайно от партии издавать свои нелегальные прокламации против войны, вступили на путь размежевания (пока только идейного) с каутскианской частью оппозиции. Отдельные представители левых, как, напр., Отто Рюлэ. уже в январе 1916 г. прямо поставили вопрос о неизбежности раскола, о том, что «внутри партии налицо две партии, противостоящих друг другу»[3]. В Голландии были уже оформленные левые группы—«Социально-Революционный Союз» (во главе с г. Роланд Гольст) и S. D. P.—«Соц.-Дем. Партия» (трибунисты),—противостоящие официальной партии. В Скандинавских странах левые вступили на путь раскола, проводя свою линию в печати, собирая, вопреки воле партийных инстанций, широкие рабочие конференции против войны («рабочий конгресс мира» в Швеции в марте 1916 г.)[4]. В Америке интернационалистские элементы S. L. P. и S. P., особенно первый начали издавать свою литературу. В Англии в B. S. P. формировалось интернационалистское крыло во главе с Аскью и Ф. Ротштейном, победа которого в союзе с социал-пацифистской оппозицией на конференции B. S. P. 23—24 апреля 1916 г., привела к уходу сторонников Гайдмана, т. е. к расколу партии (о нем и писал Ленин Шляпникову). Даже в умеренной I. L. P. (Независимой Рабочей Партии, партии Макдональда) в конце 1915 г. наметились тенденции к разрыву с откровенными социал-империалистами, нашедшие свое выражение в полемике Rüssel Williams'а с Glifford Allen на страницах «Labour Leader», во время которой Вильямс заявил, что «мы должны порвать с бездельниками», которые «продали нас»[5]. Даже во Франции, где интернационалистское движение было

---

[1] Архив Института Ленина. Письмо Инессы Арманд О. Равич. 7/VII 1916 г.

[2] Лен. Сб., II, стр. 276.

[3] «Vorwärts» № 11, 12/I 1916 г. Otto Rühle «Zur Parteispaltung».

[4] См. статью Арвида Гансена в «Сборнике С.-Д.» № 2, стр. 37.

[5] См. «Labour Leader» № 49, 9/XII 1915 г.—№ 51 23/XII 1915 г.

очень слабо, где оппозицию возглавлял правый центрист Лонгэ, и там член французской социалистической партии Бурдерон на конгрессе Ф. С. П. 26—29 декабря 1915 г. выступил с резолюцией, обвинявшей Commission Administrative Permanent (ЦК Партии) в оппортунизме и предлагавшей дезавуировать ЦК и парламентскую фракцию.

Все эти факты свидетельствуют о том, что намеченная еще задолго до 1-й Циммервальдской конференции (сентябрь 15 г.) линия партии большевиков после Циммервальда получила свое подтверждение в ряде фактов, свидетельствовавших о тенденциях к расколу в крупнейших социалистических партиях II Интернационала.

Большевистский заграничный центр в своих обращениях к представителям интернационалистской оппозиции вскрывал эти тенденции и призывал «левых» вступить на путь раскола. Так, в письме «О задачах оппозиции во Франции» т. Ленин указывает, что, несмотря на то, что «раскол рабочего движения и социализма есть факт», «левые» во Франции «больше всего боятся раскола». «Какое бы громадное значение имело,—пишет он дальше,— выступление французской оппозиции, если бы она прямо, безбоязненно, открыто заявила перед всем миром: мы солидарны только с немецкой оппозицией, только с Рюлэ...»[1]. Этот призыв к более решительному действию не означал еще призыва к немедленному разрыву с оппортунистами. Это Ленин подчеркнул в напечатанной одновременно с написанием письма «О задачах оппозиции во Франции» в органе Циммервальдской левой—«Vorbote», статье «Оппортунизм и крах II Интернационала», где он писал, что единство с оппортунистами более невозможно, но «это не значит, что разрыв с оппортунистами повсюду возможен немедленно, это значит только, что исторически он назрел, что он необходим и неизбежен для революционной борьбы пролетариата, что история, которая привела от «мирного» к империалистическому капитализму, подготовила этот разрыв»[2].

Показывая историческую обусловленность раскола, Ленин подчеркивает, что хотя дело осуществления его не везде возможно немедленно, но что лозунг раскола есть лозунг действия. «Задача социалистов—раз'яснять массам неизбежность раскола с теми, кто ведет политику буржуазии под флагом социализма». Этими словами заканчивается «Предложения Центрального комитета РСДРП 2-й социалистической конференции»[3]. Во всех трех цитированных выше документах,

[1] Ленин, т. XIII, 1-е изд., стр. 512. Письмо было напечатано отдельной листовкой по французски в Швейцарии, повидимому, в издании ЦК РС-ДРП, т. к. на ней указан адрес Русской Библиотеки в Женеве—адрес ЦК.

[2] «Vorbote» Januar 1916, Nr. 1, s. 23.

[3] Напечатаны по-немецки 22 апр. 1911 г. в № 4 бюллетеня «Social. Commission zu Bern», по-русски 10 июля 1916 г. в «Социал-Демократе» № 54—55. Написано Лениным. Разрядка моя.—*Д. Б.*

обращенных к интернационалистам социалистических партий Запада, большевистский заграничный центр ставит перед ними вопрос о необходимости: 1) осознать, что «во всем мире фактически уже есть раскол» в рабочем движении, и не плестись в хвосте событий, не заставлять события «тащить» себя; 2) раз'яснять массам неизбежность раскола.

Ленинская линия на раскол старых партий даже внутри циммервальдской левой с трудом прокладывала себе дорогу. Даже в официальных документах циммервальдской левой[1] вопрос о расколе затушеван до того, что нет даже четкой формулировки, констатирующей крах II Интернационала и необходимость создать III Интернационал, хотя и говорится о том, что борьба с социал-империализмом составляет первую необходимую предпосылку восстановления Интернационала и что революционная борьба приведет к «образованию могучего Интернационала, который положит конец войнам и капитализму». Сущность ленинской мысли о борьбе за III Интернационал этот документ подтверждает, но формулировка ее отличается робостью, неясностью. Этот недостаток документа надо об'яснить курсом на привлечение колеблющихся и влиянием позиции германских левых в вопросе о расколе.

Позиция германских левых в вопросе о расколе Интернационала была более четкой, более решительной, чем в вопросе о расколе партии, германской соц.-демократии. Так, еще в сентябре 1914 г. «Bremer Bürger Zeitung», одна из лево-радикальных газет, поместила статью под заголовком «Крах (Zusammenbruch) Интернационала», в которой говорилось, что по окончании войны рабочим придется создать новое международное об'единение (Zusammenschluss)[2], и через несколько номеров в статье «50-летняя годовщина Интернационала» редакция заявила: «Мы не успокоимся, пока не возникнет новый Интернационал»[3]. В официальной платформе группы «Интернационал» (Р. Люксембург, К. Либкнехт, Ф. Меринг, К. Цеткин и др.) в п.п. 11 и 12 было декларировано: «II Интернационал взорван войной... для социализма является жизненной необходимостью создание нового, рабочего Интернационала...»[4].

В вопросах о противопоставлении II Интернационалу—нового III Интернационала, т. е. в вопросе о расколе Интернационала, у германских левых была определенная принципиальная установка, но сделать из нее все необходимые выводы в отношении своей партии они не решались. На

[1] «Всемирная война и задачи с.-д.» и «Проект манифеста». См. Ленин, Собр. соч., т. XVIII, 2 изд., стр. 416—17.

[2] «Bremer Bürger Zeitung» № 214, 14 сент. 1914 г.

[3] Там же, № 226, 28 сент. 1914 г.

[4] I. S. K. zu Bern. Bulletin № 3, februar. Ein Vorschlage deutcher Genossen. См. Дран и Леонард «Подпольная литература революционной Германии за время мировой войны». 1916. s. 6—7, изд. «Кр. новь». М. 1924, стр. 41.

той же конференции группы «Интернационал», где была принята платформа, п.п. 11 и 12, которой декларировали борьбу за новый Интернационал, по сообщению Берты Тальгеймер на заседании ISK 7—8/II—16 г., «один товарищ требовал выставления Spaltungsparole (лозунга раскола—*Д. Б.)*, но это предложение не встретило сочувствия. Раскол придет, но это не Kampfsparole»[1], не лозунг действия. Мотивировка против раскола была от настроения масс: «Выяснилось, что массы sträben gegen Spaltung, но раскол придет». Характерно—это повторение того, что раскол придет сам, а потому не надо никаких раскольнических действий со стороны левых. Отмежевываясь от половинчатой тактики Arbeitsgemeinschaft (Трудового Содружества), группа «Интернационала» в отношении центристов держалась тактики: «критиковать, но не порывать». В листовке «Уроки 24 марта» она выставляет лозунг «Надо отвоевать назад партию»[2], т. е. остаться в старой партии и завоевать ее изнутри. Это значило, что группа не решалась вступить на путь создания второй партии. Она считала, что старая партия еще не погибла, не «взорвана» 4 августа, что ее можно возродить, если «гнать вперед». Эта непоследовательность и робость в вопросе о расколе сказалось и в брошюре Юниуса (Р. Люксембург) «Кризис германской социал-демократии». В этой брошюре не было ясной постановки вопроса о роли каутскианства и о связи соц.-шовинизма с оппортунизмом. Автор не додумал лозунга борьбы за новый Интернационал, выставленного в написанных им «Основных положениях» группы Интернационал. Это неумение «додумывать до конца революционные лозунги и систематически воспитывать массу в их духе»[3], Ленин об'яснял отсутствием в Германии нелегальной организации и влиянием «среды» немецких «даже левых социал-демократов, боящихся раскола, боящихся договаривать до конца революцонные лозунги»[4]. Из переоценки «стихийности» («раскол придет»), из непонимания связи организационных и политических задач, с одной стороны, и из неспособности преодолеть влияние идеологии II Интернационала, с другой, вытекала непоследовательность, робость политики германских левых в этом основном вопросе эпохи. Даже после кровавых уроков 1918—1919 года, когда спартаковцы, да и все революционные рабочие Германии, дорого заплатили за отсутствие своей самостоятельной партии, представитель союза «Спартак» на I конгрессе Интернационала был единственным, возражавшим против создания III Интернационала. Нерешительность в осуществлении лозунга раскола Интернационала и недооценка значения самостоятельной организации сказались и здесь.

---

[1] Архив Института Ленина. Записи Зиновьева заседания расширен. совещания I. S. C. 1916 г., стр. 32.

[2] См. Дран и Леонард, стр. 46.

[3] Ленин, Собр. соч., т. XIII, стр. 448.

[4] Там же, стр. 447.

На пути создания III Интернационала стояло внутреннее препятствие— нерешительность в вопросе о расколе представителей важнейшей социал-демократической партии, партии Германии, без которой строить III Интернационал нельзя было. Даже у большевиков не были изжиты еще примиренческие и об'единенческие тенденции, особенно среди практических работников в России. Ленин в своих письмах А. Шляпникову уделяет много места вопросу об опасности примиренчества, тенденции к поддержанию «единства с фракцией Чхеидзе», считая ее (в конце 1916 г.) и главным партийным вопросом»[1]. Даже среди большевиков нашлись товарищи, возражавшие (в сентябре—октябре 1914 г.) против ленинского тезиса об «идейно-политическом крахе» II Интернационала. Вот что писали, например, из Женевской секции по поводу тезисов Ленина о войне: «Интернационал переживает тяжелый кризис, если угодно, он потерпел идейно-политический крах, но только в одном вопросе, военном». Даже в экземпляре тезисов Ленина о войне, захваченном полицией, очевидно при аресте совещания 3—4 ноября 1914 г., слова «идейно-политический крах» II Интернационала были заменены словами «частичный идейный крах»[2].

В конспекте брошюры «О диктатуре пролетариата» в разделе III Ленин пишет:

«Социал-шовинизм
Раскол 1915—1917—«Центр»
» 1917—1919 (сравни программу РКП)
2 Интернационала[3].

Для историка III Интернационала эта краткая запись имеет большой интерес. В ней Ленин намечает два этапа в расколе интернационала: первый (1915—1917 гг.), когда еще не было налицо революционных боев и массы еще шли подчас за «центром», верили его критике вожаков старых партий. В Циммервальде «центр» играл непомерно большую роль... Его «фиктивная ценность» не соответствовала его реальному удельному весу. Раскол шел в этот период медленно. Во второй период, когда уже был налицо опыт июля и октября—ноября 1917 г. в России, ноябрьской революции 1918 г. и январских событий 1919 г. в Германии, опыт Венгерской Советской республики—«центр» обанкротился. Стало ясно, что социал-шовинисты — прямые классовые противники пролетариата, что большевики — общепризнанная сила. На этом этапе раскол Интернационала завершился и был создан III Коммунистический Интернационал. Революционный пролетариат Европы прошел через стадию революционной «раскачки» в период 1905—1914 гг., через эпоху мировой войны, ускорившей обогащение масс революционным опытом, через

---

[1] «Лен. Сборн.» II, стр. 278 и др.

[2] См. «Очерки по истории Октябрьской революции», I, Гиз, 1927 г., стр. 511, 513.

[3] Ленин, Собр. соч., т. XXV, 2-ое изд., стр. 11.

первую полосу боев за власть и, только после этого, создал партии нового типа—коммунистические партии.

Для создания коммунистических партий революционным рабочим пришлось проделать путь от социал-демократизма к ленинизму. Им пришлось не только выковать новую организацию, но и «выстрадать» «программу и тактику нового социализма», «социализма революционного, непримиримого, повстанческого»[1], сменившего «социализм реформистский». Необходимость работы над программой и тактикой нового социализма Ленин в марте 1917 г. ставит как непосредственную задачу для всех партий. «Я вижу только,—пишет он 5/III-1917 г. А. Коллонтай,—и знаю самым твердым образом, что вопрос о программе и тактике нового социализма, действительно революционного марксизма, а не поганого каутскизма, стоит на очереди везде»[2]. Мы теперь знаем, что этим «действительно революционным марксизмом» и был ленинизм.

В развитии ленинизма, как теории и тактики пролетарской революции, сыграла большую роль работа Ленина над созданием теоретической базы III Интернационала. Борьба за революционную теорию в годы войны, как и в период «Искры», приобретает особенно важное значение. «Было бы, конечно, глубоко печально,—пишет в 1916 г. В. И.,—если бы «левые» стали проявлять беззаботность к теории марксизма в такое время, когда создание III Интернационала возможно только на базе невульгаризованного марксизма»[3]. Приступая к критике брошюры Юниуса (Р. Люксембург), Ленин пишет: «Посвящая дальнейшее критике недостатков и ошибок Юниуса, мы должны усиленно подчеркнуть, что делаем это ради необходимой для марксистов самокритики и всесторонней проверки взглядов, которые должны послужить идейной базой III Интернационала»[4]. В порядке этой «всесторонней проверки взглядов, которые должны были послужить идейной базой III Интернационала», Ленин критиковал взгляды своих сторонников по циммервальдской левой в вопросе о праве наций на самоопределение, о лозунге разоружения, о возможности национальных войн в империалистическую эпоху, о «возможности» демократии в новую эпоху, о государстве.

Источником разногласий Ленина с его соратниками по циммервальдской левой было иное понимание эпохи империализма и социалистической революции. Выступая единым фронтом против Каутского, с его проповедью возврата к «демократии» эпохи домонополистического капитализма, защищая против каутскианцев тезис о том, что мы живем в новую эпоху,

[1] См. Ленин, Собр. соч., т. XIII, стр. 104.
[2] Лен. Сборн. II, стр. 286.
[3] Ленин, Собр. соч., т. XIII, стр. 441. Разрядка моя—*Д. Б.*
[4] Там же, стр. 436. Разрядка моя.—*Д. Б.*

левые циммервальдисты расходились в самом понимании новой эпохи. Ленин, разоблачая софизмы социал-шовинистов о необходимости для пролетариев защищать отечество, на том основании, что в старую эпоху защита отечества была прогрессивной, не противопоставляет новую эпоху старой, как нечто взаимноисключающее. Он и в новом видит старое. С первых же слов первого документа об отношении большевиков к войне заметна эта особенность ленинской постановки вопроса о новой эпохе. Так, и в тезисах сентября 1914 г. в манифесте ЦК ноября 1914 г. он говорит о том, что настоящая война преследует цели империалистические и династические. Таким образом, на ряду с новыми, и господствующими, определяющими весь характер мировой войны, интересами империалистическими, Ленин видит и переплетающиеся с ними кое-где интересы «военно-феодальные»—династические. Разоблачая разговоры о национально-освободительном характере мировой войны 1914 г., Ленин пишет:

«Сравнивать «продолжение политики» борьбы с феодализмом и абсолютизмом, политики освобождающейся буржуазии, с «продолжением политики» одряхлевшей, то-есть империалистской, то-есть ограбившей весь мир и реакционной, в союзе с феодалами давящей пролетариат буржуазии — значит сравнивать аршины с пудами» [1].

«Союз империалистической буржуазии с феодалами» возможен в эпоху финансового капитала не только в силу живучести старых форм, но и потому, что капитализм развивается неравномерно. Финансовый капитал передовых стран не только сожительствует рядом с феодально-торгово-капиталистическими экономическими укладами, но и внедряется в них, переплетается с ними. В своем «Империализме» Ленин отмечает, что «как ни сильно шла за последнее десятилетие нивелировка мира», но все же «разница остается не малая», и в уровне и в темпе развития различных стран. Даже среди шести «великих держав», участвующих в разделе мира, имеется 3 типа стран: 1) «необыкновенно быстро прогрессировавшие капиталистические страны (Америка, Германия, Япония)»; 2) «страны старого капиталистического развития» (Франция, Англия); 3) страна «наиболее отсталая в экономическом отношении (Россия), в которой новейше-капиталистический империализм оплетен, так сказать, особенно густой сетью отношений докапиталистических» [2], где еще силен «военно-феодальный империализм». А если выйти из круга этих крупных держав, то различие в уровне и темпе развития будет еще больше. В другом месте Ленин в эти же годы говорит о трех типах стран в отношении национально-освободительных войн. Для одних они—прошлое, для других—настоящее и для третьих—будущее [3].

---

[1] Ленин, т. XIII, стр. 146. Разрядка моя—*Д. Б.*

[2] Ленин, т. XIII, стр. 299.

[3] См. Ленин, т. XIX стр. 175, 176 или т. XIII, стр. 349.

Поэтому, в программной брошюре «Социализм и война» он подчеркивает возможность национально-освободительных войн в эпоху империализма [1].

Через полгода после написания этой брошюры появился программный документ другого основного отряда будущего III Интернационала, написанный Розой Люксембург: «Основные положения» (Leitsätze) группы «Интернационал». В пункте 5-м этих «Основных положений» говорилось: «В эпоху этого разнузданного империализма не может быть больше национальных войн». Здесь мы имеем «завязку» разногласий внутри циммервальдской левой. Столкновение взглядов по вопросу о возможности национальных войн было расхождением глубоко-теоретического, методологического порядка. Наряду с ленинским пониманием империализма, как эпохи, полной разнородных и противоречивых процессов, наметилось иное— трактующее его как сплошной империализм. Конкретному ленинскому анализу противостояло абстрактное понятие «чистого» империализма. Это недиалектическое противопоставление нового старому, эпохи империализма всем предшествовавшим ей общественным формациям, нашло себе наиболее яркое выражение в статье Л. Д. Троцкого «Борьба за власть», где он писал:

«Время национальных революций прошло—по крайней мере для Европы—так же, как и время национальных войн. Между теми и другими— глубокая внутренняя связь. Мы живем в эпоху империализма: это не только система колониальных захватов, но и определенный внутренний режим. Он противопоставляет не буржуазную нацию старому режиму, а пролетариат—буржуазной нации» [2].

Новая эпоха исключает возможность борьбы «буржуазной нации против старого режима», исключает возможность демократических движений против пережитков феодализма (переплетенного местами с империализмом), исключает возможность национально-революционных движений, т. е. исключает возможность для пролетариата в его борьбе с империализмом повести за собой демократические резервы. Таким образом, за спором о возможности национальных войн скрывался спор по одному из основных вопросов пролетарской революции, по вопросу о возможных союзниках пролетариата. Стать на точку зрения Р. Люксембург значило проглядеть этих союзников. Между тем большинство соратников Ленина по циммервальдской левой ходило в люксембургианских шорах, не видя огромной роли докапиталистических элементов в эпоху «конца капитализма». Они считали, что Ленин непоследователен, отстаивая возможность национальных войн и право наций на самоопределение, что его концепция есть дуалисти-

[1] См. там же, стр. 94 и 98 или т. XVIII, 2-е изд., стр. 194 и 197.

[2] «Наше Слово» № 217, 17 октября 1915 г., см. также Л. Троцкий—«Итоги и перспективы». М. 1919 г., стр. 83. Разрядка моя—*Д. Б.*

ческая концепция. Характерно в этом отношении следующее место из письма Н. И. Бухарина В. И. Ленину:

«Как это? Для XX века «поучительны» 60-е годы прошлого века?». Ведь это как раз корень наших разногласий (логических) с Каутским, что они «поучают» нас примерами доимпериалистической эпохи. Поэтому у вас и получается дуалистическая концепция: по отношению к защите отечества — вы стоите на почве современности, по отношению к лозунгу самоопределения — на точке зрения «прошлого века» [1].

Единомышленник Н. И. Бухарина, Ю. Пятаков (П. Киевский) в своей статье «Пролетариат и право наций на самоопределение» пишет, что «требование права наций на самоопределение прямым путем ведет к социал-патриотизму», т. к. признание его является признанием возможности защиты отечества в империалистическую эпоху. «Как это можно быть,—пишет он,—одновременно против защиты отечества и за него?». Ленин в брошюре «Социализм и война» показал, как можно быть одновременно и против защиты отечества (в империалистической войне) и за нее (в национально-освободительной войне).

Вопрос о восстаниях в колониях и полуколониальных странах имеет огромное значение в эпоху империализма. Противники Ленина в национально-колониальном вопросе сбивались на точку зрения социал-шовинистов. Так, Пятаков, например, писал в своей статье: «Если же в колониях разрешается восстание против метрополии, то мы поддержим его не при всех обстоятельствах, а лишь в тех случаях, когда восстание это ослабляет буржуазию в то время, как восстающий пролетариат метрополии будет об'являть ей шах» [2].

Несомненно, что социал-империалисты и каутскианцы могут вполне подписаться под подобным рассуждением. Ведь оно, по существу, означает признание «непротиводействия» пролетариата подавлению колониальных восстаний во всех тех случаях, когда в метрополии не происходит революция. На замечание Ленина по поводу подобных рассуждений, что они сближают левых с Куновым и другими социал-империалистами, Н. И. Бухарин, Ю. Пятаков и Е. Бош в своем Post Scriptum'е к тезисам о праве наций на самоопределение писали:

«Между прочим, ведь все крайние левые, у которых есть продуманная теория, против (национального самоопределения.—*Д. Б.*). Неужели все они изменники»? [3].

---

[1] Институт Ленина. Письмо Н. И. Бухарина В. И. Ленину из Стокгольма, написанное в ноябре 1915 г.

[2] Архив Ин-та Ленина. Рукопись статьи П. Киевского—«Пролетариат и право наций на самоопределение в эпоху финансового капитала», стр. 23. Разрядка моя.—*Д. Б.*

[3] Тезисы «о лозунге права наций на самоопределение», подписанные Н. Бухариным, Ю. Пятаковым, Е. Бош, см. «Очерки по истории Окт. Рев.», т. I, стр. 518.

Действительно в вопросе о праве наций на самоопределение были солидарны с Бухариным и Пятаковым и немецкие, и голландские, и польские с.-д., т. е. все основные группы циммервальдской левой.

Единомышленники П. Киевского отрицали не только роль революционно-демократических движений угнетенных наций, но и вообще возможность революционных движений мелкой буржуазии против империализма.

Так, Н. И. Бухарин в прениях на Бернской конференции заграничных секций РСДРП в феврале 1915 г. заявил, как это видно из ленинской записи этих прений, что одной из ошибок Ц. О. является ее попытка «звать демократическую буржуазию». Иллюзия,—говорил он,—будто мелкая буржуазия может быть против трестов (узы, союз всех буржуазных классов). Мелкие буржуа—это совладельцы акций и тем самым связаны с крупным капиталом. Ту же по существу точку зрения защищал он и в августе 1917 г., на VI с'езде партии. «Если пролетариат,—говорил он,—может дойти до антиоборонческой точки зрения, то это может сделать только пролетариат, потому что он не связан с собственностью. Крестьянину есть что терять, и он настроен оборончески, он не может стать на интернационалистскую точку зрения»... «Все их (крестьян) существо проникнуто оборончеством, подоплека которого — защита своей земли»... «Крестьянин как собственник неизбежно должен был подать руку союзному империализму»[1].

В этих высказываниях Бухарина 1915—17 гг. мелкие буржуа вместе с представителями крупной буржуазии противостоят пролетариату. Общность интересов у мелкой буржуазии возможна скорей с представителями трестов (совладельцы акций!!), чем с пролетариатом. Иначе ставил вопрос о роли мелкой буржуазии в эпоху империализма Ленин. Он указывал на то, что империализм эксплоатирует миллионные массы крестьянства в колониях и полуколониях. Интересы этих непролетарских трудящихся масс так же, как и интересы пролетариата, требуют борьбы против империализма. Две антагонистических тенденции порождает эпоха империализма. «С одной стороны, тенденция буржуазии и оппортунистов превратить горстку богатейших, привилегированных наций в «вечных» паразитов на теле остального человечества, «почить на лаврах» эксплоатации негров, индийцев и пр., держа их в подчинении при помощи снабженного великолепной истребительной техникой новейшего милитаризма. С другой стороны, тенденция масс, угнетаемых сильнее прежнего и несущих все муки империалистских войн, скинуть с себя это иго, ниспровергнуть буржуазию. В борьбе между этими двумя тенденциями неизбежно будет развертываться теперь история рабочего движения»[2].

---

[1] Протоколы с'ездов и конференций ВКП (б); VI с'езд, Гиз, М. 1927, стр. 103 и 105. Разрядка моя.—*Д. Б.*

[2] Ленин, т. XIII, стр. 479.

И не только мелкая буржуазия колоний должна явиться резервом пролетариата в его борьбе за власть, но и мелкая буржуазия передовых стран Европы.

«Социальная революция,—писал Ленин,—не может произойти иначе, как в виде эпохи, соединяющей гражданскую войну пролетариата с буржуазией в передовых странах и целый ряд демократических и революционных, в том числе и национально-освободительных, движений в неразвитых, отсталых и угнетенных нациях.

Почему? Потому, что капитализм развивается неравномерно, и об'ективная действительность показывает нам, наряду с высоко развитыми капиталистическими нациями, целый ряд наций, очень слабо и совсем неразвитых экономически».

Учет неравномерности развития капитализма—вот что отличает ленинскую концепцию пролетарской революции от концепции Пятакова и его единомышленников. Один из них, К. Радек, назвал ирландское восстание «путшем».

В этом сказался уклон в циммервальдской левой в сторону теории «чистой» социальной революции, уклон, грозящий превратить лозунг пролетарской революции в левую фразу. Поэтому Ленин обрушился на Радека за его «педантизм», за его непонимание социальной революции как живого явления. Ибо, «думать,—писал он, —что мыслима социальная революция без восстаний маленьких наций в колониях и в Европе, без революционных взрывов части мелкой буржуазии, со всеми ее предрассудками, без движения несознательных пролетарских и полупролетарских масс против помещичьего, церковного, монархического, национального и т. п. гнета,—думать так, значит отрекаться от социальной революции. Должно быть, выстроится в одном месте одно войско и скажет: «мы за социализм», а в другом—другое и скажет: «мы за империализм», и это будет социальная революция! Только с подобной педантски-смешной точки зрения мыслимо было обругать ирландское восстание «путшем».

«Кто ждет «чистой» социальной революции, тот никогда ее не дождется, тот революционер на словах, не понимающий действительной революции» [1].

Ленин резко отмежевывается от тех, кто ждет «чистой» социальной революции, как от революционеров фразы. Его отделяет от сторонников Пятакова—Радека то, что социальную революцию он представляет: 1) как соединение гражданской войны пролетариата с революционно-демократическим движением мелкой буржуазии, 2) как эпоху, а не как единовременный акт. В противовес Пятакову (и Троцкому), представляющему социальную революцию как «об'единенное действие пролетариев всех стран», как

[1] Ленин, т. XIII, стр. 430—1.

вспышку «мирового пожара», способного сразу уничтожить капитализм, Ленин пишет: «Социалистическая революция не один акт, не одна битва по одному фронту, а целая эпоха классовых конфликтов, целый ряд битв по всем фронтам»[1].

Ленинская концепция революции отличалась от традиционного представления во II Интернационале о переходе к социализму как результате созревания капитализма до степени высочайшей концепции средств производства в руках немногих капиталистов, которым должна противостоять масса пролетариата, без труда экспроприирующая экспроприаторов». Те «левые», которые выступали против Ленина в дискуссии о лозунге права наций на самоопределение, сбивались на эту традиционную с.-д. схему. Это видно хотя бы из следующего места из речи Н. Бухарина на VI с'езде партии:

«Промежуточные слои и мелкие производители нищают. За первый год войны мелкая буржуазия вымерла на 40%. Все средства производства концентрируются в руках капиталистического государства. Нарастает государственный капитализм—господство кучки олигархов,—последняя мыслимая форма капитализма»[2].

В двух основных вопросах теории и тактики пролетарской революции сторонники Бухарина—Пятакова сбивались на традиционно-социал-демократическую концепцию перехода от капитализма к социализму: 1) в вопросе о демократических резервах пролетарской революции, 2) в вопросе о необходимости **переходной эпохи**.

Ленин в спорах с сторонниками Бухарина—Пятакова наметил основы стратегии и тактики пролетариата в переходную от капитализма к социализму эпоху.

Он указал на важность для пролетариата «демократической организации отношений» его к мелкобуржуазным резервам.

«Было бы коренной ошибкой думать, что борьба за демократию способна отвлечь пролетариат от социалистической революции, или заслонить, затенить ее и т. п. Напротив, как **невозможен победоносный социализм, не осуществляющий полной демократии**, так не может подготовиться к победе над буржуазией пролетариат, не ведущий всесторонней, последовательной и революционной борьбы за демократию».

Ленин таким образом говорит о значении демократии не только во время борьбы пролетариата за власть, но и после победы его. Победивший пролетариат, осуществляя свою диктатуру, осуществляет в то же время «полную демократию», демократию нового типа—**пролетарскую де-**

---

[1] Ленин, т. XIX, стр. 169.

[2] Протоколы VI с'езда. Гиз, М. 1927, стр. 104.

мократию. Идея пролетарской демократии после Февральской революции, показавшей мощь таких массовых организаций как советы, нашла свое выражение в формуле «республики советов», отличной по классовому содержанию от демократической республики.

Идея пролетарской диктатуры, соединяющей диктатуру (для подавления эксплоататоров) с «полной демократией» (для трудящихся) составляет необходимую часть ленинской концепции пролетарской революции. Почему? Потому что для Ленина борьба за социализм не заканчивается моментом захвата власти, не ограничивается задачей отстоять власть от контратак свергнутых классов. Для осуществления социализма необходима длительная работа по переделке мелкого хозяйства и перевоспитанию непролетарских трудящихся масс. Вот для чего необходима «полная демократия».

«Конечно демократия есть тоже форма государства, которая должна исчезнуть, когда исчезнет государство, но это будет лишь при переходе от окончательно победившего и упрочившегося социализма к полному коммунизму»[1].

Ленин, подобно Марксу, различает низшую фазу социализма от высшей его фазы—коммунизма и победу социализма от окончательной победы социализма. Он указывал еще в 1915 г. на неизбежность вооруженных столкновений между пролетариатом, победившим в одной стране, и странами капитализма, когда он писал, что «невозможно свободное об'единение наций в социализме без более или менее долгой, упорной, борьбы социалистических республик с отсталыми государствами»[2]. Ленинская концепция исключает возможность уничтожения государственных границ на другой день после социалистической революции. Противники лозунга права наций на самоопределение доказывали, что при капитализме право наций на самоопределение невозможно, а при социализме излишне, т. к. «территориальное подразделение социалистической культурной области» может быть обусловливаемо «только потребностями производства»[3]. Это место в тезисах «Газеты Роботничей» показывает, что польские с.-д. (К. Радек) не понимали значения государства в переходный между капитализмом и социализмом период, когда и границы будут, и самоопределение наций не будет «излишним». В ходе дискуссии о лозунге права наций на самоопределение наметилась ошибка единомышленников Пятакова не только в вопросе о демократии, но и в вопросе о значении государства в переходный период.

---

[1] Ленин, Собр. соч., т. XIX, изд. 1925 г., стр. 155. Разрядка моя.—*Д. Б.*

[2] Ленин, т. XIII, стр. 133.

[3] Тезисы об империализме и национальном угнетении «Газеты Роботничей». См. Ленин, т. XIX, стр. 239, 240.

Эту сторону «левокоммунистической» концепции[1] пролетарской революции наиболее полно развил Н. И. Бухарин, специально изучавший вопрос о государстве. Для него так же, как и для К. Радека (автора тезисов «Газеты Роботничей»), пролетарская революция снимает вопрос о государственных границах.

В своей работе этого периода (1915—17 гг.) «Мировое хозяйство и империализм» Бухарин говорит, что после социалистической революции «на место идеи защиты или расширения границ буржуазного государства... выдвигается лозунг уничтожения государственных границ...»[2].

Для Бухарина вопрос о защите границ пролетарского государства не существует. И это было написано в конце 1917 г.[3] после того, как Ленин в ряде статей[4] подчеркивал необходимость для пролетариата, ставшего у власти, защищать свое государство. Здесь Бухарин приближается к точке зрения Троцкого о невозможности существования диктатуры пролетариата в национально-государственных рамках, изложенной им в брошюре «Программа мира». Это и сблизило их позицию в дни Брестского мира, когда они смотрели на Советскую Россию лишь как на запал мировой революции, недооценивая роль государства победившего пролетариата как опоры, базы дальнейшего развертывания пролетарской революции в других странах.

Выдвигая, вслед за Паннекуком[5], идею необходимости «взрыва» государственной организации в ходе социалистической революции, Бухарин не разграничивает момент взрыва государственной машины буржуазии от момента исчезновения всякой государственной организации. По Паннекуку борьба прекращается лишь тогда, когда, как конечный результат ее, наступает полное уничтожение государственной организации. Это утверждение об исчезновении государства в ходе пролетарской революции стоит рядом с неясным намеком на необходимость существования государства пролетариата после его победы над буржуазией. То же повторяется и у Бухарина. Рядом с замечаниями о том, что пролетариат создает «свою временную государственную организацию», в его статьях о государстве встречается ряд мест, где грань между буржуазным государством и государственной вла-

---

[1] „Левокоммунистической" эту концепцию можно назвать потому, что она характерна для „левых коммунистов" 1918 г. и более поздних годов, ее можно назвать и „леворадикальной", т. к. она выношена была в рядах „левых радикалов" Германии (Радек, Гортер, Паннекук, Р. Люксембург).

[2] Н. И. Бухарин, Мировое хозяйство и империализм. М., изд. 4-е, стр. 167.

[3] См. предисловие Н. Бухарина к книге «Мировое хозяйство и империализм».

[4] Статьи 1915 г. «О лозунге Соединенных Штатов», «Несколько тезисов» и др., см. т. XIII, стр. 133 и 209 или т. XVIII, 2-е изд., стр. 233 и 313.

[5] Д. Марецкий ошибочно считает (см. Б. С. Э., т. 8, стр. 276, 277), что идея взрыва госуд. машины впервые выдвинута в марксистской литературе Бухариным. Ее выдвигал А. Паннекук в «Neue Zeit» еще в 1912 г. (См. Ленин, т. XXV, 2-е изд., стр. 448).

стью вообще явно стирается. Так, в статье «К теории империалистического государства» он пишет о том, что в эпоху империализма «всякое выступление пролетариата неизбежно превращается в выступление против государственной власти. Отсюда определенное тактическое требование: социал-демократия должна усиленно подчеркивать свою принципиальную враждебность государственной власти» (разрядка Бухарина) [1].

То же самое стирание границ между государством буржуазии и государственной властью вообще имеется в следующем месте его статьи: «Der imperialistische Raubstaat» в журнале «Jugendinternationale»:

«Совершенно ошибочно искать различия между социалистами и анархистами в том, что первые—сторонники, вторые—противники государства. Различие в самом деле заключается в том, что революционная социал-демократия хочет сорганизовать новое общественное производство как централизованное, т. е. технически наиболее прогрессивное, тогда как децентрализованное анархическое производство означало бы лишь шаг назад к старой технике, к старой форме предприятий» [2].

Опасность смазывания разногласий между социалистами и анархистами в вопросе о необходимости государственной организации пролетариата в эпоху, когда шла борьба за революционную теорию, за программу и тактику пролетарской революции, заставила Ленина выступить в печати с критикой цитируемого выше места в статье Бухарина.

«Это неверно,—писал он.—Автор ставит вопрос о том, в чем отличие отношения социалистов и анархистов к государству, а отвечает не на этот, а на другой вопрос...». И дальше: «Социалисты стоят за использование современного государства и его учреждений в борьбе за освобождение рабочего класса, а равно за необходимость использовать государство для своеобразной переходной формы от капитализма к социализму. Такой переходной формой, тоже государством, является диктатура пролетариата.

Анархисты хотят «отменить» государство, «взорвать» «sprengen» его, как выражается в одном месте т. Nota-Bene, ошибочно приписывая этот взгляд социалистам. Социалисты—автор цитировал, к сожалению, слишком неполно относящиеся сюда слова Энгельса—признают отмирание, «постепенное «засыпание» государства после экспроприации буржуазии» [3].

Естественно, что Ленин указывает именно на то место статьи, где вопрос о государстве переходного периода смазан. Высказывание подобных ошибочных взглядов, хотя бы и рядом с другими верными, давало лазейку для анархистских тенденций. У Ленина было достаточно оснований напомнить

---

[1] «Революция права», сб. I, изд. Ком. акад., М. 1925, стр. 31.

[2] «Jugendinternationale» № 6, т. II, 1/XII 1916 г., S. 8, см. также «Революция права», ст. 13 и т. Arbeiterpolitik № 25, Bremen 9/XII 1916 г., S. 2.

[3] Ленин, т. XIII, стр. 460, 461.

Бухарину о «выпавшем» в данном случае у него государстве переходного периода. Странно звучат следующие строки, написанные Бухариным в 1925 г.:

«Против статьи в «Jugendinternationale» выступил заметкой В. И. (она напечатана в XIII томе «Сочинений»). Читатели легко увидят, что у меня не было ошибки, которая мне приписывалась, ибо я отчетливо видел необходимость диктатуры пролетариата; с другой стороны, из заметки Ильича видно, что он тогда неправильно относился к положению о «взрыве» государства (разумеется, буржуазного), смешивая этот вопрос с вопросом об отмирании диктатуры пролетариата» [1].

Именно «отчетливости» взглядов в вопросе о диктатуре пролетариата у Н. И. Бухарина не было. Это видно хотя бы из цитированных выше выдержек. В вопросе о различии между исчезновением государства вообще и уничтожением буржуазной государственной машины у него была, по крайней мере, неясность. Процитировав известные слова Энгельса о сдаче в музей государственной машины, он пишет:

«С уничтожением (дословно «взрывом»—Sprengung) классовых отношений будет взорвано (gesprengt) также и его политическое выражение—государство—и возникнет бесклассовое и безгосударственное социалистическое общество» [2].

Об этом месте, повидимому, говорит в своей статье Ленин. Так как здесь речь идет о государстве вообще, то он подчеркивает мысль Маркса и Энгельса о том, что государство исчезнет не в результате «взрыва» его, а постепенно отмирая, «засыпая». У Ленина нет никакого смешения вопроса об отмирании диктатуры пролетариата с вопросом о «взрыве» государственного аппарата буржуазии. Смешение понятий имеет место в данном случае у Бухарина. И это смешение не случайно. Оно вытекает из всей «лево-коммунистической» концепции пролетарской революции как единовременного акта.

Поскольку Бухарин говорит о государстве переходного периода, он видит в нем лишь «аппарат о б у з д а н и я свергнутых классов» [3]. Диктатура пролетариата необходима лишь для того, чтобы отбросить «контратаки реакции» [4]. Отбив их, пролетариат «отменяет и свою собственную диктатуру» [5]. Бухарин видит лишь о д н у из функций диктатуры пролетариата, сравнительно скоро становящуюся второстепенной. Против подобного одностороннего понимания диктатуры Ленин писал:

«Сущность учения Маркса о государстве усвоена только тем, кто понял, что диктатура о д н о г о класса является необходимой не только для вся-

[1] «Революция права», сб. I, изд. Ком. акад., 1925 г., стр. 5.
[2] «Jugendinternationale» № 6, S. 8.
[3] См. Н. И. Бухарин, «Мировое хозяйство и империализм», 4-е изд., стр. 166.
[4] Сб. 1, «Революция права», стр. 32.
[5] Там же.

кого классового общества вообще, не только для пролетариата, свергнувшего буржуазию, но и для целого исторического периода, отделяющего капитализм от «общества без классов», от коммунизма»[1].

Ошибка Бухарина в вопросе о государстве связана с его взглядами на роль мелкой буржуазии в пролетарской революции. Если мелкая буржуазия частью переходит в лагерь капиталистов (совладельцы акций), частью должна быть пролетаризована до перехода власти к пролетариату, то естественно, что длительная работа пролетарского государства над перевоспитанием мелкой буржуазии, над переделкой деревни на социалистический лад не нужна. Классовое общество «рушится» (у Бухарина Sprengung—«взрыв») вместе с экспроприацией экспроприаторов. Задача преодоления стоящим у власти пролетариатом капитализма, растущего из мелкого хозяйства,—вне поля зрения Бухарина. Поэтому переход к бесклассовому и безгосударственному обществу он считает возможным после победы над помещичье-капиталистической контрреволюцией, т. е., беря по календарю русской революции, после 1920—21 г.

Из всего этого ясно, что неправильно изображать дело так, что Ленин в 1917 г. стал на точку зрения Бухарина о государстве[2]. Выдвигая в «Государстве и революции» идею ломки старого аппарата власти, он отнюдь не солидаризуется в этом вопросе с Паннекуком (и, косвенно, Бухариным), а, процитировав приведенный выше отрывок из статьи Паннекука против Каутского, замечает: «Формулировка, в которую облек свои мысли Паннекук, страдает очень большими недостатками»[3]. Едва ли не большими недостатками страдал ряд формулировок по вопросу о государстве Н. И. Бухарина. Ленин, считая этот вопрос «архиважным», сел за работу «Об отношении марксизма к государству», в ходе которой «пришел к выводам еще резче против Каутского, чем против Бухарина»[4]. Ленину в вопросе о государстве пришлось вести борьбу на два фронта: против Каутского, с одной стороны, против Бухарина—с другой. Большая статья Ленина против Бухарина не увидала света. Сначала предполагалось не открывать дискуссии по вопросу о государстве, но затем решили поместить в № 4 «Сборника социал-демократа» статью Бухарина с ответом на нее Ленина[5]. Этого требовала назревшая к концу 1916 г. «очистка» линии партии от «нелепостей и путаницы отрицания демократии»[6], этого требовала опасность того, что

---

[1] Ленин, т. XXI, 2-е изд., стр. 393.

[2] Это делает в своеобразной форме Д. Марецкий в статье «Бухарин» в Б. С. Э. (т. 8, стр. 278), который предпочитает мемуарнаго порядка замечание свидетельству документов.

[3] Ленин, т. XXI, стр. 448. Разрядка моя—*Д. Б.*

[4] См. Лен., сб. II, стр. 282.

[5] См. там же, стр. 283.

[6] Там же, стр. 276.

«ошибки Бухарина могут погубить»[1] дело создания теоретической базы III Интернационала.

«Ошибки Бухарина» были свойственны не только ему лично, а всему тому течению, которое в циммервальдской левой противостояло в ряде основных вопросов ленинской теории и тактике пролетарской революции. Это течение, которое с известным приближением можно назвать «левым коммунизмом», представляло переходную от социал-демократизма к коммунизму идеологию. В ней элементы подлинно революционного марксизма переплетались с пережитками традиционных социал-демократических взглядов (в вопросе о переходном периоде, об отношении пролетариата к революционной мелкой буржуазии, в вопросе о «единстве» с оппортунистами) и полуанархистским антиреформизмом. Борясь с реформизмом, эти «левые» выплескивали подчас вместе с водой и ребенка. Вместо противопоставления оппортунистическому парламентаризму внепарламентских массовых действий в сочетании с революционным использованием парламента, они отожествляли парламентаризм с оппортунизмом. Так Паннекук в начале войны писал о том, что II Интернационал убила «парламентаризация»[2]. Гортер[3] об'яснял влияние оппортунизма на рабочих тем, что «рабочие смотрели с надеждой на вождей и парламенты и сами ничего не делали». Вместо противопоставления революционной тактики оппортунистической, мы имеем противопоставления «масс» «вождям» и «массовых действий» «парламенту». Еще более заметны элементы полуанархистского антиреформизма в оценке реформизма у Н. И. Бухарина, который в статье в «Jugendinternationale» писал: «Теперешняя война показала, как глубоко корни государственности проникали в души рабочих»[4]. Элемент анархического отрицания империализма был не в отдельных высказываниях отдельных представителей «левого коммунизма», а в самой их идеологии... «По-моему,—писал Ленин,—наблюдается, у некоторых левых, даже у нас... полуанархистское отношение к империализму. Если-де империализм, то не нужно ни самоопределения наций, ни вооружения народа!»[5].

Пренебрежительное отношение «левых» к демократии вообще Ленин об'яснял в неоконченной статье о праве наций на самоопределение подавленностью или придавленностью мышления некоторых слоев под влиянием ужасов войны. О каких правах можно говорить, когда их попирают сильные, когда всюду царит военщина и не видно разницы между демократической республикой и реакционной монархией.

[1] Там же, стр. 283.

[2] См. Ленин. Сб. II, стр. 203.

[3] Г. Гортер, «Империализм, мировая война и соц.-дем.» Гиз, 1920 г., стр. 69; см. также стр. 75, где говорится о стачке, как внешней форме массовых выступлений.

[4] «Jugendinternationale» № 6, 1/XII 1916 г. Разрядка моя—*Д. Б.*

[5] Лен. сб. II, стр. 233.

В конце конспекта реферата «Первое мая и война» т. Ленин пишет: «Всякий кризис одних надламывает, других закаляет. Закаляет для социалистической революции» [1].

Эпоха войны, как эпоха кануна пролетарских революций и национально-революционных движений, всколыхнула не только пролетарские, но и мелкобуржуазные массы. Созданный войной кризис закалял для борьбы за социализм пролетариат и надламывал, подавлял мелкого буржуа. Две струи были в массовом потоке против империализма—пролетарская и мелкобуржуазная. Два течения были в среде представителей этого массового потока, будущих коммунистов: ленинское—пролетарское и «левокоммунистическое»—отражающее настроения взбесившегося от ужасов войны мелкого буржуа. После спада революционной волны, из лагеря пролетариата ушел ряд виднейших представителей этого второго течения: Гортер, Отто Рюлэ, Хеглунд и другие. В дни брестского кризиса Бухарин, Пятаков, Радек были на грани откола от большевистской партии. Брестские споры были столкновением их концепции пролетарской революции, сложившейся еще в предреволюционные годы эмиграции [2], с ленинской. Это была первая дискуссия о возможности построения социализма в одной стране, когда «левизна» переплеталась с пережитками социал-демократической идеологии. Старые разногласия встали в новой обстановке. В 1918 г. Ленин уже не только писал статьи и тезисы о пролетарском государстве, но и руководил им. Отстаивая самое существование этого государства от авантюристского наскока левых с.-р. и левых коммунистов, он снова подчеркивает отличие его точки зрения по вопросу о государстве от бухаринской. В статье «О левом ребячестве и мелкобуржуазности» он писал по поводу рецензии Бухарина на его книгу «Государство и Революция»:

«Бухарин заметил и подчеркнул то, что может быть общего в вопросе о государстве у пролетарского и мелкобуржуазного революционера. Бухарин «не заметил» как раз того, что отделяет первого от второго.

Бухарин заметил и подчеркнул, что старый государственный аппарат надо «разбить», «взорвать», что буржуазию надо «додушить» и т. п. Взбесившийся мелкий буржуа тоже может хотеть этого... Но чего не может хотеть даже самый революционный мелкий буржуа, чего хочет сознательный пролетарий, чего еще не сделала наша революция, об этом также говорится в моей брошюре. И об этой задаче, задаче завтрашнего дня, Бухарин промолчал» [1].

---

[1] «Пролет. Революция» № 1 (84) за 1929 г., стр. 9.

[2] О связи брестских споров с спорами 15, 16 гг. говорили и сами «левые», см. парт. выступления Урицкого (Б. С. Э., т. 7, стр. 451), выступления Бухарина и ответ Ленина в речи на ВЦИК 29/IV—18 г. См. Ленин, Собр. соч., т. XV, изд. 1925 г., стр. 227.

[3] Ленин, т. XV, изд. 1925 г., стр. 256, 257.

Крах иллюзий мирного периода, жестокая встряска войны и в рабочих массах породила настроения, близкие настроению взбесившегося мелкого буржуа. На путях к созданию III Интернационала Ленину и его соратникам приходилось не только бороться с оппортунизмом и его левейшими отростками, пытающимися проникнуть в ряды Коминтерна, но и с мелкобуржуазными шатаниями вправо и влево в рядах коммунистических рабочих. Лишь создав подлинное пролетарское об'единение, международную партию нового типа, коммунистические рабочие смогли обеспечить руководящую роль ленинизма в III Интернационале. Лишь тогда, когда идейное размежевание могло сочетаться с размежеванием организационным, когда укрепилась пролетарская дисциплина, лишь тогда Интернационал очистился от всех чужеродных элементов и стал классово-монолитным, подлинно-ленинским. Это важнейшее завоевание коммунистические рабочие пронесут сквозь полосу затишья, и в новую полосу боев за власть они вступят по-ленински организованные, вооруженные единственно революционной теорией, теорией марксизма-ленинизма.

Н. П. ПОЛЕТИКА.—САРАЕВСКОЕ УБИЙСТВО КАК ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ ПОВОД К ВОЙНЕ[1]

Убийство эрцгерцога Франца-Фердинанда в Сараеве 28 июня 1914 г. явилось событием, развязавшим силы, которые стремились к мировой катастрофе. И обстановка, в которой прозвучал выстрел Гаврилы Принципа, и история подготовки покушения до сих пор еще не выяснены и вряд ли будут когда-либо выяснены. Сараевское убийство принадлежит к числу «таких событий, относительно которых трудно, если не невозможно совсем представить абсолютные доказательства»[2]. И действительно абсолютных, т. е. документальных доказательств до сих пор не найдено ни в одном из европейских архивов, куда разрешен вход историку-исследователю. В архивы же сербского министерства иностранных дел, сербского генерального штаба и бывшего русского посольства в Белграде, где можно было бы найти действительно интересные документальные данные, дающие окончательный ответ на вопрос о виновниках сараевского убийства, вряд ли скоро будет разрешен вход историку. Поэтому нам приходится говорить о сараевском убийстве, опираясь на документы и данные полуофициального характера, опровергаемые сербским правительством, заинтересованным в сохранении тайны.

Официальная версия сараевского покушения в том виде, как она представлена в Цветных книгах 1914 г. и в европейской печати, сводится к следующему. Некий гимназист, Гаврило Принцип, бежавший из Боснии в результате австрийских гонений за революционную пропаганду, в сообщничестве

[1] Статья представляет отрывок из исследования автора по международному праву «Ответственность за мировую войну» (К анализу ст. 231 Версальского мирного договора). В настоящем отрывке автор касается лишь вопроса о причастности сербского правительства к организации Сараевского покушения. Тов. интересующихся вопросом о том, как было задумано и совершено покушение, о деятельности омладинских и великосербских националистических организаций и тайных обществ, об австро-сербо-русских отношениях в период 1903—1914 гг. автор отсылает к своей работе «Сараевское убийство» (Пролог мировой войны), которая выйдет в свет в ближайшем будущем.

[2] W. Steed, Through thirty years, 1892—1922, London 1924, vol. I, p. 394.

с несколькими товарищами: Габриновичем, Грабечем, Иличем и другими организовал покушение на эрцгерцога Франца-Фердинанда для того, чтобы отомстить за преследование сербского национального движения в Боснии-Герцеговине. Покушение Принцип и его друзья организовали самостоятельно, как акт политической мести. Сербское правительство немедленно выпустило официальное комюнике, осуждавшее убийство, выразило свое искреннее сожаление австро-венгерскому правительству и наложило полуофициальный траур по случаю кончины Франца-Фердинанда. Однако не прошло и месяца, как последовал знаменитый австрийский ультиматум [1] Сербии, явившийся прологом к мировой войне. В этом ультиматуме Австро-Венгерское правительство называло движущей силой покушения сербскую агитацию за создание Великой Сербии с Боснией и Герцеговиной, указывало, что убийство было задумано и подготовлено в Белграде сербской организацией «Народна Одбрана», находившейся под покровительством сербского правительства. Австро-Венгерское правительство требовало арестовать майора Войю Танкосича и сербского чиновника Милана Цигановича, скомпрометированных результатами сараевского следствия и подозреваемых в соучастии в покушении, наказать чиновников пограничной службы в Шабаце и Лознице, способствовавших заговорщикам в переходе границы и «согласиться на сотрудничество в Сербии представителей Австро-Венгерской администрации в деле подавления вредоносных движений, направленных против территориальной целости Австро-Венгрии». Ультиматум предлагал Сербии начать судебное следствие против участников заговора 28 июня, находившихся на сербской территории. В этом следствии должны были принять участие органы австро-венгерского правительства.

Как мы знаем, сербское правительство согласилось удовлетворить все требования ультиматума, кроме последних двух, считая их нарушением сербского суверенитета [2]. Отказ сербского правительства выполнить эти два пункта ультиматума имел самые серьезные основания [3].

К ультиматуму были приложено досье, документирующее все утверждения и обвинения, пред'явленные сербскому правительству. Это досье было передано по телеграфу или переслано почтой 22 австро-венгерским посланникам за-границей для вручения правительствам соответствующих стран. В Париже оно было вручено 27 июля Бьенвеню Мартену, но во французской Желтой Книге 1914 была напечатана только общая вводная его часть [4]. В Лондоне оно было вручено 29 июля сэру Эдуарду Грею, который, как можно полагать, даже не удосужился прочесть его. 29 июля Грей писал де-Бунзену: «австрийский посол сегодня сообщил мне, что он приготовил для вручения

[1] Das Oesterreichische Rote Buch, 1914, № 7.
[2] Оранжевая книга, 1914, № 3; Livre jaune, 1914, №№ 46, 49.
[3] Das Oesterreichische Rote Buch, 1919, II, № 48.
[4] Livre jaune, 1914, № 75.

мне пространный меморандум, который, по его словам, дает отчет об отношении Сербии к Австрии и об'яснение необходимости австрийского выступления. Я сказал, что не желаю вступать в дискуссию по поводу достоинств (merits of question) Австрии и Сербии»[1]. В английской Синей Книге 1914 г. об этом досье не было сказано больше ни слова. Сазонов, получивший досье, заявил 24 июля Сапари, что он «ни в малейшей степени не интересуется видеть это досье: в действительности вы (австрийцы) хотите войны и сожгли свои мосты»[2]. Впрочем 29 июля (очевидно, после увещеваний Палеолога и Бьюкенена подумать об общественном мнении Франции и Англии[3] и после об'явления войны Австро-Венгрией Сербии) Сазонов «снова настоятельно просил представить досье, обещанное, но еще не представленное великим державам, ибо необходимо ознакомиться с ним до начала войны с Сербией. Когда война вспыхнет, изучать досье будет чересчур уже поздно»[4]. В русской Оранжевой Книге 1914 года это досье тоже не было напечатано. Конечно, австрийские документации после процесса Фрид'юнга (Friedjung) и процесса в Аграме не пользовались особым доверием в Европе, а призрак войны мог помешать всестороннему, детальному ознакомлению и проверке истинности этих документаций, но такое огульное нежелание даже взглянуть на них все же является по меньшей мере странным, ибо эти документации, являясь апелляцией к общественному мнению всех стран, так или иначе об'яснили решимость Австро-Венгрии не останавливаться даже перед европейской войной.

А между тем в досье было немало таких вещей, на которые правительствам Антанты следовало бы обратить свое внимание. В одном из приложений к досье были напечатаны выдержки из устава «Народной Одбраны» и официальной книги о деятельности этого общества[5]. Согласно уставу в задачи общества входили набор и регистрация волонтеров, создание добровольческих отрядов и подготовка их для вооруженных выступлений, организация сокольских кружков и воспитание их в духе узкого шовинизма. Вся работа «Народной Одбраны» велась под одним углом зрения—борьбы с Австрией и отторжения Боснии и Герцеговины. «Народну Одбрану» возглавляли несколько видных сановников во главе с министром народного просвещения Любой Иовановичем. Видную роль в ней играл майор Танкосич. «Народна Одбрана» организовала ряд лагерей—военных школ, где подготовлялись четнические банды для вторжения в Боснию-Герцеговину. Руководителями одного из лагерей были генерал Божо Янкович, майор Войя Танкосич, Душан Путник, сын началь-

[1] Blue Book, 1914, № 91.
[2] Das Oesterreichische Rote Buch, 1919, II, № 18.
[3] Палеолог, Царская Россия в мировой войне. Гиз., стр. 25.
[4] Das Oesterreichische Rote Buch, 1919, III, № 16.
[5] Das Oesterreichische Rote Buch, 1919, II № 48, приложения 2, 3, 5 и 6.

ника генерального штаба. «Народна Одбрана» покрыла Боснию-Герцеговину сетью шпионских организаций.

Другим не менее интересным приложением к досье был протокол предварительного допроса заговорщиков—Принципа, Габриновича, Грабеча, Кубриловича и других [1]. Согласно этим показаниям Принцип и Габринович обратились к майору Милану Прибичевичу и директору государственной типографии Живоину Дачичу за оружием и бомбами. К несчастью, последних не оказалось дома, и тогда они обратились к некоему Цигановичу, который достал от майора Танкосича браунинги и бомбы. Это было 27 мая. 28 мая заговорщики оставили Белград и направились в Шабац к майору Раде Поповичу, который дал им фальшивые паспорта. От Поповича они поехали в Лозницу, причем их везли по льготному половинному тарифу железной дороги. Здесь в Лознице заговорщики разделились, и Габринович с фальшивым паспортом направился открыто на Зворник (Австрия). Принцип и Грабеч с оружием должны были перейти реку Дрину втайне. Таможенник Грбич отвел Принципа и Грабеча в ночь с 30 на 31 мая на остров «Исаковица Ада», находящийся посреди реки Дрины. Здесь Принцип и Грабеч провели день 31 мая, скрываясь в зарослях. Ночью с австрийской стороны явился крестьянин, переправивший в ночь с 1 на 2 июня заговорщиков через границу. Эмиссары «Народной Одбраны» провели Принципа и Грабеча до самого Сараева.

Досье давало полную картину великосербской пропаганды и шпионской работы в Боснии-Герцеговине. В том, что «Народна Одбрана» пользовалась открытой поддержкой и покровительством сербских властей, что деятельность ее имела высокоофициальный характер, не оставалось никаких сомнений. Грей, Сазонов и Бьенвеню-Мартен предпочли этого не понять и скрыть досье от общественного мнения.

В октябре 1914 г. в Сараеве открылся процесс против участников покушения 28 июня. На процессе полностью подтвердились показания участников покушения, данные ими на предварительном следствии 3 дня спустя после убийства эрцгерцога. Мало того, выяснилась даже такая интересная подробность, что Габринович, бывший инициатором замысла убить эрцгерцога, удостоился особой аудиенции у сербского престолонаследника принца-регента Александра [2]. Аудиенция состоялась приблизительно 10 апреля, т. е. после того, как счастливая мысль убить эрцгерцога осенила голову Габриновича. В 1912 г. такой аудиенции удостоились два студента аграмского университета, прибывшие в числе членов студенческой боснийской делегации в Белград. Делегация была принята с особой торжественностью, и гости даже принимали большой парад сербской армии. Через два месяца после аудиенции один из

---

[1] Das Oesterreichische Rote Buch, 1919, II, № 48, приложение 8.

[2] Serajevo, La conspiration serbe contre la monarchie Austro-Hongroise, Bern 1917, p. 68 etc., примечание; также Wiesner в Kriegschuldfrage, 1926, № IX.

этих студентов, по имени Юкич, совершил покушение на австрийского наместника в Аграме—бана Цувая. Судебное следствие, как и в 1914 году, установило, что покушение было организовано в Белграде.

Сараевский процесс выяснил, что Босния-Герцеговина были покрыты сетью шпионских организаций, руководимых из Белграда «Народной Одбраной». В лице культурно-просветительных сербских организаций, студенческих землячеств, сокольских организаций и других подобных кружков и обществ «Народна Одбрана» имела прекрасно поставленную и широко развитую агентуру.

Эти показания участников сараевского покушения были об'явлены грубой подделкой. Общественное мнение Европы под влиянием военного угара сочло их такой же фальсификацией [1], как фальсификация документов на процессе Фрид'юнга, хотя австро-венгерское правительство старалось придать процессу возможно большую огласку. Для общественного мнения Европы тайна сараевского процесса оставалась неразгаданной почти 10 лет.

В 1923 году вышла книга профессора истории Белградского университета Станое Станоевича «Убийство австрийского престолонаследника Франца-Фердинанда [2]. Автор, не называя своих источников, указал в предисловии, что все данные получены им от оставшихся в живых участников заговора, с которыми он был лично знаком. Стараясь уменьшить ответственность «Народной Одбраны» и дискредитировать австрийскую версию о подготовке покушения, Станоевич обвиняет в организации Сараевского заговора менее известное тайное общество «Единение или смерть» (Ujednenje ili smrt), носившее популярную кличку «Черной руки». «Черная рука» была тайной боевой организацией «Народной Одбраны». Она была создана в 1911 г. офицерской кликой, организовавшей в 1903 г. убийство сербского короля Александра и королевы Драги. «Черная рука» имела печать, на которой были изображены кинжал, бомба, склянка яду, череп и кости, и пользовалась покровительством высших властей. Во главе ее стоял не кто иной, как начальник контрразведывательного отдела сербского генерального штаба полковник Драгутин Димитриевич, «очень способный и талантливый офицер», вся жизнь которого прошла в организации политических заговоров и покушений. «В 1903 г. он был одним из главных организаторов заговора против короля Александра. В 1911 он посылал своего эмиссара для убийства австрийского императора или престолонаследника; в феврале 1914 г. он вступил в соглашение с тайным болгарским революционным комитетом об убийстве царя Фердинанда болгарского; в 1914 он задумал и организовал заговор против австрийского престолонаследника; в 1916 г. он послал своего эмиссара с острова Корфу для убийства короля греческого Константина. И, наконец, в том же

---

[1] Хотя бы Ch. Oman, The outbreak of the war 1914—18, London, 1919, p. 9.

[2] Stanojevich, Die Ermordung des Erzherzogs Frantz-Ferdinand, Frankfurt 1923.

году он, видимо, пытался вступить в переговоры с врагами и организовать заговор против сербского престолонаследника принца Александра. За это он был осужден к смерти и казнен в Салониках в июне 1917 г.» [1].

Станоевич очень подробно и с большей осведомленностью рассказывает о деятельности «Черной руки», о ее руководстве тайными антиавстрийскими организациями в Боснии-Герцеговине и снабжении последних оружием. Он детально рисует картину подготовки к покушению в Белграде, который, как и в предшествующих случаях, был организационным центром, откуда шли директивы и оружие в Боснию-Герцеговину. «Черная рука» воспитывала и идеологически подготовляла боснийскую молодежь для террористических актов. Для покушения на эрцгерцога были мобилизованы по соглашению с боснийскими организациями самые надежные и ревностные неофиты. Их снабдили револьверами и бомбами из казенных сербских складов в Крагуеваце и переправили через границу. Машина была пущена в ход. Оставалось ждать последствий.

Деятельность полковника Димитриевича Станоевич об'ясняет высоко патриотическими соображениями: «полковник Димитриевич после свидания императора Вильгельма с эрцгерцогом Францем-Фердинандом в Конопиште (12 июня 1914 г.) получил секретное сообщение от русского генерального штаба о том, что русским правительством получены точные сведения о характере и целях этого свидания. Германия одобрила план нападения Австро-Венгрии на Сербию и завоевания ее и обещала свою помощь и поддержку. Другие сведения, полученные одновременно полковником Димитриевичем, подтвердили правильность сообщений русского генерального штаба. Среди сербского обществу были распространены фантастические и возбуждающие слухи по поводу решений принятых на свидании двух монархов в Конопиште, всем овладела страшная нервозность и воздух был насыщен электричеством» [2].

Поэтому, «когда в Боснии были назначены маневры австро-венгерских войск и когда стало известно, что эрцгерцог Франц-Фердинанд собирается прибыть в Сараево, полковник Димитриевич был уверен, что Австро-Венгрия собирается напасть на Сербию. После долгого размышления,—как он сам (Дмитриевич) рассказывал в апреле 1915 г.—он пришел к выводу, что нападение на Сербию и войну можно было предотвратить только убийством Франца-Фердинанда, которого все сербское общественное мнение считало в тот момент самым большим врагом Сербии и сербского народа и главным инициатором всякого выступления против них» [3].

15 июня Димитриевич созвал заседание исполнительного комитета «Черной руки», на котором предложил организовать покушение против эрцгерцога во время посещения последним Сараева и отправить с этой целью в Са-

[1] Stanojevich, 50—51.
[2] Stanojevich, 55.
[3] Stanojevich, 55.

раево майора Вайю Танкосича с его воспитанниками Принципом и Грабечем. После жарких дебатов, на которых было указано на невозможность посылки офицера сербской армии для руководства организуемым покушением, комитет большинством двух голосов отверг предложение Димитриевича. Последний решил действовать на свой страх и риск, не считаясь с постановлением комитета. В этом смысле, по его словам, он является «главным организатором покушения» [1].

Не все подробности, сообщаемые Станоевичем, соответствуют действительности. Станоевич, как мы уже говорили, пытается своей книгой дискредитировать результаты официального следствия, которое происходило в Сараеве три дня спустя после покушения. Прежде всего, как явствует из показаний членов «Черной руки» на салоникском процессе, о котором будет итти речь впереди, покушение на эрцгерцога было задумано и решено еще в декабре 1913 г. [2]. Данило Илич, главный технический организатор покушения со стороны тайных боснийских организаций, был командирован в Белград в конце мая для окончательных переговоров с Димитриевичем относительно плана покушения [3]. Свидание в Конопиште состоялось 12 июня, и, следовательно, не мнимые сообщения о происходивших в Конопиште между Вильгельмом II и Францем-Фердинандом переговорах повлияли на решение Димитриевича послать убийц в Сараево. С другой стороны, у нас имеются достоверные сведения о том, что в Конопиште не было никаких переговоров относительно нападения Австро-Венгрии на Сербию. По сообщению русского посланника в Вене Шебеко на свидании в Конопиште сербский вопрос почти не затрагивался.

Там велись переговоры о привлечении Румынии на сторону Тройственного союза, для чего Вильгельм II советовал Францу-Фердинанду заменить политику преследования румын в Трансильвании и Банате более мягкой и снисходительной политикой. Вторым вопросом явился вопрос о проливах в связи с оживлением к нему интереса в России и возрождением русского флота. В связи с этим в Конопиште обсуждалась австро-венгерская судостроительная программа [4]. Это сообщение Шебеко подтверждается и другими источниками.

Показания Станоевича, впервые приподнявшего завесу над тайной сараевского убийства, хорошо дополняются показаниями сараевского журналиста Боривоя Евтича [5]. Евтич в эпоху 1914 был зеленым юнцом. Он сотруд-

[1] Stanojevich, 9.

[2] Bogichevich, Le procès de Salonique, Paris, 1927.

[3] Borivoj Jevtich, Sarajevski Atteutat, Sarajevo 1924, и показания члена «Черной руки» полковника сербского генерального штаба Божина Симича в «Clarté», май, 1925.

[4] Красный архив, т. I Донесение Шебеко—Сазонову от 13/26 июня 1914.

[5] B. Jevtich, Sarajevski Attentat, Sarajevo 1924. Любопытно, что в октябре 1914 на процессе заговорщиков в Сараеве Евтич выступал в качестве совершенно неосведомленного свидетеля.

ничал в сараевских газетах «Народ» и «Сербская речь», органах сербского национализма в Боснии-Герцеговине и состоял членом тайной великосербской организации «Молодая Босния» («Млада Босня» или «Омладина»). Эта организация, являясь своего рода «просвитой» для пропаганды «сербского дела», была создана и работала по указаниям сербского генерального штаба. В лице ее сербский генеральный штаб имел в каждом городе и деревушке Боснии-Герцеговины свою политическую и шпионскую агентуру, не брезгавшую при случае террористическими актами. Евтич, принадлежавший к этой организации, был лично знаком с большинством участников сараевского покушения. Между прочим он рассказывает с большими подробностями, как он провел в одной компании вместе с Принципом ночь накануне сараевского убийства, горячо обсуждая все шансы удачи или неудачи. По словам Евтича, на эрцгерцога Франца-Фердинанда в Сараеве охотились, как на хорошо организованной облаве. В разных концах города было расставлено не менее десяти засад на эрцгерцога, так что, если бы последнему удалось ускользнуть от пули Принципа так же, как и от бомбы Габриновича, ему все же вряд ли бы удалось уйти живым из Сараева.

«Убийство эрцгерцога было делом всей молодежи Боснии!»—глубокомысленно замечает Евтич. Вся Босния была покрыта сетью националистических студенческих кружков, организованных весьма конспиративно, так что один кружок обычно не знал о существовании другого. Одним из главных организаторов этих кружков был Данило Илич, служивший учителем в Сараеве и уволенный за свою великосербскую пропаганду. Когда было опубликовано известие о больших маневрах в Боснии с участием Франца-Фердинанда, «Молодая Босния» решила организовать покушение на его жизнь, и Иличу было поручено подобрать людей, годных для выполнения террористического акта. Постановление комитета «Молодой Боснии» было передано в Белград Габриновичу, приехавшему из Боснии в Белград для поступления в университет. Габринович завербовал Принципа и Грабеча. Техническим организатором покушения был Циганович—мелкий служащий государственных железных дорог в Сербии. Принцип был давно знаком с майором Танкосичем. Во время балканской войны 1912 года он хотел вступить в отряд комитаджей, организованный последним, но был признан негодным для военной службы по состоянию здоровья. Танкосич снабдил всех троих револьверами и ручными гранатами, которые раздавались военными властями всем отрядам комитаджей. О всей этой подготовке Танкосич сообщил Димитриевичу, своему начальнику по генеральному штабу и союзу «Черной руки», и получил его полное одобрение.

Еще более компрометирующими сербское правительство являются разоблачения одного из лидеров радикальной (правительственной) партии Любы Иовановича, бывшего в 1914 г. министром народного просвещения в кабинете Пашича. Иованович был одним из основателей общества «Народна Одбрана»

в 1908 г. и по должности министра народного просвещения являлся почетным председателем и шефом этого общества. К десятой годовщине империалистической войны в Белграде вышла книга статей и воспоминаний сербских политических деятелей под заглавием «Кровь славянства» («Крв словенства»). Первая статья этого сборника — «После дня святого Витта» (по сербски Видовдан—28 июня, день разгрома сербских войск на Коссовом поле в 1389 г. турками. Этот день является днем национальной скорби в Сербии) принадлежит перу Любы Иовановича и является самым недвусмысленным и циничным признанием в том, что подготовка сараевского убийства, проводившаяся в Сербии, имела высокоофициальный, чуть ли не правительственный характер.

«К моменту об'явления мировой войны,—пишет Люба Иованович,—я был министром народного просвещения в кабинете Пашича. Я записал на свежую память кое-какие воспоминания и заметки о событиях этих дней. Из них для этой статьи я выбрал несколько отрывков, так как еще не наступило время для открытия всего.

Не помню, в конце ли мая или начале июня (1914—*Н. П.*) в один прекрасный день Пашич сказал нам (он совещался по этому делу более подробно со Стояном Протичем, бывшим тогда министром внутренних дел, но нижеизложенное он сказал и всем остальным), что некоторые люди собираются поехать в Сараево, чтобы убить Франца-Фердинанда.

Как мне стало известно позже, этот заговор был состряпан группой тайно организованных лиц (в письме в белградскую газету «Политика» 29 марта 1925 г. и «Новый живот» 28 марта 1925 г. Иованович заявляет, что под выражением «группа тайно организованных лиц» он имел в виду общество «Черная рука») и патриотическими студентами из Боснии и Герцеговины, проживающими в Белграде. Пашич и все мы сказали, а Стоян Протич согласился, что он должен отправить инструкции пограничным властям по реке Дрине, для того, чтобы помешать переходу реки молодежью, которая уже отправилась с этой целью из Белграда. Но пограничные власти сами принадлежали к организации и не исполнили инструкции Стояна, донесли ему, как он впоследствии сообщил нам, что инструкции пришли к ним слишком поздно, почему молодежь уже успела совершить переправу. Так не удалась попытка правительства предупредить подготовлявшееся покушение. Точно так же не удалась попытка нашего посла в Вене [1], предпринятая им по собственной инициативе, отвратить эрцгерцога от рокового пути, на который он собирался вступить. Смерть эрцгерцога произошла в обстоятельствах более ужасных, чем те, которые были предусмотрены [2] и с такими последствиями, о которых никто не смел и помыслить»...

[1] Иована Иовановича.

[2] Разрядка всюду моя.—*Н. П.*

В качестве министра народного просвещения Люба Иованович имел, в числе прочих обязанностей по службе, обязанность оказывать поддержку многочисленным гимназистам и студентам, бежавшим или изгнанным из Боснии за свои революционные, вернее, антиавстрийские выступления. Для субсидирования этих беженцев при министерстве народного просвещения имелся специальный фонд. Беженцы содержались в сербских учебных заведениях на счет казны, патриотических организаций и тайных обществ, в том числе «Народной Одбраны», «Черной руки» и т. д.

Люба Иованович рассказывает о своих двух встречах с Принципом, которого он принимал у себя в кабинете в министерстве. Он советовал Принципу окончить гимназию, чтобы «быть лучше подготовленным: быть в состоянии принести пользу народу и лучше служить своим идеалам». По сообщению одного из таких студентов-беженцев, приезжавших в Лондон во время войны, Принцип был избран для убийства эрцгерцога потому, что находился в такой стадии туберкулеза, что не мог ни в коем случае надеяться на более или менее продолжительную жизнь [1]. То же самое подтверждает и Люба Иованович: «Я видел его (Принципа) в парке как-раз перед от'ездом (в Сараево—*Н. П.)* и он выглядел очень плохо».

«В день святого Витта я находился вечером на своей даче в Сенжаке. Около 5 часов ко мне позвонили по телефону чиновник из прессбюро и сообщил о том, что произошло в Сараево. И хотя я знал, что подготовлялось там, все же точно кто-то неожиданно ударил меня, когда я держал трубку. Когда позже новости подтвердились из других источников, тяжелое беспокойство овладело мной. Я увидел, что положение нашего правительства по отношению к другим правительствам будет несравненно худшим, чем после 29 мая 1903 г. (день убийства короля Александра и королевы Драги.—*Н. П.)*. Я боялся, что все дворы Европы почувствуют себя пораженными пулей Принципа и под давлением монархических и консервативных элементов покинут нас. Я знал, что Франция, тем более Россия, не готовы вступить в бой с Германией и ее дунайским союзником, ибо их подготовка будет закончена не ранее 1917 г.».

Но вскоре паника Любы Иовановича улеглась. Сербская военщина и министерство иностранных дел смотрели более оптимистически на создавшееся положение.

«Страшные мысли обуревали меня, начиная со дня св. Витта вплоть до вечера вторника,—лирически продолжает Люба Иованович,—когда мой молодой друг майор X., которому я рассказывал свои страхи, сказал прекрасным, мягким, но поистине проникновенным голосом: «Господине министр! Я думаю не стоит терзаться сомнениями. Пусть Австро-Венгрия нападет на нас! Это

[1] E. Durham, Fresh Light on the Serajevo Crime, „Contemporary Review", январь 1925, стр. 42.

должно случиться раньше или позже! Сейчас неудобный момент для того, чтобы сводить счеты. Но выбор принадлежит не нам. Если выберет его Австро-Венгрия— пускай! Быть может, это кончится плохо для нас. Но возможно будет иначе».

Надежды военщины разделяла и сербская дипломатия. 18 июля английский поверенный в делах Деррель Кракенторп сообщал Грею[1]:

«Во время частного разговора, который я имел сегодня утром с генеральным секретарем сербского министерства иностранных дел (Славко Груичем—*Н. П.*), я сделал намек по поводу идеи «Таймса» в № от 16 июля, что наиболее благоразумным решением для Сербии было бы приступить самостоятельно и по своему собственному побуждению к расследованию на сербской территории мнимого южно-славянского заговора. Господин Груич дал понять, сколь немыслимо принимать определенные меры до ознакомления с результатами судебного следствия, открывшегося в Сараеве и сохраняемого до настоящего времени в тайне. Что касается Габриновича, первого покушавшегося на жизнь эрцгерцога, всем известно, что сербское правительство просило по его прибытии—как принято обычно делать, когда австрийские подданные прибывают в Белград для жительства—сведений о его прошлом в австрийском консульстве и получило удовлетворительные справки.

Сербское правительство не знает ничего о Принципе. Сербское правительство вполне согласно, лишь только результаты Сараевского следствия будут опубликованы, дать ход всякой просьбе о дальнейшем расследовании, если она будет оправдана обстоятельствами и совместима с международными традициями.

Генеральный секретарь добавил, что он прекрасно знает о том, что в Австрии имеется влиятельная партия, которая пожелает использовать нынешнее положение с целью произвести крайний нажим на Сербию, но белградское правительство обладает точными сведениями, согласно которым Берлин будет воздействовать на Австрию в примирительном духе. Если же случится, что возьмет верх худшее и Австрия об'явит войну, Сербия не будет предоставлена своим собственным силам.

В действительности, если бы Австрия решилась на явно умышленное нападение против Сербии, Россия не осталась бы спокойной перед вероломным нападением на Сербию, в то время как Болгария была бы остановлена Румынией. Господин секретарь полагает, что в текущих обстоятельствах война между великой державой и одним из балканских государств имела бы неизбежным следствием распространение пожара на весь европейский континент».

[1] British War Documents, vol. XI. №№ 61 и 80.

Мы оставляем в стороне изумительно беспардонную ложь Груича о том что «сербское правительство не знает ничего о Принципе». Ведь Люба Иованович принимал его в своем министерском кабинете! Мы оставляем также вопрос о благонадежности Габриновича, которая была, как мы знаем, настолько велика, что благодаря удовлетворительным справкам австрийского консула принц-регент Александр удостоил его, простого рабочего типографии, в начале апреля личной аудиенции, т. е. тогда, когда вопрос о покушении на эрцгерцога был Габриновичем принципиально решен. В этой депеше следует особо выделить два пункта: абсолютная уверенность Груича в том, что 1) в случае выступления Австрии Россия поддержит Сербию и австрийское нападение вызовет всеевропейскую войну и 2) Германия будет воздействовать на Вену в примирительном духе.

Эта депеша Кракенторпа исключительно важна как для понимания последующей позиции Грея в развивавшемся конфликте, в особенности в смысле одобрения Греем позиции России и Франции к австрийскому ультиматуму, так и для характеристики настроений сербского правительства после покушения. Первоначальные страхи Любы Иовановича, что Сербия будет брошена своим могущественным покровителем на произвол судьбы, были совершенно неосновательны. Наоборот, сербское правительство было твердо уверено в том, что на этот раз, в отличие от 1908 и 1912 гг., Россия, а следовательно и Франция, в защите Сербии пойдут до конца. И действительно, через несколько дней после покушения Л. Иованович мог с удовлетворением отметить, что «русская пресса, которая, как известно наперед, выражает мнение русского правительства, дружелюбно отнеслась к Сербии. Россия не отняла своей руки, а за Россией придут и ее друзья. К этому шло, и так оно вышло».

Но перед сербским правительством все же стояла одна задача первостепенной, даже жизненной, важности. Что бы ни вышло, как бы ни повернулись события, министрам было ясно одно—необходимо представить дело так, чтобы перед всем миром Сербия явилась совершенно непричастной к сараевскому покушению, ибо общественное мнение Европы не позволит ни Англии, ни Франции стать на защиту правительства убийц. Еще менее и византийско-монархические убеждения Николая II могли бы позволить ему стать на защиту правительства цареубийц.

Пашич, Протич и весь кабинет в целом деятельно приступил к работе по заметанию следов, которые могли бы свидетельствовать о том, что покушение вышло из Белграда. Л. Иованович с невозмутимо циничной откровенностью повествует:

«Пашич, однако, надеялся, что мы выскочим как-нибудь из кризиса и приложил при содействии нас всех все усилия... для того, чтобы Сербия могла возможно дешевле справиться с неблагодарной задачей—дать удовлетворение Австро-Венгрии.

Как известно, правительство сделало все, что только возможно, для того, чтобы показать нашим друзьям и всему остальному миру, как далеки мы были от сараевских преступников».

С этой целью «Стоян Протич в тот же вечер, когда пришло известие о деянии Принципа, отдал приказ, и белградская полиция запретила всякую музыку, пение и увеселения в публичных местах; все было закрыто, и началось нечто вроде официального траура».

Но так как этого показалось мало, то Люба Иванович решился на героическое средство: «На похоронной мессе, которая служилась в католической церкви (австро-венгерского) посольства 20 июня ст. стиля в день похорон покойного эрцгерцога и его жены, несколько министров представляли сербское правительство. Я был в числе их. Я хотел показать, что даже я, относительно которого могли думать, что я одобрил деяние Принципа (Люба Иованович, как я уже говорил, был одним из основателей, а по своей должности министра народного просвещения,—и официальным покровителем общества «Народна Одбрана»—*Н. П.)* был, наоборот, в полном согласии с тем, что делало правительство. Тем не менее это короткое пребывание в церкви было неприятно для меня. Я чувствовал себя среди врагов, которые не захотят примириться с нами».

Вскоре, однако, «из Вены пришло сообщение, что служащий министерства общественных работ Милан Циганович помогал преступникам переправиться в Сараево. Пашич спросил Иотцу Иовановича, который занимал тогда пост министра общественных работ, кто такой Циганович. Иотца не знал его; не знал его никто и в министерстве. Так как Пашич настаивал, Цигановича после некоторых хлопот нашли на какой-то административной должности на железной дороге. Я помню, что кто-то—не то Стоян (Протич), не то Пашич—сказал, когда Иотца сообщил нам это известие: «Вот так штука! Смотрите, как правильно говорят в народе: если мать потеряет сына, пусть поищет его на железной дороге». Позже мы узнали от Иотцы, что Циганович куда-то исчез из Белграда». В результате всех этих мер «можно было надеяться, что Вене не удастся установить какую-либо связь между официальной Сербией и событием на реке Мильяске» (река у Сараева, на берегу которой Принцип убил эрцгерцога—*Н. П.*).

Эти сенсационные разоблачения Любы Иовановича явились громовым ударом для созданой казенными летописцами Антанты легенды о «маленькой, бедной и невинной Сербии, которую хотела растерзать Австро-Венгрия». Люба Иованович, на первый взгляд, как будто не понимает всей важности того, что пишет и в чем признается. Почтенный сербский сановник с простодушием младенца рассказывает о том, что он сам, его шеф и его коллеги смотрели на покушение на Франца-Фердинанда, как на совершенно есте-

ственное и нормальное явление. Они отлично учитывали весь риск подобного предприятия и все последствия, которые оно может иметь для Сербии. Министерство народного просвещения содержало и воспитывало на казенный счет будущих убийц. Ведь предупредить покушение, даже после неудачи мифической попытки воспрепятствовать убийцам перейти реку Дрину, путем обращения к пограничным властям, которые сами принадлежали к организации, задумавшей и выполнившей убийство, было не так трудно. Для этой цели было достаточно сообщить в Вену имена участников заговора, что потребовало бы всего нескольких часов. А времени Пашич и его коллеги имели более, чем достаточно: от 3 до 5 недель. Но убийству эрцгерцога дали совершиться и заботились только о том, чтобы снять все подозрения в своей причастности к «мокрому» делу. На требование австрийского правительства об аресте Цигановича, Пашич ответил, что Циганович отбыл из Белграда 15 июня ст. стиля в неизвестном направлении. Между тем, как показывает протокол сараевского судебного следствия, подписанный советником австрийского министерства иностранных дел фон-Визнером (т. н. «документ Визнера», к которому мы еще вернемся.—*Н. П.),* следствие закончилось 13 июля, а первые сведения об участии Цигановича в сараевском покушении были получены из уст убийц 1—2 июля нового стиля. Признания Любы Ивановича показывают, что Циганович в эти дни все еще состоял на государственной службе и что разыскать его не стоило особого труда. Но вместо того, чтобы арестовать его, ему позволили таинственно исчезнуть. Наконец, у сербского правительства оказалась в руках еще одна нить, по которой можно было бы добраться до авторов покушения. Как рассказывает Люба Иованович, «Стоян Протич произвел некоторое расследование со своей стороны... На белградской почте была найдена открытка «до востребования», написанная еще до дня св. Витта одним из преступников одному из своих товарищей в Белграде».

Кто был этот белградский товарищ убийц и к чему привели розыски Протича, нам неизвестно, ибо Люба Иованович здесь скромно умолкает. Целый абзац его статьи заменен многоточиями. Очевидно, это место его воспоминаний еще не созрело для раскрытия. Чего стоит также появление Любы Иовановича в церкви австро-венгерского посольства на похоронной мессе по убитому с его же ведома, и, можно сказать, соизволения, австрийскому престолонаследнику. Почти шекспировская ситуация!

Важность разоблачений Любы Иовановича не подлежит никакому сомнению. Впервые один из руководящих сербских сановников признался в том, что:

1) сербское правительство знало за 4—5 недель вперед о готовящемся на австрийского престолонаследника покушении;

2) что оно не приняло никаких серьезных мер для того, чтобы предотвратить его. Единственная попытка предупредить австрийские власти о

готовящемся на эрцгерцога покушении была сделана сербским послом в Вене по собственной инициативе последнего, и являлась, как мы увидим ниже, формальной отпиской, сделанной для того, чтобы сбить австрийские власти с толку;

3) что после сараевского убийства сербское правительство приложило все усилия для того, чтобы замести следы своего участия в этом деле.

Таковы самые минимальные выводы, которые можно сделать из признаний Любы Иовановича. На самом деле дело обстояло еще хуже, гораздо хуже. Сербское правительство было замешано в сараевском убийстве больше, чем рисует Люба Иованович.

Признания Иовановича были встречены бурным негодованием в Европе и Америке, но сербское правительство делало вид, что эти признания к нему не относятся, и хранило по поводу их невозмутимое молчание. Только через полтора года после появления сборника «Кровь славянства», Пашич, под давлением европейского общественного мнения, вспомнил о том, что признания Иовановича наносят смертельный удар легенде о «маленькой, бедной невинной Сербии». О необходимости опровержения вежливо намекнул и выдающийся английский авторитет по сербскому вопросу проф. Сетон-Ватсон, сыгравший вместе со Стидом настолько влиятельную роль в создании и признании Англией нового югославского государства, что считается «отцом Юго-Славии»[1]: «на долю Белграда падает бремя доказательства, что либо информация, имеющаяся в его распоряжении (о подготовке покушения—*Н. П.)* была гораздо более неопределенной, чем Л. Иованович хочет заставить нас верить, либо, что он послал соответствующее (adequate) предостережение об опасности, которое нам пока еще неизвестно. Дело не может оставаться в подобном положении. Общественное мнение Европы и Америки более, чем когда бы то ни было, заинтересовано в проблеме ответственности за мировую войну и вправе требовать полного и подробного раз'яснения от Любы Иовановича и его шефа—Пашича».

Но Пашич сохранял гордое молчание. Тогда Сетон-Ватсон счел необходимым отправиться в Белград своей собственной персоной, чтобы добиться этого раз'яснения. Поездка кончилась неудачей. 13 мая 1925 года Сетон-Ватсон поместил в Загребской газете «Обзор» следующее наивное письмо:

«Вот уже более двух месяцев я прошу белградское правительство раз'яснить те заявления, которые несколько времени тому назад Люба Иованович сделал о сараевском убийстве в своем памфлете «Кровь славянства», но до сих пор я не получил никакого ответа.

Несколько недель тому назад Л. Иованович напечатал ряд статей об ответственности за войну, но в них он избегал касаться главного вопроса.

---

[1] Steed, II, pp. 164—339. Титул дан Сетону-Ватсону «Юго-славским комитетом», находившимся на о-ве Корфу.

и обвинил меня в неправильном изложении его первых заявлений... Я отлично понимаю колебания Л. Иовановича в даче прямого ответа. Если он станет отрицать правильность своих заявлений, все будут удивляться тому, как может столь легкомысленно писать ответственный государственный деятель. А если он признает, тогда его коллега и премьер-министр в те времена, Пашич, будет поставлен в неприятную необходимость откровенно и ясно высказаться и представить все в подлинном свете». В своих письмах в лондонский «Морнинг Пост» 7/V—1925 года, белградскую «Политику» 13/IV—25 г., «Обзор» 13/IV—25 г. Сетон-Ватсон считает, что признания Л. Иовановича хотя и скомпрометировали доброе имя Сербии в глазах всего мира, но все же являются преувеличенными. Газеты Пашича ответили обвинением «отца Юго-Славии» (Сетона-Ватсона) в германофильстве и защите немецких интересов. Однако Сетон-Ватсон все еще продолжает верить в преувеличенность заявлений Иовановича.

Поездка Сетона-Ватсона все же явилась толчком, побудившим Пашича так или иначе реагировать на признания Иовановича. На конгрессе радикальной партии 25/IV—1926 года Пашич заявил, что «убийство в Сараеве явилось для Австрии случаем свести счеты с Сербией, которая была в нем неповинна. То, что написал Иованович, уже говорили многие друзья Германии. Международная комиссия изучит эту проблему. Если она осудит нас, Германия будет оправдана. Я ничего не знал о покушении, я никогда ничего не говорил о нем Иовановичу. После возвращения из Бухареста (где Пашич встретился с Сазоновым и королем румынским. Мы еще увидим, какие последствия имела эта встреча.—*Н. П.)*, я рекомендовал «Народной Одбране» не предпринимать ничего против Австрии. Я не знаю точно, что сказал Иованович, но я знаю, что это ложь, он действовал по собственной инициативе, не посоветовавшись ни с кем из своих прежних коллег, и это непростительно!». По просьбе Пашича некоторые министры, члены кабинета 1914 г., подтвердили его слова [1]. Иованович имел дерзость ответить, что «он никогда не говорил, что Пашич сделал свое сообщение на заседании кабинета. Он сделал сообщение в частном разговоре. Я написал это в 1924 году и никто не обвинил меня во лжи до статьи Еленича в «Политике» в начале 1926 года. Если же публикация моей статьи была преступлением, государственной изменой, как квалифицирует ее Пашич, то почему же я — Люба — сделан председателем Скупщины и законодательного Совета после ее напечатания? [2]. Так как Пашич предпочел не ответить на этот вопрос, Люба Иованович добавил, что «у него имеются другие доказательства истинности своих заявлений, но он не публи-

[1] Политика», 26/IV—1926.
[2] Ibidem.

кует их, не желая вредить Пашичу и партии. Но он готов представить эти доказательства в виде официальных документов, если правительство даст свое разрешение на опубликование последних»[1]. Тогда вмешался премьер-министр Узунович и попросил Любу Иовановича не представлять этих доказательств, «чтобы не было сказано то, что не должно быть сказано[2].

Спор Пашича с Иовановичем, несмотря на свою подлинность, кажется чудовищно неправдоподобным. Попытку Пашича опровергнуть Иовановича вряд ли кто-нибудь признает удавшейся. В самом деле, что стоило бы разрешить Иовановичу опубликовать документы, о которых он говорит? Если эти документы фальшивые и ничего не доказывают, то предыдущее заявление Иовановича является всего-на-всего безответственной и легкомысленной болтовней. Сербское правительство могло принять вызов Иовановича и разоблачить ложность его показаний, но оно предпочло промолчать. Естественно напрашивается вывод, что документы, которые предлагал представить Люба Иованович, не были фальшивкой, а доказывали очень многое. Точно так же исследователи вопроса о виновниках войны до сих пор ничего не знают ни о созыве сербским правительством международной комиссии для изучения этой проблемы, ни об открытии сербских архивов для работников науки. Сербскому правительству, очевидно, есть что скрывать.

И в самом деле, если мы попробуем сопоставить некоторые факты в связи с вышеприведенным заявлением Пашича на конгрессе радикальной партии, то будем иметь самые серьезные основания для сомнений в искренности Пашича. В 1926 году Пашич заявляет, что «он ничего не знал о готовящемся покушении». Через несколько дней после об'явления войны Пашич в скупщине на запрос бывшего министра Драгутина Печича заявил, что послал предупреждение в Вену об опасности, которая угрожала эрцгерцогу. «Temps» посвятил этому предупреждению целую передовицу[3]. Впервые об этом предупреждении сообщил сербский посол в Петербурге Спалайкович в интервью в «Новом Времени» от 30 июня 1914 года. О посылке Пашичем предупреждения сообщает и французский историк Дени, проделавший весь путь с сербской армией во время отступления 1915 года[4]. Наконец, сам Пашич в интервью американскому корреспонденту 7 июля 1914 года заявил, что «он предупредил Вену об опасности, которой подвергался эрцгерцог»[5].

---

[1] «Обзор», 26/IV 1926.

[2] Ibidem. Еще ранее 17 апреля 1925 в «Политике» Иованович заявил, что он «не делает никаких разоблачений, а говорит то, что в 1914 году было известно каждому из нас... Кто станет доказывать, что сербское правительство не знало ничего о плане убить Франца-Фердинанда, тот возьмет на себя невыполнимую и вредную задачу».

[3] «Temps», 10 VII 1914.

[4] Denis, La Grande Serbie, Paris, 1915, pp. 151 и 277; Stanojevich 61.

[5] «Политика» 17/IV 1925.

Однако, в 1917 г. Пашич дал отбой и в новом интервью заявил: «Если бы мы знали о существовании заговора, то предупредили бы австрийское правительство»[1]. Что же, знал Пашич о готовящемся покушении или не знал? Если не знал, то как он мог предупредить о нем Вену? Если же знал, зачем признаваться в таких вещах, которые могут внушить подозрение, что сербское правительство знало о готовящемся заговоре? Такая двойственная тактика Пашича об'ясняется тем, что Димитриевич и Принцип, благодаря приобретениям войны, создавшим более «Великую Сербию», чем та, о которой смели мечтать сербские империалисты, превратились в народном сознании в национальных героев и мучеников. Ведь если сербское правительство предупредило в 1914 году Вену, то сейчас в глазах сербских националистов Пашич и его коллеги не более, как предатели и изменники национальному делу. Если же сербское правительство, зная о заговоре, не предупреждало Вены, тем самым Пашич и его друзья становятся соучастниками заговора. Пашичу одинаково трудно признаться и в том, и в другом. Но мы можем сказать с полной определенностью, что сербское правительство не предупреждало Вены, хотя прекрасно знало о заговоре. В 1914 году австрийцы нашли в журнале входящих бумаг командира пограничного поста копию приказа военного министерства, предписывающего арестовать участников заговора при переходе через границу. Участники заговора были перечислены по фамилиям. Это показывает совершенно убедительно, что, во-первых, сербский кабинет знал о готовящемся покушении и, во-вторых, что рассказ Любы Ивановича о посылке приказа задержать заговорщиков, отправленного по постановлению всех присутствовавших членов кабинета, в том числе и Пашича и Протича, соответствует действительности. Точно так же соответствует действительности и рассказ Любы Ивановича о том, что сербский посланник в Вене Иован Иованович предупредил по собственной инициативе австрийское правительство о готовящемся покушении. Иован Иованович, как сообщает он сам[2], решился посетить Билинского (министра по делам финансов и министра по делам Боснии-Герцеговины) 5 июня, за 23 дня до преступления, и предупредить об опасности, угрожающей эрцгерцогу, но не от готовящегося покушения, а о том, что «маневры в таких условиях (т. е. в день национальной скорби, у сербской границы, под руководством сербофоба Франца-Фердинанда) опасны. Среди сербской молодежи может найтись и такой, кто заменит холостой патрон боевым в своей винтовке или револьвере; он может выстрелить, и эта пуля может поразить командующего». Иными словами, Иован Иованович предупреждал, что Франц-Фердинанд может быть застрелен австрийскими войсками. Вполне естественно, что Билинский не обратил на предупреждение такого

---

[1] «Standard» 21/VII 1917.
[2] «Neues Wiener Tageblatt», 28/VI 1924.

сорта никакого внимания. Он даже не упоминает о нем в своих мемуарах. И хотя Иован Иованович приходил к Билинскому по этому делу вторично, несколько дней спустя, австрийское министерство иностранных дел имело все основания заявить 3 июля, что никакого предупреждения по поводу заговора на жизнь эрцгерцога сербское правительство не присылало. Ни слова об этом предупреждении нет и в сербской Синей книге 1914 г. Невольно возбуждает подозрение сомнительное совпадение. Сделать предупреждение Билинскому Иовану Иовановичу пришло в голову как раз 5 июня, а Люба Иованович говорит, что «в конце мая или в начале июня» Пашич сообщил о предполагавшемся убийстве. Является ли это совпадение случайным, или сербские сановники за границей тоже знали о готовящемся заговоре?

Эти факты позволяют нам думать, что сербское правительство никогда не думало всерьез о предупреждении австрийских властей или о том, чтобы предотвратить осуществление заговора. Еще большие сомнения возбуждает поведение сербского правительства в период после покушения, с 28/VI по 23 июля (день пред'явления ультиматума). Английская журналистка Эдит Дергем, прожившая много лет на Балканах и написавшая прекрасное исследование о сараевском убийстве [1], совершенно основательно спрашивает: «Как могло быть, чтобы в стране, наводненной полицейскими шпионами, где в довоенное время у простого туриста требовали паспорт в каждой деревушке, где по его пятам шла полиция, где он не мог сфотографировать корову или поговорить со старухой без того, чтобы полиция не узнала об этом и не пожелала узнать причину,—как это могло быть, чтобы в такой стране столь вездесущая полиция была совершенно не в состоянии в течение трех недель пролить хоть каплю света на это преступление?». Даже Сетон-Ватсон, все еще продолжающий думать, что сербское правительство было непричастно к организации покушения, находит бездеятельность сербского правительства «совершенно непростительной». 30 июня Славко Груич ответил барону Шторку, спрашивавшему от имени австрийского правительства, что предприняли и предпринимают сербские власти для раскрытия преступления, что «полиция не занята этим делом» [2]. Напрасно Иован Иованович трижды предупреждал из Вены о надвигающейся грозе [3]. Правительство Пашича имело предостережение по этому вопросу и из Берлина. 1 июля Циммерман указал Богичевичу на «тяжкие последствия отказа Сербии исполнить свой долг» в смысле преследования подозреваемых лиц: «последствия такого отказа,—заявил Циммерман,—никто не сможет учесть» [4]. Сербское правительство, выразив официальное свое осуждение сараевскому преступлению, не предприняло ничего для ареста участников заговора или прекра-

---

[1] E. Durham, The Serajevo Crime, London, 1925.
[2] Das Oesterreichische Rote Buch, 1914, № 2.
[3] Сербская Синяя книга, 1914, № 23, 25, 31.
[4] Deutsche Dokumente zum Kriegsausbruch, IV, Anhang IV, 1.

щения совершенно неприличной радости сербской прессы и сербского населения по поводу убийства Франца-Фердинанда [1]. На улицах Белграда люди обнимались, охваченные радостью, и были слышны замечания: «Мы ждали этого давно! Это месть за аннексию» [2]. О всеобщем ликовании населения доносили австрийские консулы из Ниша и Ускюба. Только 20 июня Богичевич передал Ягову сербскую ноту, просившую германское правительство употребить все свое влияние в Вене в смысле ходатайства за Сербию. Нота выражала полную готовность Сербии подчиниться требованиям Австрии [3]. Но и этот шаг сербского правительства, как мы знаем теперь, был сделан по указанию из Петербурга и Парижа. В промежуток между 28 июня и 23 июля сербским правительством не было сделано ни одного ареста. На требование ареста Цигановича Пашич ответил, что 28 июня Цыганович отбыл из Белграда в неизвестном направлении и не может быть найден. Между тем из рассказа Любы Ивановича видно, что Циганович в это время был в Белграде и продолжал отправление своих служебных обязанностей. Австрийский посол в Белграде Гизль сообщил в Вену, что Циганович исчез из Белграда только через три дня после покушения [4]. Вездесущая сербская полиция, казалось, точно провалилась сквозь землю, а Пашич на все запросы дипломатов, советовавших предпринять что-нибудь для преследования участников заговора, отвечал, что подождет результата австрийского расследования в Сараеве [5].

Если сопоставить эту странную бездеятельность сербских властей с отказом допустить австро-венгерских чиновников к участию в следствии против участников заговора, находившихся на сербской территории,—отказом, из-за которого сербское правительство предпочло пойти на войну, нежели допустить подобное нарушение своего «суверенитета», наши слова, что Пашичу было что скрывать от глаз Европы, получат новое подтверждение. Настойчивость Австрии в этом пункте понятна. Сараевское покушение было шестым покушением за последние 4 года. У австрийского правительства не было никаких гарантий в том, что эти покушения не будут продолжаться бесконечно, и Сербия предпримет хоть какие-нибудь реальные шаги, чтобы наказать сараевских убийц и не допускать подобных покушений в будущем. Все это предопределило посылку ультиматума, относительно которого сербский посол в Берлине Богичевич писал:

«Форма ноты, конечно, исключительно резкая. Ультиматум такого характера до сих пор ни разу не посылался независимому государству. К несчастью, все отношение Сербии к Австрии в предвоенную эпоху до изве-

---

[1] Jagow, Ursachen und Ausbruch des Weltkrieges, Berlin, 1919, стр. 96 и Livre jaune 1914, № 15.

[2] Das Oesterreichische Rote Buch, 1914, № 1, 3, 5.

[3] Deutsche Dokumente zum Kriegsausbruch, I, № 29.

[4] Das Oesterreichische Rote Buch, 1914, № 9, Берхтольд—Менсдорфу.

[5] British War Documents, vol. XI, № 61 и 80.

стной степени оправдывало такую форму... Что касается содержания австро-венгерской ноты и вопроса о виновности, я считаю своим долгом (как бы он ни был тягостен и как бы я ни сожалел о таком положении дел) засвидетельствовать в интересах исторической правды, что обвинения австро-венгерской ноты за немногими незначительными исключениями были справедливы и правильны»[1]. Что же хотел скрыть Пашич? Многое такое, о чем не смели подумать и сами австрийцы. И ради сокрытия этого многого Пашич не остановился перед судебным убийством тех лиц, которые слишком многое знали о сараевском деле.

В конце 1916 года сербское правительство издало декрет о роспуске «Черной Руки». Главари общества были арестованы и преданы военному суду, который состоялся в Салониках в июне 1917 г. 3 человека—полковник Димитриевич, майор Вулович и Малобабич—были расстреляны 24 июня, несколько человек приговорено к продолжительному тюремному заключению, часть бежала за границу, остальные были оправданы. Официальным предлогом расправы, как сообщает Станоевич[2], была попытка Димитриевича вступить в переговоры с врагами, открыть фронт и организовать заговор против сербского принца-регента Александра. Эта версия не выдерживает никакой критики, потому что кто-кто, но не Димитриевич, мог явиться лицом, с которым австрийское правительство согласилось бы вступить в какие-либо переговоры. Гораздо более интересную версию предлагает бывш. сербский посол Богичевич в своей книге о салоникском процессе[3]. По его словам Димитриевич узнал о тайных переговорах Пашича с Германией, имевших целью свержение династии Карагеоргиевичей для того, чтобы возвести на сербский престол герцога Иоганнеса Альберта Мекленбургского. Оставалось лишь закончить обсуждение последних формальностей, когда Антанта заверила Сербию в своей абсолютной поддержке и высадила войска в Салониках. Тогда Пашич отказался от своего проекта и сохранил верность Антанте. Но нужно было любой ценой зажать рот Димитриевичу, проникшему в тайны переговоров. Пашич обвинил Димитриевича в организации заговора против принца-регента Александра и в сношениях с неприятелем, намекнув регенту, что было бы вполне своевременно, в виду неизвестности исхода войны, убрать Димитриевича, который слишком много знает о сараевском убийстве. Регент согласился, и тогда был создан салоникский процесс.

У нас нет никаких данных, позволяющих судить о том, происходили ли действительно переговоры Пашича с Германией. Но если даже тайные переговоры Пашича с Германией и не принадлежат к числу апокрифов, не

[1] Bogichevich, Les causes de la guerre, Paris, 1925 и Amsterdam, 191, стр. 69
[2] Stanojevich, 51.
[3] Bogichevich, Le procès de Salonique, Paris, 1927, и Sixte Bourbon. L'offr de la paix, Paris 1918.

наш взгляд доводы, выставленные Пашичем перед принцем-регентом в пользу расстрела Димитриевича, сыграли решающую роль. К моменту развязки, т. е. мирных переговоров (а тогда еще не было известно, кто одержит верх, пока всюду побеждала Германия) необходимо было во что бы то ни стало зажать рот неудобному свидетелю и показать перед лицом всего мира, что сербское правительство не только не поощряет цареубийц, а даже карает их. Что именно такова была настоящая причина салоникского процесса, показывают следующие факты.

Военный суд обратился ко всем подсудимым и свидетелям на процессе, взывая к их патриотизму, с просьбой не делать ни малейшего намека в своих показаниях на сараевское покушение и вообще не говорить о событиях, связанных с пансербской пропагандой за границей, которые могли бы повредить сербскому правительству. Тем не менее, когда процесс был закончен, с осужденных, для собственной перестраховки, потребовали письменной декларации о всем, известном им относительно сараевского убийства; эти декларации до сих пор нигде не опубликованы, и существование их то официально отрицается, то признается—в зависимости от требований политического момента. В своем завещании, написанном в ночь накануне расстрела, Димитриевич пишет: «Хотя я осужден двумя трибуналами и хотя корона мне отказала в помиловании, я умираю невинно, в убеждении, что моя смерть нужна Сербии из высших соображений».

К своему завещанию, вернее, предсмертному письму к «сербскому народу», Димитриевич приложил полный отчет-признание в организации им сараевского покушения. Отчет, как я уже говорил, считается апокрифом. Но, спустя полтора года после расстрела, Протич (тогда министр иностранных дел; из признания Любы Иовановича мы знаем, что он был министром внутренних дел в кабинете Пашича в 1914 г. и принадлежал к руководителям «Народной Одбраны» и с ним именно Пашич обсуждал вопрос о сараевском покушении) в ответ на статью «отца Юго-Славии» Сетона-Ватсона, осуждавшего солоникские расстрелы [1], заявил, что «имелся письменный документ, который делал помилование Димитриевича совершенно немыслимым» [2]. В 1922 году тот же Протич в белградской газете «Радикал» (№ 294 от 1922 г.), редактором которой он в то время состоял, подтвердил факт существования этого признания: «полковник Димитриевич подписал документ, возлагающий на него всю ответственность за сараевское дело».

Не менее интересны обстоятельства, в которых была совершена казнь над Димитриевичем. Из Парижа и Лондона (военное министерство!—*Н. П.)*, из России—мин. иностр. дел Терещенко—просили о смягчении участи Димитрие-

---

[1] «New Europe» 22/VIII 1918. Serbia's choice.

[2] «New Europe» 26/IX 1918. Serbian protest.

вича. Сербское правительство ответило, что смягчение участи Димитриевича немыслимо, так как его виновность в сараевском убийстве установлена. Несмотря на это, английское правительство собиралось обратиться с официальным ходатайством о помиловании Димитриевича, на которое Пашичу было бы неудобно ответить отказом. Поэтому с казнью Димитриевича поторопились, чтобы иметь возможность ответить в Лондон, что телеграмма пришла слишком поздно, когда казнь была уже совершена. Осужденных к расстрелу—полк. Димитриевича, его друга и доверенное лицо Малобабича и майора Вуловича (бывшего начальником пограничной стражи на том участке границы, где Принцип с товарищами переправился в Боснию) отвели к месту казни ночью. Осужденные прошли часть пути пешком и присуждены были ждать несколько часов, пока не наступит рассвет, ибо стрелять в темноте исполнители были не в состоянии. Не менее интересные подробности о салоникском процессе сообщает и Ненадович[1]. По его словам Димитриевича пытались убрать сначала при помощи убийства. Для этой цели генерал Петар Живкович нанял трех бродяг, а Люба Иованович, бывший тогда министром внутренних дел, предоставил свой автомобиль, чтобы увезти убийц после совершения преступления в Албанию. Но попытка убийства не удалась, так как один из бродяг успел предупредить Димитриевича. Тогда Димитриевича и других членов «Черной Руки» обвинили в намерении открыть салоникский фронт врагу, и Л. Иованович арестовал их 3—10 декабря 1916 г. Процесс против них велся в полной тайне, и, как сообщает Ненадович, на процессе первоначальное обвинение было заменено обвинением в организации заговора подсудимыми против принца-регента Александра. Ненадович сообщает одну очень знаменательную подробность: во время процесса Александр писал генералу Живковичу, что «Димитриевич во что бы то ни стало должен быть приговорен к смерти». Принц-регент имел, как мы увидим, все основания для такого приказа.

Мы отвлеклись в сторону от темы и занялись подробно судьбой Димитриевича в виду того, что обстоятельства его смерти в значительной степени зависели от «события на реке Мильяске». Салоникский процесс явился прямым продолжением сараевского (над убийцами эрцгерцога в октябре 1914 г.). Но то, ради чего хотели заткнуть рот, все же не удалось сохранить в тайне.

Несколько лидеров «Черной Руки» успели во-время спастись от Пашича. Им мы обязаны очень интересными разоблачениями.

Друг и помощник Димитриевича полковник Лазаревич выпустил в 1917 году в Лозанне книгу «Die Schwarze Hand», посвященную истории и дея-

---

[1] Fédération Balcanique, 1/XII 1924. «Тайне београдске камариле». Сербский текст более интересен, чем немецкий перевод, сделанный с отступлениями и искажениями оригинала.

тельности «Черной Руки». В своей книге он привел подробный список членов «Черной Руки». Из списка видно, что в состав общества входили все наиболее выдающиеся политические деятели Сербии. Почетным членом-покровителем «Черной Руки» был не кто иной, как сам наследный принц-регент Александр. Сербское правительство было в курсе всего, что замышляла «Черная Рука», и давало свою визу в каждом отдельном случае. Пашич был связан с «Черной Рукой» через доверенное лицо [1].

Сведения, сообщаемые Лазаревичем, подтверждаются показаниями и других членов «Черной Руки». Никола Ненадович сообщает, что о готовящемся покушении знали не только Пашич и принц-регент Александр, но и русский посол в Белграде Гартвиг и военный атташе Артаманов. «Черная Рука» выступила против сдерживающей политики короля Петра и гражданских властей. Под ее давлением король Петр отказался от власти и передал ее в форме регентства принцу Александру, находившемуся в тесной связи с «Черной Рукой». Ближайшее участие в этом дворцовом перевороте принимал Гартвиг (об этом же сообщает и Станоевич). Показания Ненадовича о причинах салоникского процесса почти полностью совпадают с фактами, изложенными Богичевичем.

Сообщения Ненадовича о том, что русский посол и военный атташе знали о готовящемся в Сараеве покушении, подтверждает заявление, сделанное одним из членов «Черной Руки», пожелавшим остаться неизвестным, венскому журналисту Леопольду Мандлю [2]. По словам этого члена «Черной Руки», Димитриевич предвидел, что убийство эрцгерцога может втянуть Австро-Венгрию в войну с Сербией и, боясь, чтобы Россия не отступила так, как она это уже дважды сделала в 1908 и 1912 гг. при виде Австрии, поддержанной Германией, сообщил о готовящемся покушении Артаманову, выразив свои опасения. Артаманов после совещания с Гартвигом явился в контрразведывательное отделение сербского генерального штаба и просил Димитриевича обождать, пока он снесется с Петербургом; Артаманов послал полный отчет о своем разговоре в Петербург и через несколько дней получил многозначительную телеграмму: Marchez, si l'on vous attaque, vous ne serez pas seuls» и значительную сумму денег на расходы по подготовке покушения. Артаманов вновь нанес визит в контрразведывательное отделение и сообщил Димитриевичу, что Россия поддержит Сербию, что бы ни случилось. «Мы трепетали до самой глубины нашего существа от слов русского военного атташе, так как знали, что теперь секира занесена над отпрыском австрийской императорской фамилии».

---

[1] Это же подтверждают и Богичевич, Хинкович, Обаров, Симич и др.

[2] «Neues 8 Uhr Blatt», 27/VI—1/IV 1924 и Божин Симич.

Мы вернемся к вопросу об участии России в подготовке сараевского убийства несколько дальше. Сейчас отметим еще показание полковника Симича, личного друга Димитриевича, удалившегося в 1916 г. в изгнание, так как сербская почва оказалась чересчур горяча для его ног. Показания Симича, опубликованные Виктором Сержем[1], сводятся к следующему: «Танкосич снабдил убийц револьверами и бомбами, сфабрикованными в сербском правительственном арсенале в Крагуеваце. Милан Циганович был агентом Танкосича. Австрийское следствие установило, что Циганович был одним из наиболее видных участников заговора. Тогда Пашич послал Циганович в Албанию (теперь мы знаем, куда «исчез» Циганович, когда сербское правительство «не могло найти его»). Накануне сараевского убийства Принцип просил денег у Цигановича телеграммой: «Свадьба состоится в воскресенье. Пришлите денег». Циганович пошел к секретарю «Черной Руки» майору Лазичу, который дал 1000 динаров. Этой суммой закончились издержки по сараевскому делу.

Циганович, о существовании которого белградская полиция не знала ничего[2], прибыл в Белград из Боснии в 1908 г. и получил место чиновника на железной дороге по приказу Пашича. Во время балканских войн (и до них) он был четником в отряде Танкосича и завоевал его доверие. Последний в 1911 г. предложил Цигановичу вступить в только что сформированное общество «Черная Рука». Пашич побудил Цигановича принять предложение Танкосича, чтобы иметь агента, который мог бы держать его в курсе всего того, что делается в этом тайном обществе. Отнюдь не случайно Пашич приказал белградскому префекту заявить, что имя Цигановича в Белграде неизвестно, хотя Циганович жил в этом городе с 1908 года. Пашич отправил Цигановича в Албанию и одновременно ответил австрийскому министерству иностранных дел, что он отдал приказ об аресте Цигановича, но последнего невозможно найти. Но, предусматривая все возможные случайности, правительство Пашича приняло и другие меры предосторожности. После 28 июня директору сербских железных дорог было приказано удалить имя Цигановича из всех служебных списков и реестров при помощи подчисток. Через месяц после начала войны Циганович явился из Албании и присоединился к отряду комитаджей Танкосича. В апреле 1915 года, по ходатайству члена Скупщины Михаила Ранковича, организовавшего впоследствии дачу ложных показаний на салоникском процессе, ми-

---

[1] «Clarté», май 1925.

[2] Das Oesterreichische Rote Buch, 1914, № 34, Приложение. Циганович уехал в Рибари по командировке Белградской полицейской префектуры. «Белградский начальник полиции, лично способствовавший от'езду Цигановича и знавший, где он будет находиться, заявил в интервью, что в Белграде не существует человека по имени Милан Циганович».

нистр общественных работ Драшкович уплатил Цигановичу жалованье по службе на железных дорогах за все пропущенное время. На салоникском процессе Циганович явился главным свидетелем против Димитриевича и «Черной Руки».

После расстрела Димитриевича, Малобабича и Вуловича Пашич, неизменно стоявший во главе сербского правительства, отправил Цигановича в Америку по фальшивому паспорту (на имя Даниловича), щедро снабдив деньгами. Циганович вернулся через год, когда все толки и слухи о салоникском процессе и участии Цигановича в нем улеглись, и после окончания войны получил в награду от правительства за оказанные услуги имение близ Ускюба. Здесь Циганович проживал до своей смерти в 1927 г., мирно занимаясь сельским хозяйством и отдыхая от трудов. Его роль в салоникском процессе можно назвать выдающейся. Он был живой связью между осужденными членами «Черной Руки» и теми лицами, которые организовали процесс».

Далее, Симич показывает, что «Черная Рука» пользовалась тремя дорогами при перевозе оружия для революционных тайных организаций в Боснию: между Ковильячем и Лозницей, у Зворника, у Любовицы. По первым двум прошли сараевские убийцы и Данило Илич [1], выработавший план покушения и ездивший в Белград для совещания с Димитриевичем в конце мая ст. стиля 1914 г. Начальником этого участка границы был майор Вулович, впоследствии казненный в Салониках.

Вот основные факты, которые известны о подготовке и исполнении сараевского покушения. Богичевич, использовавший в своей книге о салоникском процессе официальные протоколы этого процесса, копия которых случайно попала в его руки, подтверждает правильность этих заявлений членов «Черной Руки», уцелевших после ее разгрома. Мало того, 18 февраля 1925 года группа сербских офицеров, членов «Черной Руки», вышедших оправданными из процесса в 1917 г., обратилась в Скупщину с петицией, в которой заявляла:

1) Что «Черная Рука» никогда не предпринимала ничего против принца-регента, ныне короля Александра.

2) Что «Черная Рука» была патриотическим обществом, стремившимся создать Великую Сербию, путем использования для этой цели национального движения в Боснии-Герцеговине.

3) Что принц-регент, виднейшие сановники и высшее офицерство были ее членами.

4) Что деятельность «Черной Руки» была всегда известна правительству и соответствовала видам и намерениям последнего.

---

[1] После прибытия Принципа и его товарищей в Сараево Илич ездил в Белград для получения от Димитриевича последних инструкций.

5) Что все вышесказанное они могут подтвердить доказательствами и официальными документами, для чего ходатайствуют о назначении суда для пересмотра салоникского процесса.

Правительство Пашича предпочло смолчать и на этот вызов. Причиной этого является боязнь Европы. Некоторые европейцы, в том числе и «отец Юго-Славии» Сетон-Ватсон, встретили первую и, можно сказать, пробную официальную декларацию сербского правительства (устами Любы Иовановича) более, чем неодобрительно. Пашич немедленно забил отбой и довольно неуклюже и неудачно пытался дезавуировать Любу. С другой стороны, сербские националисты требуют официального признания и прославления Димитриевича, Принципа и прочих национальных героев и мучеников за сербское дело. Димитриевич и Принцип стали политическими иконами, и память их негласно прославляется в школах.

Так внешняя политика сталкивается с внутренней.

Эти факты, изложенные нами, довольно убедительно показывают, что все обвинения австрийского ультиматума по адресу сербского правительства были не только не преувеличены, а в огромной степени преуменьшены. Читая признания Любы Иовановича и членов «Черной Руки», трудно поверить, что сербское правительство было менее осведомлено о готовящемся покушении, чем австрийское, которое через несколько дней после покушения потребовало ареста Войи Танкосича и Цигановича. Защитники тезиса, что «преступление, совершенное австро-венгерским подданным на территории Двуединой монархии, ни в коем случае не может скомпрометировать Сербию»,[1] что Австрия совершенно неожиданно послала Сербии ультиматум, сформулированный таким образом, чтобы сделать прием его немыслимым, любят ссылаться на «документ Визнера», опубликованный впервые в качестве приложения к ноте американской делегации от 4 апреля 1919 года. В этой ноте доклад Визнера 13 июля 1914 года австрийскому министру иностранных дел гласит следующее:

«Соучастие сербского правительства в руководстве покушением или в подготовке его и доставке оружия ничем не доказано и даже не может быть хотя бы заподозрено. Наоборот, есть данные, позволяющие предположить, что подобное соучастие исключено»[2].

Эти 4 строчки представляют отдельно выхваченную и притом искаженную цитату из доклада Визнера, искажающую весь смысл доклада. Доклад Визнера был напечатан в австрийской Красной Книге 1919 г.[3], которая вышла в конце года и, следовательно, была еще тайной. Как попал в руки амери-

---

[1] Доклад комиссии Антанты, созданной 25 января 1919 на Парижской мирной конференции для исследования вопроса о виновниках войны. Livre blanc allemand 1919 sur les auteurs de la guerre.

[2] Livre blanc allemand 1919, I, p. 37.

[3] Das Oesterreichische Rote Buch 1919, 1, № 17.

канской делегации этот документ и притом в таком укороченном и совершенно искаженном виде, американское правительство скромно умалчивает. А между тем полный рапорт фон Визнера приводит к совершенно иным выводам, чем цитированные американской делегацией строчки.

«Местные (сараевские) представители власти убеждены, что великосербская пропаганда просачивалась сюда из Сербии, как из центра, не только при помощи прессы, но через клубы и прочие организации и, более того, это происходило как с ведома и одобрения, так и при содействии сербского правительства. Материал, представленный мне гражданскими и военными властями, в качестве основания, подтверждающего их убеждение, может быть характеризован следующим образом: материал периода, предшествовавшего убийству, не дает доказательств, позволяющих мне предположить, что пропаганда одобрялась сербским правительством. Но имеется материал, правда скудный, который в достаточной мере доказывает, что это движение, имевшее своим центром Сербию, проводилось при терпимом отношении сербского правительства.

Расследование преступления: нет никаких доказательств участия сербского правительства в руководстве убийством, его подготовке или снабжении оружием: нет даже таких подозрений.

Наоборот, есть доказательства, которые как-будто показывают, что подобное участие было немыслимо. Из показаний обвиняемых удостоверено в едва ли опровержимой форме, что преступление было решено в Белграде и что оно было подготовлено при содействии сербского государственного чиновника Цигановича и майора Танкосича, снабдивших револьверами, оружием и цианистым кали заговорщиков. Участие Прибичевича не доказано, и первые отчеты по поводу этого являются результатом печального недоразумения со стороны полицейских властей, расследовавших дело. Есть несомненные вещественные доказательства, что бомбы были первоначально получены из арсенала сербской армии в Крагуеваце, но нет доказательств того, что эти бомбы были взяты из арсенала недавно, со специальной целью, ради которой они были использованы, так как бомбы могли принадлежать военным складам комитаджей.

Судя по показаниям обвиняемых, мы вряд ли можем сомневаться, что Принцип, Габринович и Грабеч были тайно переправлены через границу в Боснию с оружием и бомбами по указанию Цигановича. Эта организованная переправа была осуществлена начальниками пограничных постов у Шабаца и Лозницы и выполнена при помощи таможенной стражи. Хотя невыяснено, были ли осведомлены эти люди о целях путешествия, они безусловно должны были учитывать таинственный характер миссии. Другие расследования, произведенные после убийства, проливают свет на организацию пропаганды «Народной Одбраной». Полученный материал ценен и может быть принят во внимание, но его нужно тщательно проверить.

Требования могут быть увеличены еще более:

1) Запрещение сотрудничества сербских правительственных органов в переправе лиц и грузов через границу.

2) Увольнение начальника сербских пограничных постов у Шабаца и Лозницы, а равно и замешанных органов таможенной стражи.

3) Преследование Цигановича и Танкосича».

Эти требования и легли в основу ультиматума. Визнер, производивший следствие всего два дня—11 и 13 июля—конечно, не имел времени и возможности выяснить вопрос больше. С другой стороны, «Черная Рука» была законспирирована так хорошо, что австрийские власти почти не догадывались о ее существовании, смешивая ее с «Народной Одбраной»[1].

Знало ли царское правительство об организуемом в Белграде покушении на жизнь эрцгерцога? У нас нет никаких документальных данных, которые позволили бы ответить утвердительно на этот вопрос. Но дипломатическая история Европы не зиждется только на одних документах, иначе выяснение исторических событий свелось бы исключительно к пересказу документов «собственными словами». Вполне возможно, что такой документ, устанавливающий с абсолютной точностью, что русское правительство было одним из участников заговора, не будет найден ни в одном из русских архивов. Мы склонны думать, что вряд ли он вообще существует в природе. В высшей степени невероятно, чтобы в такой стране, как Россия, с таким мистически убежденным в святости монаршей власти царем, как Николай II («Переписка Николая и Александры Романовых» дает поразительную картину византийского монархизма, воскрешенную Николаем II в XX веке), русские министры и сановники представляли на высочайшее благоусмотрение докладные записки, в которых говорилось бы о необходимости насильственно убрать эрцгерцога[2]. Язык дипломатических актов не знает подобной фразеологии; еще менее мог бы знать ее язык монархически-бюрократического царского режима. Но тем не менее у нас есть серьезные основания подозревать, что некоторые русские сановники могли знать о подготовлявшемся заговоре.

Прежде всего Гартвиг. Трудо предположить, чтобы Гартвиг, фактический хозяин Сербии, vis movens сербской политики, без визы и одобрения которого сербское правительство не совершало ни одного сколько-нибудь важного шага, мог ничего не знать о заговоре. О существовании «Черной Руки» он знал наверное. До парламентского кризиса 1914 г., выразившегося в «борьбе за приоритет» между «Черной Рукой» и радикальной партией, он не раз говорил, что «Черная Рука»—единственная организация в Сербии, ко-

---

[1] Seton-Watson, Sarajevo, London, 1926.

[2] Роберт Делл в Лондонском «Nation»—19/IX 1925—сообщает, что «замысел держали от царя в тайне».

торая сможет осуществить сербские национальные идеалы. В одной из своих депеш в период сербско-болгарского кризиса он сообщал Сазонову о влиятельной военной организации в Сербии, считающей захват долины Вардара жизненной необходимостью для государства, пока Сербия не получит выхода к Адриатическому морю. В этот же период—в апреле 1913 года—Гартвиг разослал всем русским консулам в Сербии циркуляр с просьбой собрать для него возможно более точные сведения о «Черной Руке» и ее деятельности. И только во время «борьбы за приоритет», когда Пашич висел на волоске, он выступил на защиту своего ставленника, заявив от имени России, что русское правительство будет спокойно только тогда, когда во главе правительства будет стоять Пашич, а не какое-либо другое лицо. Все переговоры радикалов с оппозиционными партиями, выступившими на поддержку «Черной Руки», велись в кабинете Гартвига в русском посольстве. Однако в своем доверительном письме к Сазонову он рисовал картину кризиса иначе, чем она происходила на самом деле: «к оппозиции присоединилась маленькая группа офицеров, участников переворота 29 мая 1903 года, оставшихся на действительной службе и которые под названием союза «Черной Руки» использовали всякую случайную возможность, чтобы сеять среди офицеров недовольство и раздоры. Во время длительного кризиса король призывал много раз к себе воеводу Путника и министра Стефановича и рекомендовал им принять решительные меры против союза «Черной Руки», каковой союз не пользуется ни малейшими симпатиями в армии» (доверительная депеша Сазонову № 34 от 3 июня 1914 года) [1]. Еще более невероятно это в отношении Артаманова, работавшего в тесной связи с Димитриевичем. Показания Симича и Ненадовича категорически утверждают, что Гартвиг и Артаманов были в курсе всех намечавшихся заговорщиками мероприятий. На салоникском процессе Димитриевич заявил, что «двое русских знали о подготовлявшемся заговоре» [2]. То же самое он показал и в своем письменном признании, которое погребено в тайниках сербских архивов. Эти русские были Гартвиг и Артаманов. Это же было подтверждено членами «Черной Руки» американскому профессору Бернсу в 1926 [3]. Подтверждает это на основе других источников и Э. Дергем [4]. Есть сведения, что о подготовлявшемся заговоре знал и русский генеральный штаб, который Артаманов предупредил уже цитированной нами

---

[1] Эти данные взяты из статьи Марко «Николай Гартвиг. Внешняя политика Сербии перед войной», помещенной в Загребском журнале «Nova Europa» от 26 апреля 1928 г. Автор, использовал для своей работы архив русского посольства в Белграде и впервые опубликовал (в цитатах) некоторые документы—депеши Гартвита Сазонову.

[2] Bogichevich, Le procès de Salonique.

[3] Kriegschuldfrage, 1926, июль и сентябрь.

[4] Durham, The Serajevo Crime, стр. 197—199.

телеграммой [1], и Извольский [2] и даже Сазонов. Мы остановимся на следующих фактах:

Габринович, первый, которому пришла в голову мысль убить эрцгерцога, пришел к этому убеждению в марте. В начале апреля он, простой рабочий типографии, был, как мы знаем, удостоен аудиенции у сербского престолонаследника Александра—исключительное явление даже в такой патриархальной стране, как Сербия. В конце мая или в начале июня Пашич узнал о существовании заговора. Мы склонны полагать, что это было в конце мая, потому что заговорщики переправились через границу в ночь с 1 по 2 июня, так что обсуждение в июне вопроса об их поимке представляло бы исключительно академический интерес. Между тем, Пашич и все министры еще надеялись, по их словам, захватить заговорщиков. Затем приказ захватить Принципа, Грабеча и Габриновича был записан в журнал пограничного поста под 30 мая. 2 июня Пашич ушел в отставку и до 10 июня (образования нового кабинета) заседаний кабинета не было.

14 июня в Констанце состоялась встреча Николая II с королем румынским Карлом. Пашич, уже знавший о существовании заговора, встретился с Сазоновым и Братиану в Бухаресте. О том, что говорилось на этом свидании, мы можем узнать из отчета Сазонова Николаю. Сазонов спросил Братиану, «может ли Румыния... пойти вместе с нами и не связана ли она международными обязательствами, которые исключали бы возможность доверчивого сотрудничества с нами».

Речь шла о войне. Так это понял и Братиану, который уклончиво ответил, что «Румыния никоим образом не обязана принять участие в какой-либо войне без того, чтобы ее личные интересы были прямо затронуты», добавив, что «хотя отношения между Румынией и Двуединой монархией стали за последнее время менее дружественными, условия, создаваемые соседством обеих стран, заставляют их стремиться не доводить дело до чрезмерного обострения их взаимоотношений».

Сазонов не счел этот ответ достаточно ясным и решил поговорить с Братиану вчистую. Он «поставил ему просто вопрос, каково было бы отношение Румынии к вооруженному столкновению между Россией и Австро-Венгрией, если бы первая из них была бы вынуждена обстоятельствами начать военные действия». Братиану, «пораженный вопросом» Сазонова, мог только спросить, «допускает ли Сазонов возможность наступления в ближайшем будущем таких обстоятельств и в связи с этим вероятность общеевропейской войны». Сазонов поспешил заверить и успокоить собеседника тем, что «почин России в смысле вооруженного столкновения России с Австро-Венгрией

[1] Durham, The Sarajevo Crime, стр. 201.
[2] Р. Делл в Лондонском «Nation» 19/IX 1925, стр. 723.

он может представить себе только в том случае, если на почве албанского вопроса или под каким-либо другим предлогом Австрия пожелает напасть на Сербию с целью нанесения этому королевству чувствительного урона, к чему мы, вероятно, не могли бы остаться равнодушными»[1].

Такова официальная версия переговоров с Братиану, передаваемая Сазоновым. Но мы знаем еще и другую версию.

Барон Розен рассказывает в своих мемуарах, что, когда пораженный вопросом Сазонова Братиану спросил, неужели Сазонов в ближайшее время ожидает возникновения войны, Сазонов задал следующий вопрос: «А что будет, если австрийский эрцгерцог будет убит?»[2]. Через тринадцать дней после этого разговора австрийский эрцгерцог был действительно убит. Редкий случай оправдавшегося политического пророчества! Чернин, бывший в эти дни австро-венгерским послом в Бухаресте, слышал из уст короля Карла одну довольно характерную подробность: «На вопрос короля, смотрит ли Сазонов на положение в Европе так же спокойно, как сам король, Сазонов ответил утвердительно, прибавив однако: «лишь бы Австрия не трогала Сербию...»[3].

Мы можем различно относиться к показаниям членов «Черной Руки» и признаниям Розена. Все это «неофициальные документы», и подлинность их может быть легко оспорена. Мы тоже не имеем никаких доказательств этой подлинности. Но, как бы мы ни отнеслись к этим показаниям, признаем ли мы их подлинными или об'явим их если не поклепом на «бедную, маленькую, невинную Сербию», то, по меньшей мере, сомнительным историческим источником, мы должны помнить только одно: в настоящее время можно считать твердо установленным тот факт, что для Антанты вообще, и для России в частности, начинать войну имело смысл только тогда, когда эта война вспыхнула бы на Балканах. Только на Балканах! Начинать войну не на Балканах, а где-нибудь в другом месте,—в Галиции ли, в Восточной Пруссии, в Эльзас-Лотарингии, в Северном море—для Антанты было не только не выгодно, а проигрышно. То, что война должна была начаться именно на Балканах, было предусмотрено и решено Антантой задолго до реального начала войны. И с этой точки зрения признания членов «Черной Руки» и Розена приобретают совершенно неожиданное значение.

---

[1] «Константинополь и проливы», I, стр. 356—363.
[2] Rosen, Forty years in Russian Diplomacy, New-York, 1918.
[3] Чернин, В дни мировой войны, ГИЗ, 1923, стр. 101.

ВЫВОДЫ И ЗАКЛЮЧЕНИЯ

В свете этих фактов мы можем думать, что сербское правительство было в гораздо большей степени причастно «к событию на реке Мильяске», чем та, которая приписывалась ему до сих пор в нашей исторической литературе. Обстановка, в которой было задумано и организовано сараевское убийство, тысячами деталей наводит исследователя на мысль, что убийство австрийского престолонаследника было «eine serbische staatliche Unternehmung mit russischen Aufsisht» (сербским государственным предприятием под русским контролем). Мог ли полковник Димитриевич, бывший начальником контрразведки сребского генерального штаба и председателем «Черной Руки», т.-е. лицом, в руках которого были сосредоточены все нити внешней и внутренней информации, не знать и даже не рассчитывать на то, что покушение вызовет войну? Могла ли террористическая деятельность «Черной Руки», совершившей в период 1911—14 года пять покушений против австрийских сановников, протекать без ведома и благожелательного отношения сербского правительства? Если даже отбросить показания Становича, кстати сказать официозного сербского историка, Симича, Ненадовича и анонимного члена «Черной Руки», давшего показания Леопольду Мандлю, то и в этом случае возможность войны Димитриевичем должна была учитываться. Верно, что Россия была в 1914 году не готова, но зато была готова Франция. Больше того, мы позволим себе совершенно определенно заявить, что военные и морские круги Англии считали войну в 1914 году гораздо более выгодной и приемлемой для Англии, чем в 1917 году. Детальное обоснование этого тезиса автор оставляет до другого случая, сейчас же он может заявить только следующее: подготовляя к печати обширное исследование о сараевском убийстве, автор пересмотрел весь исторический материал, касающийся этого вопроса. И обстановка, в которой было задумано и организовано покушение, и сербская политика по отношению к Австрии не позволяют думать, что сараевское убийство было случайным эпизодом. Наоборот, вся история австро-сербских отношений в период 1903—14 гг. показывает, что сербские националисты всеми силами стремились к войне с Австрией, что война была желанной не только для военных кругов, но и для гражданской администрации, представленной радикальной партией. И программа радикалов, и статут «Словенского Юга», и статут «Народной Обороны», и статут «Черной Руки» по своей целеустремленности представляют одно и то же—все они считают главной задачей Сербии войну с Австрией и добиваются этой войны всеми своими силами. Пока в руках историков нет записки Пашича Димитриевичу с приказом убить австрийского престолонаследника, до тех пор все доказательства о прямой причастности сербского правительства к сараевскому убийству будут отходить либо от того milieu, в котором был задуман и организован заговор, либо от общей сово-

купности, от общей суммы тех детальных косвенных доказательств, которые изложены автором, писавшим эту работу не столько в историческом, сколько в международно-правовом плане. Формулируя свои выводы, автор может сказать одно: нет никаких сомнений в том, что сербское правительство знало заранее о предстоящем покушении и благожелательно отнеслось к нему. Имеются серьезные основания думать, что некоторые агенты русского правительства (Гартвиг и Артамонов—наверное, Сазонов и генеральный штаб—возможно) знали о предстоящем покушении. Не исключена возможность, что о предстоящем покушении знали также и в правительственных кругах Франции и Англии.

Вопрос о степени причастности сербского правительства к сараевскому убийству был недавно предметом полемики между Е. В. Тарле и М. Н. Покровским. Изложенные в нашей статье факты не позволяют нам согласиться с точкой зрения Е. В. Тарле, отводящего сербскому правительству менее значительную роль в сараевском убийстве [1], чем указанная нами на основании сербских официальных источников. Признания Любы Иовановича, виднейшего политического деятеля Сербии, несколько раз кандидата в премьер-министры, председателя скупщины и т. д. и т. д., являются признаниями человека, достаточно ответственного в политическом отношении за свои слова. Точка зрения М. Н. Покровского нам кажется, поэтому, соответствующей действительности.

---

[1] См. Е. В. Тарле «Европа в эпоху империализма». II изд. 1928 г., стр. 265—67.

И. МИНЦ. — К ДЕСЯТИЛЕТИЮ НЕУДАЧИ ИНТЕРВЕНЦИИ

В 1870 г. Маркс, аргументируя свой протест против бакунистов, требовавших перевода Генерального совета из Лондона, писал: «англичане обладают всеми необходимыми материальными предварительными условиями социальной революции. Чего им недостает, так это духа обобщения и революционной страсти»[1].

Это положение Маркса не потеряло своей остроты и до сих пор, с двумя лишь добавлениями: оно верно сейчас по отношению ко всем передовым странам, об'ективно вполне созревшим для социалистической революции, оно, во-вторых, не является тайной для самой буржуазии. Господствующие классы, убежденные опытом революции, хорошо сознают, что вдохнуть в пролетариат недостающий ему дух и революционную страсть, а тем самым ускорить и зажечь революцию, может в немалой степени самый факт победоносного строительства социализма в Советском Союзе.

«Принципы Москвы целиком отличаются от принципов Западной Европы; мы могли бы даже сказать, что они отличаются от принципов цивилизованного мира»,—совсем недавно писала крупнейшая буржуазная газета «Таймс»[2], вдохновляющая всю современную политику «твердолобых»... «Так велика пропасть, отделяющая эти два умонастроения, что никакое умничанье и никакие фокусы не смогут перебросить через нее мост. Здесь невозможен компромисс. Мы должны либо признать большевистские принципы, либо стать на защиту традиционных принципов цивилизации»,—так мотивирует империалистическая пресса свой новый клич: down with the bolschevism![3] «... И не только Великобритания, но и весь мир пострадал от этого (большевизма.—*И. М.*)—продолжает автор, сколачивая опять единый противосоветский фронт и подготовляя об'единенную интервенцию, — сегодня жертвой является Великобритания, завтра Соединенные

---

[1] К. Маркс. Письма к Л. Кугельману, изд. 1907 г., стр. 70. Разрядка моя. *И. М.*

[2] Цитирую по книге «Авгур» «СССР—угроза цивилизации», Гиз, 1927 г., стр. 87.

[3] «Долой большевизм».

Штаты могут оказаться в аналогичном положении. Демократия в опасности!» — так подводит итоги своему анализу идеолог интервенции, чувствуя колеблющуюся почву под ногами по мере роста источника «духа обобщения и революционной страсти» — СССР.

А сейчас, буквально уже на наших глазах, зашевелились те, чей обостренный нюх загодя чует поживу: в Лондоне происходит попытка об'единить всех банкиров, в руках которых скопились русские военные и довоенные долги. Денежная подготовка всюду и везде предшествует какому бы то ни было предприятию: финансовая интервенция предшествует военной.

Всего 8 лет прошло с тех пор, как последние английские интервенционные суда скрылись за горизонтом, покидая негостеприимные берега Советского Союза, — время чуть больше того, которое Щедрин считал вполне достаточным, чтобы обучить чему-нибудь постоянной долбежкой даже зайца, — а «неудачники» уже позабыли об исходе своего предприятия. Современные соперники салтыковского зайца с упорством, достойным совсем другого применения, опять готовят новый поход, повторение первой интервенции.

А, между тем, «все это уж бывало», притом в размерах, которые русская буржуазия, лучше других благодаря опыту поражения разбирающаяся в масштабах, считала вполне достаточным для полного разгрома большевизма.

Строго говоря, интервенция, если под ней понимать вооруженное вмешательство, началась в России задолго до высадки специального экспедиционного корпуса—высадки, имевшей место 2 августа 1918 года.

Февральская революция, к которой «союзники» приложили руку, пошла дальше всех намеченных ей пределов: из средства, укрепляющего военную позицию России, она превратилась в начало фактического прекращения войны. Недаром уже 4 апреля 1917 года Соединенные Штаты Северной Америки нарушили свой, ставший традицией, нейтралитет и об'явили войну Германии. Дело здесь, конечно, не в том, что свержение русского самодержавия дало возможность заявить, что теперь война ведется «демократией» против прусского абсолютизма, — это лишь ловко использованный агитационный прием—просто практичные американцы поняли, что неминуемый выход России из войны нарушит равновесие воюющих сторон, на котором, собственно, и держался «нейтралитет» Америки. Но об'явить войну не всегда значит начать ее: самая революция, особенно ее ход и намечавшиеся перспективы оказались настолько неожиданными, что к войне Америка оказалась неготовой. Нужен был большой промежуток времени—фактор, играющий, как известно, в войне едва-ли не одну из самых решающих ролей, — пока формальное об'явление войны не воплотится в реальное ведение войны с многомиллионной армией, требующей колоссальных боевых припасов и т. п.

Пока все это лихорадочно готовилось, а затем с такой же поспешностью перебрасывалось к фронту через тысячеверстные пространства, при-

том лежавшие под ударом подводного флота Германии, Временное правительство должно было приковать немецкие корпуса к восточному фронту. При этом, какие средства были пущены в ход, можно судить по одному предприятию. На ряду с предоставлением Временному правительству новых займов, огромных материальных средств, технической помощи крупнейшими специалистами союзники решили взять в свои руки и пропаганду, из рук-вон плохо поставленную правительством. Задуманное, однако, оказалось не таким легким в исполнении: «союзники в глазах крестьянской России были не лучше царского самодержавия,—сознался один из инициаторов плана, член американской миссии Красного Креста полковник Робинс,—предприятие должно было быть русским, и притом, революционным».

Любопытно здесь отметить для тех, кто потом в эпоху интервенции твердил о «приглашении» союзников русским народом, что задолго до интервенции союзники, по их собственному признанию, в глазах широких масс были уже не лучше царского самодержавия!

Вывод, между тем, нашли довольно быстро. В тогдашнем Петрограде был организован «Комитет гражданского воспитания свободной России», во главе которого поставили «бабушку русской революции» Брешковскую, а в качестве членов ввели Н. Чайковского, затем Лазарева, личного секретаря Керенского, Д. Соскиса и др. Комитет, по союзническому плану, предполагал купить несколько газет, а также издавать мелкие агитационные брошюры, листовки и т. п., имеющие целью поднять массы на войну против немцев, однако, «отнюдь не в целях поддержки союзников, а ради спасения революции». Центром работы должна была стать устная пропаганда, для чего набрали до 800 пропагандистов, полученных, главным образом, от генерального штаба. Деньги, в сумме 12 миллионов рублей, получили от . . . Петроградского отделения американского банка, да кроме того от американского правительства затребовали один миллион долларов единовременно, да по 3 сверх того в продолжение первых трех месяцев.

Как ни грандиозен был размах всех этих мер, неумолимый ход действительности брал свое: армия все более уходила из рук правительства, явно не желая воевать. Оставить ее на фронте можно было совсем другими средствами.

18 июля н/с. 1917 г., когда выяснился разгром июльской демонстрации в Петербурге и переход власти в решающем месте в руки буржуазии, генерал Нокс, всю войну находившийся при русских войсках, как представитель союзнического штаба, набросал следующую программу «успокоения» революции, которая и была передана через английского посла министру иностранных дел Терещенко:

«1. Восстановление смертной казни по всей России для всех подведомственных военным и морским законам;

2. Требование солдатам, принимавшим участие в незаконной демонстрации, выдать для наказания агитаторов;

3. Разоружение всех рабочих в Петрограде.

4. Организация военной цензуры с правом конфисковывать газеты, возбуждающие войска или население к нарушению порядка или военной дисциплины;

5. Организация в Петрограде и других больших городах «милиции» под командой раненых офицеров из солдат раненых на фронте, выбирая предпочтительно людей в возрасте 40 лет и больше;

6. Разоружение и превращение в рабочие батальоны всех полков в Петрограде и уезда, если они не признают всех вышеуказанных условий»[1].

Терещенко заявил, что он принимает всю программу за исключением первого пункта. Дальнейшая работа правительства показала, что его заявление отнюдь не было пустой декламацией: разгром революционных организаций быстро подвинулся вперед. Но и этого уже оказалось недостаточным. И тут союзники выступают с новым, еще более решительным планом. 30 июля н/с. генерал Нокс обратился с письмом к английскому послу на тему: «Военное состояние России».

«Правительство, наконец, приняло некоторые меры,—писал генерал, рассказывая о разложении русской армии и ослаблении фронта.—Мы имеем прямой интерес в восстановлении порядка в России и дисциплины в русской армии, вот почему наша обязанность заявить, что принятые меры совсем недостаточны... Правительство имеет сейчас неограниченную власть, если бы оно только воспользовалось ею. Две предпринятые меры—восстановление смертной казни и закрытие «Правды» (!)—пришли слишком поздно, чтобы положить конец всему этому без дополнительных мер»[2].

Дело уже идет не только о разгроме большевиков—закрытие «Правды» в числе одной из основных мер—нужна новая система мер, сводящих всю революцию на-нет. Вот эти меры:

1. Должна быть полностью восстановлена дисциплина в армии, как первый шаг к созданию порядка в стране.

2. Престиж офицеров должен быть восстановлен всеми возможными мерами.

3. Вернуть начальникам власть. Должно быть восстановлено отдание чести во всякое время и во всяком месте.

4. Упразднить все комитеты в армии за исключением ротных, которые будут иметь дело лишь с вопросами солдатского желудка.

5. Восстановление порядка в тылу.

Самое пикантное, однако, не в этих мерах. Очень интересно и ценно для историка найти документальное подтверждение тому, что до сих пор

[1] A. Knox, With the Russian Army 1914—1917, vol. II, London 1921, p. 662.

[2] Там же, p. 744.

было лишь догадкой политиков. Что союзники ни перед чем не останавливались в вопросе поднятия боеспособности русской армии, давно стало общим местом. Но этот документ, в правдивости которого можно не сомневаться, ибо он опубликован самим автором, важен в другом отношении.

29 июля н/с. в ставке под председательством А. Ф. Керенского, в присутствии Терещенко, состоялась конференция всех командующих отдельными фронтами. На совещании генерал Деникин произнес речь и представил проект тех мер, которые нужно было немедленно ввести для спасения армии. Все присутствующие генералы, начиная с Брусилова, Алексеева, Рузского, Лукомского и др., кончая комиссаром Юго-Западного фронта Савинковым, полностью присоединились к проекту Деникина, и его, таким образом, можно рассматривать, как программу контрреволюции.

План этот сохранился в делах управления генерал-квартирмейстера (ген. Романовского) при верховном главнокомандующем [1].

Вот основные пункты программы:

1. Сознание своей ошибки и вины Временным правительством перед офицерством.

2. Петрограду прекратить всякое военное законодательство. Полная мощь верховному главнокомандующему.

3. Из'ять политику из армии.

4. Отменить «декларацию». Упразднить комиссаров и комитеты, постепенно изменяя функции последних.

5. Вернуть власть начальникам. Восстановить дисциплину и внешние формы порядка и приличия.

6. Ввести военно-революционные суды и смертную казнь для тыла войск и гражданских лиц, совершающих одинаковые преступления.

7. Создать в резерве отборные части трех родов оружия, как опору против военного бунта и ужасов предстоящей демобилизации.

Если из этой программы отбросить один-два пункта, то все остальное буквально совпадает с проектом английского генерала Нокса, иногда даже буквально. Кто у кого при этом списал — пока выяснить не удалось, добавлю только, что даже примеры, приведенные в качестве иллюстрации, одни и те же и Нокс и Деникин подчеркнули, что многие офицеры были убиты без какого либо протеста со стороны Керенского, который в то же время вскипел от негодования, когда узнал о пощечине, полученной на фронте Соколовым, одним из авторов знаменитого приказа № 1.

Программа русской контрреволюции была и программой союзников. Последние, если и не были инициаторами, то безусловно были наиболее активными пособниками корниловщины — таков вывод из сравнения и сопоставления обеих программ.

---

[1] Часть этих документов была опубликована в «Красной летописи» № 6 за 1923 год тов. Бухбиндером. Стр. 9—64.

Но тут, собственно, и догадки не нужны. У нас имеется прямое свидетельство одного из союзников.

6 марта 1919 года член американского Красного Креста полковник Робинс давал показания Овермэнской комиссии Американского сената. Создана была эта комиссия в разгар интервенции, чтобы показать американскому общественному мнению большевизм в самом отвратительном виде. С этой целью в комиссию были вызваны для дачи показаний все, кто мог рассказать о грабежах, национализациях женщин (самая популярная тема в отчете, состоящем из 1840 страниц), насилиях со стороны большевиков и т. п. Легко судить насколько «об'ективен» такой материал, но это как раз наилучшее свидетельство тому, что себя-то зря оговаривать не станут.

Этой-то комиссии Робинс говорил: «Союзные представители участвовали в этой авантюре (корниловской.—*И. М.*) из искренних и патриотических побуждений. Будучи тесно связаны со старым режимом, они не входили ни в какие устные соглашения с новым строем (после февраля 1917 г.—*И. М.*), и внимательно прислушивались ко всему тому, что говорили семь процентов населения (верхушка.—*И. М.*), сознавшие, что в случае укрепления революции, им придется навсегда распроститься со своими старыми привилегиями».

На вопрос Овермэна, кого он имеет в виду под союзными представителями, Робинс ответил: «Я имею в виду представителей в России союзных правительств: Франции, Англии, Америки и Италии».

А дальше Робинс словоохотливо—мы позже узнáем причину этой откровенности—выбалтывает, что собственно делали союзники в корниловском лагере.

«Он продолжал,—передает свой разговор с генералом Ноксом полковник Робинс: «Вам бы следовало быть с Корниловым»—и покраснел, вспомнив, что мне известно, что английские офицеры, одетые в русскую военную форму, в английских танках следовали за наступавшим Корниловым и едва не открыли огонь по корниловским частям, когда те отказались наступать дальше Пскова»... [1].

Дело, оказывается, не только в идеологической подготовке, а в прямом участии в корниловщине. Корниловщина, таким образом, это первая попытка, репетиция интервенции, однако, не генеральная. Последняя, или вернее сама интервенция, началась позднее.

Под непосредственным впечатлением Октября вся пресса союзников завопила о необходимости борьбы с новым правительством. Из-под пера Френсиса на второй день революции — 8 ноября — вырывается буквально проклятие:

«Сообщают, что петроградский совет рабочих и солдатских депутатов назначил кабинет с Лениным в качестве премьера, Троцким — министра ино-

[1] Октябрьская революция перед судом американских сенаторов, Гиз, 1927 г., стр. 134 и 143.

странных дел и мадам или мадемуазель Колонтай—министра просвещения. Отвратительно!—но я надеюсь, что будут приняты скорые меры, т. к. чем смешнее положение, тем быстрее исцеление»[1].

«Отвратительным» считала положение и вся буржуазия, представляемая Френсисом, ибо дело шло в первую очередь о том, что, как заявил в английском парламенте генерал Крафт[2], «миллион с лишним немецких солдат с Востока хлынет против нас». Дальнейшие шаги русского правительства только подливали масло в огонь и без того скачущей и играющей буржуазии. Но от впечатлений, хоть и «отвратительных», до непосредственных практических шагов все же довольно далеко, а события в России шли своим чередом: советская делегация выехала в Брест для заключения перемирия. Первые же речи, прозвучавшие в Бресте, заставили насторожиться слушающих по обе стороны фронта. Немцы, разгадав маневр большевистских делегатов—говорить через голову Кюльмана и Гофмана с солдатской массой — резко и быстро переменили тон разговора, до того несколько выжидательный. В воздухе запахло разрывом между большевиками и немцами, а значит и вооруженным столкновением. Появилась надежда на продолжение войны большевиками, и пресса не преминула откликнуться. Сдал в своей травле советов «Times», а «Daily News» 4 января пишет:

— «Неужели мы должны быть молчаливыми и пассивными свидетелями брестского конфликта. Неужели союзники должны стоять в стороне и не принимать участия. Неужели мы оставим Россию одну бороться с нашим врагом без нашего руководства, поддержки или симпатии?»[3].

Дело не ограничивается прессой. Английское правительство выпускает из плена тт. Чичерина и Петрова и направляет их в Россию. В самой России, очевидно, не без согласия своих правительств[4], английский военный атташе Локкарт, французский—Садуль, американский представитель Красного Креста Робинс пытаются завязать сношения с советской властью, не останавливаясь перед предложением помощи в грядущей борьбе против немцев.

По-новому начинает оценивать положение и парламент Англии.

Бонар Лоу произносит следующую речь 7/III—18 г. во время вотирования кредитов:

«Абсурдно думать, что Германия сумеет использовать во-всю и эксплоатировать страну с 100 милл. населением и такой обширной террито-

[1] Francis, Russia from the American Embassy, N. I. P. 187.

[2] Parlamentary Debates, V. 105, P. 352.

[3] Цитирую по Левидову. Очерки из союзной интерв. в России, стр. 31.

[4] Бьюкенен, Мемуары дипломата, «... в согласии с решением, принятым парижской конференцией,—чтобы союзные правительства, отнюдь не прощая измены России, вступили в неофициальные сношения с петроградским правительством, Локкарт... будет сноситься с этим правительством в качестве нашего неофициального агента». Стр. 290.

рией... По моим сведениям в России нехватает продовольствия, и попытка немцев взять его,—только подымет против них народ... Мои надежды идут дальше... Я надеюсь, я думаю, можно сказать, я верю, что жестокий образ действия, которым Германия попирает своего распростертого врага, неминуемо создаст огромный под'ем враждебности к ней повсюду в России»...[1].

Выступающий потом депутат Кинг[2] (и Макдональд) предлагает парламенту войти в более тесную связь с большевиками. Большую речь произносит в тот же день mayor Chapple:

«...Англия находится под подозрением в России...

Мы арестовали Троцкого в Галифаксе, мы интернировали нескольких из их друзей, мы отказались признать их правительство, мы не приняли их посла, наша пресса вела огромную кампанию с презрительными намеками против большевиков и русского правительства... Скверно это или хорошо, но это не помогает нам давать советы... русским властям... Лучше просить Америку... принять шаги, уместные для того, чтобы выправить отношение союзников к русскому народу и лидерам общественного мнения там»...[3].

Все речи этого периода носят миролюбивый оттенок. Недавние разговоры и толки о японской интервенции затихают, а в парламенте все чаще раздаются даже протесты против возможности такого вмешательства:

«...настоящая причина (японской интервенции.—*И. М.*) не военная. Настоящая причина не рвение для организации России. Действительная причина вне этого. Дело просто в том, что Россия разбита и беспомощна, что она не в состоянии защищать себя, и я надеюсь, что союзники во всяком случае не намерены воспользоваться этим положением»[4].

Психологически вполне понятно настроение, выраженное в речи: незаконченные брестские переговоры питали еще надежду на возвращение России в империалистскую цепь, а там... на то цепь и является цепью, чтобы приковывать жертву. Насколько сильны были надежды, показывает телеграмма, посланная Вильсоном всероссийскому с'езду советов с выражением «искреннего сочувствия русскому народу, в особенности теперь, когда Германия двинула свои вооруженные силы вглубь страны, чтобы помешать борьбе за свободу»... 16 марта 18 года рассеяло все эти иллюзии: 4 с'езд советов утвердил Брестский мир, а 18—22 марта он был одобрен германским рейхстагом.

Понадобилось ровно столько дней, сколько требуется на получение через океан и проверку этих сведений, чтобы рассеянные надежды сменились решительной деятельностью. Япония, спровоцировав нападение на одну из своих контор, высадила 4—5 апреля вооруженный десант во Владивостоке,

[1] Parlamentary Debates, Vol. 103, стр. 21—58.

[2] Там же, стр. 2175.

[3] Там же, т. 103, стр. 2256.

[4] Из речи Lees Smith 14/III.

даже не сговорившись подробно со всеми союзниками, настолько она была уверена в одобрении сделанного ею шага.

Японский десант во Владивостоке шел навстречу тайным желаниям союзнической буржуазии, но он таил в себе много горечи, ибо японские штыки, так охотно двинувшиеся в Россию, означали не только, или вернее не столько восстановление фронта против Германии [1], сколько закрепление японцами своей позиции на временно оставленных рынках. С другой стороны, общественное мнение, привыкшее за последнее время к «доброжелательному» отношению к России, не было готово к таким резким переходам. Этому огромному маховому колесу трудно дать сразу новое направление, нужна подготовка, нужна предварительная работа, к чему и приступает весь грандиозный аппарат современного демократического государства.

Послы Англии, Франции и Америки заявляют наркоминделу тов. Чичерину о полной непричастности своих правительств ко всей этой истории, хотя вслед за японским во Владивостоке высаживается и небольшой английский отряд—для большого на месте людей не хватило.

В то же время подготовка общественного мнения начинается через парламент.

22/IV в докладе о финансовом положении страны, Бальфур останавливается на русских долгах:

«... Мы не можем игнорировать того, что случилось в России. Но я не могу допустить, я не верю в то, что мы должны считать русский долг плохим долгом (bad debts), т. к. рано или поздно, независимо от того, что случилось теперь, будет или не будет Россия поделена, но будет устроенное правительство в этой стране. Естественные богатства России велики, и эксплоатировать их можно только с помощью капитала, и когда (когда бы то ни было) там будет правительство, потребуется иностранный капитал, и они поймут, что это недостижимо без признания старых долгов» [2].

Тут еще нет прямого призыва к интервенции, но общество старательно уверяется в том, что теперь в России правительства нет—какое же это правительство, раз оно не признает долгов?—что ordered government—добропорядочное, устроенное правительство только должно еще притти, притом правительство, которое will realise—«поймет», что долги должны быть уплачены. В этой речи характерно вместе с тем, что помимо «предательства» России в войне—официальный мотив интервенции—выдвигается и долг, как

[1] У Японии, вообще, не было намерения всерьез втянуться в войну. Еще 3 октября 17 года русский посол в Токио телеграфировал, что «Япония несогласна посылать войска на театр военных действий». Выгоднее выждать взаимного ослабления противников—это определяло ее нежелание воевать.

[2] Parlamentary Debates, Vol. 105, стр. 698.

один из основных вопросов, которые подлежат решению будущего правительства, а тем самым, как причина непризнания нынешнего правительства.

Дальше несколькими днями подготовка общественного мнения продвигается еще на шаг вперед. На вопрос одного из депутатов, обращенный к государственному секретарю по иностранным делам, «намеревается ли оно теперь (а во время брестского мира были такие разговоры в парламенте.—*И. М.*) назначить своего посла в Россию»,—последовал резкий ответ Бальфура:—нет [1].

И газеты подхватили этот ответ, услужливо об'ясняя всем, кому ведать надлежит, что это означает.

Дальше—яснее: к тому же Бальфуру, мин. ин. дел, обращен вопрос—«было ли какое-нибудь соглашение заключено между союзниками и Америкой относительно невмешательства (non intervention) в русские дела»...

Бальфур в ответ заявил: «нет правды в известии о том, что достигнуто какое-то соглашение о воздержании от интервенции в России (to abstain from intevention)».

Сомнений нет: «воздержания» не будет, значит будет вмешательство—подчеркнул парламент устами своего министра иностранных дел.

Уже в начале июня, когда выяснилось истощение немецкой живой силы и все растущее число американских армий, Клемансо произнес речь в Париже: «теперь мы отступаем, но мы никогда не сдадимся», а английский парламент стал решительнее продолжать прежнюю систематическую кампанию по вмешательству в русские дела, которую переживаемая в момент немецкого наступления паника только быстрее двинула вперед.

В Нижней Палате м-р Асквит снова возвращается к вопросу об интервенции:

«... развал русского противодействия Германии—вот непосредственный источник и причина всех наших несчастий, от которых мы страдаем на западном фронте. Но мы все же не можем закрывать наших глаз на то, что происходит в России,... и обращаться с ней как с несуществующей или a negligible quantity;... это политика фатальной близорукости, и, по моему, всеми средствами дипломатии, и, если понадобится, с помощью военной и морской поддержки, мы должны, пока не поздно... установить отношения дружбы и интимного союза с великим русским народом...

Я знаю очень хорошо деликатность плана, я знаю интернациональные и другие трудности, с которыми в этой четверти года встретится предложение об интервенции, и поэтому я не произвожу давления на правительство... но мы стремимся больше, чем когда-либо, иметь Россию на своей стороне [2].

[1] Parlamentary Debates.

[2] Там же. Vol. 107, стр. 237, 18 июня.

А м-р Мартин набрасывает подробный план всех мер по завязыванию «дружбы» с «русским народом», причем о русском народе говорили в противовес советскому правительству, не представлявшему, якобы, народа. План состоял в том, что об'единенная экспедиция, предводительствуемая англичанами (conducted by the British government), в составе всех союзников, а особенно Америки и Японии, должна быть направлена в Сибирь. Должны быть использованы тысячи китайцев, работающих на западе Америки, для постройки железных дорог с целью ускорения подвоза: «Я верю,—закончил депутат свою речь,—... если мы получим такую армию, посланную в Сибирь через Владивосток... на восточный фронт германской империи, именно по этому направлению мы войдем в Париж и положим конец ужасной войне» [1].

Если были какие-нибудь сомнения в необходимости интервенции, то они касались только формы, но не сути ее. Так, полковник Wedgwood 24 июня выступил против интервенции следующим характерным образом:

«... интервенция, о которой просят, как мел от сыра отличается от той, которая навязывается народу против его воли... Она бросит русских большевиков, так же как и буржуазию, в руки германцев, у которых они будут искать защиты от желтой опасности,... она разрушит веру в союзников..., она принесет бедствие нашему делу...».

Смело можно подумать, что за этим должен последовать один только вывод: отказ от интервенции—но такой вывод следует по законам простой логики, а не логики парламентариев.

«По-моему,—продолжает оратор,—25 000 американцев, направленных в Сибирь, по просьбе русских, сделают больше, чем 500 000 во Франции. Они не только оттянут часть германских войск с Западного фронта..., но и будут тем зерном, вокруг которого соберутся... силы славян для будущего спасения демкоратии от империализма» [2].

А премьер минстра смущает другой вопрос из той же области: труден доступ в Россию [3].

Но вопрос формы—чисто технический вопрос, и решать его будет соответствующий орган. На запрос Кинга—обычное ли это явление, что союзники открывают новый фронт и новую кампанию с новыми намерениями, очевидно, без какой-либо информации или извещения, последовал ответ Р. Сессиля: «это дело должно быть разрешено военными соображениями» [4].

Интервенция перешла в руки военного штаба, которому предстояло решить и все технические моменты—вплоть до вопроса, где и какими силами произвести вооруженное вмешательство, вопроса тем менее трудного, что последнее немецкое наступление 15 июля кончилось неудачей, а 18 июля

[1] Там же, стр. 309.
[2] Там же, т. 107, стр. 756.
[3] Там же, стр. 784.
[4] Там же, т. 108, стр. 1202. 18 июля.

французы сами перешли в успешное наступление, превратившееся позже с 8 августа в разгром Германии: силы, нужные для вооруженного вмешательства наконец, нашлись.

По официальному докладу генерального штаба парламенту—надо полагать преуменьшившему цифры—только англичане израсходовали на интервенцию 55 миллионов фунтов стерлингов, не считая всех расходов до 11 ноября 1918 г. [1],—ровно столько, сколько стоила постройка Великого сибирского ж.-д. пути, опоясавшего треть мира.

Эти добрых полмиллиарда рублей ушли, главным образом, на содержание огромной экспедиционной армии в 45 000 человек, вооруженных всеми техническими и моральными—Союз христианской молодежи усердно снабжал их на ряду с попами и антибольшевистской литературой—достижениями последней империалистической войны. Тут были представлены и англичане с доминионами, и американцы, французы, сербы, даже итальянцы, в своих живописных, но, увы, мало подходящих к условиям России альпийских нарядах и, наконец, отряд добровольцев—датчан, короче, весь «цивилизованный мир», чего так добивается теперь дипломатический корреспондент «Таймса».

Чем же об'яснить противоречие между размером предприятия и мизерностью его результатов,—вот что следует напомнить потерявшим память империалистам, рвущимся в новую драку. Не совсем веря в успех, вернее совсем в него не веря, мы все же восстановим в памяти несколько фактов; если они не убедят «забывчивых», то не будут бесполезны нам самим.

Военный атташе американского посольства, скорее скрашивающий, чем преувеличивающий свои наблюдения, вернувшись 15 октября 1918 года с фронта под Архангельском, доложил американскому послу Френсису, что американские солдаты чрезвычайно разочарованы экспедицией, а французы, те прямо заявили—хватит; французы, услышав о перемирии (с немцами на Западном фронте.—*И. М.*), открыто заявили, что они не будут больше сражаться в России, раз во Франции прекращена война, потому что они не считают необходимым сражаться за британские интересы в России[2].

«С какой стати мы здесь деремся?—спрашивает уже американский солдат.—Этого мы, солдаты, понять не можем. Мы хотим домой... И это желание всех американских солдат, сражающихся в России»... [3].

Революция пробила себе дорогу и в упрямые головы американцев, как ни плотно они были защищены Христианским союзом молодежи.

В гражданской войне, где исход сражения на 9/10 зависит от морального состояния войск, с таким человеческим материалом итти в бой

---

[1] Army, Statement of Expenditure on Naval and Military operations in Russia. Все расходы по интервенции до этого периода вошли в состав общих военных расходов.

[3] Francis, Russia from the American Embassy, p. 224.

[2] Chicago Daily Tribune 11 фев. 1919 г.

можно, разве только рассчитывая с самого начала на поражение. Важно, кстати, отметить, что большинство экспедиционной армии, по крайней мере в 1919 году, состояло из добровольцев: классовая война—а грядущая интервенция и будет такой классовой войной—быстро вносит отрезвление в самые затуманенные головы. Не здесь ли, между прочим, лежит разгадка того увлечения машинизацией армии, на котором буквально помешались все военные авторитеты Запада?

Ответ французских солдат военному атташе приводит нас, однако, вплотную к другому фактору, сводившему на-нет интервенцию.

Уже при первой встрече с союзными послами, Чайковский, председатель белогвардейского правительства, добиваясь официального признания северного правительства, напомнил, что еще в прошлом году по этому вопросу была достигнута общая точка зрения в переговорах Астрова и Авксентьева (кадета и эсера! а на эсеровском процессе сколько было потрачено энергии, чтобы скрыть этот факт!) с представителями французского правительства[1]. Французский посол смутился и пробормотал что-то невнятное—его, мол, представители присутствовали лишь в качестве простых зрителей.

«Создалось довольно неудобное положение,—докладывал дальше Чайковский на заседании правительства,—американский посол, выслушав внимательно сделанное заявление, выразил свое удивление по поводу отсутствия у него свидетелей о переговорах, происходивших с Союзом Возрождения, английский, как будто, тоже присоединился к взгляду своего коллеги, т. к. им обоим не были известны те авансы, которые давали французы при предварительных переговорах».

Оказывается, что, направляясь в поход против Советской Республики, «союзники» вели подготовку каждый в отдельности, тщательно следя друг за другом, ибо у каждого были свои особые интересы. Для французов, которые только что вылезли из драки, еле-еле неся кости, важно было иметь по ту сторону Германии какую-нибудь силу, на которую можно было бы рассчитывать в новой войне. Что раздавленная Германия быстро оправится, это было понятно и на самом Версальском конгрессе: как раз гарантией против быстрого восстановления и реванша со стороны Германии, должна была служить «Единая Неделимая Россия»..., но на поводу у французов.

Англичан, напротив, один лозунг—«Неделимая Россия» приводил в трепет, так как он связан с необходимостью опять столкнуться с вопросом о Персии, Афганистане, Китае,—вообще с вопросом о сфере влияния в Азии.

Любопытно, что, с появлением на месте прежней Великой России Великого Советского Союза, английская дипломатия упорно стремится доказать, что Советы ведут старую царскую линию. «Цели, которые скрыты за их дея-

---

[1] Архив Окт. револ., Фонд № 4, дело № 3, журнал № 13 (лист 40).

тельностью,—писал Авгур о Политбюро и Коминтерне [1],—не только органически сливаются с существом Интернационала, но какими-то странными варварскими путями скрещиваются с инстинктивной потребностью возврата к прежней русской расовой и национальной политике»... Чего доброго, в следующей интервенции интервенты выбросят лозунг освобождения народов России... от царских агентов!

Англия в противовес Франции стремилась иметь дело с Россией раздробленной, поделенной на части, с каждой из которых в отдельности легче справиться: именно это обстоятельство толкало Англию раньше Франции на признание отдельных образований на месте прежней империи.

Не лишним будет отметить, как резко сказались противоречия в союзническом лагере, на том интервью с Чичериным, которое имело место после японской попытки высадить вооруженный отряд во Владивостоке. Американский представитель «категорически заявил, что его правительство против японского вступления в пределы Сибири». Английский—более осторожно отметил, что «иностранное вмешательство в Сибири противоречит намерениям английского правительства», а французский посол, напротив, прямо ляпнул: «выступление Японии вполне естественная полицейская мера» [2]. Непосредственной угрозы интересам Франции Япония не представляла, а убить двух зайцев—и большевиков припугнуть и «поддеть» своего нынешнего «союзника»—от этого Франция не прочь.

С этой точки зрения—точки зрения противоречий внутри союзнического лагеря—интересно было бы попытаться определить, на какие группы опирались те или иные интервенты. Вообще говоря, старались использовать кого только можно, но все же можно отметить, что Англия больше ставила ставку на кадетов, вообще на среднюю и крупную буржуазию, Франция—на эсеров. Повторяю, это чисто условное деление, но оно все же проливает дополнительный свет на изучаемый нами вопрос.

Крупная буржуазия по своему экономическому положению несомненно более интернациональна, чем мелкобуржуазные группы. У нее больше интернациональных связей, она ближе к закулисной стороне международной политики, а по всему этому и менее патриотична: где выгоднее, там и патриотичнее. Милюков это прямо подтвердил своим поведением после Октября: ярый антантофил, он без всякого колебания променял французов на немцев, когда убедился, что немецкая помощь в борьбе против большевиков реальнее французской. Для этих групп «Единая неделимая» отнюдь не была символом веры до конца: можно и поделить, если таким путем спасешь побольше своего.

---

[1] Цитированная книга, стр. 55.

[2] «Правда», 7 апреля 1918 г.

Мелкая буржуазия в силу своего экономического положения несравненно более патриотична, чем буржуазия, а тем более пролетариат. Не имея интернациональных связей, далекая от корней политики, притом при чужеземном нашествии непосредственно теряющая свое состояние, мелкая буржуазия постояннее в своем патриотизме. Для эсеров, представляющих политически мелкую буржуазию, «Единая неделимая» была центром всех программ во всех политических образованиях.

Эту мысль в своеобразной форме развил и Робинс, об'ясняя свою позицию временной поддержки Советов. «Вы можете не любить Советов, говорил он все в той же Овэрменской комиссии, но старый режим (а для него все помимо Советов было старым режимом—чутье не обмануло его), всегда опиравшийся на какую-нибудь силу, неизбежно должен был, когда у него были отняты винтовки, опереться на силу чужеземных ружей. Но ближе всего были германские ружья... Было очевидно, что, если дело дошло до единоборства между русскими крестьянами и рабочими—с одной стороны, и русскими реакционерами—с другой, последние не преминут вступить в блок с германцами»...

Но, если это понимал американец, то это видно было и притом даже яснее и англичанину: с кадетами выгоднее было иметь дело вдвойне—и от блока с немцем можно оторвать, да и легче по-деловому столковаться и без непременного восстановления неделимой России.

А французы предпочтительнее ставили ставку на патриотичных мелких буржуа, не отказываясь впрочем, подчеркиваю, использовать и прямо противоположные группировки, особенно, когда выяснилась полная безнадежность эсеров.

Как бы то ни было, между двумя крупнейшими державами существовало непримиримое противоречие по самому жгучему вопросу. Непримиримость этих противоречий привела к тому, что Англия выступила в роли... спасителя Ленинграда. Это было бы парадоксальным, если бы не было историческим фактом.

В июле 1919 года, когда в Советскую Россию быстро катился Деникин, Колчак пытался задержаться у казацких станиц, а под Питером вырос Юденич, финский генерал Маннергейм предложил бросить из Финляндии 4 свежих, окрыленных недавними победами, дивизии и одним ударом взять Ленинград. Как раз в этот момент на имя посла в Париж была послана следующая телеграмма министерства иностранных деп[1]: «генерал Нокс передал следующую телеграмму британского военного министерства от 3 июля 1919 года... с о ю з н и к и   с ч и т а ю т   к р а й н е   н е ж е л а т е л ь н ы м   в с я к о е   д в и ж е н и е   ф и н с к и х   ч а с т е й   к   П е т р о г р а д у   и   в о о б щ е   в г л у б ь   р у с с к о й   т е р р и т о р и и».

[1] АОР, Фонд 4, дело 7, секр. телеграмма от 12 июля 1919 г.

Взятие белогвардейцами первой столицы создало бы центр, вокруг которого собралась бы опять «Единая Россия», что шло в разрез со всеми расчетами Англии. Последняя предпочла пойти лучше на срыв кампании, чем иметь перед собой крепкую неделимую Россию.

Наличие таких глубоких противоречий—а они были едва ли в меньшей степени и между Англией и Америкой, Америкой и Японией и т. п.—приводило к топтанию на одном месте там, где требовалось единство воли и решения. Как раз в щель этих противоречий проскальзывала революция, руководимая таким политиком, как Ленин.

Наконец, последняя—по счету, но не по важности—причина неудачи интервенции лежит в развитии революционного движения внутри интервенционных стран.

Генерал Щербачев, представлявший правительство Деникина в Париже, как свидетель, вряд ли может быть заподозрен в «сочувствии» большевизму, а, между тем, вот каковой представлялась ему Франция в ноябре месяце: «большевистская партия,—писал он Деникину [1],—уже открыто и всенародно вербует адептов в Красную гвардию, пока невооруженную, но организующуюся по русскому образцу... с тем же хорошо знакомым нам лозунгом защиты интересов пролетариата»...

«Расчет и вся надежда Клемансо,—продолжает дальше генерал, рассказывая о росте большевизма и борьбе с ним правительства,—именно и зиждется на быстром проведении выборов, пока большевистская пропаганда не коснулась составляющих большинство солдатских демобилизованных масс»...

В глазах генерала Франция вот-вот станет большевистской страной. Чем Париж в его оценке не Петроград 17 года? «А обстановка не только не улучшилась,—меланхолически продолжает Щербачев,—но с наступлением зимы грозит принять катастрофическую окраску. На первом плане стоит дороговизна... она не только не устранена, но имеет повышательные тенденции, взаимно усиливаясь с забастовками, как в заколдованном кругу. Самое сердце Франции не сегодня-завтра останется совершенно без угля и посему без освещения и перевозочных средств, а некоторые провинциальные центры уже закрыли часть фабрик»...

То, что Ленин предсказывал, уже начиная с 1914 г., а особенно после Октябрьской революции, начинает постепенно осуществляться в кровь и плоть действительности: искры Октябрьского пожара зажгли, наконец, и Запад, грозя уничтожить весь старый мир. Мощный, всесокрушающий поток выступлений пролетариата, прокатившийся по всему Западу, заставил интер-

вентов думать не столько о продолжении интервенции, сколько о спасении всего режима.

Таковы те факты, о которых позабыли собирающиеся в поход против СССР Мальбруки.

Если к этому прибавить тот драматический героизм, с которым трудящиеся, под руководством большевистской партии, дрались против интервенции, тот массовый порыв, который и решил победу в борьбе против контрреволюции, то уместно спросить: изменила ли что-нибудь современная обстановка во всех перечисленных факторах? Остыла ли революционная страсть у рабоче-крестьянских масс Советских республик? Или смягчились противоречия между отдельными империалистическими державами?

На эти вопросы пусть дадут ответ те, кто, ничему не научившись, собирается повторить старый неудачный опыт.

А мы? Мы, каков бы ни был ответ, мы—всегда готовы.

И. ЗАВИТНЕВИЧ.—РАССЛОЕНИЕ КРЕСТЬЯН В БРЕТАНИ НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

(К вопросу о причинах восстания шуанов).

Чрезвычайно интересное явление Великой французской революции—контрреволюционные выступления крестьян и в частности Вандейские войны и восстания шуанов почему-то не привлекали внимания русских исследователей. В специальной литературе вопрос трактовался, как проблема военной истории, социальный же смысл явления казался очень простым и вполне установленным.

В популярной марксистской литературе обычно такое освещение этого вопроса: против буржуазной революции восстал ряд отсталых провинций, где капитализм сделал наименьшие успехи, где города—эти ячейки капитализма—встречались редко и городское население составляло ничтожный процент и не имело никакого влияния на крестьян; в деревне еще целиком господствовали натуральные хозяйственные отношения; социальное расслоение крестьянского населения было незначительно, огромное большинство крестьян составляли середняки. Между крестьянами и дворянами, в большинстве мелкопоместными, были чисто патриархальные, даже дружеские отношения. Город, где уже имелись элементы капитализма, был чужд крестьянам, зато близки были дворянство и духовенство с их натурально-хозяйственным укладом жизни. Поэтому, когда революция, шедшая из города, потребовала от крестьян выполнения суровой воинской повинности, обидела их «благодетелей» дворян и стала покушаться на их «святую религию», крестьяне встали на защиту помещика, попа, монастырских земель и доброго короля, на защиту феодальной идиллии против грядущего капитализма.

Трудно сказать, на чем покоится эта концепция, кроме традиции, источником которой являются высказывания Ларош Жакелена и других дворян-вождей повстанцев. Между тем, изучение экономической и социальной истории Французской революции и, в частности, крестьянского вопроса настолько подвинулось вперед, разрушило столько ложных представлений и предрассудков и дало столько новых фактов, что игнорировать их нельзя.

К сожалению, области, которые были охвачены контрреволюционным крестьянским движением[1], изучены менее прочих. Необходимость пересмотра концепции крестьянской контрреволюции во Франции выдвигает задачу — выяснить экономическое и социальное состояние крестьянства в областях, ставших ареной вандейских войн и восстания шуанов.

Одним из очагов последнего была восточная часть Верхней Бретани (область Fougères и дистрикт Bain). Задача статьи—выяснить, насколько это позволяют печатные источники[2] и имеющиеся исследования, какова была общая экономика Бретани, каковы были социальные отношения внутри крестьянства и каково было отношение крестьян к другим социальным группам.

Глава I

ОБЩИЙ ХАРАКТЕР И НАПРАВЛЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ БРЕТАНИ

«Для продажи хлеба Бретань не ожидает неурожайного года у себя или у ближайших соседей, но обозревает все государства Европы, нет ли где недостатка в хлебе»,—пишет генеральный контролер[3], противопоставляя пассивности традиционной феодальной хлебной торговли активный, энергичный тип торговли развитого товарного капитализма. Вся Бретань покрыта густой сетью хлебных рынков, во всех портах ее идет оживлённая хлебная торговля. Под напором бойкой экономической жизни, регламентация хлебной торговли трещит по всем швам. Боясь «прогневать» крупных землевладельцев, исполнительная власть смотрит сквозь пальцы на нарушения регламентации, а бретонский парламент, регистрируя приказы центра о регламентации, снабжает их красноречивой оговоркой: мол, применение сего не должно стеснять внутренней торговли[4]. В результате регламентация остается лишь на бумаге, и даже официальные лица с ней не считаются. Разрешения на свободный вывоз хлеба из провинции даются к концу столетия все чаще, и все легче становится их добиться.

---

[1] Вандейские войны и восстания шуанов охватили части следующих департаментов: Vendée, Deux Sèvres, Loire Inferieure, Maine et Loire, Sarthe, Mayenne, Ille-et-Vilaine, Morbihan и Manche.

[2] Sée et Lesort Cahiers de doléances de la sénéchaussée de Rennes, 4 тома Ренн, 1909—1912 гг.; наказы снабжены богато документированными примечаниями. Guillou et Rebillon. Documents rélatifs à la vente des biens nationaux, departament Ille-et-Vilaine. Rennes 1911.

[3] Sée, Les classes rurales de la Bretagne du XVI siècle à la Révolution (Paris 1906) стр. 409.

[4] Letaconnoux, Les subsistances et le commerce des grains en Bretagne au XVIII siècle, первая часть статьи помещена в Travaux juridiques et économiques de l'Université de Rennes; Том I, стр. 361, запись от 19 апреля 1723 г.

Господствующее положение на хлебном рынке принадлежало привилегированным. В их руках скоплялись огромные количества хлеба, благодаря господству натуральных феодальных и арендных платежей, при чем натурой собирался главным образом ценный хлеб (пшеница, овес): часто в списках повинностей и арендных договорах оговаривались высокие сорта хлеба (froment rouge, gros avoine) или отборное зерно [1]. Нередко крестьяне были обязаны доставлять зерно прямо в ближайший порт [2]. Так, феодальные отношения использовались для широкой хлебной торговли.

Неудивительно, что развитию капиталистической торговли не сопутствовало смягчение феодального гнета. Наоборот, наиболее тяжелые формы феодальной эксплоатации крестьян, как, например, quevaise [3], удержались нетронутыми до самой революции; даже так называемая «свободная аренда» производилась на очень тяжелых условиях [4], при чем арендная плата росла быстрее, чем цены на продукты земледелия.

Феодальная реакция, проявившаяся в восстановлении забытых платежей, в сборе недоимок за много лет сразу и, по утверждению Сэ, в замене откупщиков феодальных повинностей (fermiers) более суровыми управителями сеньерий, а также в росте захвата общинных земель и сдаче их в аренду, служила все той же цели—усилить перекачку хлеба из крестьянских амбаров в житницы сеньеров.

Натуральный характер платежей означает не низкую степень развития торгового капитализма, а своеобразное использование сеньером феодальных форм, в которые включаются далеко не феодальное содержание—торговля хлебом на широкий рынок. Если платежи зерном сохранили свой натуральный характер, то прочие повинности, наоборот, переводятся на деньги: например, барщина, droit de guet et garde, droit de gite, а также ряд унизительных повинностей [5].

---

[1] Cahiers de doléances t. I, 81 стр., III, 237; 153, 162, 716, III, 380, IV, 101, 178, «80 boisseaux de seigle, bon blé, sec, loyal et marchand».

[2] Sée—ук. соч., стр. 280, примечание I.

[3] Quevaise—старинная форма условного крестьянского землевладения, сохранившаяся в некоторых церковных сеньериях Нижней Бретани, обремененная очень тяжелыми шампаром и барщиной. Земля переходила по наследству только к младшему сыну (или дочери); если прямых наследников не было, или если они не жили с родителями, земля переходила к сеньеру. В некоторых случаях последний имел право согнять кевезьера (собственника на праве quevaise). Продажа земли, дарение или обмен возможны были только с разрешения сеньера и с уплатой ему четверти или трети цены проданной земли.

[4] Например, к концу XVIII века увеличилось количество bail à detroit: арендатор уплачивал натурой полуурожая зерновых культур, а вместо половины прочих продуктов платил денежный взнос, так. назыв. petite rente, ук. соч., стр. 252.

[5] Sée—ук. соч., стр. 261, 198—205, 284, прим. 1, 106—108. Droit de quet et de gard—право сеньера требовать от крестьян охраны земли и имений; droit de gite—право сеньера получать у крестьян ночлег и еду.

Товарные отношения не ограничиваются лишь верхними слоями общества; они проникли глубоко в массу населения. Большое количество городов (по Реннскому сенешальству — 9 городов) с значительным количеством ремесленников и наличие крупных городских центров (в Ренне свыше 42.000 жителей, в St. Malo 16.767 жителей; в предместьи этого порта, St. Servan — свыше 13.000 жителей) говорят о довольно значительном общественном разделении труда. Данные об экономическом состоянии Ренна говорят о наличии капиталистического производства (наличие нескольких мануфактур с количеством рабочих свыше 50 человек; производство на экспорт); выделение предпринимателей из среды ремесленников говорит о разложении цехового ремесла [1], полное преобразование цеха красильщиков видно хотя бы из того, что в среднем на 1 мастера приходится 13 подмастерьев, не говоря уже о том, что производство ведется на широкий рынок; льняная и конопляная пряжа, окрашенная в Ренне, расходится по всей Франции, главными потребителями ее являются Париж, Руан, Лион.

Товарные отношения господствуют в сельских местностях. В каждом приходе проживает несколько ремесленников, при чем они являются иногда с'емщиками помещения [2] (последнее—пример полного отделения ремесла от земледелия); имеется большое количество рынков и ярмарок, на которых продаются как земледельческие средства производства, так и средства потребления, продукты и одежда. В тарифе сельских рынков упоминаются: яйца, птица, масло, бобы и т. д. [3]. Крестьянские наказы часто протестуют против высоких акцизов на напитки, табак, кожи, даже на одежду [4].

Хлеб является одним из центральных товаров. С одной стороны, снабжение местных городских рынков хлебом лежало на крестьянах; с другой стороны, наличие хлебных избытков у сеньеров часто имело место рядом с острым недостатком хлеба у некоторых групп крестьян; многие крестьяне вынуждены были регулярно покупать хлеб. Наказ прихода Saint Jean de Béré жалуется, что сеньеры и откупщики сосредоточили у себя весь хлеб: «часто арендаторы не могут снабжать продовольствием города; они сами принуждены покупать хлеб, который они собрали и которым поделились с теми, которых они называют господами. Эти последние неохотно открывают свои амбары и заставляют хлеб чрезмерно подыматься в цене». Наказ прихода Châtillon en Vendelais говорит, что бедные арендаторы вынуждены покупать хлеб в течение двух третей года. Во всяком случае, крестьяне, за небольшим исключением, не имели запасов хлеба на случай неурожая.

---

[1] По цехам каменьщиков, кровельщиков, плотников и стекольщиков города Ренна Сэ считает этот факт бесспорным, см. S é e, La vie économique et les classes sociales de la France au XVIII s., Paris 1924.

[2] G u i l l o u e t R e b i l l o n, ук. соч., см. прим. St. Germain sur Ille, стр. 330, Orgères, стр. 523.

[3] L e t a c o n n o u x, ук. соч., стр. 357, см. также Cahiers III, 189, § 8 и др.

[4] C a h i e r s I, 275, II, 45, IV, 173 и др., II, 84, 159, I, 156—157.

Неудивительно, что в наказах крестьяне не только резко протестуют против вывоза хлеба в неурожайный год (каковым было лето 1788 г.), но и вообще требуют жестокого регулирования вывоза хлеба из провинции, даже национализации внешней хлебной торговли; так же часты требования запретить делать запасы хлеба и вздувать цены на хлеб [1]. Все эти требования целиком обращены против сеньеров и их приказчиков и против связанных с ними крупных торговцев хлебом; высокие цены на хлеб били самих же крестьян, принужденных покупать хлеб.

Наоборот, при неблагоприятной кон'юнктуре рынка крестьянин продавал свой хлеб; при этом на крестьян падала вся тяжесть рыночных и дорожных сборов, от которых были избавлены их главные конкуренты—сеньеры; кроме того крестьянину было труднее обойти регламентацию хлебной торговли. Ни повысить раз назначенную цену, ни увезти хлеб с рынка крестьянин не имел права [2], и в то же время он не был в состоянии отыскивать более благоприятные условия продажи в другом месте, на более отдаленном рынке. Даже местные колебания цен крестьянин не мог для себя использовать из-за этой привязанности к ближайшему рынку. Наконец, налоговый пресс заставлял крестьян выбрасывать хлеб на рынок осенью, в самый неблагоприятный момент.

Итак, благоприятные экономические условия парализовались тяжелым социальным положением земледельческого населения. Поэтому Бретань очень медленно развивалась в агрикультурном отношении.

От $^2/_5$ до $^2/_3$ всей поверхности составляли необработанные земли; нигде, кроме Бретани, нет такого количества земель, с которых урожай получается раз в 9 лет и даже в 20, 30 и 40 лет (так называемые terres froides); многолетний отдых земли из-за полного отсутствия, недостатка или плохого качества удобрения, недостаток рабочего скота, отсутствие тщательной обработки земли, большая засоренность полей, примитивность орудий и т. д. [3]: один из'ян цепляется за другой, один недостаток обусловливается другим. Наказ прихода Roufigné касается самого больного места крестьянского хозяйства, утверждая, что для того, чтобы сделать земледелие доходным, необходимо иметь «хотя бы небольшой» капитал, которого у крестьян нет [4]. Если же у некоторых слоев крестьянства наблюдается накопление капитала, то владелец капитала стремится найти ему применение вне земледелия или держит его под спудом [5]. Расширение запашки за счет не-

---

[1] Cahiers III, 796 и др.; II, 571—572; IV, 26; 105 и др. I, 422; IV, 160; Letaconnoux отмечает, что рост цен на хлеб в общем невыгоден для крестьян, ук. соч., 408—409.

[2] Sée, Ler classes rurales en Bretagne, стр. 139, 146, Letaconnoux, ук. соч., 305 337.

[3] Sée, ук. соч., стр. 367, 374, 384—389.

[4] Cahiers, II, 393.

[5] Cahiers III, 364.

обработанной земли для средних крестьян слишком дорого[1], травосеяние нигде не применяется; несмотря на обширные пространства необработанных земель, часто скот страдает от бескормицы; это явление стало настоящим бичем деревни в последней половине XVIII века в связи с ростом захвата общинных земель сеньерами[2]. Несмотря на отсутствие принудительного севооборота и принудительных сроков сбора урожая, несмотря на то, что повсюду развито огораживание полей[3], перехода к интенсивной обработке не наблюдается; земледелие зашло в тупик, и с ходом феодальной реакции его положение все ухудшается.

Оживление агрономической мысли во второй половине XVIII века, сказавшееся в образовании Société d'agriculture, в обилии литературы и в некоторых единичных опытах улучшения хозяйства, не затронуло крестьянских масс. Реальным результатом агрономического оживления было лишь распространение картофеля[4] и, может быть, отчасти закон, благоприятствующий распашке нови. Повышение цен на сельскохозяйственные продукты за последние 20 лет до революции было выгодно, главным образом, сеньерам.

Несмотря на критическое положение, на земледелии все же отразился рост товарных отношений. Тот же хозяйственный гнет, который был причиной кризиса земледелия, явился стимулом для перестройки хозяйства на товарной основе, содействовал развитию торгового земледелия. Однако, отсутствие капитала заставляло совершать такую реорганизацию без дополнительных затрат; благодаря этому товарность земледелия приобретает уродливые формы. Особенно ярко это видно из подбора хлебных культур. Наиболее ценные сорта хлеба производились исключительно для продажи, а для собственного потребления сеялись грубые неприхотливые злаки. Лепешки из ячменной или гречневой муки заменяли хлеб; продавая пшеницу, крестьяне для себя сеяли meteil или meléard, смесь пшеницы с ячменем, овсом или рожью. Когда бывал неурожай этих хлебов, страшно дорожала пшеница, так как крестьяне принуждены были оставлять ее себе на пропитание и не выбрасывали ее на рынок, а для уплаты налогов и покупки хлеба распродавали скот, инвентарь, землю[5].

«Дворянство, может быть, станет говорить вашему величеству, основываясь на действительности, что крестьяне продают быков, жирных баранов и пулярок и что будто бы они на этом богатеют; но справедливо будет сказать, что мы часто и муку продаем, что нам для пищи остаются одни отруби[6].

---

[1] S é e, ук. соч., 72—73.

[2] Напр. наказ прихода Langon II, 441 и др.

[3] S é e, ук. соч. 445.

[4] Т а м ж е, 430—433.

[5] По письму субделегата. Sée, ук. соч. 467; см. также 392—393 и Letaconnoux ук. соч. стр. 399.

[6] Наказ прих. Kermoroch IV, 128, См. также IV, 135.

Так крестьяне свои потребности приспособляют к условиям рынка. От такой «системы» торгового земледелия не приходится ждать интенсификации хозяйства. Туго идет замена малоценных культур гречихи, ржи более ценной пшеницей. Скотоводство развивается только там, где имеется достаточное количество естественных пастбищ и лугов, при чем на роскошных лугах вскармливается очень посредственный скот [1] и т. д.

Можно отметить некоторую специализацию культур: судя по сведениям о рынках, местами предметом торговли является почти исключительно пшеница, местами рожь; в некоторых субделегатствах специализировались на производстве овса (в субделегатстве Guéméné под овес засеивается $^2/_3$ всех пахотных земель; то же и в субделегатстве Antrain); встречается торговое огородничество). Во многих местах важным предметом торговли является яблочный сидр, также мед и воск. Есть районы мясного скотоводства. К востоку от гор. Ренна имеется маслодельный район, снабжающий коровьим маслом Париж, Анжу, Нантскую область [2].

В некоторых приходах можно констатировать улучшение культур. В Бретани часто встречается «красная пшеница» (froment rouge), высоко ценимая на рынке. Распространяется овес высшего сорта (gros avoine). В приходе Coatascorn крестьяне приобретают заграничные семена льна лучшего качества [3]. Таким образом товарное хозяйство иногда приводит к улучшению средств производства, а это один из важных признаков торгового земледелия.

Показателем того, как укоренились товарные отношения в крестьянских массах, служат многочисленные требования наказов заменить денежными взносами платежи натурой. Сама земля все чаще становится предметом купли-продажи и обмена. Просьбу уничтожить fraus fief один из наказов аргументирует тем, что этот несправедливый налог является «гибельным для торговли землей» [4].

Пользуясь неблагоприятным положением крестьян на рынке, а также плохим состоянием дорог, в торговлю хлебом проникает скупщик, мелкий хлебный торговец blatier или агент крупного коммерсанта (courtier), закупает у крестьян хлеб на месте, грузит его на телегу, запряженную сильной лошадью, а то навьючивает на мула и в самое бездорожье доставляет хлеб на рынок [5]. Маломощные и безлошадные скоро оказываются зависимыми от

---

[1] Sée ук. соч., стр. 398—399. Часто цитируемый в примечаниях наказов Dictionnaire géographique de Bretagne, par Ogé тоже часто указывает на посредственный скот, на хороших пастбищах. См. также Sée, ук. соч. 390—391, Letaconnoux, ук. соч., стр. 303.

[2] Приходы Pacé, Mordelle и др. см. Cahiers и др. II, 63, 202.

[3] Cahiers I, 611, IV 181.

[4] Cahiers II, 148.

[5] Letaconnoux, Les subsistances et le commerce de grains, стр. 354, 364, 394.

скупщика. Таким образом, торговый капитал проникает в деревню и эксплоатирует мелкого производителя.

При известных условиях происходит и производительное вложение капитала в сельское хозяйство, например, в тех случаях, когда на более или менее продолжительный срок облегчается социальный гнет, давящий сельского производителя и отпугивающий капиталы из деревни. Такое действие имел закон 1768 года, освобождавший вновь обработанные участки от налогов и десятины в течение двадцати лет. В одном сенешальстве Ploërmel за 12 лет (с 1768 г. по 1780 г.), было представлено 1.378 деклараций на поднятие нови, из которых 1.074 были поданы от имени крестьян [1].

Крестьянские распашки были ничтожны по величине. Гораздо большее значение имеет предпринимательская аренда ланд для поднятия нови с целью передачи в аренду крестьянам. За это дело охотно взялись не только коммерсанты, но и городская интеллигенция, адвокаты, чиновники, инженеры. Отдельные арендаторы получали участки в две-три сотни journaux; некто арендовал 1.300 journaux. Таким образом за 12 лет было обработано около 130.000 арпанов [2].

Иногда привлекался капитал и для мелиоративных работ (осушение, ирригация), а также для разработки минерального удобрения [3].

Таким образом в земледелии происходит некоторая мобилизация капитала.

Несмотря на все препятствия социального характера, земледелие медленно, но неуклонно, видоизменяясь, обходя препятствия, принимая уродливые формы, приспособляется к товарному хозяйству и, следовательно, растет к капитализму.

Социальный гнет не простирался на деятельность сельского населения в области обрабатывающей промышленности [4]. И эта деятельность пышно развивается всюду, где только есть к этому малейшая возможность.

Большое количество ремесленников в деревнях не только характеризует разделение труда, но и указывает на производство на широкий рынок. Например в приходе Evran на 462 налогоплательщика приходится 14 ремесленника, в приходе Brussely на 47 налогоплательщиков—10 ремесленников, а в приходах Carfo и Concoret почти все население занято печением хлеба для ближайших приходов: Moncontour, Colinée, Langast, Ploeue и Uzel, где крестьяне заняты ткачеством [5].

---

[1] Letaconnoux, ук. соч., 294; Sée, ук., соч., стр. 442.

[2] В Бретани 1 journal обычно равнялся 48,6 аров: 1 арпан=57,7 аров.

[3] Sée, ук. соч., стр. 335, 438; 441; 435—436; 424, 427.

[4] Нельзя сказать, чтобы сеньеры не пытались использовать феодальные отношения для извлечения дохода из промышленной деятельности крестьян. В фьефе de la Chalousaye в XVII в. в aveux было вставлено требование с каждого крестьянина по паре перчаток (в 1622—1640 гг.). Но в 1641 г. этого требования уже нет (Sée, цит. пр., 94).

[5] Sée ук. соч., стр. 312, 455—456.

Еще с давних пор Бретань отличалась тем, что среди сельского населения была сильно развита домашняя промышленность. Местами промышленная деятельность служит лишь дополнением к земледелию; часто многочисленные поденщики забрасывали свои участки и земли и занимались исключительно промышленным трудом; но встречались и местности, где все население было занято обрабатывающей промышленностью, именно этим путем добывая средства к жизни [1].

Этот заработок уже потерял характер домашней промышленности: в производстве употребляется не только произведенное в собственном хозяйстве сырье, но и сырье покупное, иногда привезенное издалека (хлопок из Америки, шерсть из Испании).

Производство тканей достигло большой степени специализации. Большое количество тканей, а также пряжи вывозится за пределы Бретани, часто служит предметом внешней торговли с Испанией, с Америкой, с Антильскими островами и др. островами южных морей (через порты Сан-Мало и Нант) [2].

Ничем не стесняемые капиталистические отношения здесь развиваются быстрее, чем в сельском хозяйстве: растет применение наемного труда, растет зависимость от скупщика. Как мелкие купцы, так и агенты крупных торговцев регулярно появляются в деревнях, покупают или принимают готовые ткани, продают и раздают хлопок и прочее сырье. В городах и местечках нередко все население почти сплошь состоит из таких торговцев [3]. Часто пряжи и ткани, выработанные в деревнях, получали окончательную отделку в городах (побелка, апретация, окраска) [4]. Посредниками в этом своеобразном разделении труда между городом и деревней являются те же скупщики. Таким образом, в Бретани наблюдаются различные стадии перехода от домашней промышленности к домашней системе крупной промышленности.

Последние годы перед революцией в промышленной деятельности наступила некоторая депрессия. Контрабандная торговля, благодаря которой так интенсивно пульсировала жизнь Сан-Мало, с 1725 года стала рискованной, прибыли судовладельцев стали уменьшаться; вместе с тем стала более вялой и торговля порта. С 1778 года новые пошлины на привозимые в Испанию товары приостановили рост франко-испанской торговли, а договор 1786 года с Англией дал возможность английским товарам конкурировать с французскими даже на территории Франции. Выявились признаки промышленной депрессии; в некоторых портах, в том числе и в St. Malo, торговля стала глохнуть. Эта депрессия задевала и крестьянское население Бретани.

---

[1] Sée, указ. соч., стр. 451—452: наказ прих. Brilles говорит, что продажа льняной пряжи является единственным источником дохода жителей, I, 330.

[2] Sée, L'évolution commerciale de la France sous l'ancien régime, Paris 1925, стр. 236, 241—242.

[3] Sée, Les classes rurales de la Bretagne, стр. 451.

[4] Sée et Lesort, Cahiers de doléances, введение, стр. XXV.

Глава II

РАЗЛОЖЕНИЕ КРЕСТЬЯНСТВА

В обстановке развития товарного хозяйства крестьянство, как класс, не может удержаться в равновесии; часть крестьян не выдерживает конкуренции, хиреет, наконец, продает часть своего участка земли для расплаты с долгами или для пропитания, «раскрестьянивается», в то время как другая часть выходит победителем из борьбы в рыночной стихии, приобретает земли разорившихся крестьян, увеличивает обеспеченность инвентарем и рабочим скотом, привлекает к обработке своей земли обедневших крестьян; в их же руки попадает и часть земель привилегированных сословий.

Поскольку в Бретани, как мы установили выше, в XVIII в. господствовали товарные отношения, постольку приходится искать признаки разложения крестьянства.

Среди крестьян встречаются сравнительно крупные собственники, имеющие по 40—50 журналей и даже по 100 журналей земли. Но наряду с ними имеется значительная группа, совершенно недостаточно обеспеченная землей. По 28 приходам 58% крестьян-собственников имеют не свыше 5 журналей, в том числе 12% менее 1 журналя; только 6% крестьян-собственников имеют земли свыше 20 журналей каждый. При этом и в многоземельных приходах недостаточно обеспеченные землей группы составляют около $^1/_3$ всех крестьян-собственников, в малоземельных приходах количество недостаточно обеспеченных землей доходит до 78%, а имеющих ничтожный участок в 1 журналь и меньше—до 20% и даже до 33% [1]. Таким образом, повсеместно наблюдается концентрация земли в руках ничтожной кучки крестьян, в то время как значительная часть крестьян находится на пути к ликвидации своего землевладения. Кроме того, встречаются и безземельные, о количестве которых данных не имеется.

Если принять во внимание качество земли и уровень техники, то придется установить, что обеспеченность крестьян землей вообще невысока; большая же часть крестьян владеет таким количеством земли, которое совершенно недостаточно для самостоятельного ведения хозяйства. Для этой группы имеются только два выхода: или приарендовать несколько журналей земли, или, если на это нехватит средств, совсем отказаться от обработки земли и сдать ее в аренду. Случаи такой сдачи земли в аренду из нужды мы наблюдаем часто, а в некоторых приходах этот вид сдачи в аренду является господствующим. С другой стороны, большой спрос на землю делает сдачу земли в аренду мелкими участками настолько выгодной, что часть крестьян-землевладельцев вовсе отказывается от ведения хозяйства, предпочитая по-

[1] Sée, ук. соч., стр. 67.

лучать ренту и превращаясь в настоящих помещиков, хотя и карликовых. Значительная часть обеспеченных землей крестьян сдает в аренду часть своих земель [1].

Основные типы аренды можно наметить и по тем отрывочным данным, которые встречаются в документах о продаже национальных имуществ. Первым делом бросается в глаза большое количество дополнительной аренды (т. е. в дополнение к собственному или арендованному участку, о котором документы сведений не дают); при этом одно лицо арендует не полный комплект необходимых для крестьянствования угодий, а только один-два вида

[1] Сэ различает только 3 вида использования крестьянами своих земель: 1) собственник обрабатывает всю землю сам, 2) собственник обрабатывает только часть земли, сдавая остальную в аренду, и 3) собственник сдает в аренду всю землю. В последнем случае он не различает сдачу земли из нужды, и сдачу земли зажиточными крестьянами, ставшими карликовыми помещиками. Наличие этих двух видов аренды можно обнаружить путем некоторой обработки таблицы, приводимой Сэ на стр. 74 ук. соч.

Приходы	Количество собственников			Колич. собственников, владеющих свыше 20 журнал.	Площадь земли на 1-го собственника		
	I группа. Собственник обрабатывает землю сам	II группа. Собственник сдает в аренду всю землю	III группа. Собственник часть земли обрабатывает сам, часть сдает в аренду		По 1-й группе	По 2-й группе	По 3-й группе
1. Guipel	157	69	13	12	5,6	2,1	19,6
2. La Couyère	70	32	4	8	6,8	3,8	21,3
3. Miniac-Morvan	564	87	17	12	3,6	2,4	15,0
4. Saint Marcan	129	42	—	—	3,5	2,5	—
5. Saint Pierre de Plesguen	170	61	8	—	4,4	3,1	10,9
6. Saint Symphorien	86	64	—	—	3,1	2,3	—
7. Chatillon sur Seiche	77	38	4	6	4,1	3,8	14,2
8. Balazé	56	149	12	34	6,8	12,7	17,4
9. Erbrée	20	102	2	11	3,5	9,0	21,0
10. Lecousse	35	41	—	3	2,8	6,8	—
11. Etrelles	52	136	12	23	7,0	9,4	28,9
12. Eancé	65	83	22	20	5,3	8,4	18,1
13. Leroux	68	92	10	10	4,8	6,0	19,1
14. Florigné	28	76	2	11	3,5	9,0	21,0
15. Coesmes	72	51	24	28	9,3	11,0	29,7

В приходах №№ 1—7 господствует сдача земли бедняками (средняя величина земельных владений, отдаваемых в аренду целиком, весьма незначительна и меньше средней величины владений, обрабатываемых самими собственниками). В приходах №№ 8—15 наблюдается обратное положение; однако, и здесь имеет место сдача в аренду из нужды, поэтому средняя величина сдаваемых владений, хотя и превосходит среднюю величину владений, обрабатываемых самими собственниками, все же невелика; средние цифры затмевают яркость расслоения. Смешанное использование земли наблюдается всегда у более обеспеченных землей.

угодий; это большей частью небольшой клочок[1] луга, пастбища, иногда пашни; встречаются аренда сада, огорода, даже двора. Недостаток сведений не позволяет выяснить социальное лицо этих арендаторов. В тех случаях, когда арендуется дом и двор со всеми хозяйственными постройками и все виды угодий, можно предполагать, что арендатор не имеет собственной земли или владеет ничтожным клочком земли, не имеющим большого значения для определения социальной физиономии арендатора. Хозяйство в районах с преобладанием животноводства ведется приблизительно на 18 журналях пахотной земли (арендованной), а в районах с преобладанием полеводства на 13½ журналах пахоты. Встречается типичная «продовольственная аренда» — ½ и ¼ этого «нормального надела»; иные же арендуют пахоты в 2, в 2½ раза больше этой нормы и ведут хозяйство определенно товарного типа, наконец, не так уже редко (но только в районах с плодородной почвой) встречается и чисто предпринимательская аренда больших площадей пахоты (по 3 «надела» и больше).

Подведем итоги. Земельная собственность распределена среди крестьян чрезвычайно неравномерно, а арендные отношения еще увеличивают диференциацию крестьян в смысле обеспеченности землей. Часть мелких собственников превращается в безземельных de facto, которые являются либо порвавшими с сельским хозяйством ремесленниками и кустарями, либо пролетариями, живущими продажей своей рабочей силы. Значительная часть занимающихся земледелием ведет—на своей или на арендованной земле— хозяйство продовольственного характера. Третья группа крестьян употребляет свою относительно крупную собственность (всю или часть) для получения ренты, превращаясь в карликовых помещиков. Наконец, четвертая группа это—крестьяне, ведущие на своих или на арендованных землях хозяйство более или менее товарного характера; среди них можно наметить группу средних крестьян, группу крепких мужичков кулацкого типа и, наконец, хозяев, ведущих крупное предпринимательское хозяйство и составляющих верхушку сельской буржуазии.

Часть четвертой группы не может обойтись без наемного труда. По 47 приходам восточной части Верхней Бретани на основе суммарных данных о распределении капитации (поголовного налога) можно проследить соотношение основных социальных групп крестьян. Группа крестьян, имеющих постоянных наемных рабочих, иногда очень велика; в некоторых приходах она охватывает треть плательщиков, большей частью составляет 10—20%, и только в одном приходе нет ни одного крестьянина, имеющего постоянных наемных рабочих. С другой стороны, группа маломощных крестьян (капитация не свыше 3-х ливров) редко спускается до 20% налогоплательщиков, часто же доходит до половины.

[1] Обычно не свыше 1 журналя, редко 3—4 журналей.

По 95 сельским приходам, по которым имеются подробные данные о капитации каждого присутствовавшего на избирательном собрании, можно проследить характер применения наемного труда.

Колич. приходов	Характеристика группы приходов	Количество наемных рабочих									Количество хозяйств, применяющих:					Общее количество хозяйств с наемным трудом
		Valets	Servantes	Domestiques	Compagnons	Tisserands	Fileuses	Valets d'harnais	Прочих	Всего	1-го рабочего	2-х рабочих	3-х рабочих	4-х рабочих	Свыше 4-х рабочих	
51	I Приходы земледельческие	278	361	231	—	—	—	—	—	870	295	155	51	24	3	528
3	II Приходы с развитым коневодством	11	22	—	1	—	—	7	—	41	13	9	2	1	—	25
36	III Приходы с развитой домашней промышленностью	316	507	276	32	64	6	—	3	1.207	285	196	91	34	22	628
5	IV Приходы со слабым применением наемных рабочих	2	9	5	—	—	—	—	—	16	14	1	—	—	—	15
	Итого	607	899	512	33	64	6	7	3	2.131	607	361	144	59	25	1.196
	В процентах:															
	I группа	32	41,5	96,5	—	—	—	—	—	100	55,8	29,3	9,6	4,1	0,6	100
	II »	26,8	53.7	17,1	—	—	—	2,4	—	100	52,0	36,0	8,0	4,0	—	100
	III »	26,2	42,1	22,9	2,7	5,3	0,5	—	0,3	100	45,4	31,2	14,5	5,4	3,5	100
	IV »	12,5	56,2	31,3	—	—	—	—	—	100	93,3	6,7	—	—	—	100
	Итого	28,4	42,4	24	1,5	3,0	0,3	0,3	0,1	100	50,8	30,2	12,0	4,9	2,1	100

Прежде всего в глаза бросается большое количество постоянных наемных рабочих, занятых у одного нанимателя. Половина крестьян из группы пользующихся постоянным наемным трудом имеет свыше одного рабочего; 17% использует труд 3-х и 4-х рабочих, и 2%—даже свыше четырех рабочих; 15 хозяйств эксплоатируют по 5 рабочих, в семи хозяйствах имеется по 6 постоянных рабочих, в одном 7 и в одном 8 рабочих.

В первой группе приходов встречаются работницы (servantes), батраки (valet) и просто domestiques (вообще рабочие, живущие у хозяина). Доля батраков здесь доходит до $^1/_3$, как видно, в этой группе наемный труд применяется для сельскохозяйственных работ в поле и дома. Во второй группе встречаются наемные конюхи (valet d'harnais), район коневодческий. В третьей группе приходов применение наемного труда особенно велико, и часто встречаются лица, эксплоатирующие нескольких наемных рабочих;

здесь наемные рабочие применяются не столько на сельскохозяйственной работе, сколько на работе в обрабатывающей промышленности; часть же рабочих этой группы, как например, ткачи, прядильщицы и подмастерья, только на промышленной работе и эксплоатируются. Таким образом, еще раз подтверждается наибольшее развитие капиталистических отношений именно в областях с развитой домашней промышленностью. В четвертой группе, состоящей только из 5 приходов, применение наемного труда встречается реже, а в одном приходе на избирательном собрании не оказалось ни одного крестьянина, имеющего постоянных наемных рабочих.

Кроме постоянных наемных рабочих часть крестьян пользуется работой поденщиков. Установить количество этих хозяйств нет возможности, за отсутствием каких бы то ни было данных; некоторое представление о том, насколько распространен найм рабочих поденно, могут дать цифры, приводимые Сэ относительно количества лиц, живущих продажей рабочей силы, батраков и поденщиков: в некоторых приходах число их составляет 40—45% всего населения (в приходе Pleine Fougère 1514 domestiques et journaliers, в приходе Romillé—1.024, в приходе Saint Broladre—495), в ряде приходов число их колеблется между 12 и 30%, и только в 3 приходах (из 17) они составляют менее $^1/_{10}$ населения [1].

Итак, крестьянство расслаивается; с одной стороны, выделяется деревенский полупролетариат (и даже пролетариат), с другой строны, образуется класс сельской буржуазии, эксплоатирующий наемных рабочих.

К сельской буржуазии приходится отнести не только собственников, но и часть арендаторов. Из 112 арендаторов (fermiers), о которых есть сведения в примечаниях к наказам, 26 арендаторов пользовались постоянным наемным трудом (батраков и работниц), при чем 7 из них имели по 2, двое по 3 и один имел четырех постоянных наемных рабочих. Среди половников (métayers, арендаторов за полурожая), положение которых принято описывать в особенно мрачных красках, встречается еще больше представителей буржуазных групп, чем среди fermiers. Из 17 половников только трое не имели наемных рабочих, пятеро половников имели по 2 и четверо по 4 наемных работника. Ни один из половников не платил капитации менее семи ливров, в то время как 29 арендаторов (25% общего числа) платили менее 3-х ливров, будучи причисленными к сельской бедноте.

Между крупными арендаторами и мелкими происходит борьба из-за получения земли в аренду. Наиболее острые формы эта борьба приняла в Нижней Бретани, в области, где господствовал особый вид феодального держания, domaine congéable, при котором собственность на землю принадлежит двум лицам: собственность на землю вообще (propriété des fonds)—сеньеру, а крестьянину—доманьеру—собственность на поверхность (pro-

[1] Sée, ук. соч., стр. 307.

priété des superficies); притом сеньер имеет право согнать собственника поверхности либо каждые 9 лет (по кутюмам Трегье), либо раз в год, либо в каждый данный момент, даже накануне урожая (по кутюмам Роана). Сгоняемому уплачивалась сумма, равная стоимости произведенных им затрат капитального характера (построек, насаждений и пр.), а также стоимость семян и расходы по обработке земли, если урожай еще не собран. В резолюции от 15 марта 1789 года прихожане Трегонно (Tregonneau) красочно описывают такое насильственное превращение собственника в настоящего пролетария[1]: Что делать несчастному, выгнанному со своей семьей из дома среди зимы, лишенному того, над чем он трудился всю жизнь—куска земли? Укрывшись где-нибудь в овраге, «с плачем и стонами», он кое-как живет до тех пор, пока не израсходует той суммы, которую его заставили взять, как компенсацию за изгнание; а потом ему ничего другого не остается, как просить подаяние. Отсюда ненависть, ссоры, оскорбления, драки; отчаявшись, несчастные идут даже на преступления, на убийства и поджоги. Этим обычаем, узаконяющим произвол сеньера, пользуются для самых низких интриг: «Часто из ненависти, жадности или природной преступности какой-нибудь богач использует скупость сеньера, чтобы разорять крестьян победнее, лишая их единственного имущества, которое давало им средства к существованию»[2]. Таким образом, борьба крупных держателей с мелкими приводит к увеличению диференциации крестьян. Феодальные формы этого держания только способствуют концентрации земли в руках одних и пролетаризации других; полупролетариата здесь не остается; разоренные крестьяне деклассируются и деморализируются окончательно.

Кроме непосредственной эксплоатации наемных рабочих, деревенская буржуазия косвенным путем эксплоатирует бедняков. Составитель наказа прихода Nouvoitou, крестьянин-кулак, выбалтывает, как подобные ему хозяйственные мужички закабаляют беднейшее население, особенно в неурожайные годы: арендная плата не взимается и откладывается «до случая», дается ссуда семенами и т. д.[3]. Безлошадные крестьяне прихода Balazé вынуждены нанимать лошадей для перевозки натуральной ренты. То же и при посеве. «Если остаются земли незасеянными», пишет субделегат, «то это происходит из-за жестокости богатых землевладельцев, которые неохотно одолжают своих быков и упряжь беднякам-соседям, имея в виду заставить их по дешевке продать свои поля»[4].

Часто кулак помещал капитал в торговлю вином, водкой, мясом. Особенно часты жалобы на мельника, который, пользуясь своим исключитель-

[1] Cahiers, IV, 120. В наказе говорится очень многословно: привожу лишь содержание, сохраняя отдельные выражения.
[2] Наказ прих. Saint Agathon, IV, 156.
[3] Cahiers, I, 613—614.
[4] Letaconnoux, ук. соч., стр. 329.

ным положением (баналитет арендуемой мельницы), притесняет крестьян, плутует, берет свыше положенного за помол и т. д. Встречаются указания на наличие наемных рабочих у мельника: в приходе Brécé арендатор мельницы имеет двух рабочих, farinier и meunier; в Монфоре у мельника 4 наемных рабочих [1]. Иногда мельник снимает значительный участок земли (до 50 журналей пашни) и ведет земледельческое хозяйство торгового типа [2].

Положение наемных рабочих тяжелое. Например, в годы неурожаев и дороговизны богатые фермеры и собственники не только поденщиков оставляют без работы, но прогоняют и своих батраков. Между нанимателями и наемными рабочими происходит борьба, дело доходит иногда до конфликтов; это видно хотя бы из того, что в двух приходах крестьяне, выставляя требования о местном суде, в его компетенцию предлагают включить вопросы о недоразумениях с заработной платой поденщиков и батраков [3].

Совершенно обедневшие крестьяне живут подаянием, так как общественная помощь недостаточна. В суровые зимние месяцы количество побирающихся увеличивается, а в годы неурожаев в эту группу вливаются безработные поденщики и уволенные батраки. Нищенство в Бретани представляет род общественного бедствия; часть наказов предлагает бороться с этим бедствием путем увеличения количества благотворительных учреждений, но многие наказы требуют суровых мер против нищих и бродяг, так как «отсюда ведут начало все преступления» [4].

Итак, нельзя говорить о едином крестьянстве в Бретани. Товарное хозяйство разложило его на отдельные группы, борьба которых принимает подчас характер открытых конфликтов.

Глава III

ОТРАЖЕНИЕ БОРЬБЫ КЛАССОВ В КРЕСТЬЯНСКИХ НАКАЗАХ

Нельзя рассматривать наказы как документы, отражающие желания и чаяния всего крестьянства в целом. Помимо ряда вопросов, одинаково разрешавшихся всеми слоями крестьянства, встречаются и такие вопросы, разрешение которых в наказах варьируется в зависимости от классового состава избирательного собрания.

Весьма важно выяснить социальный состав избирательных собраний для того, чтобы разобраться в пожеланиях наказов.

Данные по 108 сельским приходам говорят с полной определенностью о засилии буржуазных групп на избирательных собраниях. В 52 приходах

[1] Cahiers, I, 161, 189, 580; II, 94, 427, 623; III, 319, IV, 26, 137.

[2] Guillou et Rebillon, ук. соч., см. прих. Fougerai, Montreuil le Gast, Melesse.

[3] Cahiers, II, 144, I, 160.

[4] Cahiers, I, 173; II, 95, 126; III, 678; IV, 26.

представители буржуазных слоев крестьянства составляют абсолютное большинство, на 19 собраниях им принадлежит относительное большинство; таким образом, они имеют численное превосходство на $^{2}/_{3}$ собраний[1]. Но часто и там, где эта группа численного превосходства не имела, она составляла значительную часть собрания, а так как каждый крестьянин кулацкого типа представляет фигуру гораздо большего социального веса, чем любой бедняк или середняк, то и эти собрания подчас целиком находились под влиянием кулаков. Поэтому среди делегатов-выборщиков (на общее собрание III сословия в Ренне) засилие буржуазных групп сказывается еще резче: за ними сохраняется абсолютное большинство и в ряде приходов с численным преобладанием середняков. Даже на тех собраниях, где большинство принадлежало бедняцким элементам, в депутаты часто проходили кулаки, так как бедняки отказывались от чести быть делегатом, боясь расходов. Следовательно, большинство наказов отражают интересы буржуазных групп; но встречаются наказы, отражающие и неустойчивое соотношение социальных сил, и преобладание бедняков.

Из всех вопросов, на том или ином разрешении которых сказалась борьба социальных групп внутри крестьянства, остановимся только на двух: на выкупе феодальных повинностей, в связи с вопросом о круговой поруке, и на общиннных землях.

В ряде мест, при сборе ренты и составлении описи повинностей, сеньеры имеют дело не с каждым крестьянином порознь, а со всем миром разом. По суммарному списку рент, следуемых со всего фьефа, производится сбор, при чем сбор этот поручается отдельному лицу, которое и несет ответ своим имуществом за недоимки. Выполнение этой неприятной и разорительной обязанности большей частью ложится на зажиточных крестьян. Последние протестуют против такого порядка[2]. Из наказов видно, что за последние 100 лет до революции в некоторых местах сеньеры стали отказываться от такого порядка[3]; но положение основной массы крестьян от этого не только не улучшилось, а ухудшилось. Составление списка повинностей и рент теперь производится отдельно для каждого «вассала» (так себя называют крестьяне, подчеркивая свою зависимость от сеньера), а просмотр всех документов позволяет восстановить забытые платежи и повинности;

[1] Посещаемость собраний была очень низка. Только на 3,3% всех собраний присутствовало свыше $^{1}/_{10}$ всех жителей, т. е. присутствовало не более $^{1}/_{2}$ избирателей. Политический абсентеизм крестьянской массы дал возможность буржуазным группам получить на собраниях численное превосходство.

[2] Cahiers, II, 432 и др. Иногда сбор поручается всем по очереди; наказ прихода Rougé называет эту обязанность барщиной.

[3] С конца XVII века по наказу Ritiers (I, 453), 100 лет назад—по наказу Marcillé-Robert (I, 207). Таким образом феодальная реакция началась не со второй половины XVIII века, а значительно раньше. Утверждение Сэ, что солидарность рент имеет место повсюду, но не везде отмечается (ук. соч., стр. 91), ошибочно.

расходы по этой процедуре оплачиваются крестьянами. Фискальные прокуроры берут за эту работу очень дорого, так что владельцам мелких участков иной раз приходилось уплачивать им больше годового дохода со своей земли; вследствие этого бедные хозяйства принуждены продавать землю и разоряются вконец.

Буржуазная верхушка крестьянства тех мест, где солидарность платежей осталась в силе, требует свободного для всех крестьян выкупа своих солидарных рент. Таким образом, они хотят не только порвать с солидарностью платежей, но и вообще ликвидировать феодальные платежи. Но не все слои крестьян приветствуют предложение ликвидировать сеньеральный режим путем выкупа. Так, наказ прихода Thorigre говорит: «Действительно, это предложение (уничтожить феодальное право) выгодно только богатым собственникам; они-то освободятся от своих рент», а мелким «держателям» такая ликвидация сеньерального режима грозит потерей собственности и ростом арендной платы не только на землю, но и на жилища[1]. Наказ считает, что эта мера приведет не к освобождению крестьян, а к утверждению нового их рабства. Таким образом, программа реформы Учредительного собрания еще задолго до того, как о ней поднялся вопрос среди «представителей нации», обсуждалась на крестьянских собраниях и была заклеймена маломощными слоями крестьянства. Вместо выкупа сеньеральных рент, деревенский полупролетариат, а иногда и средние крестьяне требовали их полного уничтожения[2].

Еще более ярко борьба внутри крестьянства отразилась в требованиях наказов относительно судьбы общинных земель. Захват сеньерами общинных земель и земель пустопорожних, которыми общины пользовались как пастбищами, принял грандиозные размеры. Захватчики не брезгали ничем и присваивали всякие виды угодий.

Ряд наказов жалуется, что сеньеры захватили и порубили леса на принадлежащих приходу общинных землях, нередко те самые леса, которые были засажены самими крестьянами или их предками. Под безжалостный топор торгового капитала попадали даже фруктовые насаждения. Иногда, захватив лес, сеньеры даже за деньги не соглашаются его продавать крестьянам, а используют его для промышленных целей. Местами сеньерами практиковался захват общинных земель для лесо- или древонасаждения. Захватывались даже каменоломни[3]. Иногда сеньеры практикуют захват таких участков, которые абсолютно необходимы крестьянам, в целях жестокой эксплоатации крестьян или путем штрафов, или путем сдачи отрезков крестьянам: в Villepot отняты и загорожены дороги и водопои; в St. Plélan сеньер захватил крошечные участки при входе в деревню и в середине ее и сдал их в аренду

[1] Cahiers, II, 51.
[2] Наказ прих. Messac II, 251, § 9.
[3] III, 241, II, 71; 495; 418, II, 745, § 10, III, 738, § 12, II, 124, § 9.

фискальному прокурору; между тем, на этих участках крестьяне доставали себе воду, на них молотили хлеб и пасли скот. В приходе Messac огорожены были колодцы и источники. Захваченные земли сеньеры огораживают и сдают в аренду, иногда предварительно соорудив там хозяйственные постройки [1]. Сеньеры не стеснялись и наличием документов, подтверждающих право крестьян пользоваться теми или иными участками (большей частью в обмен на те или иные повинности: баналитеты, барщины и пр.); иногда справедливость подобных заявлений наказов подтверждается при просмотре сеньеральных архивов [2]. Сдача в аренду общинных земель иногда имела место и в предыдущем столетии; но гораздо чаще захват общинных земель и сдача их в аренду производилась в XVIII столетии, а за последние 30 лет до революции эти злоупотребления приняли прямо-таки массовый характер.

Отношение наказов к захвату общинных земель далеко не единодушное и не однородное. Часть наказов определенно выражает интересы бедного населения: «К большому ущербу третьего сословия сеньеры сдали в аренду все пустопорожние земли, что приносит значительный вред бедным слоям населения (au menu peuple), так как тот, кто имел только помещение, несколько времени тому назад мог иметь корову или козу, что помогало ему содержать свою маленькую семью; а теперь он, благодаря обнесению оградой пустопорожних земель, остался без средств существования» [3]. Общинные земли составляли «единственное богатство бедняков»; а теперь население впадает в бедность и даже начинает убывать [4]. К голосу бедняков иногда присоединяются голоса средних крестьян: «Без общинных земель бедняки не имеют пастбища, так же, как и арендаторы небольших ферм, когда их земли засеяны все целиком [5]. Отсутствие пастбища не только уменьшает количество скота, но и ухудшает урожайность; без навоза земля родит плохо. Вместе с тем, дорожают и продукты [6].

Эти наказы требуют весьма решительным тоном и без всяких компромиссов возвращения всех захваченных в последние 40 лет общинных земель; требуют, чтобы все сдачи их в аренду были аннулированы; чтобы коммуны владели ими безраздельно и чтобы на будущее время было запрещено владельцами фьефов и прочим лицам распоряжаться ими по своему усмотрению [7].

В приходе Chatillon en Vendelais на собрании по вопросу об общинных землях шла борьба, которая очень ясно отразилась в решении наказа:

---

[1] I, 436; III, 602, § 19; 429, § 12, II, 272, § 15; III, 276, I, 434, § 8 и 303, § 3. Это называлось «afféagement».

[2] II, 261, примечание 2.

[3] Наказ прих. La Nouage, II, 721.

[4] II, 77; 527; 614, § 20 и др.

[5] Наказ прих. Saint Marcin, I, 620.

[6] I, 434, § 8; II, 675, § 15; 217; IV, 131.

[7] II, 675; II, 217.

«Хотя сдача общинных земель в аренду (afféagement) и прибыльна аффеажистам, которые их огородили... жители просят уничтожить изгородь и присоединить участок к прочим общинным землям, так как интересы отдельных лиц не должны господствовать над общим интересом подданных»[1].

Если на этом собрании интересы бедняков победили полностью, то далеко не так обстояло дело в ряде других наказов. Борьба часто бывала до того обострена, что приходилось, чтобы не довести дело до открытого конфликта, делать поправки, коренным образом противоречащие сказанному ранее. Так, в Lanvallay сначала (§ 11) было записано решение, принятое, как видно, под давлением председателя—фискального прокурора: «если сеньеры претендуют на пустопорожние земли, пусть платят за них налоги». А затем, в конце приписано «дополнение к § 11», требующее восстановления всех общинных земель, огороженных и сданных в аренду[2]. В наказе St. Judoc конкурировало три предложения: 1) предоставить общинные земли сеньерам при условии, чтобы они платили за них налоги; 2) разделить общинные земли между собой и 3) восстановить общинные земли, арендованные в течение последних 30 лет, и оставить их в общем пользовании, особенно в пользовании бедняков; и все эти предложения записаны и соединены союзами: «если», «кроме того», «и»[3].

Первый наказ прихода Messac то соглашается на уменьшение арендной платы со сдаваемых крестьянам захваченных земель, то требует восстановления всех общинных земель, а о том, как поступить с общинными землями, пользоваться ли ими сообща или разделить их, само собрание просит совета[4].

В этих собраниях ни одна партия не получила перевеса; в тех собраниях, где некоторый перевес получали буржуазные группы, принималось компромиссное решение, в конечном счете выгодное как раз зажиточным. Так, наказ Montreuil sur Ille в случае, если арендованные общинные земли не будут восстановлены, готов поладить с сеньерами на том, чтобы они сдавали присвоенные ими земли своим вассалам предпочтительно перед другими, чужаками[5]. В целом ряде собраний, с преобладанием группы деревенских богатеев, вопросы ставятся и разрешаются по-иному: присутствующие протестуют против захвата общинных земель только для видимости, так как эти протесты сопровождаются требованиями: 1) сдавать эти земли в аренду только ближайшим соседям и 2) без всякой оплаты введения в пользование (droit d'entré)[6]. Весь интерес собрания сосредоточен на этих двух требованиях, а с присвоением общинных земель сеньерами они уже примирились.

[1] I, 303.
[2] II, 653 и 657.
[3] II, 663.
[4] II, 250.
[5] II, 132, § 20.
[6] Наказ прих. Saint Medard sur Ille, II, 155.

Центральный интерес в этой группе наказов перенесен на другой вопрос: как использовать ту часть общинных земель, которая осталась за приходом: «Если имеется закон, гибельный для земледелия, противоречащий интересам и частных лиц и государства, то это—запрет делить общинные земли: он мешает расширению запашки и является причиной уничтожения лесов» [1], говорится в одном наказе. Наказ бурга Domalain требует разрешить каждому собственнику огородить находящиеся рядом с его участком общинные и пустопорожние земли [2]. Приход St. Gilles требует разрешения возводить постройки на общинных землях и необработанных участках без взимания арендной платы, желая этим предотвратить отнятие общинных земель; при этом предлагается такой способ распределения участков, который обеспечил бы как раз интересы наиболее «крепких» крестьян: «Пусть нотабли распределят соответствующие участки между лицами, которые, по их мнению, достойны ими пользоваться» [3]. Понятно, что такими «достойными» окажутся наиболее богатые. Наконец, приход St. Erblon предлагает оригинальное мероприятие,—с затаенной целью избежать захвата общинных земель сеньерами: пусть государственная власть предложит сеньерам в определенный срок обработать все необработанные земли, а после истечения этого срока уполномочит соседних собственников огораживать их и обрабатывать, не платя ничего [4].

Нигде не встречается следов или указаний на то, что беднота соглашалась на раздел общинных земель. В тех наказах, которые берут под свою защиту интересы бедноты, всегда мы встречаем требование восстановления общинных земель для общинного пользования, и наоборот, наказы, требующие раздела общинных земель, насквозь проникнуты откровенной кулацкой идеологией, хотя часто прикрыты различными фразами о благе государства. Постановления эти принимались вопреки воле маломощных. Впрочем, имеется любопытный пример грубого подлога: в наказе прихода Plestin значится: «вернуть все общинные земли в прежнее состояние», и позднейшая приписка между строк: «чтобы разделить между собой» [5].

Таким образом крестьяне не всегда могли противопоставить сплоченные ряды стремлениям сеньеров захватить общинные земли. Часто среди крестьян велась серьезная борьба по вопросу о том, как использовать общинные земли, и нередко буржуазные слои считали, что лучше принять землю из рук сеньера, но принять ее в индивидуальное пользование.

Приведенных примеров достаточно, чтобы показать, что расслоение крестьян в Бретани было настолько велико, что и в борьбе перед лицом

---

[1] Наказ прих. Le Pertre I, 326—327.
[2] I, 321.
[3] II, 188.
[4] II, 8, § 4.
[5] III, 256 и след.

общего врага не было стерто различие интересов отдельных социальных групп крестьянства. Наоборот, с самого начала революции борьба против пережитков феодализма вызвала обострение классовой борьбы внутри крестьянства.

Глава IV

БОРЬБА МЕЖДУ ГОРОДСКОЙ БУРЖУАЗИЕЙ И ДВОРЯНСТВОМ ЗА ВЛИЯНИЕ НА КРЕСТЬЯН

В Бретани революционное брожение началось задолго до революции 1789 года[1]. В ответ на приказ правительства об уменьшении прав парижского и провинциальных парламентов все сословия Бретани поднялись на защиту своей многовековой автономии, и с 3 июля 1788 года в Ренне был настоящий мятеж. Представитель центрального правительства, интендант Bertrand de Molleville принужден был искать безопасности вне города. Возбуждение продолжалось и в августе, но здесь уже не приходится говорить об единстве всех сословий: в августовском протесте адвокатов Бретонского парламента против юридической реформы уже можно видеть специальную защиту интересов 3-го сословия и протест против привилегий .Особенную остроту и специфический характер эта кампания получила еще оттого, что неурожайное лето 1788 года и рост цен на хлеб вызвали брожение среди низших классов города и деревни, доходившее временами до открытых восстаний. Это брожение использовалось буржуазией, указывавшей, что сеньеры спекулируют на ценах, вывозят хлеб. Города: Ренн, Нант, Витре, Редон, Монфор, Шатожирон, Канкаль, Доль печатают «наказы депутатам 3-го сословия», резко направленные против привилегии феодалов, и распределяют их не только в городах, но и в деревнях. Выпускается ряд брошюр и памфлетов, направленных против привилегий дворянства. Но особенно была распространена резолюция (délibération) бретонских муниципалитетов, с'ехавшихся в Ренн к 22 декабря и совещавшихся в течение почти целой недели. Эта резолюция была разослана по всем приходам, городским и сельским; в большинстве сельских приходов она вызвала ответные резолюции, присоединяющиеся к ней, приветствующие или дополняющие ее.

Все резолюции, постановления и декларации 3-го сословия сначала содержали только политические требования; но и они вызвали чрезвычайно резкий отпор со стороны дворянства и высшего духовенства. В своей борьбе привилегированные пытались опереться на массы. Chevalier de Guer в своем памфлете «Письмо к населению Ренна» возбуждает широкие массы против буржуазии, противопоставляя низшие слои 3-го сословия (gros tiers) высшим

---

[1] Сведения о событиях, предшествовавших созыву Генеральных Штатов, излагаю по предисловию к изданию наказов Реннского сенешальства и по Dupont «La condition des paysans dans la sénéchaussée de Rennes à la veille de la Révolution, 1901, стр. 5—26.

(haut tiers) и указывая на то, что неравенство собственно существует не между благородными и ротюрьерами, а между богатыми и бедными. Подобная агитация, имея целью отколоть крестьян от 3-го сословия, продолжалась и весь февраль. Таким образом, был поставлен социальный вопрос, и теперь буржуазии нельзя было его обходить, и было необходимо расширить программу.

Если в декларации от 22—27 декабря представители 3-го сословия только мимоходом затрагивают сеньеральный режим, требуя уничтожения феодальных поборов lods et ventes с контрактов обмена, то теперь приходится, следуя за постановлениями крестьянских коммун, вводить требования устранения сеньерального режима целиком. В результате появляется «Наказ хорошего гражданина, жителя деревни»[1], разосланный по всем сельским приходам; он послужил впоследствии образцовым наказом для крестьянских собраний. Помимо популярно изложенных основных политических тробований 3-го сословия, этот наказ требует отмены законов, запрещающих выкуп феодальных барщин и повинностей и разрешения каждому выкупать их по оценке, согласно кутюмам Бретани, превращения свободных держаний в общее право и замены сеньеральных судов королевскими. Требования довольно куцые; во всяком случае они гораздо умереннее резолюций сельских приходов.

Как бы то ни было, этот примерный наказ так или иначе разрешал основной вопрос, интересующий крестьян. «Наказ хорошего гражданина» получил чрезвычайно широкое распространение в деревнях. Имеется очень немного наказов, на которых не сказалось бы влияния этого образца. Большинство наказов делают из него те или иные текстуальные заимствования. Широкое распространение этого документа было очень ловким маневром, так как теперь трудно было овладеть симпатиями крестьян, не беря за основу хотя бы этих минимальных требований. Во всяком случае, влияние третьего сословия городов было обеспечено.

Это влияние было настолько велико, что в огромном большинстве случаев оно совершенно парализовало прямое и косвенное давление сеньеров на крестьян. Официальный порядок, между тем, благоприятствовал такому давлению сеньеров и его агентов. Председательствовать на собраниях должен был или сенешаль, или судья—оба зависевшие от сеньера, благодаря его праву смещать судей—либо фискальный прокурор; последний не только следил за правильным поступлением сеньеральных рент и за составлением

[1] Автор предисловия к изданию наказов Реннского сенешальства предположительно определяет составителей этого образцового наказа. Их социальное положение следующее: 1 procureur du Roi au presidial de Nantes, 1 avocat du Roi au presidial et syndic de la ville de Nantes, 1 notaire, 3 negotiants, 1 marchand de draps, 1 meunier, 1 propriétaire d'une mine de charbon, 1 apothicaire, 1 orfêvre и 1 американец (профессии не указано). Таким образом, как видно, этот образцовый наказ вышел из самых недр буржуазии и буржуазной интеллигенции.

описи повинностей, но большей частью сам же являлся сборщиком рент, т. е. прямым агентом сеньера.

Крестьяне отлично понимали связь сеньеральной юстиции и администрации с сеньерами. «Законы почти ничего не значат в руках сеньеральных судей», говорится в одном наказе: «их фискальные прокуроры, их писцы и нотариусы—все являются их затрапезниками... они всегда им преданы и действуют только в соответствии с интересами и часто согласно капризам сеньера» [1]. Ссориться с должностными лицами сеньерального суда опасно. «Когда они имеют зуб на кого-нибудь, они заставляют его продать все, что он имеет и пускают его по миру с сумой» [2]. Одно присутствие этих должностных лиц, волков в овечьем царстве, должно было стеснять свободу крестьянских собраний и влиять на тон наказов.

Часто председатели навязывали собранию заранее составленный наказ, или, если наказ составлялся на собрании, мешали внести в него те или иные требования. Однако, ободренные поддержкой горожан, крестьяне часто находили в себе мужество противодействовать этому давлению. Иногда председатель терял руководство над собранием; в таком случае в наказ помещались самые крайние требования, даже жалобы на фискального прокурора, который «председательствовал» на собрании. Иногда, подписывая наказ, председатель оговаривал, что он несогласен с такими-то параграфами. Часто крестьянские требования вписывались после подписи председателя. Если сеньеральный агент препятствовал помещению крестьянских требований во всей их полноте, случалось, что крестьяне отказывались подписаться под наказом; иногда составлялся второй наказ в отсутствие представителя синьеральной власти [3]. Только на 3 или 4 собраниях (из 363) сеньеральные агенты или сами сеньеры сумели навязать крестьянам наказы, более или менее благожелательные по отношению к сеньеральному режиму.

Кроме давления председателя, сеньеры использовали для воздействия на крестьян демагогическую агитацию с целью помешать об'единению крестьян с третьим сословием городов. Иногда эту агитацию вели священники. Иногда сеньеры пытались использовать национальную обособленность бретонцев, обращаясь к ним на их родном языке и говоря о вольностях Бретани, которой будто бы угрожает опасность со стороны горожан [4].

---

[1] Наказ прих. Caulnes III, 253.

[2] Наказ прих. Plélan III, 418.

[3] Давление председателя на собрание удается вскрыть только в наказах тех собраний, на которых крестьяне сумели дать ему отпор; в тех же случаях, когда крестьяне на открытую борьбу не решались, влияние председателя было сильнее, но и то оно сказалось, как видно, только в том, что наказ выдерживался в более умеренном тоне, не меняя враждебной позиции к сеньеральному режиму.

[4] Прих. Bourbriac, IV, 169. Хотя сама брошюра и не приводится, но о содержании ее можно получить представление по характеру ответной резолюции прихода.

Иногда дворянство пыталось опереться на деревенских бедняков, напоминая, что сеньеры—главные жертвователи на благотворительные учреждения. На полях наказа Roufigné, неопределенно жалующегося на запугивания, имеется надпись: «Дворянство угрожает виселицей, отказом от пожертвований; священники запуганы; деспотизм благородных в деревнях слишком велик, угрожающе велик [1]. В приходе Plestan кто-то огласил брошюру M. de Chevalier [be Guer] (о которой говорилось выше); в приходе Rougé мясник-кабатчик зачитал листовку, содержание которой протокол резюмирует так: «Поостерегитесь, господа, члены генералитета, вмешиваться в дела короля. Если вы будет сосланы, над вами здорово посмеются. Придет очередь и маленьких людей (bons petits gens)» [2]. Под маленькими людьми, как видно, подразумевались как раз маломощные и разоренные крестьяне. Нужно, однако, отметить, что все попытки дворянской агитации потерпели на собраниях полное фиаско; попытка опереться на бедноту тоже ни к чему не привела.

Итак, за влияние на избирательные собрания крестьян и за крестьянство как союзника шла борьба между дворянством и буржуазией. Дворянство мобилизовало все свои силы, авторитет официальных лиц деревни, представителей юстиции и, частично, низшее духовенство. Однако, крестьяне пошли за теми, кто обещал так или иначе уничтожить сеньеральный режим. В атмосфере общего возбуждения росла надежда крестьян, смутно чувствовавших свою революционную мощь. Вместо униженной речи временами в наказе встречаются смелые и ясные требования и мужественные изобличения притеснителей. Но во многих случаях запугивания и давления со стороны сеньера и его агентов имели умеряющее влияние на наказы' Рассматривая наказы с точки зрения их суб'ективной достоверности, надо иметь в виду, что за умеренностью тона часто скрывается враждебность к сеньеральному режиму, которую легче приуменьшить, чем преувеличить.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

В Бретани капитализм в его торговой стадии достигает значительного развития, он проник в самые толщи населения, как городского, так и сельского; проник в те уголки, где восстание вспыхнуло раньше всего (дистрикт Бэн, Фужере). Мало того, совершенно ясно обозначались признаки перехода капитализма на высшую стадию: капитал проникает в промышленную деятельность; наиболее сильно этот процесс сказался в городе; несколько менее интенсивно, и главным образом вблизи торговых центров, капитал проникает и в сельскохозяйственное производство. С другой стороны, капиталистические формы эксплоатации широко охватили крестьян благодаря весьма

[1] Cahiers, II, 378.
[2] Cahiers, II, 365.

значительному развитию домашней системы промышленности в изготовлении шерстяных, хлопчатобумажных и, главным образом, льняных и конопляных изделий. Нет ничего похожего на господство натуральных хозяйственных отношений. Замечательно, что обычно на Бретань ссылаются для доказательства совершенно противоположных положений. В качестве примеров развития внешней торговли во Франции приводят бретонские города Нант и Сен-Мало. В качестве доказательства, что местами во Франции образовались крупные земельные владения у крестьян, опять следует ссылка на Бретань. Но когда идет речь о причинах восстания шуанов, Бретань изображается самой отсталой провинцией Франции.

Развитие товарного хозяйства приводит к расслоению крестьян, местами принимающему значительные размеры. Наличие зажиточных крестьян в северной Бретани, на что нередко указывается в литературе, имеет место рядом с наличием полупролетаризированного (а в нижней Бретани и совершенно пролетаризированного) крестьянства; в центре Бретани мы имеем много малоземельных крестьян рядом с многоземельными крестьянами, пользующимися наемным трудом для ведения хозяйства, а также взимающими ренту с земель, сдаваемых в аренду малоземельными и безземельными.

Вместо патриархальных отношений, мы открываем внутри крестьянства ожесточенную классовую борьбу.

Мифом оказываются и патриархальные отношения между крестьянами и помещиками. Как раз в Бретани гнет феодальных повинностей был наиболее тяжел. Эксплоатация крестьян торговым капиталом принимала наиболее тяжелые формы, подчас прямо таки крепостнические. Феодальная реакция, в частности захват общинных земель, приняли здесь значительные размеры и соответственно встречали энергичный отпор. Протесты крестьян против тяжелых форм эксплоатации в виде восстаний имели место еще в предшествовавшее столетие; жакерия накануне революции в Бретани приняла острые формы; движение на почве недовольства неисполнением обещаний 4 августа 1789 года в Бретани проявилось ярче, чем в других местах Франции.

Личные отношения крестьян к помещикам тоже ничего общего не имели с «дружескими чувствами». Барщина, которая местами еще носила производственный характер [1], вызывала иной раз конфликты в очень острых формах.

«Был случай еще недавно», рассказывает наказ прихода Tinténiac: «сеньер, соседний с нашим приходом, желал заставить вассалов сушить сено в воскресный день; один из них (вассалов) ему сказал, что он хочет итти в церковь послушать мессу; сеньер пришел в бешенство, наградил его ударами, повалил на землю и вырвал ему глаз [2]. Повсюду царило феодальное

[1] См. наказы прих. Pont Melver, Pleguer, Cuguen, в последнем крестьяне обязаны были косить, сушить и собирать в стога сено и косить и собирать в копны хлеб. II, 627.

[2] III, 187, § 6.

презрение к мужику, с которого, мол, можно тянуть сколько угодно (Jean le Guetré заплатит все!) [1], с которым нечего церемониться. А о бережном отношении сеньеров к труду крестьян и говорить не приходится. Если после дождя дорога сделалась грязной и трудно проезжаемой, сеньер, не задумываясь, велит своим слугам взломать загородки, огораживающие поля, и едет на телеге по хлебу. Оскорбить крестьянина, пригрозить ему сеньер никогда не постесняется; в случае, если крестьянин чем-нибудь провинится перед сеньером, он здесь же его избивает [2].

Особенно много столкновений бывало между сеньерами и крестьянами на почве права охоты. Слуги сеньера убивали собак, принадлежащих фермерам, даже на дворе фермы, «под тем предлогом, что эти собаки охотятся и уничтожают дичь». За замечание лакею сеньера, который охотится на полях, что он топчет посев, дворянин не только убивал собаку крестьянина, но и его самого избивал палкой или сажал в тюрьму. Еще хуже, если крестьянин решался сделать замечание самому сеньеру. «Если земледелец весьма вежливо заметит, что ему причиняют убыток, выпуская на его землю свору собак, которые уничтожают плоды его трудов, то в ответ ему грозят стрелять в него; он бледнеет и уходит ни с чем» [3].

Из всего этого видно, что сеньеры не считают крестьянина за человека, за ним не признают ни чести, ни самолюбия. «Некоторые хвастуны из их сословия... говорят, что крестьян не следует допускать в общество людей, надо им отрезать носы и пустить пастись вместе с другими животными» [4].

Вместо идиллической картины патриархальных отношений между крестьянами и помещиками, живущими подчас подобно крестьянам, вынося на рынок продукты, произведенные в своем хозяйстве, вместо дружной семьи, «добрых отцов» и «послушных детей», какими рисовались и до сих пор рисуются отношения между крестьянами и помещиками в районах восстания шуанов, изучение документов вскрывает картину полного отчуждения обоих классов друг от друга, глубокого презрения—с одной, и запуганной ненависти, с другой стороны. И пропасть между крестьянином и помещиком тем сильнее, чем чаще они встречаются; чем ближе они подходят друг к другу по своему экономическому положению, тем резче подчеркиваются, иногда нарочито, привилегии одних и бесправие других, тем грубее сеньеры играют роль «царя и бога» и тем более подходит им слово «тиран», которым подчас награждают их наказы [5].

Анри Сэ, который своим исследованием прорубил брешь в концепции «дружественных отношений» бретонских крестьян с помещиками, пытается

---

[1] I, 176.
[2] II, 483, III, § 95, 792 и др.
[3] Наказ прих. St Gregoire, II, 82, см. также II, 624, III, 586, 416.
[4] Наказ прих. Pleherel, III, 654.
[5] Наказ прих. Landebaéron, IV, 135.

искать причины крестьянской контрреволюции в чрезвычайном фанатизме крестьян и преданности их духовенству. Мне думается, что разрушая одну легенду, автор создает другую, еще более легковесную. Кроме чрезвычайной переоценки «идеологического фактора», здесь налицо значительное упрощение. Нельзя забывать, что фанатизм бретонских крестьян уживался с враждой к высшему духовенству и к монашествующим. Заклиная «не трогать нашу святую религию», крестьяне сами наносят ей сокрушающие удары, громя изнеженность и развращенность высшего духовенства, называя монахов «лентяями, бесполезными и для религии, и для государства» и атакуя такие оплоты католицизма, как иерархия, десятина и церковное землевладение. Наказы предлагают уничтожить религиозные коммуны и монашеские ордены и из'ять церковные богатства (главным образом земли), «которые служат для поддержания роскоши и ложного величия», и предлагают использовать их на более насущные нужды: на помощь бедным, на уплату государственных долгов[1]; чуть ли не в каждом наказе встречаются протесты против десятины, «которая противоречит свободе собственности и губительна для земледелия»[2].

Хотя на ряду с ненавистью к высшему и черному духовенству часто выявляются дружелюбные чувства к духовенству низшему, все же это явление нельзя считать повсеместным. Наоборот, довольно часто встречается указание, что между прихожанами и их «духовными отцами» стоит перегородка из-за различия интересов. Крестьяне очень неохотно помещают требование увеличить жалованье настоятелю до той суммы, которая обозначается в образце наказов, до 2.400 ливров; некоторые приходы, списывающие этот образец целиком, пропускали этот параграф; большинство приходов понижали требуемые суммы вдвое и даже втрое. Очень часто наказы указывают, напротив, что доходы духовенства достаточны и что настоятели и кюрэ должны погребать, крестить, венчать, причащать и выполнять прочие требы бесплатно или по более низкому тарифу. Встречаются указания на корыстные злоупотребления настоятеля, на вымогательства под предлогом сбора десятины. Поэтому крестьяне требуют запретить настоятелям брать десятину на откуп.

Особенно важно и интересно отметить имеющееся в некоторых местах противоречие между крестьянством и местным духовенством из-за распределения средств производства. В целом ряде наказов встречаются требования запретить всем пользующимся бенефициями викариям и кюрэ брать земли в аренду. Если духовные лица большей частью арендуют ничтожные клочки земли (в Chanteрie—3 клочка по несколько десятков cordes carrés монастырской земли), то в иных случаях снятые ими земли составляют целые усадьбы, иногда с двумя домами, садом, огородом и пахотной землей. Иногда

[1] I, 122, 146, 586—588; II, 70, § 1, 144; IV, 79 и др.
[2] I, 601, II, 9, § 8, 224, § 2.

священники ведут крупное хозяйство, имея много пахотной земли, обрабатываемой «множеством батраков». Здесь уже не продовольственное хозяйство вдобавок к скудному содержанию, а настоящее торговое хозяйство.

Таким образом, представители низшего духовенства конкурируют из-за земли с крестьянами и, обладая большим капиталом и не платя налогов ни с имущества, ни с наемных рабочих, побивают крестьян в борьбе за землю. Благодаря тем же привилегиям они выходят победителями из конкурентной борьбы на рынке в ущерб крепким мужикам и буржуазной верхушке крестьянства; наконец, они приносят вред и всей общине, уменьшая земельный фонд крестьян и тем отягчая обложение остальных крестьянских земель.

Таким образом, иногда крестьян и низшее духовенство разделяют противоположные интересы классового характера. Неудивительно, что в ряде приходов священники становились на сторону привилегированных и сеньерального режима и противодействовали радикализации крестьянских требований. С первых шагов революции часть низшего духовенства пошла в ногу с крестьянами, часть оказалась по ту сторону баррикады; с последними крестьяне не побоялись порвать. Как видно, фанатизм и «преданность» духовенству были лишь вторичным фактором, послужившим ширмой для других более глубоких причин, толкнувших некоторые слои крестьян к выступлению против революции.

Наконец, не следует упускать из виду, что хотя крестьянство Бретани и пошло вместе с городским третьим сословием на штурм феодализма, интересы сельчан и горожан не были идентичны. Городские буржуа, вкладывающие капитал в обработку земли, так называемые аффеажисты, получали резкий отпор со стороны сельской буржуазии. Даже капиталисты, вкладывавшие средства в культурные начинания (например, в мелиоративные работы), пользовались настолько некультурными методами (например в прих. Vildé Bidon арендаторы отвели воду с заболоченного участка таким образом, что затопили земли крестьян), что вызывали только обострение отношений между городом и деревней [1]. Противоположны были интересы скупщиков и сельских кустарей. Даже к городским ремесленникам и рабочим деревенская беднота была настроена враждебно и завидовала их будто бы высоким заработкам [2]. Немало неудовольствия вызывает и октруа (налог на ввозимые в города продукты). Наконец, значительные земельные владения городской буржуазии [3], эксплоатировавшей земельный голод крестьян не менее жестоко, чем сеньеры, вносили значительную дозу недружелюбного отношения к городским богатеям. Таким образом, интересы как отдельных групп крестьян, так и всего крестьянства в целом, сталкивались с интересами тех или иных групп горожан. Представители третьего сословия в бретонских шта-

[1] II, 555.

[2] Наказ прих. Thoriqué, II, 48.

[3] См. таблицу у Sée, ук. соч., стр. 65.

тах не могли похвастать хорошей защитой интересов крестьянства. Поэтому понятно стремление крестьян иметь своих крестьянских представителей или даже совершенно обособиться в особое четвертое сословие[1]. Это еще раз подчеркивает, что союз крестьян с городским третьим сословием был союзом временным, что ряд противоречий между городом и деревней не был ликвидирован и не мог быть ликвидирован и что буржуазия приобрела союзников в среде крестьян только лишь благодаря определенным обещаниям—обещаниям свергнуть и разрушить сеньеральный режим.

Нужно думать, что Дюпон отчасти прав, предлагая искать причину восстания шуанов в том, что требования крестьян не были удовлетворены[2]. Нужно только четко поставить вопрос о классовой сущности этого движения и проследить все этапы его развития. Для этого необходимо выяснить, как происходил разрыв крестьян с революционной буржуазией городов, интересы каких групп крестьян были обойдены или ущемлены революцией, какие изменения происходили в политическом и социальном характере движения и каким образом, и опираясь на какие группы крестьян, дворянство и духовенство сумело использовать это недовольство для контрреволюционных целей.

При такой постановке проблема крестьянской контрреволюции теряет свой местный характер и становится проблемой, общей для всей Франции.

Такое перемещение исследовательского внимания необходимо. Действительно, контрреволюционное настроение тех или иных слоев крестьянства во время Великой французской революции проявлялось повсеместно, и далеко не одними западными департаментами ограничивалось оформление этого настроения в контрреволюционные восстания. В Лангедоке (Лодев), Савое, Турени, Нормандии (Манш, Eure), Гаскони (Верхние Пиренеи) правительству приходилось прибегать к военной силе для ликвидации местных крестьянских восстаний и волнений. Даже самая промышленная провинция Франции, Фландрия, была ареной крестьянской кулацкой контрреволюции, усиливавшейся при приближении враждебных республик армий. Эти движения, различные и по социальному составу, и по своему характеру в разных областях и на разных этапах революции, еще требуют исследования. Для Бретани же необходимо выяснить не только социальный характер движения шуанов, но и обстоятельства, приведшие к расширению влияния и деятельности контрреволюционных групп крестьянства до степени гражданской войны. К этим обстоятельствам нужно отнести не только чрезвычайное обострение классовой борьбы в Бретани, но и внешнюю поддержку контрреволюционных групп как со стороны вандейцев, так и со стороны англичан (десант в Кибероне).

[1] См. наказы Domloup, I, 589—590, резолюцию прих. Maroué, III, 548, наказы прих. Saint Carreuc, Saint Rieul, III, 707, 740.

[2] D u p o n t, La condition des paysans de la sénéchaussée de Rennes à la veille de la Révolution, 1901, стр. 168—169.

М. ЦВИБАК.—КЛАССОВАЯ БОРЬБА В ТУРКЕСТАНЕ

(Доклад М. Цвибака и прения в секции истории Востока от 12 января 1929 г.)

Докладчик. Прежде всего, первая и основная проблема—проблема предпосылок революции. Предпосылки революции 1917 года в Туркестане уже были предметом особого доклада тов. Галузо, напечатанного в № 9 «Историка-марксиста» [1]. В докладе тов. Галузо была дана характеристика капитализма в российской туркестанской колонии во время, предшествовавшее революции 1917 г. В прениях по его докладу наметились две основных точки зрения. Одна из них уделяла особое внимание кабально-ростовщическим элементам капитализма и выводила отсюда преобладание в экономике Средней Азии перед 1917 г. торгового капитализма. Другая точка зрения, не отрицая наличия кабально-ростовщической эксплоатации, подчеркивала, что кабально-ростовщические элементы теснейшим образом переплетались с промышленным капитализмом и являлись функцией промышленного капитализма, который в свою очередь уже имел тенденцию перехода к финансовому капитализму. Тов. Галузо—сторонник первой точки зрения, но мне представляется, что его взгляд обусловлен серьезной терминологической ошибкой. Наличие кабально-ростовщических форм эксплоатации труда, которые не характерны для развернутого капиталистического строя и которые имели место в российских средне-азиатских колониях, не позволяют назвать хозяйственную структуру этих стран торгово-капиталистической. С точки зрения учения Маркса о «купеческом или торговом капитале», торгово-ростовщические операции, которые в эпоху торгового капитализма являются единственной формой свободного капитала, об'единяющего мелких производителей, превращаются в эпоху промышленного капитализма в агентуру последнего. Ростовщические формы, которые существовали в Ср. Азии перед 1917 г., были не чем иным, как функцией российского промышленного капитализма, капитализма хлопчатобумажных фабрикантов и коммерческих банков, т. е. не только промышленного капитализма, но капитализма промышленного, переходящего в новую, высшую фазу своего развития, фазу финансового капитализма, подчеркиваем—при наличии господства военно-феодального империализма.

Давая характеристику промышленного капитализма в Ср. Азии, мы должны прежде всего помнить ту основную характеристику русского капитализма, которая была дана В. И. Лениным в трудах, посвященных аграрному вопросу,—характеристику, подчеркивающую наличие двух путей в

[1] Был напечатан краткий отчет о докладе.—*Ред.*

развитии капитализма: фермерского и юнкерского. Русский капитализм в эпоху после 1905 года идет по пути компромисса между развивающимся капитализмом и остатками старых докапиталистических форм. Эта же черта еще больше характерна для среднеазиатской экономики. В среднеазиатских колониях, представляющих собой наиболее реакционные формы об'единения интересов русской буржуазии и русских феодально-помещичьих элементов, особенно ярко выделяются реакционные формы развития капитализма. Я хочу это отметить еще и потому, что у нас в литературе появилась новая точка зрения, представленная в книге тов. Резцова, которая, обращая внимание на существование капиталистических хозяйственных форм в Средней Азии, подчеркивая наличие прогресса в экономике второй половины XIX века по отношению к старым феодальным формам, совершенно замазывает наличие кабально-ростовщических форм в экономике Средней Азии.

Наличие капиталистических форм в Средней Азии—факт бесспорный. Мы имеем организованную капиталистическую промышленность в области хлопкоочистительной. Характерно, что концентрация в области хлопкоочистительной промышленности была выше в Средней Азии, чем в Соединенных Штатах. Мы имеем в 1911 году 81% предприятий, имеющих более 4 джинов, в то время как в САСШ мы имеем только 24% предприятий, имеющих более 3 джинов.

Теперь о товарности. Возьмем такой показатель товарности, как бюджет. Уже в 1890 году бюджет декханского хлопкоробного хозяйства доходит в своей доходной части до 329 рублей, а в 1910 году до 448 рублей. Если сравнивать эти цифры с цифрами русских бюджетов, то мы увидим, что тут товарность весьма значительная. При этом налицо кабальные формы эксплоатации мелкого производителя-хлопкороба. Прежде всего кабально-ростовщические формы эксплоатации опираются на колоссальную парцеллядцию хозяйства. Если взять сводные цифры хозяйств по Ферганской области, то увидим, что там было хозяйств, имеющих до одной десятины, 51%, а имеющих свыше 10 десятин—только 3,5%.

Такова основная база, аграрная база среднеазиатского колониального капитализма.

Система кредита (а хлопковое хозяйство целиком было построено на кредите) носила чисто ростовщический характер. Ежегодно, по данным Демидова, отпускалось кредита до 30 миллионов, причем из них 20 миллионов шло через посредников и только 10 миллионов—непосредственно.

К чему приводила эта система ростовщических, кабальных отношений? С 1890 года до 1910 доходность декханского хозяйства изменилась со 111 руб. до 10 рублей (разница между расходным и приходным бюджетом).

Имеется большая литература обличительного характера, принадлежащая перу радикальных и либеральных авторов, вроде того же меньшевика Демидова, которая посвящена описанию этих растовщических отношений.

Ликвидация кабальных отношений, ликвидация тех условий, при которых крестьянин больше страдает от недостаточности развития капитализма, чем от капитализма, была основной задачей буржуазно-демократической революции, которая в Средней Азии в это время назревала.

Процесс идет по трем руслам.

Одно русло, наиболее четко себя выявившее, но чрезвычайно умеренно и нерешительно выступавшее,—это русло российских буржуазно-радикальных элементов. Очень характерно, что в Средней Азии еще в эпоху II Государственной думы среди либеральствующих элементов чиновничества

мы имеем, если не по существу, то по форме, довольно левые настроения. Когда те же самые слои в России опускали бюллетени за кадетов, буржуазно-либеральная или радикальная обывательщина выдвигает своеобразного «социал-демократа»—В. П. Наливкина, и он выступает как «социал-демократ в шинели с красной подкладкой», с генеральскими погонами во II Государственной думе.

Основная линия мелкобуржуазной демократии—это улучшение положения мелкого хлопкового хозяйства, в основу чего кладется проблема мелкого кредита. Мелкий банковский капиталистический кредит развивается довольно быстро. К 1914 году в хлопковое хозяйство через учреждения по мелкому кредиту было вложено в основном хлопковом районе в Фергане до 6 миллионов рублей. Конечно, перелома в области экономических отношений это создать не могло: 6 млн. через банки—в то время как общая задолженность в Фергане доходила до 80 млн.—только вбивали первую брешь в ростовщические отношения.

Другим руслом буржуазно-демократических тенденций была передовая национальная буржуазия, представленная прогрессивными национальными элементами, так называемыми джадидами. Между обоими руслами существовал контакт, который особенно выявлялся в работе эсеров, у которых была лучшая связь с национальными элементами, нежели у меньшевистской социал-демократии.

Какова была позиция пролетариата? Пролетариат в Ср. Азии характеризуется двумя основными группами. Первая — преимущественно европейская—железнодорожники, квалифицированные рабочие; вторая—местные и пришлые сезонные рабочие на хлопкоочистительных заводах. Чрезвычайно интересные цифры собраны Заорской и Александром. Среди квалифицированного пролетариата, по их данным, было 85% европейцев, а среди неквалифицированного пролетариата 15% европейцев. Интересны также и цифры, характеризующие материальное положение пролетариата. Железнодорожник-рабочий на Ср.-Азиатской ж. д. получал в среднем, беря кругло, в год 600 руб., в то время как средняя зарплата железнодорожного ремонтного рабочего была 330 руб. Средняя зарплата вообще в России равнялась 280 руб. в 1908 году, а в 1913 году в Ср. Азии она равнялась 180 руб. С одной стороны—660 руб. и 330, с другой—280 и 180, отсюда вытекает чрезвычайно характерная особенность рабочего движения. В рабочем движении в 1905—6 г.г. представители местного национального пролетариата участвуют очень мало. Железнодорожный пролетариат, с одной стороны, с другой—наличие большого количества хлопкоочистительных рабочих, национальные противоречия, большая связь европейского пролетариата с европейскими же мелкобуржуазными элементами, находящимися в Ср. Азии, с поселенцами, фермерами,—все это вместе взятое накладывает свою печать на развитие рабочего движения в Ср. Азии. Эпоха промышленного под'ема, сыгравшая колоссальную роль в деле воспитания пролетарского авангарда в России, не коснулась Средней Азии. В то же время известные кадры, оставшиеся с 1905 года, со времени забастовочной борьбы, в железнодорожной организации, продолжают существовать, но большевистские элементы среди них находятся в меньшинстве.

Тот факт, что Средняя Азия не знала политической ссылки, повлиял на то, что здесь рабочий класс не сумел организовать достаточно квалифицированное революционное руководство. Отдельные лица, работавшие здесь, как Зурабов, принадлежали к меньшевистскому крылу. Небольшое

число большевиков, таких, как напр. Морозов, в эпоху после 1905 г. не имеет больше отношения к Средней Азии. Но ряд рабочих ориентировался все-таки на большевиков недостаточно четко, правда, отделяя себя от меньшевиков. Движение среди европейского пролетариата не имело связи с движением национальным. Если можно говорить о национальных связях среди буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенции, представляемой эсерами, то о связи между рабочим движением и движением крестьянской бедноты и мелкого производителя города хотя бы в том виде, как оно выявилось в 1916 году, говорить не приходится. Конкретно гегемония пролетариата, имевшая об'ективно предпосылки в развитии колониального революционного движения, проявляет себя только в процессе классовой борьбы в 1917 году.

Говоря о предпосылках революции, я брал основные проблемы, связанные с районами оседлого хозяйства. Относительно вопросов, ставших в степной полосе Средней Азии, я могу говорить меньше, так как на эту тему много говорил тов. Галузо. В этом вопросе он дает правильную установку, и тут мне его мало остается дополнить.

В этой степной полосе основное столкновение назревает по линии национально-аграрной. Русские поселенцы-крестьяне, фермерского типа, полупомещики, семиреченские казаки идут по пути превращения казаков-националов и киргизов в закабаленное батрачество при своем хозяйстве. Проблема, связанная с 1916 годом, с колоссальными столкновениями и кровопролитиями, продолжает существовать в течение всей революции 1917 года, как в Джетысуе, так и в Хорезме.

Мы говорили пока только о предпосылках буржуазно-демократической революции, а в 1917 году в Средней Азии началась также и пролетарская социалистическая революция.

Каковы были предпосылки перерастания буржуазно-демократической революции в пролетарскую в Средней Азии? Прежде чем говорить об этом,— несколько слов об элементах финансового капитализма в Средней Азии предреволюционной эпохи. Мы можем отметить две основных линии развития: линию синдицирования и линию банковского овладения. Линия синдицирования идет из Москвы, линия банковского овладения идет из Петербурга. Линия синдицирования идет, главным образом, по старой проторенной, московской кнопп-крестовниковской дорожке, через Соединенный банк. В 1917 году создается Русское общество по хлопководству, об'единяющее до 23 фирм. В то же время с этими организациями связывается еще и об'единение в области маслобойной промышленности. К 1917 году мы в маслобойной промышленности имеем две основных организации, борющихся между собою за гегемонию, но уже победивших и вытеснивших всех своих противников. Одна организация связана с Волжско-Камским и Русско-Азиатским банками, она более мощная, и другая, менее сильная, связана с упомянутым выше Кнопп-Крестовниковским об'единением. Волжско-Камский и Русско-Азиатский банки ориентировались непосредственно на местные хлопководческие фирмы, в частности на фирму знаменитой туземной еврейской семьи братьев Вадьяевых. Характерно, что более мощная, связанная с иностранным капиталом и банковской системой организация ориентируется на компрадорскую местную буржуазию, в то время как попытки об'единить более мелкие предприятия увязываются с идущими из московских сфер тенденциями синдицирования.

Серьезное значение в экономике 1917 года имел еще и тот общий кризис, в котором находилась хлопковая промышленность во время войны.

К 1917 году мобилизованная промышленность, в которой иностранные капиталисты играли основную роль, взяла в свои руки капральскую палку и продиктовала свои цены туркестанским хлопководам. Эти цены ударили по местным среднебуржуазным элементам. На рост тенденций автономистского порядка это обстоятельство не могло не оказать значительного влияния. Программа областнической автономии в среде русских туркестанцев и расчеты национальных элементов, стремившихся к более широкой политической автономии, дают себя знать в 1917 году. Капиталистическое хозяйство, ориентированное на монокультуру, начинает трещать в условиях военного краха российской капиталистической экономики.

Владимир Ильич достаточно четко в своих статьях, особенно подробно в «Грозящей катастрофе», характеризовал основные коренные вопросы, которые привели нашу революцию на путь пролетарской революции. Посмотрим на их роль в Средней Азии.

Непосредственно стремление выйти из войны для широких масс Средней Азии не являлось актуальным лозунгом, хотя все вопросы экономической и главным образом продовольственной разрухи упирались в вопрос о войне, обусловливавшей глубочайший кризис всей капиталистической системы. Туркестан демонстрировал против войны в 1916 году в лице местного населения, а русское население Туркестана, как известно, вообще в военной службе участия не принимало. С самого начала революции 1917 года всеми реакционными деятелями, в том числе и Георгием Дорером, подчеркивается, что ни одного солдата на фронт из Средней Азии отправлять нельзя, т. к. для охраны русских от туземного населения необходимо сохранить войско полностью. Вопрос войны для масс не играет здесь основной роли.

Борьба за рабочий контроль, борьба против прибылей капиталистов, борьба, которая имела громадное значение в развитии руской революции, здесь опять-таки в 1917 году особенной роли не играет. Развитие промышленности в течение 1917 года стоит на стабильном уровне. Того колоссальнейшего падения выработки, которое мы имеем в России в эпоху Временного правительства, здесь нет. Добыча угля пала на 1917 год лишь на 8%. Настроения основной толщи русских квалифицированных рабочих в течение революции 1917 года вплоть до Октября обусловливались преимущественно экономическими причинами. Непосредственный крах промышленности, необходимость говорить о контроле и взятии производства в свои руки становится перед рабочими только в послеоктябрьскую эпоху, в эпоху после Кокандской автономии—в 1918 году. В 1917 году эта проблема еще не стоит.

Основная проблема 1917 года в Туркестане—это проблема хлеба. Именно с этого угла наиболее резко выступал здесь кризис всей экономической системы отношений. Некоторые товарищи возражают против этого, усматривая в этом недооценку разложения капиталистического хозяйства в его производственной базе. Мне кажется, что это не так. Проблема хлеба для Средней Азии была проблемой увязки всего хозяйства Средней Азии вокруг хлопкового производства. Обмен хлеба на хлопок—это основная линия связи среднеазиатского хозяйства, хозяйства колонии, с хозяйством метрополии. Поэтому перерыв доставки хлеба ставит под удар монокультуру, влечет экономический кризис, приводит к экономическому краху, который толкал пролетариат непосредственно к борьбе за власть, т. к. только пролетариат мог восстановить разрушенные войной хозяйственные связи.

Развитие революционных событий в Туркестане было теснейшим образом связано с вопросами хлеба.

Возьмем, например, события, разыгравшиеся в мае месяце. В мае мы имеем момент, когда свергается щепкинский Туркестанский комитет. Одновременно с этим—в массах волнения на продовольственной почве.

В июле мы имеем организованную борьбу за хлеб, мы имеем попытки взять организацию продовольствия в свои руки. Туркестанская эсеро-меньшевистская газета с возмущением рассказывает о погромах, причем даже в ее изображении они мало похожи на погром: «солдаты,—читаем мы в «Нашей газете,—идут на рынок, солдат садится за кассу и организованно продает продовольствие».

В августе происходят столкновения на хлебной почве и усиление революционности масс. Знаменитые ташкентские сентябрьские события произошли тоже на продовольственной почве.

Подводя итог изложению предпосылок и характера революции, я формулирую свою мысль следующими словами:

Накануне революции Средняя Азия стояла непосредственно перед вопросом буржуазно-демократического переворота; далее в ходе ее развития, в условиях хозяйственного краха и мобилизации широких масс пролетариата и мелкой буржуазии, революция подошла к борьбе за диктатуру пролетариата, к перерастанию из буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую. Для колониальной страны основным моментом развития революции является ликвидация правительства колонизаторов, фактическая ликвидация колониального характера страны, передача власти из рук колонизаторов национальному местному большинству. Этот процесс в условиях развития революции в Туркестане сильно затягивается, закончившись по существу в 1924—25 гг.

Самое основное, самое характерное в развитии революции в Туркестане—это наличие двух основных календарей: более быстрого, хотя и замедленного по сравнению с темпом общероссийской революции, календаря европейского населения и календаря, медленного—календаря развития революционного движения в национальном секторе. Если развитие движения в европейском секторе, секторе новых городов, охватывающем не только европейское население, но и часть национального, связанную с европейской капиталистической промышленностью, если это движение в общем и целом справляется с основными проблемами революции с опозданием на 1—2 месяца по сравнению с общероссийским темпом, то национальное движение растягивается на продолжительное время. Затяжка движения в национальном секторе об'ясняется еще и тем, что российский пролетариат в Ср. Азии всего меньше был подготовлен к тому, чтобы стать гегемоном национальной революции. Движение дехканской бедняцкой и середняцкой массы только на более высокой степени своего развития получило возможность увязать свою борьбу с опытом революционной борьбы всероссийского пролетариата, и прежде всего, пролетариата передовых индустриальных центров. Только после этого революция в Ср. Азии начинает итти по единому календарю. Пролетариат Ср. Азии в союзе с мелкобуржуазными элементами сумел взять власть, удержать эту власть при труднейших условиях, обороняясь на фронтах, окруженный со всех сторон белогвардейской блокадой—но развернуть внутренние пружины революции он не сумел. Для этого нужен был опыт всего пролетариата России под руководством Ленина и РКП(б).

«Первый этап первой революции» дал власть в руки буржуазии. Что собой представляли буржуазные элементы в Туркестане? О мелкобуржуазных элементах мы уже говорили.

Классовая группировка крупной буржуазии была тесно связана с системой старорежимной колониальной политики, она имела на своем правом крыле элементы чисто черносотенно-колонизаторские, на левом крыле преобладали элементы типа кадетов. Характерно, что в Ср. Азии больше, чем где бы то ни было, была крепка связь между правой и левой частью третьеиюньского блока. В 1916 году, после восстания, царское правительство вынуждено было пойти на некоторые уступки либеральным колонизаторам, послав в Ср. Азию либеральствующего Куропаткина. Куропаткину удалось достигнуть серьезных результатов в деле подчинения местных либеральнобуржуазных элементов своему влиянию. Он создал комитет из группы джадидов, который помогал ему проводить реквизицию у туземцев. К началу 1917 года были налицо и национальные, и российские буржуазные элементы, для которых основным в революции была перестройка организации правительства для лучшего ведения войны в интересах союзников и большего закабаления масс. Для них не был важен вопрос о свержении куропаткинского режима. Поэтому Февральская революция здесь не свергла Куропаткина. Если в первые дни революции русская буржуазия мечтала, что Михаил будет регентом, а Алексей будет царем, но негодующие крики рабочих заставили Милюкова спрятать эту программу, то в Ср. Азии все же на 26 дней осуществилось это регентство правда в лице генерал-ад'ютанта Алексея—Куропаткина. Временное правительство ухватилось за Куропаткина. Гучков посылает ему теплые телеграммы. В самом деле ведь Ср. Азия была тем оазисом «буржуазного порядка» для правых кругов русской буржуазии, для того же Гучкова и Милюкова, которого им не удавалось осуществить в русских условиях.

Другое крыло буржуазии—крыло радикально-буржуазной интеллигенции, куда входили отчасти чиновники, отчасти служащие разных частных фирм,—стало организовывать общественные комитеты, куда входили и рабочие. Видимость власти находилась в первое время в руках этих комитетов. Это крыло на первых порах было близко к рабочим организациям. Первое время рабочие группы находятся целиком под влиянием этих элементов. Нигде не было столько с.-д., называвших себя плехановцами, как в Туркестане. Правда, ничего общего они даже с плехановщиной того времени не имели. Плехановцем называл себя в Туркестане даже известный бакинский полузубатовец Илья Шендриков. Они сначала признали Куропаткина, но под влиянием масс к концу марта вынуждены были с ним проститься, после того как он попытался ввести городовое положение 1892 г. и вооружить русских поселенцев. Вооружение русских против националов стоило власти Куропаткину. Куропаткин был свергнут. Временное правительство создает туркестанский комитет с кадетским и право-народническим—народно-социалистическим составом. Во время революции основным центром был Ташкент, вокруг него собираются все основные революционные силы, вся основная революционная борьба идет вокруг Ташкента. В Ташкенте был тот основной пролетарский кадр, который в момент перелома кладет свою твердую рабочую руку, направляя движение то в ту, то в другую сторону. Характерно, что революционизирование железнодорожных рабочих идет в 1917 г. быстрее, чем революционизирование других слоев рабочих. Положение ташкентского рабочего было хуже, чем в районе Закаспия. В Ашхабаде и Закаспии на железной дороге положение рабочего было лучше: в виду того, что он целиком зависел от железной дороги, он снабжался максимально, и у него была даже своя организация—единственная в России—ремесленное рабочее собрание.

Нужно отметить, что именно за Каспием средняя зарплата равнялась шестистам рублям, а на Ташкентской ж. д. зарплата была гораздо ниже.

Ташкент революционизируется,—в Закаспийской области усиливаются настроения право-эсеровские с белогвардейским пошибом. Ташкент же непрерывно «левеет», преимущественно на продовольственной почве.

Если проследить газеты той эпохи, то мы видим, что в порядке дня все время стоит основной вопрос—вопрос зарплаты и продовольствия.

Чрезвычайно характерно, что Фергана—эта хлопковая житница Средней Азии, имевшая солидные кадры рабочего класса в горно-заводской промышленности,—отстает в 1917 г. Правда, в Фергане создаются крупнейшие профсоюзные организации, но они подпадают под руководство право-настроенных меньшевиков и эсеров. Вождем Ферганы был известный Вадим Чайкин. Все время идет борьба между Ферганой и Ташкентом. Ташкент революционизируется. На первых порах он находится под руководством меньшевиков-оборонцев, потом руководство переходит к интернационалистским элементам, имеющим в своем составе несколько большевистски настроенных людей, которые, однако, не проводили еще достаточно четкой большевистской линии.

Процесс революционизирования масс идет в Ташкенте чрезвычайно своеобразно. Организованного политического центра мы в Ташкенте не имеем. Правда, наиболее сильная социал-демократическая организация создается в Ташкенте. На «об'единительном» августовском с'езде меньшевиков представитель Ташкента указывал на 1.400 членов организации. Это, конечно, преувеличено. Все же значительный кадр с.-д. в Ташкенте был. Интересно, что ташкентская организация, несмотря на то, что в ней к августу руководство перешло в руки интернационалистов и часть этих интернационалистов считала себя большевиками, все же нашла возможным послать своего представителя на августовский «об'единительный» с'езд РСДРП. Никакая другая среднеазиатская организация на общепартийных с'ездах не участвовала. Небольшая, сразу выделившая себя из общего движения группа большевиков, увязанных с большевистским центром, была только в Фергане, в центре наиболее правых тред-юнионистских настроений среди руководящей верхушки. Большевики во главе с т. Бабушкиным выявляют себя еще летом в Коканде, в то время как в Ташкенте выделение большевистской организации намечается только в ноябре, после взятия власти. Оборонцы из общей организации с.-д. уходят только в сентябре. До сентябрьских событий и ташкентская организация, и краевой центр социал-демократов были формально едиными, об'единяя всех—от плехановцев до большевиков.

Итак, в процессе революции мы имеем в Ташкенте переход власти из рук оборонцев в руки интернационалистов. Чрезвычайно характерно, как революционные рабочие массы сначала неорганизованно, стихийно высвобождаются из-под соглашательского руководства. Еще при господстве оборонцев разыгрывается ряд классовых столкновений. Первое столкновение было в связи с обвинением реакционного меньшевика-оборонца Белькова в ряде неблаговидных поступков, когда буржуазная газета открыла против него как председателя совета травлю. Рабочие применяют революционное насилие, пытаются закрыть буржуазную газету, делая все это для реабилитации господина Белькова, который совершенно этого не стоил, являясь агентом той же буржуазии среди рабочих. Когда интернационалисты приобретают влияние, то они выступают путанно и проваливаются по вопросу о командировке тов. Бройдо на фронт. Дело было таким образом: Бройдо был солдатом за-

пасного полка и как солдат запасного полка должен был отправляться вместе с маршевой ротой. Позже пришло постановление Временного правительства, что члены комитетов и советов не отправляются со своими частями. По этому поводу происходит раскол. Крайний оборонец Бельков требует, чтобы Бройдо выехал. Он этого требует как патриот и на этой почве выходит из социал-демократической организации. Интернационалисты во главе с Тоболиным тоже выступают с требованием от'езда Бройдо, причем они хотят освободиться от Бройдо, который был тогда лидером меньшевиков оборонческого крыла. Такая путаная линия чрезвычайно характерна для позиции интернационалистов в Туркестане.

Несколько возвращаясь назад, я хочу отметить, что крупные столкновения, похожие на апрельские события в России, в Ср. Азии были связаны с свержением щепкинского туркестанского комитета. Щепкинский туркестанский комитет был свергнут в мае в связи с вопросом об использовании в аппарате революционной власти старой администрацией. Щепкин назначил областным комиссаром бывшего пристава, некоего Тризну, по этому поводу произошли волнения в гарнизоне и в совете, и в результате Щепкин принужден был уйти. Классовое столкновение типа общероссийского апреля здесь идет не по вопросу о войне, а связано с тем же куропаткинским наследством.

Характерно, что июльские дни в Ср. Азии в 17 году большой роли не сыграли. Перелом, который пережила Российская революция в июле 1917 г., не имел значения для Средней Азии.

Что было основным для июльского перелома? Ленин писал, что 4 июля наступил переломный момент, так как двоевластие, существовавшее до 4 июля, а вместе с тем и та кон'юнктура, когда советы могли взять власть без гражданской войны, перестали существовать, и переход власти в руки пролетариата мог быть осуществлен только в результате гражданской войны. Кон'юнктура двоевластия продолжала существовать в Ср. Азии и после июля. Отсталость рабочего движения проявляет себя прежде всего в об'единительных тенденциях, которые были настолько сильны в ташкентской с.-д. организации, что она и после июля противопоставляет себя эсерам в целом. Социал-демократы, начиная от крайне-правых и кончая будущими туркестанскими большевиками, ведут борьбу против эсеров, как партия против партии. Раскола между оборонцами и интернационалистами мы в это время в Средней Азии не видим. Борьба идет по вопросу о новом председателе туркестанского комитета Временного правительства. Эсеры выдвигают Чайкина, а эсдеки, в том числе и ташкентские рабочие—Наливкина. Наливкин—глубокий старик, человек бесхарактерный, человек, который не мог ориентироваться на лагерь буржуазии, так как у него были своеобразно народолюбивые настроения, которые мешали ему пойти по буржуазной линии, человек в то же самое время чуждый и рабочему движению, и демократии. Он одновременно мешал и рабочему движению развиваться и контрреволюционерам, стоящим за его спиной, бороться против рабочего класса. Тем не менее А. Я. Першин—представитель ташкентских рабочих во ВЦИКе, человек, который сыграл большую роль в революционных событиях, сначала меньшевик, потом в результате контрреволюционной политики меньшевиков после июльского периода перешедший к большевикам, первый наладивший связь между с.-д. Ташкента и ЦК РСДРП, первый, который связался с центральным органом, с «Рабочим путем»—он все меры принял, чтобы Церетелли как министр внутренних дел назначил Наливкина, а не Чайкина. Он

пишет в своем письме: «хотя я против министерской партии меньшевиков—я за Наливкина». Першин идет эмпирическим путем и отражает настроение масс, характерное для Ср. Азии в эпоху июля—августа.

Эта эпоха была моментом назревания классовых противоречий, которые шли по двум линиям. Среди европейского рабочего класса они идут по линии раскола внутри революционной демократии, раскола между оборонческим крылом и интернационалистическим, стоящим на революционном пути. Среди ремесленников и дехкан-националов чувствуются в эту эпоху лишь тенденции к расколу внутри общего национального лагеря. Когда совершилась революция 1917 г., национально-прогрессивные элементы—джадиды во главе с представителями буржуазно-интеллигентской группы, европейской по своей культуре, главное внимание направили на завоевание широких масс. Но так как широкие массы были под влиянием реакционных байских и муллских элементов, прогрессисты пошли на создание об'единенной организации. В результате в Ташкенте, наиболее революционном центре, побеждает улемистское движение. Организация, созданная джадидами, раскалывается, и вместо об'единенного шуро-исламия создается «Джемгуриятэ улема», который имел в своем большинстве чисто реакционные конфессиональные элементы. На выборах в Городскую думу эта оппозиция получает до 70 мандатов в то время, как прогрессисты выбирают только 2—3 гласных. Если по линии радикальной буржуазии в Ташкенте произошел провал, то в области оформления рабочего движения мы имеем здесь наиболее прогрессивные формы—я говорю о создании местного совета т. н. мусульманских рабочих. Правда, он не имел полной связи с общеевропейским советом, слился с ним только после Октябрьской революции, но такая организация и об'единение сил, одним из руководителей которых был Асфендиаров, сыграла свою роль. Организация эта опиралась на вернувшихся из России демобилизованных в 1916 году рабочих. Такие же организации создаются в Ходженте и Андижане, в то время как в других центрах, в Фергане и других местах, создается организация, смахивающая на старые английские тред-юнионы—организация т. н. «трудящихся мусульман». Туда входили в малом количестве бедняцкие элементы, больше ремесленники; организация была полуэкономическая, полуполитическая. Эта организация заняла правую позицию, хотя она в лице своего ферганского центра и продолжала борьбу против мусульманского об'единения. Политически она ориентировалась на чайкинскую группу, на правое крыло революционной демократии. Так было вплоть до кокандской автономии, когда об'единение «трудящихся мусульман» раскололось, и меньшинство их пошло с советской властью.

Возвращаюсь к развитию революционных событий в Ташкенте. Основным моментом в августе и сентябре была борьба за Ташкентский совет, который продолжает находиться в руках оборонцев, преимущественно правых эсэров. К сентябрьским событиям революционное руководство Ташкентом, передовым для Ср. Азии пролетарским центром, находится в руках интернационалистских элементов. Небольшое ядро большевиков, которое позже в ноябре выделилось, в то время от интернационалистов не отделялось, и мы ничего не видим в их выступлениях и резолюциях, отличающего их от интернационалистов.

Приходится говорить об этом, так как в настоящее время замечается тенденция апологетики революционной борьбы ташкентского пролетариата (между прочим, ташкентские рабочие в ней вовсе и не нуждаются). Эта тенденция, представленная в книжке Л. Резцова «Октябрь в Туркеста-

нее»[1], не делает разницы между тактикой интернационалистов и большевиков перед октябрем 1917 г. Он фактически с опозданием на 10 лет большевизирует интернационалистов. Нужно четко отличать линию «ново-жизненцев» от линии В. И. Ленина и большевиков.

В чем основные отличия ново-жизненцев от большевиков? Основная линия ново-жизненцев такая, что они тоже были за переход власти в руки советов, но они мечтали о возможности перехода власти в руки советов без гражданской войны. Понимание того, что нет другого пути, как путь гражданской войны, отсутствовало у половинчатой интернационалистской группировки.

С другой стороны интернационалисты мыслили себе советскую власть как временную меру, которая должна довести страну до Учредительного собрания, которая должна ликвидировать реакционные тенденции бонапартизма Керенского и—не больше.

12 августа в Ташкентский совет Тоболиным вносится резолюция, которая проваливается. Мы имеем в этой резолюции довольно четкую постановку вопроса, и она в общем и целом дает некоторую возможность трактовать эту резолюцию как особую линию, отличную от общего направления интернационалистов социал-демократов. Но в то же время не следует упускать и другие выступления Тоболина, в частности его статью, в которой он подробно иллюстрирует систему демократической революции и доказывает, что наилучшая система управления—это английская, потому что в Англии через Гайд-Парк можно управлять государством.

Так или иначе лозунг перехода власти в руки совета среди группы социал-демократов, которая идет в это время рука об руку с левым крылом эсеров, выявляется совершенно определенно. Стихийное революционное движение рабочей и солдатской массы дает себя знать. В это время складывается революционная кон'юнктура, приводящая к сентябрьским событиям.

Я на сентябрьских событиях не буду останавливаться, потому что о них имеется довольно большая литература и они более подробно были освещены в 1917 г. в газетах. Мне хочется остановиться только на вопросе о трактовке сентября.

К сентябрю ташкентскому применима та оценка, которую сделал т. Шумяцкий в отношении иркутского «сентября». Тов. Шумяцкий, на мой взгляд, совершенно правильно оценивает события в Иркутске как явление, похожее на питерский июль. Именно в сентябре была стихийная попытка захвата власти, которая столкнулась с тем, что эпоха двоевластия уже не существовала. Действительно, когда в ночь на 13 сентября командующий туркестанскими войсками генерал Герже явился вместе с ротой юнкеров и школы прапорщиков арестовывать членов революционного комитета, в Туркестане произошло то, что в общероссийском масштабе происходило 4 июля.

Краевой совет, работавший под руководством меньшевиков и правых эсеров, занимает более реакционную позицию, чем даже Наливкин. Он требует присылки карательного отряда. Правительство Керенского находилось в это время в тяжелой обстановке. Это была эпоха Демократического совещания, когда керенщина трещала по всем швам. В это время Керенский мобилизует все свои силы и, пользуясь тем, что настроение правого советского крыла было в пользу ликвидации Ташкента, посылает карательную экспедицию.

[1] Ср. рецензию П. Галузо в «Историке-марксисте» № 7, стр. 304.— *Ред.*

Если массы были настроены в пользу захвата власти и эта тенденция была передана группе руководителей, то, уже начиная с 15 сентября, тенденции мирным путем выйти из этого конфликта особенно характерны для руководства сентябрьским восстанием.

Тут нет ничего удивительного. Пойдя на захват власти, окруженное широким кругом довольно правых по существу с.-д. интернационалистов, руководящее ядро ташкентских революционных работников, конечно, не мыслило себе этот захват власти иначе, как мирный захват. Интересно, как тов. Тоболин, который занимал в то время наиболее левую позицию, представлял себе дело. Ему представлялось, что Туркестан не пустит к себе представителей Временного правительства, а тем временем подоспеет подкрепление. Попыток организовать восстание по краю среди ташкентцев мы не имеем, в то время как в Фергане и других местах уже были некоторые попытки, похожие на ташкентские, в частности 7 сентября в Коканде.

В результате генералу Коровниченко, назначенному Керенским генеральным комиссаром, удается проехать в Ташкент. Тут сыграло роль колебание Самарского и Оренбургского советов, которые его сначала не хотели пускать, но потом пустили. Коровниченко вошел в город и разгромил Ташкентский совет. Последний совместно с железнодорожным центром об'явил забастовку, но эта мирная забастовка только дезорганизовала рабочих, и из сентября ташкентская рабочая масса вышла с пониманием необходимости перейти к новым формам борьбы, связанным с непосредственной организацией вооруженного восстания. В смысле же руководства движением мы имеем чрезвычайно тяжелый кризис. Правильно было бы сказать, что руководство идет не впереди масс, а вдогонку за массами. Широкая стихия рабочего движения, которая своим классовым сознанием понимала много больше, чем половинчатые руководители, в течение месяца настолько революционизирует отношения, что уже к концу октября мы сталкиваемся с вооруженным восстанием.

Как шла основная линия борьбы перед Октябрьским столкновением?

После того как Ташкент не был поддержан на местах, а ферганские и закаспийские советы оказались на стороне Временного правительства, мы наблюдаем начало раскола среди рабочего движения, причем в эпоху этого раскола усиливаются опять-таки половинчатые, центристские, интернационалистские настроения. К тому моменту, когда собирается 2-й с'езд советов (он начался 30 сентября), мы уже имеем на с'езде советов вполне определенное столкновение двух основных крыльев—крыла революционного и правого ферганского во главе с Чайкиным. Между ними—болото. Слабость руководства ташкентской группы приводит к победе болота, которое совместно с ташкентской группой создает краевой центр. Этот центр в основном не входит в революционную борьбу, последняя уходит вглубь ташкентского пролетариата.

Я хочу остановиться на характере различных классовых группировок перед октябрьскими боями. Крайне правая группа—группа русской буржуазии—была оттеснена назад. После того как ряд класовых столкновений и в центре, в Ташкенте, и на местах загнал революционное движение вглубь в подполье, правые крайние элементы имели возможность не только огрызаться в газете «Туркестанский курьер», но имели и своего представителя в туркестанском комитете в лице Шендрикова. Общественная роль этих элементов была весьма не велика, зато усилилась роль организации служащих, где они имели влияние. Почтово-телеграфный союз, союз служащих частных

фирм, совместно с юнкерами, учениками школы прапорщиков являются оплотом реакционной группы, к ней тяготеет и оборонческая группа Чайкина, и старый краевой совет,—эта группа ориентируется на национально-буржуазные элементы. Программа автономии Туркестана перед октябрьскими событиями делается основной программой буржуазных групп. Пославский, который тогда редактировал «Туркестанский курьер», заявляет, что экономика важнее политики, что мы не думали через советы проводить русскую власть, но это невозможно, поэтому нужно вывести русских солдат из Туркестана, «Туркестан—для туркестанцев», и т. д. Этим самым создается блок российской и национальной буржуазии, будущий кадр национальной контрреволюционной кокандской автономии. Рядом с ними джадиды—представители национальной интеллигенции. Это правое крыло. Далее крыло рабочего движения, основная база его в Ташкенте в нынешних красновосточных мастерских, тогда главных мастерских Ср.-Азиатской ж. д. К нему примыкают солдатские массы. Широкая масса туземной бедноты находится вне происходящих событий.

Октябрьские события в Туркестане большого своеобразия не имели. Внешним поводов столкновения был вопрос о выводе войск. Коровниченко ставит вопрос о выводе войск. Происходит столкновение. Когда солдаты отказываются итти, производятся аресты. Были арестованы представители двух частей, еще раньше были арестованы участники сентябрьского восстания. Когда волна протестов среди рабочих и солдат растет в ответ на репрессии Коровниченко, последний идет ва-банк. Помощник его Дорер занимает, при этом более осторожную позицию, понимая, что наступление на революцию только облегчит развязку. В ночь на 28-е происходит выступление Коровниченко, арестуются члены краевого совета и исполкома Ташкентского совета. Юнкера заняли мосты через Салар и двинулись разоружать стрелковый полк, находившийся неподалеку от Ср.-Азиатских мастерских, но к счастью случилось, что юнкера по ошибке попали к казакам, квартировавшим рядом со стрелковым полком, разоружили казаков и потом только увидели, что тронули своих. Этого было достаточно, чтобы казаки сохранили нейтралитет во время боев. Тем временем стрелки, об'единившись с рабочими мастерских, окружили юнкеров. Рабочие совместно с солдатами-артиллеристами перевезли артиллерию, установили ее в ж.-д. мастерских. Вслед за этим начинается артиллерийская дуэль между мастерскими и крепостью. Артиллерийская канонада не раз становилась основной проблемой вооруженных восстаний. Исход Кронштадта в 1921 г. был решен артиллерией, то же было и во время восстания на Красной Горке, так же было и в Ташкенте, и в Коканде, и в Москве в 1917 г. Юнкера попадали главным образом в рабочую слободку, так как думали действовать на обывательские инстинкты рабочих. Но этот метод борьбы только усилил энергию рабочих. Три дня шла перестрелка и в то же время велись переговоры. Переговоры вел краевой совет. Теперь имеется много мемуаристов, которые говорят, что существовал революционный центр, революционный комитет, заранее установивший стратегический план восстания. Я располагал тремя основными материалами для выяснения развития вооруженной борьбы: описание «Нашей Газеты», Доровский доклад и доклад Вышетравского, написанный по-меньшевистски. Путем сопоставления этих разнообразных по направлению материалов я убедился, что движение имело чисто рабочий характер, никакой дислокации сил, никакого плана «кампании» не было до начала боя. Один из участников октябрьских боев, Домогатский, левый с.-р., написал совершенно недосто-

верные воспоминания, в которых с самой мелочной точностью разбирает «стратегический» план движения. Мне кажется, что тов. Резцов очень опрометчиво поступил, приняв в своей книге без всякой критики изложение Домогатского.

Штаб был организован на месте, попадаются документы, из которых видно, что существовал военно-революционный совет при Исполнительном комитете Ташкентского совета; он фактически руководил борьбой, а непосредственное командование находилось в руках пришедшего на помощь рабочим прапорщика Стасика, который до того времени в рабочем движении не был известен.

31 октября была закончена борьба, Коровниченко сдался и был арестован. Характерно, что революция в Туркестане кончается так же, как она началась. Если она началась с милюковского этапа, неосуществленного в России, то здесь в Ташкенте и в октябре создается правительство «от энесов до большевиков», не осуществившееся за ненадобностью в России. Уже после победы рабочих полуменьшевистский краевой совет создает Туркестанский временный исполнительный комитет с широким совещанием, куда входят представители различных организаций. Эти представители создают центр, в котором большевик участвует только в качестве секретаря, а все руководство формально находится в руках меньшевистских и левоэсеровских элементов. Но Ташкентский совет накладывает свою руку на гарнизон. Стасик и Перфильев, участники сентябрьских событий, назначаются командующими войсками. Временный комитет фактически имеет возможность только обсуждать вопрос об организации власти.

В ноябре собирается с'езд советов. На нем власть окончательно переходит в руки советов. Организуется совет народных комиссаров. Новая власть сразу же делает ряд серьезных ошибок в национальном вопросе. Принимается сыгравшая печальную роль тоболинская декларация, в которой заявлялось: «Включение в настоящее время мусульман в органы высшей краевой революционной власти является неприемлемым, как в виду полной неопределенности отношения чужеземного населения к власти советов р. и к. д., так и в виду того, что среди туземного населения нет классовых пролетарских организаций». Слабым местом новой власти был национальный вопрос.

Следующим этапом была кокандская автономия. Только ликвидация кокандской автономии окончательно советизировала Среднюю Азию. Я касаюсь здесь этого вопроса просто для того, чтобы дать основную веху, но непосредственный анализ событий, связанных с кокандской автономией, есть дело более детального изучения национального революционного движения, углубленного изучения материалов на национальных языках.

Теперь займу несколько минут для того, чтобы сделать заключение. Я хочу отметить, что в туркестанских событиях эпохи Октябрьской революции мы имеем известное своеобразие развития революционного процесса, обусловленное замкнутостью этого района. Отдаленность Туркестана от ближайшего крупного города Оренбурга на 2.000 верст создает эту замкнутость. Этапы развития идут здесь чрезвычайно своеобразно. Тут и своеобразный апрель и своеобразный, запоздалый июль, тут же мы имеем своеобразное развитие и в послеоктябрьский период. Это одна сторона дела. Изучая туркестанские события, мы сталкиваемся с такими вариациями, которые гением Владимира Ильича только учитывались в процессе общероссийского движения.

С другой стороны 1917 год в Средней Азии характерен наличием двух процессов, параллельно развивающихся и сливающихся друг с другом,—процесса общероссийского развития революции в европейских городах туркестанской колонии и процесса колониального революционного переворота. Слияние обоих процессов происходит не в 1917 г., а гораздо позже, в результате полного изменения национальной политики.

Отсюда основной имеющий политическое значение вывод, который мы делаем в результате изучения Октября, заключающийся в том, что увязка колониальной революции в Туркестане и российской пролетарской революции как первого этапа мировой революции осуществляется только лишь в условиях связи с рабочим движением всей России. Попытки смазать ошибки местного руководства в национальном вопросе, попытки характеризовать революционное движение в Туркестане, как более быстрое и передовое по сравнению с общероссийским, эти попытки, которые мы находим в той же книжке тов. Резцова, исторически неверны и методологически невыдержаны, и кроме того они питают неправильные иллюзии о возможности для республик Средней Азии самим справиться с основными задачами социалистического строительства силами местного пролетариата. Только в теснейшей связи с общероссийским социалистическим строительством, под руководством общероссийского пролетариата и его партии, трудовые массы бывшей колонии, трудовые массы ныне организованных нами национальных республик могут пойти по пути социалистического строительства.

ПРЕНИЯ

Резцов. В чем я совершенно согласен с данной здесь характеристикой основных особенностей революционного процесса в Туркестане,—это в том, что во главу угла поставлена хлебо-продовольственная проблема. Но и здесь чувствуется в докладе большой дефект—недоучет роли солдатских организаций, которую нельзя замалчивать при анализе событий в Ташкенте (даже если не говорить о сентябрьских событиях, которые играли значительно бóльшую роль, чем мыслится докладчику).

Основная разница в наших взглядах на Октябрь в Туркестане—это в вопросе о темпе хода событий. Кстати: настаивать на замедленном—сравнительно с Россией—темпе—означает соприкасаться с компрометирующей установкой: «экономически отсталый край—революция должна итти с запозданием...»

Возьмем реальное соотношение классовых сил в 1917 г. Докладчик устанавливает правильно, что Туркестан пережил свой этап «регенства», этап власти Куропаткина.

Но что мы имеем в Туркестане, когда Куропаткин был сброшен?.

Я подчеркивал в своей работе одно выразительное место из телеграммы кадета Щепкина после майского кризиса власти. Он пишет, что в крае фактически власть отсутствует. Это очень важно для понимания темпа развития событий в Туркестане. После того как был сломлен военно-колонизаторский режим, за плечами буржуазии и приверженцев Временного правительства почти не оставалось реальной силы. Соотношение сил в пользу рабоче-солдатской массы было значительно выгоднее для нее, чем в Центральной России. Это ясно не только из майской телеграммы Щепкина, об этом говорит весь ход борьбы с февраля по октябрь, и самая грубая ошибка докладчика в том, что он не раскрывает должным образом смысла сентябрь-

ских событий в Ташкенте. Фактически на территории города власть перешла в руки другого класса, фактически налицо была диктатура Совета солдатских и рабочих депутатов. Недоставало только разгрома Белого Дома[1].

Утверждать, что ташкентский Сентябрь является повторением июльских событий в России, что Сентябрь—«неудачная разведка» (приблизительно так выразился докладчик),—это искажение всей перспективы.

Как крестьянская (дехканская) масса отнеслась к Февральской революции? Мы об этом тоже в Ташкенте дискуссировали, но не договорились.

Мне думается, тов. Цвибак слишком недооценивает политическую сознательность, которую уже начала проявлять масса местного населения. Почему в 17 г. (февраль—март—апрель), после свержения Куропаткина, при фактическом развале власти, крестьянская масса не повторила атаки 1916 г.? Потому, что колонизаторский режим царизма был сброшен, и это массы понимали. Передовая крестьянская масса даже склонна была преувеличивать значение Февральского переворота[2], воспринимая его как освобождающую, чуть ли не социальную революцию. Отсюда—отсутствие националистических эксцессов со стороны дехканства, несмотря на кровавую память 1916 года.

Здесь же нужно указать на важнейшие факты связи между Советами солдатских депутатов на местах и дехканством, причем дехканство обращается за организаторской помощью к этим Советам, и в отдельных районах и случаях эти Советы эту помощь оказывают.

Естественно, что отношение дехканских масс к Октябрьскому перевороту вылилось в формы дружественного нейтралитета.

Все это в сумме дает несколько иную ориентировку в основных событиях 1917 года, чем в представлениях тов. Цвибака.

Теперь насчет позиции интернационалистов. Сравните, как вели себя те же интернационалисты в Туркестане, в Ташкенте,—с поведением интернационалистов в центральных городах. Одна из основных мыслей, которую я положил в основу скромной своей работы, заключается в том, что стихийный напор масс в Ташкенте был настолько энергичен, при незначительном противодействии со стороны контрреволюции, что меньшевики-интернационалисты принуждены были за этой революционной стихией итти и, выталкиваемые ею вперед, иногда играли руководящую роль в событиях. Конечно это имело свою вредную сторону в смысле трудности отмежевания большевиков от этих людей, фактически к большевикам примазывавшихся,—но нельзя недоучитывать того стихийного под'ема масс, который был внутренней основой этого—иначе непонятного—«полевения» меньшевиков-интернационалистов (и левых с.-р.).

Основное мое расхождение с т. Цвибаком: несмотря на отсталость Туркестана, соотношение сил здесь складывалось так, что малоорганизованные силы солдат и рабочих явно преобладали над силами буржуазии и офицерства. Благодаря этому наступает резкий классовый конфликт в сентябре. Это не запоздалое повторение июльских дней, а факт качественно

[1] В поражении Сентябрьского восстания сыграла большую роль измена на телеграфе. Посланные тт. не сумели справиться с задачей, их сумели обмануть почтово-телеграфные чиновники, и комитет Врем. правительства продолжал поддерживать связь с местами, в то время как совет оказался изолированным. Если бы не этот случайный провал, весь ход дальнейшей борьбы мог бы оказаться иным.

[2] Характерно заявление одного дехканина: «теперь белый царь свергнут и пора итти дальше, забирать хлеб у богатого»...

иного порядка. Это захват власти. Чем же он был вызван? Благоприятной расстановкой классовых сил, обострением хлебного кризиса, отдаленностью края от центра: революционный Ташкент был предоставлен своим собственным силам и капитулировал в бо́льшей степени под «моральным давлением» из России, чем под реальными ударами реакции (карательная экспедиция генерала Коровиченко шла до Ташкента больше полумесяца).

Меницкий. Общая установка товарища Цвибака, его социологический анализ процессов в крае в связи с проникновением российского капитала, не вызывает с моей стороны замечаний. Но то, что докладчик ограничился освещением участия в движении лишь русской части населения, является большим дефектом доклада. Нельзя рассматривать колониальную революцию и не говорить о движении среди местных национальностей. Говоря об Октябрьской революции в Средней Азии, нельзя обойти революционные события, предшествовавшие Октябрю [1898, 1905—1907, 1912 и 1916 гг.]. Точно также нельзя говорить о колониальной революции и умолчать о революционном движении среди русских гарнизонов в Средней Азии. Тем более, что российские войска, долженствовавшие наводить порядок в крае, сами упорно бунтовали. В истории колонии такие факты обойти никак нельзя. Правда, докладчик оговорился, что он не будет освещать национальное движение в крае, но ведь без этого получается, как-будто и на самом деле революция в крае произошла по телеграфу, с чем никак нельзя согласиться. Несомненно Октябрьская революция в крае не пришла по телеграфу и не произведена только русским населением края, она имела свои местные глубокие экономические и политические корни. Революция в центре лишь помогла, лишь развязала давно назревшую колониальную революцию в крае.

Революционное движение в Средней Азии на всем своем протяжении развивалось по двум обособленным друг от друга руслам. Но нельзя согласиться с категорическим утверждением докладчика о полнейшем отсутствии связи между этими двумя руслами революционного движения в крае. Движение среди русских и движение среди местного населения не могли не смыкаться и не дать единого революционного движения, к чему уже в 1905 г. имелось приближение. Царское правительство великолепно понимало опасность такой смычки и в целях предотвращения такой смычки проводило систему разжигания национальной и даже родовой розни, старую испытанную систему колониальной политики. Насколько эта политика имела успех, можно судить хотя бы по тому, что даже с.-р. и с.-д. и те были втянуты в подобную человеконенавистническую политику и в таких событиях, как 1916 год, многие из этих социалистов громили, не хуже всяких полицейских служак, взявшееся за оружие местное население. Но даже в этом 1916 году были моменты, когда эта смычка как бы налаживалась; так, во время продовольственных беспорядков рука об руку участвовало как русское, так и местное население и даже женщины-мусульманки. Подтверждение своей точки зрения о совершенной обособленности двух движений докладчик находит в пассивности трудящихся основных национальностей края в Февральские дни. Но было бы наивно думать, что после жесточайшего подавления 1916 г. через несколько месяцев они могли бы активно примкнуть к движению, хотя душой они несомненно были с ним. Тот факт, что к движению примкнула туземная интеллигенция и мусульманское духовенство и все те, кто недавно столь жестоко с ними расправлялись, их пугал, и они подозрительно отходили в сторону, боясь новой, более ужасной провокации. И только после того как в революции обрисовалось четко классовое рас-

слоение, и когда туземная буржуазия и русское чиновничество, т. е. все те, которые их так жестоко побили в 1916 г., вступили в борьбу с Советами, трудящиеся Средней Азии поняли, где их друзья и где враги, и протянули руку русским большевикам, активно выступили на борьбу с русской белогвардейщиной и своей контрреволюционной буржуазией.

Октябрьская революция, завершив процесс сближения этих двух движений, привела к мощному союзу трудящихся бывшей царской России. Было бы большой ошибкой полагать, что идея братского союза трудящихся царской России родилась в огне Октябрьской революции и не была подготовлена историей предшествующих годов. Такую ошибку сделает всякий, кто не замечает появлений братской солидарности трудящихся бывшей России на протяжении, хотя бы, царствования последнего Романова. Эту ошибку в отношении Средней Азии докладчик и делает.

Гуща. В своем выступлении я не преследую цели выступления по докладу т. Цвибака о классовой борьбе 1917 г. в Туркестане, в частности в Самаркандской области, так как я о нем узнал только сегодня из газеты «Правда».

Тов. Цвибак в своем докладе о классовой борьбе в Туркестане совершенно не коснулся Самаркандской области, между тем Самобласть играла довольно большую роль в классовой борьбе.

Правда, исследовать события Самаркандской области будет очень трудно, так как все ценные документы и революционный архив за 1917 год были бело-казаками и эсерами уничтожены при занятии ими города Самарканда в январе м-це 1918 года.

Часть документов если и сохранилась, то повидимому находится в руках отдельных товарищей, работавших в тот период в Северной Азии. Я просил бы товарища докладчика при изучении и исследовании революционных событий в Средней Азии, в частности в Самаркандской области, обратить внимание на нижеследующие события:

1. Митинг солдат 7-го Сибирского запасного полка 1 мая 1917 г.
2. Возникновение Самаркандской организации большевиков.
3. Октябрьский переворот в Самарканде.
4. Организация карательного отряда из частей Самаркандского гарнизона белогвардейцами для посылки в Ташкент против восставших революционных рабочих в ночь на 28 октября 1917 года.
5. Роль дехкан и военнопленных в революционном движении 1917 года.
6. Участие самаркандцев в ликвидации Кокандского автономного контрреволюционного правительства и взятии Кокандских банков.
7. Обезоружение казаков, ехавших с персидского фронта через Среднюю Азию на помощь атаману Дутову (декабрь м-ц 1917 г. и январь 1918 года).

Аршаруни. У меня два вопроса. Когда я летом 1928 года работал в ташкентском Цуарделе, то я там нашел архив партии дашнакцутюн. А эта партия сыграла некоторую роль в Средней Азии. Тов. Цвибак ничего об этом не сказал. Я считаю, что ташкентская организация партии дашнакцутюн играла роль не только в Ташкенте, но и в кокандском вопросе. Я думаю, что нельзя говорить о 1917 годе в Средней Азии, не упомянув о партии дашнакцутюн.

Затем, здесь ничего не было сказано относительно Туркменистана. Должен сказать, что я нашел в ташкентском и ашхабадском архивах некоторые данные, о которых сейчас за недостатком времени не могу

говорить. Затем, относительно событий в Бухаре. Среднюю Азию без Бухары также едва ли можно рассматривать.

Я остановлюсь только на вопросе о дашнакцутюн. Мне удалось в архивных материалах Ташкента обнаружить 35 дел — дела ташкентского ЦК партии дашнакцутюн, армянского революционного комитета и общественного комитета. Я, к сожалению, не взял сегодня с собой выписок. В Туркестане к началу 1918 года было зарегистрированных 710 человек членов партии дашнакцутюн, имевших белые билеты. Решающую роль конечно играла ташкентская организация, в которой было 473 члена и 85 сочувствующих. Любопытен социальный состав. Конторщиков, бухгалтеров, учителей было—112, хлебопеков, портных и парикмахеров по 48 человек, и т. д. Не буду останавливаться на остальных соц. группах членов партии дашнакцутюн. Приведенные факты говорят сами за себя.

В документах архива я нашел несколько указаний на то, что партия дашнакцутюн имела свои самостоятельные боевые дружины, в Андижане был боевой отряд дашнаков, в Скобелеве был эскадрон волонтеров и т. д. и т. д. Все это говорит за то, что дашнаки принимали участие в событиях 1917 года, а затем и позже, в организованном порядке. Что же касается их участия в подавлении Кокандской автономии, это—общеизвестно.

Я читал материалы первой их конференции, где указывалось, что политика партии дашнакцутюн в русском Туркестане должна быть построена иначе, чем в Армении и др. местах СССР. В материалах архива я нашел документы, в которых говорится, что туркестанских дашнаков надо рассматривать, как самостоятельную организацию. Здесь существовал даже свой ЦК. В резолюциях первой мусульманской конференции сказано о роли дашнаков в подавлении Коканда, и это, очевидно, послужило основанием Ташкентскому совету считать партию дашнаков антисоветской партией и лишить ее права легального существования. Тут было два момента: первый—напор со стороны мусульманского бюро и резолюция по поводу кокандских событий и второй—в комитетах организации продавался спирт, вино и проч. Интересен также тот факт, что дашнаки созвали с'езд в Андижане и получили ряд документов от разных боевых частей Красной армии и крепостей с признанием их революционных заслуг. Все документы я переписал. В них указывается, что дружины дашнаков сыграли значительную роль в деле поддержки частей Красной армии. Чем же об'яснить, что в 40 с лишним документах, выданных начальниками, комендантами, комиссарами наших войск, указывается активная и положительная роль дружин в подавлении восстаний? Я думал, что здесь налицо фальсификация. После того, как Совет об'являет дашнаков вне закона, партия дашнаков обращается к военным организациям, во главе которых стоят левые эсеры. Командный состав Красной армии еще не был большевистским, и мы нашли много отношений от имени ЦК партии дашнаков, где говорилось, что наша партия дает в ваше распоряжение вполне надежных 5 человек по военной линии; таким путем дашнакская дружина рассовывалась в этих военных организациях. Имея связь с некоторыми левоэсеровскими комендантами и командирами, они бесспорно оказывали им содействие. Бесспорно, что в подавлении движения в Коканде, в частности в уничтожении узбекской части прилегающих к Коканду кишлаков, армянские дашнаки сыграли большую роль, и в документах об этом указывается.

Шестаков. Я должен присоединиться к тем товарищам, которые внесли поправки в схему докладчика по линии оценки отношения к проис-

ходившим событиям со стороны туземного населения. В связи с этим я полагаю, что самый классовый анализ населения Ср. Азии дан докладчиком недостаточно четко. У него отмечены только группы капиталистические и пролетарские группы в промышленных предприятиях, тогда как мы знаем, что в крае имелось значительное количество лиц наемного труда в сельском хозяйстве, и китайских, и русских рабочих, т. е. пришлых, а также и местных: таджиков, узбеков, киргиз и пр. Докладчик не остановился и на тех взаимоотношениях, которые создались в сельском хозяйстве Ср. Азии по линии чайрикеров и т. д. Ведь здесь имеется определенная классовая диференциация туркестанского кишлака или аула, которую нужно было учесть и взвесить при анализе всех тех классовых характеристик, которые делались в начале доклада. Это дополнение к докладу необходимо сделать и дать соответствующий цифровой материал.

В дальнейшем я присоединяюсь к той мысли, что восстание 1916 г. имело большое значение в смысле нейтрализации дехканской массы, даже в ее правой части. Этот вопрос о нейтрализации не был совсем выявлен у докладчика и эту сторону также нужно подчеркнуть при дальнейшей разработке вопроса.

Третий момент—это тот национальный гнет, который продолжался в отношении Ср. Азии и Временным правительством Керенского. Об этом в «Красном архиве» т. Галузо даны новые документы. Этот момент в смысле предпосылки должен быть включен в вопрос о нейтрализации, т. е. по линии национального момента в Октябрьской революции.

Наконец, строить схему революционного процесса в Ср. Азии и взять для этого только Ташкент, как главный центр, не расширяя, не выходя за его пределы, будет неправильно. Если мы говорим о Ленинграде, как о центре революционного движения 1917 г., то здесь всегда подразумевается связь ленинградского центра с провинцией. Ленинград вовсе не был так оторван от провинции, и решающие моменты в революции в ряде случаев принадлежали не только Ленинграду, но и др. центрам. Фронтовая полоса, московский промышленный центр и др. все они играли большую роль в революционном процессе 1917 г. Таким образом, при изучении революции 1917 г. в Ср. Азии, концентрировать все внимание только на одном Ташкенте и на этом строить схему охвата революционным под'емом дехканской массы,—так строить схему будет неправильно. Нужно обязательно ее дополнить всеми революционными моментами, которые складывались особенно в хлопководных районах, и, с другой стороны, нельзя упускать также и Самарканд. В виде иллюстрационного материала, для оценки тех взаимоотношений между Советами и туземным населением, которые дали возможность обеспечить власть пролетариата в Туркестане, нельзя выбросить из общего анализа и события в Закаспийской области, где совершенно по-новому создавались свои контрреволюционные силы и где контрреволюционные силы докатились до такого предела, дальше которого они не могли итти. Надо выяснить—почему наступление контрреволюции докатилось только до ст. Чарджуй. Этот момент нельзя не учесть, так как он является для нас очень важным для оценки последующих событий в период гражданской войны в Ср. Азии, а также и для всей той схемы, которую нам нарисовал т. Цвибак.

Я думаю, что здесь еще следует сказать несколько слов относительно хлебной, продовольственной проблемы. Докладчик ее ловко обошел, подменив тем, что хлопок есть моно-культура и развитие производительных сил шло по линии этой моно-культуры и т. д. Затем произошла соответствующая

закупорка в этом развитии, «производственные отношения» стали в противоречие с производительными силами и в результате революционный взрыв—Октябрьская революция. Это все так похоже по внешности на марксистский анализ, что как-будто нет никаких сомнений в правильности заявлений докладчика.

Я все же думаю, что вопрос стоит гораздо проще.

Бояться какой-то подмены производственного базиса «обменным» не приходится. Ведь хлеб-то люди едят, должны есть, а раз этого хлеба нет, то приходится его добывать всякими, в том числе и революционными путями. Так что тут чего-то бояться и выдумывать особую систему развития производительных сил не следует. Я полагаю, что поднявшие восстание русские солдаты и рабочие, у которых животы подводило, о хлопковой моно-культуре вовсе и не думали. Вы изображаете революционный процесс русских рабочих железнодорожников и солдат и в то же время подсовываете им эту хлопковую культуру. Если бы вы сказали, что декханин поднимал восстание и боролся за моно-культуру, то я понимал бы это потому, что крестьянин засевает хлопок, и это ему выгодно, а хлеба нет и т. д., но у вас крестьянин молчит, а бунтует солдат и железнодорожник. В итоге у докладчика концы с концами не сходятся. Выдумывать тут нечего, а надо об'яснять события теми экономическими условиями, которые имелись в крае, в том числе и продовольственными затруднениями, которые марксистскими работами никогда не исключаются.

Цвибак (заключительное слово). Я хочу прежде всего поблагодарить т. Аршаруни за сведения, которые он представил, он, правда, обещал дать свою особую точку зрения, но, видимо, ввиду недостатка времени этого не сделал. Все-таки его вопрос связан не с 1917 г. В 1917 г. самостоятельной роли дашнаки не имели. Относительно основного указанного оппонентами недостатка, относительно недостатка внимания национальному моменту, скажу, что, вопреки мнению т. Шестакова, на мою схему это не влияет. Неверно, что я недоучел национальный момент, что я уделил главное внимание одному Ташкенту. Говоря о Ташкенте, я говорю об основном русле классовой борьбы. Тут дело не в Ташкенте, Ташкент как местный центр—одно, Ташкент, где были с'езды и шла классовая борьба в краевом масштабе—другое.

Упрек относительно недооценки роли гарнизона кроется в недоразумении. С точки зрения фактических революционных событий действительно огромна роль солдат. Но при вскрывании классовой подоплеки, при классовом анализе революции, мы видим, что руководящую роль в Октябре играет пролетариат. Мы имеем здесь в лице движения солдат представителей крестьян, идущих под руководством пролетариата.

Упрек т. Шестакова, что я недостаточно затронул вопрос о наемном труде в сельском хозяйстве—правильный упрек. Тов. Шестаков сделал очень интересный акцент на термине «нейтрализация» национального декханства в первый этап революции. Мне кажется, что этот термин правильно формулирует существо дела.

Я считаю, что взгляды Резцова не обоснованы материалом. Возьмите его «теорию» сочувствия широких масс туркмен Февральской революции: с точки зрения факта—это не серьезная вещь, тем более, что сегодня т. Резцов говорил не то, что он писал в своей книге. Там. т. Резцов приводит речь туркмена сарыка на митинге в Полошани, причем сарык действительно говорит это: «русский царь превратил нас в собак», а о том, что надо выго-

нять баев, как это нам поведал сегодня т. Резцов, он не говорил вовсе (Резцов «Октябрь в Туркестане», стр. 35).

Вообще тенденция несколько приукрашивать историю характерна для т. Резцова. Взять хотя бы ходжентскую историю. Тов. Резцов пишет: «В Ходжентском уезде отмечается, как общее явление, посылка представителей от совета солдатских депутатов в кишлаки для разрешения многочисленных конфликтов из-за воды» (назв. книга, стр. 41).

В самом деле, как узнаем из газет того времени, был случай, когда солдаты ездили в один из кишлаков Ходжентского уезда и решили дело в пользу одного кишлака, чем возбудили негодование другого. Произошло столкновение, при котором солдаты расстреляли жителей другого кишлака. Об этом читаем в двух газетах, в органе меньшевиков рассказывается о драке между кишлаками и посылке солдат для усмирения, в буржуазной газете сваливается ответственность за убийство дехкан на Совет. Этот факт т. Резцов препарирует как инструкторскую поездку Совета для смычки с дехканами. Работая таким образом можно «обосновать» любой заранее придуманный вывод.

Тов. Резцов упрекает меня, что у меня фактов много, но ведь история есть, прежде всего, факт, заниматься историей, пренебрегая фактами, «есть тьма охотников, я не из их числа».

Разрешите отметить еще, что ряд возражений, которые были мне сделаны, шли по правильной линии, поскольку они отмечали необходимость усиления внимания к национальному движению в 1917 г. Мне кажется, что путь дальнейшего исследования лежит в области дальнейшего углубления изучения национального революционного движения, а не замазывания тех национальных противоречий, которые существовали в 1917 году, как это делает т. Резцов в своей книжке. Наша задача—выяснение основных национальных противоречий в связи с анализом причин того, что местный европейский пролетариат, всем об'ективным ходом развития подтолкнутый к завоеванию диктатуры, сумел взять власть, но не сумел на первых порах разрешить национального вопроса.

Председатель: Я считаю, что, несомненно, сообщение т. Цвибака очень интересно, что моменты, которые он поставил, схема, которую он выдвинул, имеют серьезную научную базу, и надо пожелать, чтобы в дальнейшем он постарался эту схему еще продумать и дать исчерпывающий труд по этому вопросу.

Я думаю, что и другие товарищи, вероятно, не откажут вам в помощи, так что вы сумеете вместе поработать, поспорить, подискутировать и сговориться о моментах, которые обогатят ваш доклад.

Разрешите на этом заседание закрыть.

К ВОПРОСУ О МЕТОДИКЕ ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННОЙ ЭКСКУРСИИ

Л. П. Мамет

(Заметки с идеологического фронта)

В преподавании истории значительное место может занять экскурсия, особенно экскурсия историко-революционная. Восприятие и познание революционного прошлого значительно облегчается на экскурсии, благодаря наглядности и конкретности изучаемых явлений, благодаря тому, что революционное прошлое оживает перед учащимися на экскурсии.

Положительные стороны экскурсии — ее эмоциональность, ее захватывающая наглядность имеют, однако, и другую сторону. Каждый факт, каждое явление, взятое изолированно от своего общественно-экономического окружения, может быть использовано для об'яснения, прямо противоположного тому, которое является единственно научным, может быть использовано для создания у учащихся таких взглядов, таких воззрений, которые сведут на-нет воспитательное значение историко-революционной экскурсии и всего педагогического процесса в преподавании истории в целом.

Естественно поэтому, что вопрос о методологической грамотности экскурсионной методики приобретает первенствующее значение. Если данные методические положения не пронизаны единством марксистско-ленинского мировоззрения, вытекающим из экскурсионного материала и научно-популяризаторских задач экскурсии, если к об'яснению отдельных явлений и их совокупности методист подходит без единственно-возможного научного критерия—историко-материалистического,—то как бы удачно с методической, технической стороны экскурсия ни была проведена, она, в конечном счете, принесет не пользу, а вред.

С другой стороны, элементарное требование, которое должно быть пред'явлено к методисту и экскурсоводу, заключается в том, что не может быть методиста и экскурсовода «вообще», а должен быть методист и экскурсовод—специалист данной дисциплины, по которой он ведет экскурсию, по которой он дает методику экскурсии.

Таким образом два основных требования мы пред'являем к методике исторических и историко-революционных экскурсий: 1) методика исторических экскурсий должна быть основана на методологии истории, на историческом материализме, на марксистско-ленинском мировоззрении, 2) методика исторической экскурсии должна быть увязана с содержанием соответствующей исторической дисциплины.

Знакомство с наличной методической литературой по экскурсионному делу заставляет нас бить тревогу, так как на этом участке методической работы не все обстоит благополучно.

Для доказательства этого положения остановимся на анализе методических взглядов Н. В. Романовской, которые отражают характер и направление методической работы крупнейшего музейного центра— Музея Революции СССР.

С точки зрения декларативной у Н. В. Романовской обстоит более или менее благополучно. «Нужно не только чувствовать, но и знать революцию» [1]—пишет она.

«Данная экскурсия проводится с социологическим подходом. Берется не просто революционный факт, раскрываются и социально-экономические условия, которые его вызвали, обрисовывается политическая обстановка, которая его окружала» [2].

«В историко-революционной экскурсии важна не только передача формальных знаний, фактов по тому или другому периоду с их переживанием, но важны и самые обобщения, социологический подход в свете марксистского мировоззрения, расценивающий эти факты» [3].

Золотые слова, способные, на первый взгляд, успокоить. Постараемся, однако, проследить, какое содержание вкладывает автор в эти правильные положения, как у нее «социологический подход в свете марксистского мировоззрения» выглядит на деле.

В статье о «Сквозных музейных экскурсиях по Историческому музею» Н. В. Романовская дает следующее определение методологии истории: «Первая—школьная тема [4]—касается общих вопросов исторического знания, вопросов методологии истории, ставит своей задачей: 1) выявить основные элементы исторического процесса—эволюцию орудий производства и форм хозяйственного быта, 2) ознакомить учащихся с основными видами исторических источников» [5].

Из этого определения мы видим, что Н. В. Романовская умудрилась не заметить «основного элемента исторического процесса»—классовой борьбы. В лучшем случае эта «социология» Н. В. Романовской является экономическим материализмом, до которого еще гораздо раньше ее додумались легальные марксисты.

Если к этому добавить еще другое высказывание Н. Романовской, «что некоторые экскурсии удается построить так, что в их процессе выявляется самый характерный признак общественной жизни: это—принцип развития» [6]—то «социология» автора предстанет перед нами во всей своей красе.

Было бы, однако, преждевременным делать выводы и приклеивать Н. Романовской ярлык экономического материалиста или какой-либо другой.

---

[1] «Принципы построения местных музеев Революции» в сборнике «Музей Революции СССР», М., 1927 г. Изд. Музея, стр. 14.

[2] «Миусский район и подпольная типография в 1905 г.» в сборнике «1905 год в экскурсиях по Москве». Изд. «Долой Неграмотность». М. 1926 г., стр. 53. Разрядка автора.

[3] Цит. статья в сб. «Музей Революции СССР», стр. 35.

[4] «Как мы познаем наше прошлое».

[5] «Методы и практика экскурсионного дела». Сборник статей с предисловием Н. А. Гейнике, Библиотека «Вестника просвещения», М. «Новая Москва», 1925 г., стр. 12.

[6] «Что можно узнать в общественно-исторических экскурсиях». Спутник экскурсанта, изд. «Новая Москва», 1926 г., стр. 11. «Введение» Н. Романовской.

Дальнейший анализ ее методических высказываний покажет нам, что мы здесь имеем налицо не что иное, как сумбурный эклектизм, где «смешались в кучу кони, люди», где имеются отрывки любых взглядов, любых точек зрения. В этом сумбуре трудно найти вообще какую бы то ни было линию. Но отсутствие линии есть тоже своего рода линия.

«Что касается методологии вопроса,—читаем мы у Романовской в другом месте,—то в процессе экскурсионной работы, подбирая соответствующий материал, на нем можно провести классовую точку зрения, определяющую роль экономических факторов» [1].

Читатель, ошеломленный открытием, что точка зрения определяет роль экономических факторов, через 2 страницы получает следующее определение «правящих групп»: «Правящие группы, потребляющие готовые материальные ценности, создаваемые трудящимися, немногочисленные по составу и стоящие на плечах трудящихся масс» [2].

Эта «потребительская» точка зрения, очевидно, и означает, по мнению Н. Романовской, «социологический подход в свете марксистского мировоззрения».

После вышеприведенного никого уже не удивит и знак равенства между денежным хозяйством и промышленным капитализмом: «Рост денежного хозяйства и в связи с этим фабрично-заводской промышленности» [3]. Не удивит также никого и определение «диалектического процесса общественного развития», как «борьбы двух противоположных начал в общественном развитии» [4].

От общих положений Н. В. Романовской перейдем к конкретным и посмотрим, как ее «социологический подход» сказывается в об'яснении отдельных важнейших явлений нашего революционного прошлого.

Одной из важнейших причин революционности крестьянства в нашей первой революции было наличие крепостнических, полуфеодальных пережитков, цепко державших деревню в своих тисках. Основной целью было—ликвидация этих остатков. «В современной русской деревне,—писал Вл. Ильич в статье «Рабочая партия и крестьянство»,—совмещаются двоякого рода классовые противоположности: во-первых, между сельскими рабочими и сельскими предпринимателями, во-вторых, между всем крестьянством и всем помещичьим классом... Для современных русских социал-демократов именно вторая противоположность имеет наиболее существенное и наиболее практически важное значение» [5].

Своеобразие положения в дореволюционной деревне заключалось не в том, что на смену отработочной системе эксплоатации пришла система капиталистическая, а в том, что обе эти системы переплелись и двойным гнетом висели над крестьянством. «К этому помещичьему гнету, сохраненному благодаря великодушию создавших и осуществлявших реформу чиновников, прибавился еще гнет капитала» [6].

---

[1] «Методическая разработка экскурсии в музей Революции» Н. Романовской. Журн. «Пропагандист» № 8, 1928 г., стр. 77.

[2] Там же, стр. 79.

[3] «Схемы экскурсий по Рог.-Сим. району» в цит. сб. «Методы и практика экскурсионного дела», стр. 219.

[4] «Что можно узнать в общественно-исторических экскурсиях», стр. 12.

[5] Ленин, Собр. соч., изд. 1-е, т. IX, стр. 279—280.

[6] Там же, стр. 278.

Совершенно другую точку зрения представляет в этом вопросе Н. Романовская. В методической разработке экскурсии по 1905 году она пишет: «Причины революционных выступлений крестьянства—в развитии капитализма и переходе от барщинной, отработочной системы к капиталистической»[1]. Если это положение верно, то оно означает, что непосредственной задачей крестьянской революции было—ликвидация капиталистической, а не помещичьей собственности. Тогда логически понятно и то заключение, которое делает Н. Романовская в вопросе о классовых взаимоотношениях в революции 1905 года: «Критика Лениным оппортунистической тактики меньшевиков и движения буржуазной демократии с ее нерешительностью и половинчатостью. Противопоставление им революционной борьбы рабочего класса и руководящих им крестьянских масс»[2]. Крестьянские массы, руководящие рабочим классом,—вот до чего довел Романовскую ее «социологический подход в свете марксистского мировоззрения».

Полнейшее и совершеннейшее непонимание роли и значения классовой борьбы, ее движущих сил, ее сущности, вытекает из всех методических разработок Н. В. Романовской на историко-революционные темы. Уж казалось бы, что на такой теме, как «Гражданская война», где классовые отношения выступали ярко обнаженными, трудно этот момент проглядеть. Однако и здесь Н. Романовская умудрилась дать такую целеустановку экскурсии на тему о гражданской войне: «Каледин, Корнилов, Скоропадский, чехословацкие выступления, Колчаковщина, Деникинщина, Юденич, и, наконец, Врангель,—все это нарисует те скороспелые государственные образования, которые пытались тесным кольцом замкнуть государство рабочих и крестьян и в своих декларациях, аграрных, рабочих и законодательных, обнаружили свою классовую сущность»[3]. В декларациях или кое в чем другом обнаруживали белогвардейцы свою классовую сущность?

Не лучше обстоит дело и с фактической стороной революционных событий. В методических разработках не соблюдено элементарнейшее правило—дать правильное и полное фактическое представление об изучаемом явлении. В томе о 1905 годе выпал троцкизм[4]. Восстание на броненосце «Потемкин» дано в такой связи: «Восстание на броненосце «Потемкин», как проверка резолюции III С'езда о вооруженном восстании»[5].

Основной смысл резолюции III С'езда о вооруженном восстании заключается в восстании рабочих масс. «Принять самые энергичные меры к вооружению пролетариата,—говорится в резолюции III С'езда,—а также к выработке плана вооруженного восстания и непосредственного руководства таковым, создавая для этого, по мере надобности, особые группы из партийных работников»[6]. Проверкой резолюции III С'езда является, поэтому, не восстание на «Потемкине», а Московское вооруженное восстание, но последнее дано в разработке вне всякой связи с решениями III Сиезда[7]. Таким образом, экскурсантам правильного представления о сущности решений III С'езда по вопросу о вооруженном восстании не дается. Характерно, что

---

[1] «Пропагандист», № 8 1928 г., стр. 93.

[2] Там же, стр. 85. Разрядка моя.—*Л. М.* Возможно, что здесь опечатка, так невероятной кажется эта фраза. Но даже если это опечатка, она достаточно характерна.

[3] «Что можно узнать в общественно-исторических экскурсиях», стр. 37, Разрядка моя.—*Л. М.*

[4] «Пропагандист», № 8, 1928 г.

[5] Там же, стр. 89.

[6] РКП (б) в резолюциях ее с'ездов и конференций. Изд. 2-е. ГИЗ, 1924 г., стр. 24.

[7] «Пропагандист», № 8, 1928 г., стр. 94—95.

восстание в войсках оторвано как от восстания на «Потемкине», так и от Московского вооруженного восстания и включено в подтему «Крестьянское движение»[1].

Узнает экскурсант из методразработки Н. Романовской, что всеобщая стачка принудила самодержавие к капитуляции[2] (Манифест 17 октября — капитуляция самодержавия! Ср. с ленинской оценкой манифеста).

Не будем останавливаться на более мелких погрешностях: империалистическая война датируется 1914—1916 гг. вместо 1914—1918 гг.[3], Баку и Эривань об'явлены столицами автономных республик[4] и т. д. и т. п.

Проанализированные нами работы не отвечают ни одному из требований, выставленных нами в начале статьи. По такой методике нельзя обучать наше подрастающее поколение, по такой методике нельзя вести политико-просветительной работы.

---

[1] «Пропагандист», № 8, 1928 г., стр. 93.

[2] Там же, стр. 90.

[3] Музей Революции СССР. Историко-рев. музей. Подпольная типография. Путеводитель, составленный Н. Романовской. М. 1927 г., стр. 4.

[4] Цит. сборник «Музей Революции СССР», стр. 21.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ: Н. Рубинштейн, В. Кирпотин. ЖУРНАЛЬНЫЕ ОБЗОРЫ: А. Шестаков, А. Васютинский. РЕЦЕНЗИИ: Быковский, А. Ерусалимский, Ц. Фридлянд, С. Моносов, Завитиевич, Н. Лукин, Н. Рубинштейн, М. Нечкина, Б. Горев, А. Сидоров, С. Сеф, Г. Рейхберг, Мильштейн.

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ

ОТСТУПЛЕНИЕ В БОЕВОМ БЕСПОРЯДКЕ

В своем ответе М. Н. Покровскому («Историк-марксист», № 9) Е. Тарле обещал во втором издании книги «Европа в эпоху империализма» «уточнить и развить некоторые свои положения». Теперь 2-е издание работы Е. Тарле вышло в своет и в виду этого следует вновь поставить вопрос о «недоразумениях», которые возникли при появлении названной книги.

Сравнивая оба издания «Европы в эпоху империализма», мы убеждаемся в том, что автор внес во второй редакции ряд поправок и поправочек; в иных местах внес новое, в других—кое-что удалил. Эти изменения дают возможность сделать заключение о «виновниках» той литературной войны, которая разгорелась на страницах «Историка-марксиста». Немарксистские, неверные положения, развитые в работе Е. Тарле, вызвали критику «Европы в эпоху империализма»—или как это думает Е. Тарле—весь сыр-бор загорелся только потому, что мысли автора не были поняты или попросту книга была невнимательно прочитана.

Критика инкриминировала Е. Тарле ряд ошибочных утверждений в вопросах о рабочем движении перед войной, о внутренней политике Англии в эпоху создания Антанты, о начале мировой войны, роли Бельгии, о Брестском мире. Помимо этого критика пред'явила общее обвинение Е. Тарле, доказывая, что мировоззрение автора книги «Европа в эпоху империализма» гораздо ближе соприкасается с фаталистическим пониманием процесса, нежели с марксистским. Начнем по порядку.

«Уточнение» № 1

В первом издании Е. Тарле писал: «Четвертым характерным признаком периода 1871—1914 гг. является значительное ослабление сдерживающей и угрожающей силы социалистических партий в области внешней политики.

Можно (и должно) дать прежде всего более широкую формулу: рабочий класс, как таковой, стал за этот период, особенно за последние 15—20 лет этого периода, все в меньшей и в меньшей степени мешать приверженцам идеи «пробы сил» проводить их политику» (1-е изд., стр. 14).

Во втором издании цитируемый абзац заменен следующим: «Что касается рабочего класса, то он в описываемый период, конечно, расширял и углублял свое классовое самосознание, социал-демократия организовывала миллионные массы, рабочая пресса имела десятки читаемых органов,—но чем более усложнялись настроения в рабочей среде относительно вопросов международной (в частности, например, колониальной) политики,—тем менее становились или казались реальными в глазах правительств опасения, что рабочий класс всею своею массою ответит на мобилизацию революционным выступлением» (2-е изд., стр. 17).

Что же изменил Е. Тарле в цитируемых абзацах? Если не считать признания на ту тему, что германский пролетариат «конечно» углублял свое самосознание, то кроме некоторой приглаженности второй редакции мы никакой разницы не найдем. Правда, дальше Е. Тарле останавливается на развитии левого крыла социал-демократии и говорит о наличии кроме рабочей аристократии «рабочих пролетарских масс в точном смысле слова». Это несколько меняет картину. В первом издании рабочий класс отождествляется с ревизионистской социал-демократией. Во втором издании «более широкая формула» уступила место несколько более удовлетворительному изложению. Признать последнее полностью приемлемым нельзя. Е. Тарле строит свою схему не на основе развития двух направлений—революционного и реформистского — в рабочем движении; пролетарские массы «в точном смысле слова», Роза Люксембург и левое крыло германской соц.-демократии—все это включено как некая деталь, органически чуждая схеме. Отсюда—это странное добавление: «конечно, рабочий класс углублял свое самосознание».

Что же, во 2-м издании Е. Тарле только раз'ясняет «недоразумение»? Бесспорно—нет. Налицо известное отступление от неправильного, немарксистского толкования истории рабочего движения на Западе. Недостаточное, но отступление.

«Уточнение» № 2

В вводной главе 2-го издания Е. Тарле высказывает свое удивление по поводу толкования его мыслей о внутренней политике английского правительства. Однако, автор нашел все же нужным смягчить формулировку 1-го издания.

В 1-м издании он говорит в позитивной форме:

«Тогда, в 1911 году, опасность революционных волнений в рабочем классе была в Англии *уже* значительно меньше, чем в тот момент, когда либеральный кабинет получил власть» (1-е изд., стр. 51).

Во 2-м издании эта же мысль выражена в форме воопроса:

«Тогда, в 1911 году, опасность революционных волнений в рабочем классе *была ли* в Англии меньше, чем в тот момент, когда либеральный кабинет получил власть?» (2-е изд., стр. 55. Разрядка моя.—*Н. Р.*).

Поправка—как-будто стилистическая. Но ведь она пытается смягчить категоричность формулировки 1-го издания.

Что же это, первая формулировка была ошибкой или все дело в «недоразумении»?

«Уточнение» № 3

В вопросе о «виновниках войны» Е. Тарле остается на прежних позициях. Он продолжает отводить вопрос под тем предлогом, что проблема «виновников войны» не может нас интересовать. Редакция «Историка-марксиста» уже раз'яснила недопустимость смешения конкретно-исторических вопросов с проблемой *нравственной* ответственности за войну. Интересно отметить, что помимо знаменитых семи «да» и одного «нет» Е. Тарле счел нужным дополнить свое credo.

Во 2-м издании Е. Тарле, подтверждая свою прежнюю мысль о том, что участие сербского правительства в заговоре против Франца-Фердинанда не доказано, отказывается от *замалчивания* вопроса. Он упоминает, что «об этом участии говорилось». Словечко «говорилось» стоит в скобках, но ведь факт остается фактом. В первом издании автор даже и сообщить не хотел, что обви-

нение, инкриминируемое сербскому правительству, не с неба свалилось. А ведь об этом обвинении не только «говорилось», но и говорится в исторической литературе. Серия разоблачений действительной роли сербского правительства в Сараевском инциденте была открыта в 1923 г. Станоевичем. В 1925 г. Люба Иованович—министр просвещения в кабинете Пашича—подтвердил, что Пашич еще в конце мая или начале июня рассказывал своим коллегам по кабинету о готовящемся покушении на Франца-Фердинанда.

Наконец, в 1927 г. полковник Бозин Симич рассказал любопытные факты, относящиеся к деятельности сербского и русского генеральных штабов в 1914 г. По словам Симича, полк. Дмитрович, начальник осведомительного отделения сербского генштаба, и полк. Артамонов, русский военный атташе в Белграде, были в курсе приготовлений к покушению на Франца-Фердинанда. А через несколько дней после сараевского выстрела Артамонов в присутствии свидетелей подбодрял Дмитровича, говоря ему: «Allez—y en avant! Si l'on vous tombe dessus—vous ne serez pas tout seul».

Что эти разоблачения не прошли бесследно для историков, показывает, напр., позиция видного американского исследователя проф. Fay. Fay в своей последней работе «The origin of the World War» доказывает, что «сербское правительство, по меньшей мере за три недели до покушения было информировано о заговоре». «Нет никакого достаточного основания подвергать сомнению правильность разоблачений Любы Иовановича... Не кажется сомнительным, что действительный толчок к заговору исходил от Принципа в Белграде, а не от Хитша в Сараеве». Вывод, к которому приходит Fay, гласит: «Сербское правительство виновно в том, что на правовом языке называется пособничеством»[1].

Не будем спорить о том, позволяют ли наличные материалы категорически ответить на вопрос о роли сербского правительства в Сараевском инциденте. С какой бы стороны ни подойти к этой проблеме—ясно одно: литература вопроса не давала права Е. Тарле обойти молчанием трактуемую проблему. Во 2-м издании своей книги Е. Тарле согласился довести до сведения читателя, что о виновности сербского правительства «говорилось». Прогресс, достигнутый автором во 2-м издании,—небольшой. Но, позволительно спросить — критика книги Е. Тарле или «фигура умолчания» со стороны автора, что же являлось «недоразумением»?

Приведем одну новеллу 2-го издания.

«Следует,—пишет Е. Тарле,—для точности, снова напомнить, что раздражение в Германии поддерживалось и усиливалось непрерывно всею политикою Сазонова, принявшей окончательно с дела Лимана фон-Сандерса резко вызывающий характер» (стр. 268).

Надо сказать, что эти строки меняют расположение света и теней в том направлении, на котором настаивала критика. Правда, оговорка Е. Тарле далеко не устраняет антантофильских ароматов его работы. Даром, что Е. Тарле не об'ясняет «мировое землетрясение предосудительными качествами Вильгельма» или «интригами Пуанкаре», но, право, предосудительные качества б. германского императора акцентированы Е. Тарле куда более сильно, нежели интриги Пуанкаре. А ведь один из этих персонажей стоит другого.

---

[1] Цит. по ст. Harry Elmer Barnes: «Professor Fay über die Schuld am Kriege». Die Kriegsschuldfrage, № 11, November 1928, S. 1034—1036.

На стр. 292 читатель не без удовлетворения замечает, что Тарле 2-го издания признал одно из основных возражений, сделанных критикой. Мы говорим об оценке значения всеобщей русской мобилизации.

По поводу спора Каутского и Дельбрюка Тарле в 1-м издании своей работы писал:

«Каутский совершенно логично возражает по этому поводу (Дельбрюку. *Н. Р.*): «Значит, не русская мобилизация, а вера германского главного штаба в неизбежность войны сделала войну неизбежной...» и т. д. (стр. 280, 1-е изд.).

Во 2-м издании читаем: «Каутский возражает по этому поводу (и т. д., как в 1-м изд.).

«Совершенная логичность» возражений Каутского во 2-м издании благополучно испарилась, а взамен ее, правда, петитом, в примечании появилась знаменательная фраза: «Русская всеобщая мобилизация именно и должна была сделать войну окончательно неизбежной при той обстановке, которая сложилась», (стр. 292). Если устранить некоторую недосказанность формулировки («обстановка» в большой степени складывалась и в результате русской мобилизации), то мы получим то, что и требовалось доказать,—правильную оценку русской мобилизации.

Поистине не только «Европа в эпоху империализма» важна, но и примечания к ней.

В связи с многочисленными «уточнениями», которые произвел Е. Тарле во втором издании своей работы, по меньшей мере странным следует признать его рассуждение по поводу трактовки проблемы «виновников» — рассуждение, прямо направленное против критики «Историка-марксиста».

«Психологически весьма понятно,—пишет Е. Тарле,—что по чувству естественного протеста и возмущения, те, которые пережили эпопею неистовой и беззаветной лжи всех воевавших правительств, склонны решительно бороться против версии, которую выдвигало именно их правительство. Кто страдал от германской военной цензуры в 1914—1918 гг., тот склонен винить в войне одну Германию, кто жил во Франции или России или Англии, склонен винить одну Антанту и т. д. Словом, является часто односторонность и обвинительная страстность даже в тех, кто резко и решительно хочет отмежеваться от каких-либо национальных пристрастий» (2-е изд., стр. 260, ср. «Историк-марксист», № 9, стр. 106).

Непонятно, каким образом Е. Тарле решился вынести на свет эту, с позволения сказать, «теорию». Вряд ли она заслуживает критики по существу. Можно лишь заметить, что автор подобной психологической версии рискует пасть от собственного оружия. В самом деле, если Е. Тарле претендует на об'ективность своей работы, то он обязан доказать, что годы империалистической войны были им проведены в какой-либо нейтральной стране. Но ведь тогда придется доказывать абсолютную нейтральность «нейтральных» стран, что является делом, по меньшей мере, нелегким.

Не лучше ли было бы для Е. Тарле обратиться от психологии к истории и обратить внимание на тот простой факт, известный из политграмоты, что большевики, борющиеся против международного империализма, заинтересованы в разоблачении всех без исключения империалистов и не могут руководиться «национальными пристрастиями».

Что же касается «обвинительной страстности», то ее мотивы были уже раз'яснены Е. Тарле на страницах «Историка-марксиста».

Но оставим психологию и продолжим список уточнений.

«Уточнение» № 4

Вопрос о нарушении нейтралитета Бельгии трактуется Е. Тарле следующим образом:

В 1-м издании:

«Для Англии захват Бельгии Германией, мирный или военный, был таким страшным экономическим и политическим злом, с которым мириться она никак не желала» (стр. 287).

Во 2-м издании:

«В Англии, конечно, уже за несколько лет знали, что Германия нарушит нейтралитет Бельгии. Но теперь был сделан вид, что это—совершенная неожиданность, и сейчас же началась агитация. Предлог для войны был сразу найден. В Англии захват Бельгии Германией, мирный или военный, с давних пор считался таким страшным экономическим и политическим злом, с которым мириться она никак не желала»[1].

«Уточнение» 2-го издания выдвигает на первый план как-раз тот мотив, который акцентировала критика, — агитационное значение нарушения нейтралитета Бельгии.

В «Уточнении» № 5 Е. Тарле пытается выпрямить свою позицию в вопросе о Брестском мире. Как и в других главах, отступление с прежних позиций Е. Тарле прикрывает тем, что он говорит о новых об'яснениях, как о чем-то само собой разумеющимся. Читатель, знакомый только со 2-м изданием работы Тарле, может проглядеть истину, скрытую этой дымовой завесой, но ведь воспоминание о 1-м издании—это, как говорил один из беллетристов, «напротив всего остального, есть действительный горький факт».

«Конечно, лицемерные сожаления (правительств Антанты.—*Н. Р.*) о русских потерях и т. д. были... лишь благодарным агитационным материалом. Антанта решила во имя исключительно своих собственных интересов не дать Германии воспользоваться добычей»,—пишет во 2-м издании Е. Тарле об отношении Антанты к Брестскому миру

... «Конечно, Антанта и до Брест-Литовского мира и без Брест-Литовского мира была полна завоевательных стремлений и хотела разгромить Германию...» (стр. 380, 382).

Эти оговорки показывают, что Тарле до известной степени принял во внимание замечания М. Н. Покровского о недопустимости расценивать заключение Брестского мира, как фактор, укрепивший положение Антанты.

На этом можно прервать очную ставку 1-го и 2-го изданий «Европы в эпоху империализма» и подвести некоторые итоги. Поправки, сделанные Е. Тарле во 2-м издании его работы, лишний раз показывают, что лучшим средством защиты марксистских позиций продолжает оставаться решительное наступление.

Под напором марксистской критики Е. Тарле вынужден был отступить по всему фронту.

Отказ Е. Тарле от ошибочных положений 1-го издания—неполон и непоследователен. Тарле пытается оговоркой, изменением ударения, смягчением резкой формулировки добиться того, что может быть достигнуто прямым признанием

[1] Разрядка моя.—*Н. Р.*

ошибки, переходом к другой исторической схеме, отказом от основного греха—фаталистического понимания исторического процесса.

2-е издание «Европы» окончательно решает вопрос о «недоразумениях», «неточностях», «невнимательном чтении», «приписывании», на что ссылается Е. Тарле.

«Европа в эпоху империализма» была понята так, как она была написана. А Е. Тарле, надо полагать, хорошо знал, что и как он пишет.

«On ne va jamais si loin, quand on ne sait où l'on va» говорит французская пословица.

Или в вольном переводе:

«Кто далеко так собрался—
Тот в маршруте разобрался».

Н. Рубинштейн

Ю. М. СТЕКЛОВ.—Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ. ЕГО ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Издание 2-е, исправленное и дополненное, Госиздат, 1928, т. I, с. 618; т. II, с. 692.

Двухтомная работа Ю. М. Стеклова является самой обширной из всех работ, посвященных юбилею Чернышевского, хотя, собственно говоря, она не является новой работой: это «исправленное» и, главным образом, «дополненное» издание старого труда т. Стеклова.

К сожалению, дополнительный труд, вложенный в его старую работу, отразился на ней только в количественном отношении. Рамки работы выросли, в нее включен новый обширный материал, характеризующий и эпоху, и личную жизнь Н. Г. Чернышевского, но качественная сторона работы, основные решающие оценки, понимание не только системы взглядов великого русского утописта, но теоретической сути самого марксизма остались в ней неизменными. В исследовании т. Стеклова есть много и поучительного, и положительного. Основной положительной чертой работы является великое сочувствие к личности и деятельности Чернышевского (что было отмечено еще Плехановым по поводу 1-го издания рецензируемой книги), оценка его как революционера и идеолога революции, классово-политический подход ко всем перипетиям напряженной идейной борьбы, в центре которой стоял Чернышевский. В этом отношении весьма удачны, например, главы (во II томе), трактующие о взаимоотношениях Чернышевского и дворянско-буржуазных кругов русского общества, в том числе и о знаменитом разрыве Тургенева с Чернышевским, и о кампании в прессе против Чернышевского, накануне его ареста. Ряд фактов, установленных Стекловым, также весьма любопытен и важен. В их числе можно указать, например, на факт преемственности, существовавший между деятельность круга Петрашевского и Чернышевским (через Ханыкова), или на то обстоятельство, что поход против Чернышевского был не только открыт Герценом, но что и ряд основных аргументов Каткова и «Отечественных записок» против Чернышевского был заимствован из «Колокола».

К сожалению, положительные моменты работы тонут в неверной, искажающей и подлинную суть взглядов Чернышевского и его историческую оценку, общей установке т. Стеклова. Для т. Стеклова Чернышевский есть попрежнему, как и при первом издании его книги, марксист, теперь стал даже ленинистом. По сути дела, вывод, к которому приходит тов. Стеклов, состоит в том, что Чернышевский был не предшественником марксизма, а его—незаслуженно забытым—основоположником в России. «Основным положениям Фейербаха,—пишет т. Стеклов в

I томе,—он пытался дать такое же толкование и применение как Маркс. При этом выработка материалистической философии обоими мыслителями происходила почти в одно и то же время; но тогда, когда учение Маркса постепенно распространилось в массах и оказало сильнейшее влияние на развитие науки, мысли Чернышевского, не встречавшего вокруг себя сочувственного эха (это неверно; вся работа т. Стеклова является доказательством того, что мысли Чернышевского имели сочувственное и многократное эхо.—В. К.) и соответствующей исторической и социальной обстановки, не успевшего развить своей системы до конца и придать ей чеканную формулировку, которая поражает нас в авторе «Капитала», оставались погребенными в старых журнальных книжках и не оказали надлежащего влияния на его современников»[1]. Можно привести еще целый ряд аналогичных мест. На стр. 374 I тома Стеклов опять напоминает, что «Чернышевскому по роду его деятельности ни разу не пришлось написать более или менее цельного или связного трактата». «Но,—продолжает он через страницу,—всякий раз, когда ему приходилось конкретизировать условия прогресса, он указывал, что в основе его лежит экономическое развитие, рост производительных сил и, в частности, развитие капиталистического способа производства и обмена». Или еще формулировка, краткая и совершенно четкая: «от системы основателей современного научного социализма мировоззрение Чернышевского отличается лишь отсутствием систематизации и определенности некоторых терминов. Чернышевский вплотную подошел даже к пониманию решающего значения развития производительных сил как основного фактора исторического процесса»[2].

Чернышевский, по мнению т. Стеклова, не только предупредил деятельность первых русских марксистов, но во многом, пожалуй, в самых решающих пунктах, он предупредил и деятельность самого Ленина. Так мы читаем, что Чернышевский «набрасывает программу революции вроде той, какая была осуществлена нашим пролетариатом в октябрьские дни 1917 года»[3]. «Пожалуй, ни в одной области,—пишет т. Стеклов в другом месте,—Чернышевский не подошел так близко к современному коммунизму, как в области вопросов революционной тактики. В этом отношении его сочинения, и в особенности его политические обозрения, представляют компендиум тактических указаний, свод революционной стратегии и тактики. Целый ряд тактических приемов, которые так восхищают нас в Ленине, был сформулирован в общем и главном и Чернышевским, но, за отсутствием подходящего хора и благоприятной исторической обстановки, остался погребенным в его статьях и не получил практического применения»[4].

Точка зрения Ю. Стеклова выражена с невызывающей никаких сомнений ясностью. Для него Чернышевский—марксист и ленинист. Если он чем и отличается в чем-нибудь от Маркса и в вопросах тактики от Ленина, так это—меньшей известностью и меньшим влиянием, недостаточно систематизированным изложением своих взглядов, разбросанных по журнальным статьям, да, пожалуй, еще тем, что в чистое золото самостоятельно созданной им теории пролетариата вкраплены незначительные элементы идеализма и утопизма. У т. Стеклова и есть два таких параграфа (не главы, а параграфы в соответствующих главах)—«элементы идеализма в исторических воззрениях Чернышевского» и «элементы утопизма в воззрениях Чернышевского». Цель этих параграфов—показать, что «элементы» идеализма и утопизма в воззрениях Чернышевского настолько незначительны, что они уже ничего не могут изменить в основной, приведенной уже нами выше, характе-

[1] Том I, стр. 351.
[2] Там же, стр. 426.
[3] Там же, стр. 82.
[4] Там же, стр. 465.

ристике Чернышевского Стекловым. Ю. Стеклов настолько прочно убежден, что Чернышевский создал,—независимо от Маркса,—марксизм, что он счел необходимым изменить следующее место из 1-го издания своей книги. В 1-ом издании было сказано: «Единственный серьезный пробел в историко-философских воззрениях Чернышевского заключается в том, что он не указал определенно на решающее значение развития производительных сил как основного фактора исторического процесса», на что Плеханов резонно заметил: «Легко сказать: единственный пробел». Теперь Ю. Стеклов изменил это место в том смысле, что Чернышевский понимал и значение производительных сил—«на что (Стеклов.—В. К.) имел тем большее право,—мотивирует он это изменение,—что, снова пересмотрев сочинения Чернышевского, убедился в том, что он (Чернышевский.—*В. К.*) понимал значение развития производительных сил...» [1].

Правда, т. Стеклов знает, что его точка зрения не встречает ни сочувствия, ни признания в той именно среде, которая высоко чтит Чернышевского, для которой он—национальная гордость, в том смысле, в каком Ленин писал о национальной гордости великоросов. Потому у него, в его двух об'емистых томах, есть несколько оговорочек, вроде того, что «Чернышевский только близко подошел к марксизму», но которые производят воистину жалкое впечатление, ибо на изложении они никак не отразились, ибо вся цель их—служить пунктам отступления при самозащите, ибо они лишь словесные уступки марксистской критике.

Тов. Стеклову так хочется возвеличить Чернышевского (как-будто Чернышевский нуждается в искусственном возвеличении), что он, чтобы показать независимость ума Чернышевского, умаляет значение Фейербаха. По мнению т. Стеклова, Фейербах был отчасти не вполне последователен в своем материализме [1]. Мнение это не соответствует действительности, ибо выпады Фейербаха против материализма были направлены не против материализма вообще, а только против вульгарного материализма. Вообще у т. Стеклова (и в рецензируемой работе, и в его журнальных статьях) есть тенденция несколько умалить не только значение Фейербаха, как материалиста, но и размеры его влияния на Чернышевского. Все с той же целью показать независимость Чернышевского как мыслителя, показать, что он преодолел ограниченность точки зрения своего немецкого учителя. Но т. Стеклов тут же сам себя побивает. Ибо из его же изложения явствует, что он, с точки зрения фейербахианства, разработал ряд важнейших областей человеческого знания. Кроме эстетики, сам т. Стеклов указывает еще на политическую экономию как на науку, которую Чернышевский пытался реформировать с антропологической точки зрения, т. е., на основе учения Фейербаха. Замечание это соответствует действительности и чрезвычайно важно. Оно во многом могло бы помочь т. Стеклову в понимании политического уровня идей Чернышевского. Могло бы помочь, если бы он вдумался в это обстоятельство. К сожалению, он этого не сделал. Столь важное замечание, что политическая экономия Чернышевского была фейербаховской политической экономией, всплывает у него вскользь, в подстрочном примечании. Сделать из этого обстоятельства нужные выводы т. Стеклов не умеет.

Вообще говоря, концепция тов. Стеклова в его оценке Чернышевского опровергается без больших затруднений. Тов. Стеклов считает Чернышевского не только более последовательным материалистом, чем Фейербах, он считает его диалектическим материалистом. Иначе и не может быть, ибо иначе он бы не приходил к выводу, что Чернышевский—марксист. «Отвергая положительные заключения Гегеля, он (Чернышевский) признавал его диалектический метод, который

[1] См. примечание на стр. 426, т. I.
[2] См. т. I, стр. 226.

особенно пленял его своей разрушительной, революционной стороной»[1]. Такая оценка Чернышевского неверна. Тов. Стеклов сам дает материал для ее опровержения. Во II томе своей работы Стеклов цитирует следующее место из Чернышевского: «Чем ровнее и спокойнее ход улучшений, тем лучше; действие толчками и скачками менее экономно»[2]. Стеклов, видя, что выписанная им мысль Чернышевского не укладывается в его оценку Чернышевского, спешит добавить, что истинные взгляды нашего великого шестидесятника были не таковы, что это—случайное высказывание. На самом деле это вовсе не случайное высказывание. Оно характерно для Чернышевского. Чернышевский понимал развитие с его внешней стороны. Развития в противоречиях он не знал. Развитие он представлял как сложение или вычитание сил в механике, результат которого характеризуется словами: больше или меньше. Поэтому он искал путей для развития экономного, с меньшей растратой сил развития, совершающегося по законам механики. Гипотетический метод в политической экономии, правильно характеризуемый Стекловым как «метод арифметических выкладок»[3], не является у Чернышевского случайным. Он тесно связан с его представлением о развитии, с недостаточностью его диалектики. «Политико-экономические вопросы,—цитирует Стеклов Чернышевского,—решаются посредством гипотетического метода с материалистической достоверностью, лишь бы только были поставлены правильно, лишь бы только обращены были в уравнения верным образом. Решение получается, в словах увеличивается и уменьшается, т. е. польза и вред, выгода и убыток»[4]. Надо обладать большой долей наивности, чтобы полагать, что Чернышевский обращал в уравнения только политико-экономические проблемы, что на остальной его социологической концепции этот прием никак не отражался. И пустяки «только». Надо обладать уж очень большой теоретической беззаботностью, чтобы характеризовать воззрения Чернышевского теми выписками, которые мы приводим в начале рецензии, а затем характеризовать метод политико-экономических исследований Чернышевского как механический метод[5]. Ведь политическая экономия не только об'ективно является важнейшей отраслью обществознания, но и суб'ективно—Чернышевский чрезвычайно высоко оценивал значение указанной науки.

Так же легко опровергается утверждение Ю. Стеклова, что Чернышевский в области социологии, по сути дела, держался тех же взглядов, что и Маркс. Ведь и Стеклов знает, что в Чернышевском говорил просветитель: «здесь уверенность в могуществе разума и силе знания взяла в нем перевес над его материалистическими взглядами в социологии»[6]. Но для Стеклова это обстоятельство опять-таки досадная и нехарактерная случайность, о которой и говорить-то особенно не стоит. О просветительстве Чернышевского Стеклов и говорит в одной из второстепенных, промежуточных, глав своей работы. На деле же фейербахианец Чернышевский не мог не оказаться, в итоге своих исторических изысканий, идеалистом, несмотря на свой общефилософский материализм. С этой стороны позиция Плеханова, в вопросе о Чернышевском, является совершенно неуязвимой. Итоговым мнением Чернышевского следует считать, что разум двигает исторический процесс. Насколько неуместным является рассуждение т. Стеклова о производительных силах применительно к Чернышевскому, видно из того, что Чернышевский считал общество лишь суммой индивидов. «Всякая перемена народной жизни—

[1] Том I, стр. 261.
[2] Том II, стр. 145.
[3] Том I, стр. 521.
[4] Там же.
[5] Там же.
[6] Там же, стр. 161.

сумма перемен в жизни отдельных людей, составляющих нацию»—писал Чернышевский[1]. Отличие человека от животного Чернышевский видит в большем умственном развитии первого относительно второго. Значения орудия труда, как специфического отличия человека от животного, Чернышевский не знал[2]. Но как же можно говорить в таком случае о понимании им категории производительных сил?

Чернышевский, по взглядам Ю. Стеклова, несомненно не является утопистом. Но как же примирить с этим его мнением следующее обстоятельство. Ведь т. Стеклов совершенно правильно сам указывает, что Чернышевский главное свое внимание обращал «не столько на анализ существующего, сколько на исследование желательного ему общественного уклада»[3]. «...Чернышевский сосредоточил свое внимание на освещении экономических отношений, преимущественно с точки зрения должного и желательного...»[4]. Но ведь давно уже стало самой азбучной истиной положение, гласящее, что отличие научного социализма от утопического состоит в том, что последний относился к своему общественному идеалу, как к должному и желательному, не зная реальных сил, собственное развитие которых создает об'ективную почву для его осуществления, в то время как первый именно точку зрения желательности и отставил в сторону, все свое внимание обратив на исследование диалектики об'ективных процессов, подготовляющих социализм. Нельзя же с этим не считаться только потому, что оценка социализма Чернышевского, как социализма желательности, помещена в главе о политико-экономических воззрениях Чернышевского, в то время, когда вопрос о его марксизме трактуется в главе о философии истории Чернышевского. Как назвать метод исследования, по которому содержание одной главы никак не может попасть в контакт с содержанием другой? Во всяком случае, это не марксизм.

Цитаты, на которые хочет опереться т. Стеклов, сплошь и рядом ничего не говорят в его пользу или прямо бьют по его точке зрения. Мы только что рассказали, что т. Стеклов критиковал Чернышевского за то, что его общественный идеал есть идеал желательный, не опирающийся на законы реальной действительности. Но несколькими десятками страниц раньше Стеклов в той же книге писал: «В таком же материалистическом смысле Чернышевский решает вопрос об отношении между идеалами и действительностью. Он понимает, что необходимость есть залог свободы. «Сам по себе,—говорит Чернышевский,—человек очень слаб; всю свою силу заимствует он только от знания действительной жизни и умения пользоваться силами неразумной природы и враждебными, независимыми от человека, качествами человеческой натуры». «Действуя сообразно с законами природы и души,—цитирует т. Стеклов в доказательство своей мысли,—и при помощи их, человек может постепенно видоизменить те явления действительности, которые не сообразны с его стремлениями, и, таким образом, постепенно достигать очень значительных успехов в деле улучшения своей жизни и исполнения своих желаний»[5].

Единственная оговорка, которую находит нужным сделать т. Стеклов к цитате, состоит в том, что нас не должны смущать слова о врожденных качествах человеческой натуры. Но того не замечает т. Стеклов, что приведенная им цитата годится для обоснования материализма в области изучения природы и психологии или медицины, и не годится для обоснования материализма в истории. Ибо

[1] Чернышевский, т. X, ч. 2, стр. 170.
[2] Там же, стр. 182.
[3] Том I, стр. 496.
[4] Там же, стр. 514.
[5] Там, же стр. 364.

т. Стеклов упустил из виду один «пустячок». Материализм в истории состоит в том, что общественные стремления человека должны опираться не на законы природы и не на законы натуры человека, а на имманентные законы самого общества. Цитата эта свидетельствует об общефилософском материализме Чернышевского. Но она ничего не говорит о материалистическом понимании истории. Мало того, именно из нее вытекает неизбежность идеалистических суждений в области истории. Ю. М. Стеклов настолько увлекся Чернышевским, что он совсем забыл про марксизм. Иначе не об'яснить того, что он не в цитате, а в своем тексте, поясняющем цитату и тоже приведенном нами, также считает, что исторический материализм равен уменью пользоваться законами природы и человеческой натуры!

Вряд ли нужно слишком много доказательств для того, чтобы опровергнуть мнение Стеклова о том, что у Чернышевского рабочий класс является главным деятелем революции»[1], что «социалистическое переустройство общества будет достигнуто только путем самостоятельного исторического действия рабочего класса»[2]. Мнение это основывается на игнорировании той роли, которая принадлежала, по Чернышевскому, крестьянству. Это верно, что Чернышевский не мыслил себе победоносной революции без движения масс. Но массы Чернышевского составлялись из простолюдинов, из рабочих и крестьян, с одинаковым значением, с одинаковой ролью входящих в состав этих масс. У Чернышевского нет марксовского и ленинского понимания роли пролетариата в революции.

Классовую борьбу Чернышевский знал и признавал. Но, в противоположность мнению Стеклова, он признавал ее, считая ее уроном для общества, растратой сил его, ибо на основе гипотетического метода (метода арифметических выкладок) следовало, что встреча двух взаимно противопоставленных сил ведет к убытку для общественной экономии, потому самому, почему добавление отрицательной величины равно по своим результатам вычитанию положительной, по тому самому, почему в параллелограмме сил сложение двух взаимно-противоположных сил дает величину меньшую, чем сложение двух одинаково направленных сил. Правда, Чернышевский стал на путь пропаганды революции, ибо наиболее выгодный путь преобразования без скачков, без толчков оказался закрытым. Но все же изложенный нами взгляд разнится от марксистского понимания классовой борьбы, а тов. Стеклов сего не уловил в своем исследовании.

Ю. Стеклов идеализирует не только теоретические воззрения Чернышевского, но и его тактику,—как будто огромная фигура Чернышевского что-либо проигрывает при свете истины? По мнению Стеклова, Чернышевский с самого начала обсуждения крестьянской реформы был за революционный метод борьбы с правительством, что тактика Чернышевского в 1857 году уже вполне совпадала с его тактикой периода 1860—1862 гг. «Вообще сомнительно,—пишет т. Стеклов,— чтобы Чернышевский, при его известных нам взглядах, хоть на одну минуту всерьез поверил в готовность и способность помещичьего правительства провести реформу в интересах трудящихся масс. Хвалебные места (по адресу Александра II) его первой статьи мы готовы скорей рассматривать как известный прием для усыпления цензуры, чтобы затем, под покровом его, проводить свои взгляды»[3], притом, как это следует из изложения Стеклова, уже совершенно непримиримо-революционного порядка. Доказывает свое мнение Стеклов письмом «Русского человека» (возможно, и в самом деле принадлежащим перу Чернышевского) и «Прологом». Но доказательство это неубедительно. Письмо «Русского человека» было

[1] Том I, стр. 477.
[2] Там же, стр. 596.
[3] Том II, стр. 76.

напечатано в «Колоколе» 1 марта 1860 года, а «Пролог» написан в Сибири[1]. Письмо «Русского человека» могло быть продиктовано разочарованием в результате горького опыта с 1857 по 1859 гг. и потому не может служить основанием для суждения о позиции Чернышевского, скажем, в 1857 году. «Пролог» содержит в себе итог всего политического опыта Чернышевского на протяжении всей его политической деятельности, и потому тоже ничего не свидетельствует об эволюции тактики Чернышевского. На самом же деле, насколько это можно судить по совокупности всех выступлений Чернышевского, он на время поверил, что из рук Александра II может выйти не очень, может быть, совершенное, но все же приемлемое решение крестьянского (в первую голову) вопроса. Правда, Чернышевский не впал в телячий восторг дюжинных либералов или, скажем, Герцена от первых рескриптов Александра II. Скептических ноток в своих оценках он не мог заглушить. Но все же он на известную долю поверил Александру II и соответствующим образом писал, и не только из агитационных целей. Одно из доказательств нашей оценки тактики Чернышевского можно найти у самого Стеклова. Доказательство это, как и все, не укладывающееся в концепцию Стеклова, загнано им в примечание. Примечание это гласит: «В этой статье («Суеверие и правила логики») Чернышевский, говоря о крепостном праве как об «одном из основных источников нашей отсталости во всех отношениях», замечает: «Неуместно было бы здесь распространяться об этом предмете,—о нем довольно наговорено в последнее время бесчисленными писателями, которые вдруг обнаружили благороднейшее негодование против бедствия, имевшего привилегию столь долго не вызывать никаких порицаний. Мы сами грешили этими внезапными вспышками благородства, в те дни, когда нам было ново значение правды и добра, и теперь не можем, не краснея, вспоминать о тогдашних наших подвигах»[2].

В подчеркнутых словах содержится намек на то, что кое-какие иллюзии Чернышевский по адресу правительства Александра II питал. Обстоятельство это ничего в Чернышевском не умаляет, ибо он первый раскусил смысл реформ Александра II и дал им такую характеристику, которую впоследствии без поправок повторил Ленин, и сделал из своего нового понимания непосредственно революционные выводы. Но обстоятельство это свидетельствует о том, что в историческом исследовании не надо впадать в излишний восторг, даже перед любимым предметом. Ибо иначе страдает истина, а, как известно, Платон нам друг, но истина нам еще дороже.

Вообще, т. Стеклов слишком тороплив в своих выводах и не признает должной осторожности в своих суждениях. Так, по его мнению, роль революционной интеллигенции обрисована одинаковым образом в «Что делать» Чернышевского и в «Что делать» Ленина[3]. Вывод несомненно очень поспешный, и в конце-концов обоснованный только одинаковостью названий обоих произведений. Так т. Стеклов на основании только рассуждений, не подкрепленных документами и фактами, делает вывод о солидарности тактики Чернышевского с прокламацией «Молодой России», хотя не может скрыть, что Чернышевский был прокламацией «Молодой России» недоволен, о чем и соответствующий документ сохранился[4].

[1] Том II, стр. 51, 77, 84.

[2] Там же, с. 101; статья Чернышевского относится к концу 1859 года.

[3] Там же с. 119.

[4] Это мнение Стеклова опять-таки может служить примером тех исправлений, которые сделал он во втором издании своей работы. В 1-м издании т. Стеклов писал, что к группе «Молодой России» «Чернышевский относился прямо отрицательно» (с. 387).

Конечно, общетеоретическое, общеидейное влияние Чернышевского и на кружок «Молодой России» несомненно, но кому неизвестно, что люди, придерживающиеся одних и тех же теоретических взглядов, могут расходиться, и иногда не только в нюансах, а в своей политической тактике. Как это часто бывает с т. Стекловым, желание является у него отцом мысли; в результате страдают и историческая правда и теоретическая истина.

В книгах т. Стеклова есть указания на то, что Чернышевский был идеологом крестьянской революции, но в то же время в них можно вычитать, что Чернышевский был идеологом промышленного пролетариата. Такая «полнота» есть двусмысленность и не служит украшением работы. Ибо Чернышевский был провозвестником, теоретиком и потенциальным вождем русской буржуазно-крестьянской революции. Правда, Чернышевский ориентировался на союз с прогрессивными элементами, идущими из города, на передовую науку, на крупное производство, но это не может изменить того факта, что если Чернышевский и встал бы во главе победоносной революции в шестидесятые годы, то он оказался бы вождем не революции типа Октябрьской, как это хочется т. Стеклову, а вождем великой революции, ниспровергающей крепостничество и дающей простор для развития капиталистического строя. Так гласит нелицеприятный марксистский анализ взглядов Чернышевского, таково и мнение Ленина.

Кстати, т. Стеклов любит полемизировать с Плехановым (работа которого о Чернышевском при правильной в основном оценке исследуемого автора имеет и свои—сравнительно второстепенного характера—недостатки), но он не хочет ясным образом сказать, что и Ленин считал Чернышевского утопическим социалистом.

Наша статья и так уж чрезвычайно растянулась, хотя большое количество вопросов, затронутых т. Стекловым в его работе, остались неразобранными. Но в заключение мы хотели бы сделать еще одно замечание. Изучение Чернышевского имеет не только историческое значение. Чтение Чернышевского, также как и других корифеев русской домарксистской публицистики, имеет огромное воспитательное значение. Но для реализации могущей при этом получиться пользы необходимо правильное марксистское руководство, правильная марксистская историческая и теоретическая оценка читаемых авторов. Иначе, согласно методу арифметических выкладок Чернышевского, может, вместо пользы, получиться вред: исказится историческая истина и, ненароком, читателю привьется весьма вульгаризованное представление о марксизме.

Ссылка на метод арифметических выкладок в данном случае весьма уместна. Ибо случай-то все же элементарный. Тов. Стеклов вложил в свою обширную работу много труда, но и не меньше беззаботности по части вдумчивого отношения к марксизму.

Два тома работы Ю. М. Стеклова разбиты на 8 частей. Из них примерно 5 посвящено, главным образом, биографии Чернышевского, одна—мировоззрению Чернышевского и две—историческому значению деятельности Чернышевского и его эпохи. Во всех частях работы поднят большой, часто свежий, материал. Наименее спорна биографическая часть работы т. Стеклова, весьма и весьма много спорного в исторических частях работы, вовсе неверна основная оценка, даваемая Стекловым системе теоретических взглядов Чернышевского.

В. Кирпотин

ЖУРНАЛЬНЫЕ ОБЗОРЫ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЖУРНАЛЫ В СССР НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ ЗА 4-й ТРИМЕСТР 1928 ГОДА

Пролетарская революция №№ 9 (80), 10 (81) и 11—12 (82—83).

Каторга и ссылка (Ист.-рев. вестник) №№ 8—9 (45—46), 10 (47), 11 (48) и 12 (49).

Красный архив тт. 29 и 30.

Красная летопись № 3 (27).

Пролетарская революция № 9 (80), № 10 (81) и 11—12 (82—83). В трех указанных книжках «П. Р.» наибольшее внимание привлекают статьи: К. Шмидт, «Рурское восстание и вопрос о национальной войне в Германии в 1923 г.» и Я. Резвушкина «Ленин о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую». В первой из них в № 9 (80) К. Шмидт анализирует события в Руре в 1923 г. Автор находит, что «действительность» в 1923 г. указывала на возможность развернуть это восстание в национальную войну в Германии. Ссылаясь на ленинскую постановку национального вопроса в эпоху империализма, К. Шмидт полагает, что руководство КПГ того периода сделало большую ошибку, не только не дав нужных директив массам, но и противодействуя развертыванию движения, что об'яснялось общей неправильной позицией этого руководства в КПГ.

Я. Резвушкин затрагивает другую важную проблему—о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую. В № 10 (81) и 11—12 «П. Р.», автор дает общую установку ленинских взглядов по данному вопросу вообще и в частности до революции 1905 г. Затем автор находит, что у Ленина было два плана перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую: план перерастания, относящийся к эпохе 1905 г., и план перерастания 1917 г. Разница этих двух планов сводится к тем новым моментам капиталистического развития России после 1905 г. (эпоха включения России в систему финансового капитализма), которые и вызывали вопрос о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую совсем в другом темпе, чем это было в 1905 г. Чего-либо яркого в работе Я. Резвушкина мы не найдем—это скорее хорошо подобранные и комментированные цитаты из Ленина.

Из других статей в рецензируемых номерах «П. Р.» отметим работу П. Горина, «Историческое обоснование Октябрьской революции в работах М. Н. Покровского» в № 10 (81), ст. М. Кордонской, «Сибирское крестьянство в дни Октябрьской революции» в том же № и О. Чаадаевой, «Добровольческое движение в 1917 г.» в № 9 (80). Все эти статьи весьма содержательны и представляют несомненную ценность для исторической науки в трактуемых областях. В № 11—12 «П. Р.» Г. Вакс дал интересный очерк идейно-политического развития центризма (каутскианства) в Германии в годы войны. Очерк написан гл. обр. по материалам германской с.-д. прессы.

Полезна работа Н. Ангарского, «О партийных организациях накануне II с'езда РСДРП» в № 10 (81), являющаяся кратким изложением делегатских докладов о работе на местах ко II с'езду.

Интересный вопрос поднят В. Рахметовым, «О меньшевистских тенденциях в группе «Освобождение труда», но его статья несколько недоработана и построена, главным образом, на высказываниях П. Аксельрода. Гораздо интереснее было бы проследить эту проблему на работах Г. В. Плеханова и остальных членов группы. Будем надеяться, что т. Рахметов к этой теме еще вернется и даст более солидное исследование.

Из раздела «Воспоминаний» ценные статьи Г. Мельничанского, «Из воспоминаний об Октябрьских днях в Москве» в № 10 (81), А. Голубкова, «Из эпохи реакции» в № 9 (80), В. Бонч-Бруевича и М. Савельева об И. И. Степанове-Скворцове в № 82—83 и там же воспоминания П. Дауге и Пик, статьи И. Ряховского и С. Сыромолотова о Н. Н. Батурине в связи с годовщиной его смерти.

Большую ценность представляют материалы в № 9 (80) «Из переписки местных организаций с заграничным Большевистским центром» с предисловием и примечанием К. Остроуховой и извлечение из протоколов заседаний Московского областного бюро РСДРП(б) в 1917 г. с предисловием и примечанием А. Казовской, документы и материалы, относящиеся к периоду ссылки Ленина (№ 82—83) и там же переписка Г. Плеханова, И. Аксельрода и В. Засулич с Л. Иогихесом в 1891—92 гг.

Критика и библиография в рецензируемых номерах достаточно полна и содержательна.

Каторга и ссылка.— Историко-революционный вестник. № 8—9 (45—46), 10 (47), 11 (48) и 12 (49).

В четырех книжках «К. и С.» наибольшее внимание историка революционного движения должны привлечь статьи, посвященные II с'езду РСДРП, Н. Г. Чернышевскому и таким мало изученным организациям, как «Вертепники» и «Тайное общество заговорщиков». Несколько особняком стоит ст. Н. Чужака — «Большевистская работа в армии» в № 12 (49) «К. и С.». Она построена по типу серьезного исторического исследования и с этой стороны выделяется из всего материала рецензируемых четырех книжек журнала. Н. Чужак поставил себе задачу вскрыть «меньшевистское и большевистское начало» в вопросе о социал-демократической работе в войсках.

Выдвинутая Н. Чужаком проблема чрезвычайно актуальна и заслуживает самого серьезного внимания. Комиссии по истории революционных войн и вооруженных восстаний при о-ве историков-марксистов этому вопросу надлежит уделить сугубое внимание. Опыт большевиков—и не только практический, а и теоретический—по работе в войсках может иметь весьма важное значение для братских организаций за рубежом СССР.

О II с'езде РСДРП очень живой очерк дает И. Н. Мошинский (в № 8—9 «К. и С.»). Правда, у него больше «воспоминаний», чем документации, больше «чувства», чем анализа, но все же он весьма близок к взглядам М. Савельева, который в «Пролетарской революции» (№ 6—7) указывал на исключительную роль группы «Южный рабочий» в деле оформления позиции меньшевиков на с'езде. И. Н. Мошинский рядом справок по этому поводу вполне подтверждает основные выводы М. Савельева. В очерке И. Н. Мошинского читатель найдет несколько ярких штрихов и о В. И. Ленине и его роли на с'езде.

Другие статьи этого раздела носят справочный и мемуарный характер. Нового в них немного, и наиболее ценна справка И. Ткачукова—«Охранка и II с'езд партии» в том же № 8—9 «К. и С.».

О Н. Г. Чернышевском новый материал дают Н. А. Алексеев, опубликовавший письма Чернышевского к Солдатенкову (в № 10 «К. и С.») и П. Корелин, давший любопытный очерк «Сатирическая журналистика» о Н. Г. Чернышевском» (№ 11 «К. и С.»).

В «Исторической записке о тайном обществе «заговорщиков» (№ 12 «К. и С.»), подписанной Фокиным, Синицким, Бекарюковым с присоединившимися к ним в части характеристики работы о-ва в «Киевский период»—Склярович, Родзевич и Злинченко, приводится любопытнейший материал о деятельности «заговорщиков», начиная с 1884 г. по 1893 г. в Киеве и с 1894 г. до второй половины 1903 г. в Москве, когда это о-во было распущено. О «заговорщиках» у нас в историко-революционной литературе до сих пор ничего, кроме легенд, известно не было. Между тем, «заговорщики» несомненно представляли собой разновидность неразвившейся политической партии, об'единявшей, главным образом, интеллигенцию. К сожалению, в «Исторической записке» очень слабо очерчена идеология «заговорщиков», и поэтому о ней пока трудно сказать что-либо определенное. Более подробно в записке освещена организационная структура о-ва, представлявшего из себя законспирированную централистскую организацию, напоминающую тот тип революционных организаций, который был выдвинут В. И. Лениным в его «Что делать».

О «вертепниках», работавших в 50-х годах XIX в., интересна статья М. Клевенского в № 10 «К. и С.». На основании документальных данных автор проводит

между петрашевцами и «вертепниками» параллель и приходит к выводу, что между этими группами, работавшими отдельно друг от друга и разделенными рядом лет было много общего. «Основное ядро «вертепников» было проникнуто социалистическими взглядами», говорит М. Клевенский, и этот кружок как бы восполняет тот пустой промежуток в развитии русской социалистической мысли, который получался между петрашевцами и Чернышевским и его сторонниками.

«Вертепники» воспитывались на французских социалистических утопистах, Гегеле и левых гегельянцах. Большое влияние на них несомненно имел Герцен. «В кружке «вертепников», говорит Клевенский, можно видеть в недиференцированном виде зачатки тех двух направлений, которые позже так резко обособились, как направления «Современника» и «Русского слова». Элементы народничества и писаревщины уживались в кружке еще вместе».

Из остального материала в рецензируемых книжках «Каторги и ссылки» следует отметить группу статей и материалов (в № 8—9), посвященных делу И. М. Ковальского в Одессе, 50-летие которого отмечалось в 1928 г., ст. И. И. Ракитниковой (в № 10) по малоисследованному вопросу истории крестьянства—«Революционная работа в крестьянстве в Саратовской губ. в 1900—02 г.г.», ст. Валка о Г. Г. Романенко в связи с историей «Народной Воли» и письма Кравчинского (в № 11). В № 12 «К. и С.» Бухбиндером опубликованы неизданные материалы из жизни Л. Тихомирова и ст. П. Д. о рукописи: «По поводу собрания русской народной партии 6 дек. 1876 г.», которую автор считает принадлежащей перу Г. В. Плеханова.

Красный архив тт. 29 и 30. В двух последних томах «К. А.» на первом месте по своей исторической ценности стоят продолжающиеся публикации материалов под заголовком «Ставка и министерство иностранных дел» в период империалистической войны. В 30-м томе публикации доведены до 1 июня 1917 г.

Затем следует отметить весьма ценную публикацию в т. 30 документов по истории национальной политики Временного правительства с предисловием П. Галузо, который считает, что национальная политика русской буржуазии в основном сводилась к следующему: «никаких отделений, подавление национальной революции, где это только возможно, приспособление системы царского господства в колониях к интересам империализма». Документы касаются Украины, Финляндии и Хивы. По двум первым даются протоколы Юридического совещания при Временном правительстве и по третьей—отношение Туркестанского комитета Временного правительства. Приведенные документы вполне подтверждают мысль П. Галузо.

Следующая группа материалов, имеющих актуальное значение, это документы, касающиеся Н. Г. Чернышевского: в т. 29 даны автографы Чернышевского и материалы III отделения о нем, представляющие большое значение для характеристики лиц, близких Н. Г., и всей той обстановки, которая окружала его в начале 60-х годов перед арестом.

По эпохе гражданской войны в рецензируемых томах продолжается публикация документов о Крыме в 1918—19 гг. и вновь начата публикация документов из эпохи Временного правительства автономной Сибири (т. 29). В обоих томах имеется также много материала по народническому и народовольческому революционному движению: о Л. Тихомирове, Я. Стефановиче, Д. И. Писареве, Г. Гольденберге, о процессе 193-х и др.

Для характеристики режима Николая II ценны переписка П. А. Столыпина с царем, переписка С. Ю. Витте с К. П. Победоносцевым и др.

Несколько особняком стоит материал—статья в т. 29 об Ю. Мархлевском, данная в виде особого очерка А. Ф. Арским и Б. Г. Мархлевской. «Красный архив», помещая такой очерк, как бы отходит от своих традиций—публикации только материалов. Между прочим, это следует сказать также и по поводу хорошо написанного предисловия—очерка Р. Кантора к «Исповеди» Г. Гольденберга в т. 30.

Ряд дополнений к имеющейся уже литературе о южно-русском рабочем союзе дают материалы об этой организации, опубликованные в т. 30 «К. А.».

Красная летопись № 3 (27). Материал «К. Л.» разбит на следующие разделы: в 1917 в Петрограде, 1919 г., из истории ленинградской организации ВКП(б), в годы реакции, из истории революционного движения на ленинградских заводах и то же в Ленинградской области. Таким образом, установка журнала на изучение более близких к нашему времени революционных явлений в Ленинграде и области.

В первом разделе помещены две статьи, очень близко между собою связанные: Ю. М. Гессена «Красная Гвардия и петроградские промышленники

в 1917 г.» и В. Малаховского, «Переход от Красной гвардии к Красной армии». Обе статьи весьма обстоятельно, с широким использованием документации, трактуют об огромном значении в революционном процессе роли вооружения и организации военных сил пролетариата в 1917 г. и позднее.

Очень близка по теме к этим статьям и работа П. Корнатовского, «Первое наступление белогвардейцев на Петроград», являющаяся окончанием его статьи, начатой в № 2 (26) «К. Л.». Эту работу как бы дополняет небольшая справочного характера статья В. Сахарова, «Весной 1919 г. на станции «Остров». Следует указать, что в работах по истории наступления белых на Ленинград очень слабо отмечается вопрос о той угрозе Ленинграду со стороны Финляндии, которая предотвращалась национальной политикой советской власти. На это обстоятельство ленинградским историкам следовало бы обратить бо́льшее внимание, чем это делалось до сих пор.

По истории ленинградской организации К. И. Шелавин дает второй очерк, касающийся деятельности П. К. в 1918 г.

Большой интерес вызывают такие очерки как М. Вилисова—отчет заводского комитета о положении дел на Путиловском заводе в дни Юденича—осенью 1919 г.

Такого рода начинания мы уже не раз приветствовали в нашем журнале и еще раз считаем необходимым подчеркнуть, что эта сторона работы ленинградского Истпарта и его журнала должна быть развернута с наибольшей полнотой. Между прочим, очень интересна небольшая справка И. Миловановой, «К истории одной ленинской листовки». Эта листовка-прокламация была написана В. И. Лениным по поводу стачки на фабрике Торнтон в ноябре 1895 года. В статье рассказывается о событиях на фабрике и о тех обстоятельствах, при которых была написана В. И. Лениным указанная прокламация.

В разделе: «Из истории революционных движений в Ленинградской области» помещены воспоминания о работе партийных организаций в Ямбургском уезде и в Петроградском губернском совете в 1917—18 годах А. Кузьмина, причем здесь особенно любопытна история взаимоотношений большевиков и левых эсеров. В другой статье этого же раздела справочного характера из истории Гатчинской организации большевиков имеется несколько интересных моментов, связанных с революционным движением 1917—19 гг.

Библиографический отдел «Красной летописи» ведется в разрезе критического обозрения литературы по истории революционного движения, касающейся, главным образом, Ленинграда и его области, но это не всегда до конца выдержано.

А. Шестаков.

ОБЗОР НЕМЕЦКИХ ИСТОРИЧЕСКИХ ЖУРНАЛОВ

(Archiv für die Geschichte des Sozialismus und der Arbeiterbewegung, hrsg. von C. Grünberg. Jahrgang XIII; Zeitschrift für die gesammte Staatswissenschaft, hrsg. von G. Brodnitz, BB. 85.—HH. 1, 2, 3; Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik, begründet von Werner Sombart, Max Weber u.a. BB. 58, 59, 60; Historische Zeitschrift hrsg. von Friedrich Meineke und Albert Brackmann, BB. 136, 137, 139—HH. 1, 2).

Стоит повнимательнее вчитаться в пестрое содержание толстых томов немецких исторических и обществоведческих журналов, чтобы перед читателем сквозь страницы, посвященные вопросам истории, исторической методологии, политической экономии, социологии, ярко вырисовалась картина современной острой классовой борьбы, острого напряжения международной политической кон'юнктуры.

Уже не новый спор о том, кто является виновником империалистической войны, по мере издания все новых и новых дипломатических документов немцами (Grosse Politik, etc,), французами, англичанами, американцами (Институтом Карнеджи) превращается в настоящую длительную тяжбу между историками старой Антанты и поверженной Германии, тяжбу, которая то вспыхивает, то угасает, чтобы снова взметнуться вверх с появлением очередного памфлетообразного исторического труда. Таким является многотомный труд Германа Онкена «Рейнская политика императора Наполеона III от 1865 до 1870 и происхождение войны 1870—71 г.» (Prof. Hermann Oncken, Die Rheinpolitik Kaiser Napoleons III von 1865 bis 1870 und der Ursprung des Krieges von 1870—71. 3 Bände. Рецензия H. Holborn, «Historische Zeitschrift», B. 139, H. 2). Онкен возлагает все бремя ответственности за франко-прусскую войну на личность Наполеона III, для характеристики которого не жалеет самых черных красок, соответственно обеляется идол германской

буржуазии Бисмарк, в той же мере ненавистный для ученых историков буржуазной Франции (Э. Буржуа и др.).

Стабилизирующийся капитализм находит для себя почтительных историков и аналитиков. В третьем томе своего «Современного капитализма» Вернер Зомбарт дает анализ той эпохи его, которую называет «Hochkapitalismus». Критический анализ этого периода в первом полутоме кончается славословием капиталистической рационализации во втором.

Столь же характерно для современной буржуазной историографии, считающей капитализм вечной исторической категорией, «открытие» его в периоде самого раннего средневековья, следом за Допшем, в громадном трехтомном труде маститого Луйо Брентано «История хозяйственного развития Англии» (Prof. Lujo Brentano, Geschichte der wirtschaftlichen Entwicklung Englands. B. I. Von den Anfängen bis gegen Ende des 15 Jahrhunderts; B. II, Die Zeit des Merkantilismus).

Нет недостатка и в молодых созидателях новых теорий империализма, ничтоже сумняшеся, всерьез считающих себя «истинными продолжателями» К. Маркса, а на деле являющих пеструю смесь ревизионизма и анархо-синдикализма. (Fritz Sternberg, Der Imperialismus.—См. критику Г. Гроссмана в альманахе К. Грюнберга, XIII).

Естественна прямо чудовищная продукция в области полит- или как немцы предпочитают называть ее—националэкономии, где представлены все оттенки от ультраортодоксальных политэкономов (Мизес) до новоявленных ревизионистов.

Политэкономам не уступают социологи. Германская социология нашего времени быстро кустится под сильным влиянием Риккерта и Макса Вебера, отчасти американской психологической («behaviorism») школы (см. любопытную дискуссию по поводу социологической теории Франца Оппенгеймера, в которую постепенно втягивается ряд видных представителей германской социологии. Arch. f. SW. und SP. BB. 58, 59, 60).

Самоопределяясь и самоутверждаясь под давлением классовых противоречий, различные направления буржуазной истории, социологии, правоведения и пр. непрестанно ведут более или менее интенсивную борьбу с марксизмом, марксистской историографией, коммунизмом, пролетарской революцией. Даже буржуазному критику бросается в глаза тенденция Ростовцева в его «Социальной и экономической Римской Империи»; откровенно проступает ненависть к марксизму в этюдике Гендрика де Манна «Социализм как вера» (Arch. f. SW. u. SP., B. 58), скрыто ползет враждебность к СССР из примечаний к коротенькому изложению дискуссии о национальностях (Hans v. Eckardt., Zur Problematik des Nationalitätenbegriffs. Arch. f. SW. u. SP. 58. H. 2), резко выпирает наружу ненависть к пролетарской революции в немецком переводе «Социологии революции» Питирима Сорокина (сочувственная автору рецензия Николая фон Бубнова в «Zeitschrift f. G. S. W., B. 85, H. 2). Более детальная критика А. Мейзеля в «Arch. f. SW. и SP., B. 60, H. 1).

Редко попадаются сравнительно корректные рецензии, как Г. Шпейера на книгу Бухарина «Политическая экономия рантье» (Arch. f. SW. und SP. B. 59. H.2).

Параллельно этому контрнаступлению на революционный марксизм идет сближение буржуазии со старыми консервативными и реакционными социальными группами, которые смело и беспрепятственно развивают свои взгляды, обосновывая их изданием многотомных документов. Растет клерикальная историография, клерикальная этно-социология («Общество божественного слова»—«S.V.D»—или «Школа святого Гавриила»), поповская политэкономия. Весьма показательно издание убористых 4 томищ «Деяний Констанцского собора» (Acta Concilii Constanziensis, 4 vv.), сжегшего на костре Ивана Гуса, под редакцией маститого католического историка церкви Финке.

Тем более представляется своеобразным положение, которое занимает среди заграничных журналов «Архив истории социализма и рабочего движения», издаваемый Карлом Грюнбергом. Здесь беспристрастные и точные изложения авторами-коммунистами работ русских коммунистов стоят рядом со статьями и рецензиями, принадлежащими перу социалистов разных оттенков, левобуржуазных профессоров.

Тринадцатый годовой сборник-альманах Грюнберга начинается статьей токийского профессора Куваты «О новом рабочем движении в Японии» (Kuwata, Die neuere Arbeiterbewegung in Japan)—очень общей характеристикой японского рабочего движения после империалистической войны. Автор тщится быть беспристрастным, но явно недооценивает роль и красных профсоюзов, и коммунистического движения среди японских рабочих. Русский читатель найдет здесь для себя мало нового.

Много обещает заглавие переводной статьи француза Мориса Гальбвакса—«Политика и экономические отношения по Платону и Аристотелю» (Maurice Halbwachs, Die Politik und die ökonomischen Verhältnisse nach Plato und Aristoteles). Автору удалось привлечь интересный и мало кому знакомый материал из работ по преимуществу немецких

филологов (Виламовиц фон Меллендорф), но заглавие оказывается непокрывающим содержание статьи, которая посвящена почти исключительно платоновскому государству, слабо вскрывает экономическую подоплеку и борьбу партий Платоновского окружения, да и выводами не блещет.

Более любопытна, чем содержательна статейка Рудольфа Висселя «К истории одной утопической идеи государства» (Rudolf Wissel, Zur Geschichte einer utopischen Staatsidee), излагающая дело трех юных вюртембергских энтузиастов, задумавших в начале 1806 г. уйти от отечественного деспотизма, устроить идеальное государство на островах Отаити. Сам план этого государства остается невскрытым, известны лишь первые организационные шаги: агитация, учреждение маленького «незаконного» сообщества, план общего фонда для переселения. Выданное доносчиком, это «тайное общество» было быстро ликвидировано властями предержащими.

Ничего не дает русскому читателю краткая биография Франца Меринга, написанная Яном Ромейн, не упустившего случая в конце щегольнуть ехидством по адресу РСФСР. Из материалов интересны документы по истории так называемой «Коммунистической рабочей партии Германии» (Bernhard Reichenbach, Zur Geschichte der Kommunistischen Arbeiterpartei Deutschlands), несмотря на то, что связующие эти документы исторические абзацы партийно-суб'ективны. История этой группировки давно нашла себе достодолжную оценку в «Детской болезни левизны».

Анжелика Балабанова заканчивает публикацию материалов по истории Циммервальдского движения (Die Zimmerwalder Bewegung 1914—1919), доводя их до I конгресса Коминтерна.

Феликс Вейль сообщает некоторые неопубликованные до сих пор заметки Розы Люксембург о русской революции, со своими комментариями (Rosa Luxemburg über die russische Revolution, einige unveröffentlichten Manuscripte); но эти документы не решают вопроса об отношении Р. Люксембург к Октябрьской революции. Нужна старательная и всесторонняя аналитическая работа, тем более, что весьма примечателен последний фрагмент «О войне, национальном вопросе и революции».

Изложение ранней работы Карла Маркса, опубликованное Институтом Маркса и Энгельса, приводит Георга Ленца (Georg Lenz, Karl Marx über die epicuräische Philosophie) к выводу, что Маркс уже в молодости стоял на точке зрения абсолютной оппозиции, враждебной всяческому оппортунизму. Из критических обзоров и рецензий следует отметить рецензии Генрика Гроссмана на книги известного эклектического социолога и политэконома О. Шпанна и в особенности на книгу Фрица Штернберга (Henryk Grossmann, Eine neue Theorie über Imperialismus und die soziale Revolution). Полная эрудиции критика беспощадно разоблачает сущность теории Штернберга, об'явившего себя продолжателем Маркса, но ревизиониста по существу, барахтающегося в смеси беспомощных эклектических и анархо-коммунистических тенденций, ученика Оппенгеймера, не расставшегося еще с положениями своего учителя и вовсе не понимающего русской революции.

Весьма содержательна рецензия Макса Неттлау по поводу третьего тома переписки Элизе Реклю и мемориального сборника, посвященного памяти Элизе и Эли Реклю (Max Nettlau, Elisée Reclus. Correspondance, t. III; Elisée and Elie Reclus. In memoriam). Автор не только дает ценные библиографические указания, изобличающие в нем глубокую эрудицию, но и сообщает попутно много биографических данных, касающихся знаменитых братьев Реклю.

Бессодержательна статейка Ильи Гурвича «К характеристике Павла Ивановича Пестеля» (Elias Gurwicz, Zur Charakteristik von Pawel Iwanowitch Pestel). Ничего—кроме пересказа переписки Пестеля, опубликованной в «Красном архиве».

В «Zeitschrift für die gesammte Staatswissenschaft», 85 (вып. 1, 2, 3), издаваемом известным специалистом по экономической истории Англии Георгом Бродницем, внимание русского историка останавливают на себе статьи лучшего знатока истории Флоренции Давидсона и проф. Петрушевского. Но последняя представляет из себя не что иное как буквальный перевод с русского 1-й главы недавно вышедшей в свет его книги: «Очерки из экономической истории средневековой Европы»—«О некоторых предрассудках и суевериях, тормозящих развитие науки средневековой истории», под несколько иным заглавием—«Спорные вопросы средневековой политической и экономической истории (Strittige Fragen der mittelalterlichen Verfassungs- und Wirtschaftsgeschichte. B. 85, H. 2). Основные заостренные тезисы автора подчеркнуты на сей раз особым шрифтом. Критическая оценка взглядов проф. Петрушевского дана была в дискуссии, стенограмма которой помещена ранее в нашем журнале. Большего ждешь от статьи Давидсона. И, действительно, последний в начале своей статьи дает интересную суровую критику литературы предмета, не щадя даже Вернера Зомбарта, но в дальнейшем его

изложение истории «Расцвета и упадка флорентийской суконной индустрии» (Robert Davidsohn, Blüte und Niedergang der Florentiner Tuchindustrie, B. 85, H. 2) представляет собою типичное повествование историка-эклектика в хронологическом порядке с весьма шаблонными и бессодержательными выводами. Правда, статья изобилует фактическим и документальным материалом, но под его грудой исчезают или шаблонизируются крупные моменты классовой борьбы, как например история восстания Чомпи.

Замечания к «Hochkapitalismus» Вернера Зомбарта, излагаемые Артуром Зальцем (Arthur Salz, Anmerkungen zu Werner Sombarts «Hochkapitalismus», B. 85. HH. 1, 2), конечно, недостаточны для критики этой монументальной книги, упомянутой в начале нашего обзора. Чтобы вскрыть все ее недостатки, необходим детальный и специальный анализ политикоэконома марксиста.

С обычной остротой Э. К. Винтер, выясняя происхождение теории матриархата Бахофена, анализирует его своеобразный романтический мистицизм, освещает использование этой теории современной клерикальной школой этно-социологии, особенно представителями уже охарактеризованного им раньше «Общества божественного слова» (Societas Verbi Divini—S.V.D.).

Солидной цитаделью современной немецкой буржуазной социологии и историографии является основанный не кем иным, как Вернером Зомбартом, Максом Вебером и другими «Архив для обществоведения и социальной политики».

Но имя Вернера Зомбарта лишь почета ради (honoris causa) украшает титульный лист журнала, настоящим руководителем его остается покойный Макс Вебер, влияние социологических идей которого сказывается постоянно.

Значительное число статей относится к области политической экономии и социологии.

Последние, конечно, заслуживают особого рассмотрения, но нельзя не указать на «оригинальность» взглядов некоторых социологов, представляющих причудливое сочетание индивидуально-психологических и формально-правовых элементов с путанной экономикой. Образцом таковых, кроме по заслугам аттестованного Генриком Гроссманом социолога и экономиста Оттмара Шпанна, является Карл Шмитт, умудряющийся построить идею или понятие политического на антиномии «врага и друга» (Karl Schmitt, Der Begriff des Politischen, B. 85, H.). В этой на диво сумбурной статье единственно пригодным может оказаться изложение системы плюрализма Лаского, отсебятина же невыносима.

Со всем тем журнал прекрасно отражает живое отношение немецкой буржуазной интеллигенции к актуальным вопросам современности.

Характерен политико-географический этюд Мендельсона-Бартольди, посвященный, вопреки заглавию, преимущественно проблеме британской колониальной политики в Африке; тайный придворный советник, профессор и доктор, как он именуется в оглавлении (Dr. Albrecht Mendelssohn-Bartholdy, geheimer Hofrat, Professor in Hamburg. Europa in Africa, B. 58, H. 1), отметив ошибки старого императорского германского правительства в африканском колониальном вопросе, отмечает перспективы автономизации английских африканских владений и попутно рекомендует определенную тактику как германскому правительству, так и тамошним немцам.

Изобилует сочными и яркими фактами статья Эндреса, бывшего баварского офицера, о социологической структуре и соответствующей ей идеологии немецкого офицерского корпуса перед мировой войной (F. C. Endres, Soziologische Struktur und ihr entsprechende Ideologie des deutschen Offizierkorps vor dem Weltkriege, там же). Юнкерская и преторианская идеология, соответствовавшая классовому составу германского командного состава—далеко не новый факт, но данные автора весьма иллюстративны и могут быть использованы русским историком довоенной Германии.

Кончает свою статью (см. наш предыдущий обзор нем. ист. журналов) другой тайный придворный советник проф. Шульце-Геверниц:—Об основах англо-американской мировой гегемонии. II. Корни демократии (Geheimer Hofrat Dr. G. von Schulze-Gaevernitz, Die geistesgeschichtlichen Grundlagen der anglo-amerikanischen Weltsuprematie. II. Die Wurzel der Demokratie, там же). Уже раньше нам приходилось отмечать сумбурность методологии маститого профессора. Пытаясь установить развитие демократии из англо-американской пуританской идеологии, он склеивает свои идеалистические положения с кусочками, взятыми на подержание у марксистов (напр., анализ кальвинизма заимствован явно у Энгельса), сдабривает эту окрошку националистическим самоутешением и в конце-концов, доведя до крайности панегирик американской демократии, договаривается до «мировой демократии, основанной на мировом хозяйстве и мировом сознании»—что-де «является конечной целью демократии» (какой?). Типичный образчик сумбурного эклектизма.

Если и дает Яффе свои «мысли к Венецианской истории» (Moritz Jaffé. Gedanken zur venetianischen Geschichte. Там же), то они оказываются простым хронологическим повествовательным изложением истории Венеции, откуда читатель может выбирать факты по желанию.

Разумеется, нет недостатка в поносителях марксизма, как Генрих де Ман (см. выше—B. 58. H. 3), мистических прорицателях будущей судьбы СССР, как Николай фон Бубнов и др.

Но рядом со злобными поносителями есть и медоточивые поучатели и проповедники, надеющиеся на исправление эволюционирующих социал-демократов. Если Павел Эпштейн пытается критиковать «Материализм и эмпириокритицизм» В. И. Ленина, усматривая там со своей феноменологической точки зрения «наивный реализм» (Paul Eppstein. Die Fragestellung nach der Wirklichkeit im Historischen Materialismus. B. 60. H. 3), то другой буржуазный социолог благосклонно одобряет и оправдывает с «государственной» точки зрения оппортунизм германской социал-демократической партии в вопросах внешней политики (Max Victor. Die Stellung der Deutschen Sozialdemokratie zu den Fragen der auswärtigen Politik, 1869—1914. B. 60, H. 1).

Мы видели уже, как старательно следит немецкая буржуазия за политической эволюцией Англии; отметим интересное, но иногда спорное, обозрение Германом Леви изменений в английском хозяйстве и общественном устройстве на основе новейшей литературы («Veränderungen der englischen Wirtschaft und Sozialverfassung an Hand neuerer Literatur. B. 60. H. 1). Еще более интересно изложение Ф. Гейером плановой хозяйственной программы английской либеральной партии (F. Heyer. Das planwirtschaftliche Programm Lloyd Georges. B. 59. H. 3). 5 выпусков этой программы с кричащими рекламными заголовками—Coal and Power, Land and Nation, Town and Land, Britain Industrial Future—«Будущее Британской индустрии»,—Scottisch Country Side,—составлены особым комитетом, в котором под председательством издателя журнала «Экономист» Лэйтона состоят «известные все лица»: Кейнс, Герберт Сэмуэл, Джон Саймон и др., не считая главного вдохновителя Ллойд-Джорджа. Программа построена на хитрой системе компромисса между свободой внешней торговли и государственным регулированием внутренних экономических отношений.

В противоположность славословящему американскую демократию Шульце Геверницу Шарлотта Люткенс пытается при помощи Веберовской методологии характеризовать американскую бюрократию и основные черты американской партийной жизни (Charlotte Lüttkens. Ueber Bürokratie und Parteimaschine in den Vereinigten Staaten. B. 60.H. 2), но отсутствие строго выдержанной классовой точки зрения мешает окончательным выводам.

В свою очередь американская буржуазия решает воздвигнуть себе памятник на «научном» основании. Профессор Норман С. Б. Грас из Гарвардского университета торжественно и смело заложил первые кирпичи в фундамент «Предпринимательства и истории предпринимателей» (Prof. Normann S. B. Gras.-Harvard.—Unternehmerthum und Unternehmergeschichte. Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft. B. 85. H. 3). Пришлось потревожить и тень Карла Маркса и тень Роберта Оуэна, помирить «материалиста» Маркса и «психолога» Зомбарта, дабы, видите ли, уяснить для делового человека «великую роль, которую он должен играть в обществе»... Образец фарисейского лицемерия ученого панегириста американской плутократии!

Несколько в стороне стоит обобщающая статья Вилли Андреаса о «Башмаке» (Willy Andreas. Bundschuh. Eine Studie zur Vorgeschichte des deutschen Bauernkrieges. B. 60. H. 3). Стремясь подвести итоги современной литературы предмета, он выделяет 4 движения «Башмака» до великой крестьянской войны. Эрудиция автора вне всякого сомнения (использованы: известные работы Розенкранца, Штольце и друг.), но лишь внимательное изучение классовых противоречий той эпохи и экономического расслоения крестьянства может привести к основательным выводам из собранного материала.

К числу крупных достоинств журнала надо отнести его внимание к истории Востока и восточной культуры: весьма интересна попытка проф. Эркеса подвести социальную базу под периодизацию истории китайского искусства (Eduard Erkes. Die chinesische Kunst als Soziales Phänomen. B. 59. H. 1). Обширный этюд посвящен константинопольским профессором П. Виттек проблеме соотношения между турецкой национальностью и Исламом (P. Wittek. Türkentum und Islam I. B. 59. H. 3). Первая часть содержит богатую свежим фактическим материалом историю турок до XIII в. (привлечены широко данные русских туркологов—Бертольда, В. Радлова). В основу своего исследования автор кладет совершенно идеалистическое положение о процессе сплавления (Verschmelzungsprozess) турецкой народности и Ислама, чем определяются, очевидно, и конечные выводы.

Старым бастионом немецкой историографии продолжает оставаться «Историческое обозрение», руководимое испытанным историком-идеалистом Фридрихом Мей-

неке в тесной связи с подобными ему представителями политической и дипломатической истории, как О. Гинце, Макс Ленц, Эрих Маркс, Германн Онкен и др.

Время уносит старые столпы германской историографии: недавно журнал лишился одного из крупнейших авторитетов в области истории средневековья—Георга фон Белова. Место его заступил той же школы специалист по средневековью Альберт Бракманн. Журнал попрежнему строго блюдет традиции политической истории, завещанные Леопольдом фон Ранке, документален и националистичен, громадное место уделяет библиографии, но... «новые птицы—новые песни»—приходится делать уступки «новому духу времени», выступать с об'явлением и защитой своего «верую».

И с таким оправданием методологии политической истории выступает сам Мейнеке в своей статье «Причинность и ценности в истории» (Friedrich Meineke. Die Kausalität und Werte in der Geschichte. H. Z. B. 137. H. 1.). Статья—настоящий манифест идеалистической и политической исторической школы. Мейнеке и нападает и защищается, опираясь на солидную эрудицию. Анализ и критика этой статьи, по нашему мнению, были бы прекрасным упражнением для молодого марксиста. Своеобразный дуализм, фетишизация государства и сочетание идеализма с волюнтаризмом легко падают под ударами диалектического материализма.

Молодому историку, пытающемуся за свой страх возобновить какую-либо старую, уже отвергнутую авторитетами теорию интерпретации исторических фактов грозит здесь суровая расправа. Такая участь, например, постигает проф. В. Пиндера, рискнувшего возродить теорию смены поколений для об'яснения исторического процесса в своей «Проблеме поколения в истории европейского искусства» (K. K. Eberlein. Das Problem der Generation. H. Z. B. 157. H. 2).

Старой традицией основателей журнала было изучение истории об'единения Германии. И теперь этим вопросам уделяется не последнее место. Мы уже упоминали о книге Германна Онкена. Изложение ее с критическими замечаниями, смягчающими резкий индивидуализм Онкена, дает Гайо Гольборн (Hayo Holborn. H. Onckens Werk über die Rheinpolitik Napoleons III. B. 139. H. 2).

В свою очередь Ролоф в своей статье «Брюнн и Никольсбург: не Бисмарк, а король изолирован» (G. Roloff. Brünn und Nikolsburg: nicht Bismarck, sondern der König isoliert. B. 136. H. 3), анализируя роль Бисмарка во время переговоров с Австрией и посредничества Наполеона III, на основании недавно изданных документов Бенедетти (Origines diplomatiques de la guerre 1870—71. H. 11, 12) и других источников, приходит к убеждению, что версия об оппозиции короля и военной партии планам Бисмарка несостоятельна. Наоборот, король оказался одинок и должен был уступить дипломатическим ухищрениям Бисмарка, который ловко стремился убедить французского посла в противоположном, а впоследствии в своих воспоминаниях извратил факты.

Большую статью посвящает Хенниг древнему периоду культурного и торгового общения в средиземноморском мире (K. Hennig. Die Anfänge der Kulturellen- und Handelsverkehr in der Mittelmeerwelt. B. 139. H. 1), начиная с крито-микенской эпохи и кончая Грецией. Много остроумных гипотез, основанных на обширной филологической литературе и археологии.

Надежды, вызываемые заглавием статьи крупного специалиста по истории крестьянской войны Штольце «Штюлингское восстание 1524 года и его причины» (W. Stolze. Die Stühlinger Erhebung des Jahres 1524 und ihre Gründe. B. 139. H. 2) в корне разрушаются идеалистическим абсолютно неправильным толкованием автора, видящего причины восстания в религиозной борьбе местного крестьянства. Тон статьи—от'явленно реакционный. Штольце заклятый враг революции.

Но больше всего уделено места истории политической идеологии.

Богатый материал собрал А. Рейн в своей обширной статье о значении заморской экспансии для европейской системы государств (A. Rein. Ueber die Bedeutung der überseeischen Ausdehnung für das europäische Staatsystem. B. 137. H. 1),—много полезных фактов к характеристике международных отношений, основанных на морском соперничестве европейских государств.

Г. Риттер пытается установить преемственную связь между программами политических реформ старого режима во Франции (французских физиократов) и политическими воззрениями Штейна (G. Ritter. Der Freiherr von Stein und die politischen Reformprogrammen des Ancien Régime in Frankreich. B. 137. H. 3). Первая половина этюда охватывает планы политических реформ во Франции и их социальную подоплеку.

К той же области относится этюд Кернера о религиозных взглядах Августа В. Шлегеля (Körner. A. W. Schlegel und der Katholizismus. B.139. H. 1)—худший образец описательной истории, базирующейся исключительно на анализе индивидуальных психологических мотивов.

Особую группу составляют доклады, прочитанные или предназначенные для VI Исторического конгресса в Осло.

А. Бракманн, изучая клюнийское движение (A. Brackmann. Die politische Wirkung der Kluniazensischen Bewegung. B. 139, H. 1), указывает, что вопреки установившемуся в литературе мнению, оно вовсе не было аполитичным. Переходя затем к оценке итальянской политики средневековых императоров, он, как и следовало ждать от историка-идеалиста, находит, что их сперва правильная политика изменилась под влиянием изменения миросозерцания, причины чисто идеологической, и повлекла за собой губительные последствия для Германии.

Э. Каспар доказывает, что стремление Константина и его преемников огосударствить церковь вызвало борьбу за церковную автономию и обоснование примата римской курии уже во второй половине IV в. (E. Caspar. Historische Probleme der älteren Papstgeschichte. B. 132. H. 2).

Ф. Рерих изо всех сил тщится доказать, что основа мощи ганзейского союза совершенно духовная (Fritz Rörig. Die geistlichen Grundlagen der Hansischen Vormachtstellung. B. 139. H. 2). Абсурдно до комизма стремление автора, оперирующего с фактами экономического и социального порядка, отстаивать во что бы то ни стало примат идеологии. Упадок Ганзы об'ясняется им по-просту... «отлетом духа, который действует теперь не вовне, а вовнутрь» (!!!?).

Так демонстрировала себя на конгрессе в Осло политическая и идеалистическая школа германской буржуазной историографии во всей своей целостности, со всем присущим ей национализмом.

Официальный отчет Г. Рейнке Блох о VI конгрессе (Herrmann Reincke-Bloch. Der VI Internationale Historikerkongress zu Oslo. B. 139. H. 2) суховато излагает историю конгресса, подчеркивая значение включения Германии и Австрии в интернациональную общую работу и горделиво высказывая патриотическое удовлетворение по поводу того, что германская наука с честью выказала свои достижения. О русской делегации почти не говорится, кроме коротенького упоминания о докладе проф. Преображенского и констатирования сплоченности французских, итальянских, польских и русских делегатов.

Попрежнему великое мастерство обнаруживается в дотошном выяснении исторических терминов, как, например, в установлении даты термина «средние века» (Lehmann. Mittelalter und Küchenlatein. B. 137. H. 2).

В соответствии с обычной библиографической осведомленностью и зоркостью журнала отмечается громадная работа даже таких чуждых германской буржуазии по своей идеологии ученых институтов, как институт Маркса и Энгельса в Москве. (G. Lenz. Das Marxs-Engels Institut in Moskau. B. 137. H. 3).

Но мысль о грядущей великодержавной Германии никогда не покидает сотрудников «Исторического обозрения»: говорят ли они о развитии германской краевой историографии (E. Keyser. Deutsche Landesgeschichte. B. 39. H. 2), описывают ли фламандские движения в Нидерландах (P. Geyer. Einheit und Entzweiung in den Niederländern. B. 139. H. 1), защищают ли «отсутствие аннексионных аппетитов в великодушно-освободительной и сочувственной» политике германского правительства по отношению к фламандскому движению в Бельгии во время мировой войны (Oswald. Die deutsche Flamenpolitik und das Gutachten von prof. Bredt. B. 136. H. 3) или с политическим буравом роются в груде «дел минувших дней и преданий старины глубокой» [1].

А. Васютинский

---

[1] Примечание. Исправление: В № 10 «Ист.-марксиста» в статье «Из американских журналов», страница 234, строка 11 снизу, нужно читать вместо «вполне»— «внешне».—*А. В.*

РЕЦЕНЗИИ

М. И. РОСТОВЦЕВ. Скифия и Босфор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических. Изд. Российской Академии истории материальной культуры. 1925 г. Стр. VI+621.

Рецензируемая работа распадается на две части: первую, меньшую, являющуюся разбором древних памятников письменности, т. е. исторических источников в узком смысле, и вторую, большую, представляющую собой обзор вещественных памятников. Предметом внимания в данной рецензии будет являться только первая часть, так как вторая выходит за пределы моей специальности историка по преимуществу и подлежит компетенции специалиста археолога.

По заявлению, сделанному акад. Н. Я. Марром на Всесоюзной конференции историков-марксистов, пересмотр скифского вопроса, с учетом данных яфетической теории, является одной из актуальнейших научных задач ближайшего времени. Вполне понятно поэтому, что труд М. И. Ростовцева, задавшегося целью критически разобрать дошедшие до нашего времени памятники истории Скифии и Боспора и подвести итог сделанному в этой области его предшественниками, приобретает значительный научный интерес. Не подлежит в то же время сомнению, что автором труда является крупнейший специалист. За это говорит не только имя М. И. Ростовцева, но и целый ряд внешних признаков его исследования. Обращает на себя внимание образцовый ученый аппарат его книги, полнота разобранных памятников и исчерпывающий охват литературы предмета. Все это обусловило высокую оценку труда М. И. Ростовцева акад. Н. Я. Марром, который отозвался об этой работе, как о классической и капитальной. Не приходится сомневаться, что для будущего исследователя скифского вопроса книга М. И. Ростовцева действительно явится тем подручным пособием, без которого обходиться будет невозможно. Надо ли говорить, что тщательный критический разбор источников представляет собою необходимое предварительное условие всякого научного исторического исследования.

Получает ли, однако, будущий исследователь скифского вопроса все то, что обещают упомянутые внешние признаки большой научной ценности труда М. И. Ростовцева? Отдавая должное замыслу М. И. Ростовцева, акад. Н. Я. Марр немедленно же констатирует ряд своих разногласий с автором «Скифии и Боспора» в деле оценки отдельных памятников. И вот, приходится сказать, что эти разногласия далеко не случайны и не так мелочны, как это может показаться на первый взгляд. Суть дела заключается даже и не в том, что М. И. Ростовцев не принимает во внимание данных яфетической теории. Вполне понятно, что два специалиста, работающие в различных областях, касаясь одних и тех же предметов, каждый с точки зрения своей специальности могут получить одинаковые выводы, если оба стоят на правильном пути. Внимательное изучение труда М. И. Ростовцева убеждает в том, что все его выводы находятся в тесной зависимости от принятого им в исследовании метода, что его отдельные выводы не могут быть изменены без ущерба для этого метода; что, наконец, самый метод не может быть признан правильным.

Все известия о скифах и соседних с ними народностях М. И. Ростовцев разбивает на две большие группы. Одна группа известий, по мысли исследователя, доставляет нам вполне реальные черты быта и нравов древних народов. Другая группа сообщает материал ненадежный, так как он содержит в себе тенденциозную идеализацию скифов и их соседей. Кладя это соображение в основание своего анализа, М. И. Ростовцев, по тем или иным наличным у различных авторов древности чертам быта скифов и их соседей, предположительно называет первоисточники отдельных авторов, датирует труды последних, дает оценку степени достоверности тех или иных сообщений. Избранный М. И. Ростовцевым метод на первый взгляд кажется весьма остроумным и не вызывает сомнения в научной доброкаче-

ственности. Формально этот метод даже как будто вполне обоснован. Исследователь указывает на полемику самих древних авторов по вопросу компетентности древних поэтов, в частности Гомера, склонных по характеру своих трудов к поэтической идеализации народов древности; он кивает на политический характер трудов позднейших ученых древности, пытавшихся конкретным историческим материалом обосновать излюбленные «политические теории». Но все это—только на первый взгляд. Стоит поставить вопрос, какие же собственно черты быта древних народов признаны М. И. Ростовцевым за идеальные, т. е. нереальные; стоит поставить вопрос, может ли быть сам М. И. Ростовцев, белоэмигрант и враг Советского Союза, свободным от политических тенденций? Перечисляя на стр. 92 своего труда эти черты цивилизации у Эфора, М. И. Ростовцев сам подчеркивает, что «общность имущества» у скифов представляет в его глазах одну из главнейших черт «идеализации»: об этом свидетельствует научный аппарат, которым он тщательно снабжает свое указание на эту черту, ограничиваясь во всех остальных случаях своей критики простым перечислением, без каких бы то ни было ссылок. О нереальности аграрного коммунизма у древних народов он говорит много и охотно на ряде страниц своего труда. Не менее охотно говорит он и о нереальности изобретательской деятельности скифов, не забывая и в этих случаях привлечь для большей убедительности ученый аппарат. Совершенно бессмысленными представляются ему собщения об особой справедливости и нравственности народов древности. Нельзя конечно допустить, чтобы такой эрудит, как М. И. Ростовцев, не имел никакого понятия о тотемических запретах пищи (табу) у народов низших ступеней культуры вообще. Между тем, без особого раздумья, запреты мясной пищи у некоторых скифских племен отнесены им к числу «идеальных», т. е. мифических образов. Едва ли ему известно, что явление, обозначенное им совершенно ненаучной формулой «общность жен», принадлежит к числу вполне реальных форм брака и семьи так называемых примитивных народов; между тем и эта черта об'явлена им по отношению к скифам мифической, «идеальной». Только тщателные и притом тенденциозные поиски «идеальных» образов, которые, в сложении с образом «мифического» первобытного коммунизма, могли бы создать у читателя впечатление реального существования целой школы идеализаторов, заставили М. И. Ростовцева пренебрегать хорошо известными этнографическими данными. В итоге научная ценность выводов М. И. Ростовцева во многих случаях равна нулю, вообще же сделанные им выводы приходится поставить под сомнение.

Что же является действительной причиной непростительных «промахов» М. И. Ростовцева? Ответ на этот вопрос может быть только один: в основании ошибок М. И. Ростовцева лежат определеннные политические симпатии к тому строю, под защиту которого он бежал из Советского Союза и, напротив, непримиримые антипатии к социалистическому строю, воздвигаемому в нашем Союзе. Как это давно установлено, отрицание первобытного коммунизма на заре человеческого общества, а равно и отрицание наличия позднейших пережитков первобытного коммунизма—представляет собою «опрокинутую вспять» политику буржуазного отрицания социалистического строя нашего времени. Прозрачный смысл имеет и «борьба» М. И. Ростовцева с изобретательностью скифов. Последние в глазах М. И. Ростовцева, последовательного сторонника индо-европейской лингвистики, принадлежат к числу иранцев, т. е. если раскрыть скобки и установить истинное значение этого суждения, скифы—азиаты, т. е. «варвары», абсолютно неспособные к самостоятельному культурному творчеству, словом, народ так наз. «низшей расы». Надо ли говорить о том, что «расовая теория» является одним из конкретных воплощений идеологии империализма?

Труд М. И. Ростовцева представляет собою один из типичных образчиков буржуазной учености. Он интересен тем, что предметом исследования выбраны вопросы, на первый взгляд ничем и ни в какой степени не связанные с классовой борьбой настоящего времени, с актуальными политическими проблемами наших дней. До сих пор казалось, что только в конкретных исторических исследованиях буржуазный ученый извращает науку, привнося туда свои политические взгляды и симпатии. Как оказывается, того же недостатка не лишены и критические разборы исторических источников—разборы, выходящие из рук буржазных ученых. Труд М. И. Ростовцева—наглядный тому пример.

Высказывая данные соображения, я вовсе не намерен отрицать наличия у некоторых авторов древности нарочитой идеализации как скифов, так и других народов древности. Я не думаю отрицать того обстоятельства, что некоторыми авторами античности руководили в таких случаях политические симпатии, прямо противоположные симпатиям М. И. Ростовцева. Если бы было иначе, то М. И. Ростовцеву не удалось бы создать даже видимости об'ективного исследования. Но всякому овощу—свое время, и такие настроения древних писателей могли иметь место лишь при наличии соответствующих социальных условий. Этому моменту, по вполне понятным причинам, М. И. Ростовцевым никакого внимания не уделено. Самые же политические тенденции древних авторов использованы им во зло и раздуты до карикатуры.

Очевидно будущий исследователь скифского вопроса не получает в исследовании М. И. Ростовцева той твердой опоры, на которую как будто бы позволяют рассчитывать внешние признаки научности этого труда. Это не значит, что труд М. И. Ростовцева абсолютно никакой ценности не имеет и что Академия истории материальной культуры сделала ошибку, опубликовывая этот труд. Конечно, исследователь получает в свое распоряжение и много ценного, в книге дана систематизация памятников, указана богатая специальная литература предмета. Но исследователь скифского вопроса, пользуясь трудом М. И. Ростовцева, должен быть предупрежден против доверчивого отношения к выводам этого автора, против некритического пользования этой тенденциозной книги, выводы которой вдохновлены не «стремлением к об'ективной истине», а самой черной политикой, нам враждебной и чуждой.

С. Н. Быковский

M. LURIE. Studien zur Geschichte der wirtschaftlichen und sozialen Verhältnisse im israelitisch-jüdischen Reiche von der Einwanderung in Kanaan bis zum babylonischen Exil. Beihefte zur Zeitschrift für die alttestamentliche Wissenschaft. 45. S. 64.

Своеобразная судьба проблем, связанных с историей иудейского народа, определена тем, что в виде постоянной и, быть может, иногда даже для самого исследователя незаметной презумпции выдвигается проблема возникновения христианства. И если проблема иудейской истории, ставшая об'ектом поистине необ'ятной литературы, в своей постановке определялась интересом к раннему христианству, то ее разрешение и трактовка получили как бы теологическое устремление. Этим самым история иудейского народа, которая интересна была, главным образом, как история иудейской религии, приобретала черты особой значимости. Грандиозная работа протестантской критики этой основной презумпции все же преодолеть не сумела: «Израильская и иудейская история» крупнейшего представителя этой школы Велльгаузена имеет своей заключительной и как бы завершающей главой—«Евангелие». Как велика и сильна традиция, так сказать, «христианоцентрического» рассмотрения израильско-иудейской истории, можно видеть из того, что она сказалась даже на попытке Каутского марксистски разрешить вопрос о происхождении христианства. Путем же расширения проблемы и привлечения новых методологических постулатов старая проблема иудейской истории получает новое освещение: при анализе экономических и социальных отношений, развертывающихся в иудейской истории, всякая «христианоцентрическая презумпция рушится, теологические устремления теряют под собою всякую почву, картина развития иудейской религии занимает надлежащее место и становится понятной, а историко-религиозные сближения, взятые в контексте определенных социальных и экономических отношений, становятся материалом для широких социологических обобщений. В этой области сделано не слишком много, и потому все новое вызывает интерес.

Наш автор заявляет себя марксистом—эпиграфом своей работы он ставит: «История всего предшествующего общества есть борьба классов».

Рецензируемая работа не дает полного рассмотрения истории хозяйственных и социальных отношений. Перед нами только Studien, попытка путем пристального и кропотливого изучения материала осветить некоторые черты этих отношений и наметить основные линии их развития. Почти вся предварительная работа по формальной критике источника, необходимость и важность которой понятна всякому, занимавшемуся в этой области, лежит за пределами, по ту сторону изложения. Начиная свое исследование с анализа аграрных отношений, автор совершенно верно отмечает факт весьма ранней дифференциации классов. Источники действительно дают доста-

точные в этом отношении данные, и если подойти к вопросу с точки зрения распределения земельной собственности, то можно будет внести коррективы в старое представление о якобы долго господствовавшем социальном равенстве. Господство частной собственности для древнего Израиля, конечно, бесспорно, и автор это лишний раз уясняет, исходя из анализа некоторых институтов, неизбежно связанных с развитием собственности. Но далее автор пытается восстановить на основании более поздних данных пережитки коллективного владения. Если бы это автору удалось, то точка зрения Макса Вебера, который опирается на анализ древнего «Закона», была бы поколеблена. Во всяком случае, приведенный, хотя и довольно скудный материал, указывает на то, что в этом вопросе есть некоторая возможность для дальнейшего исследования.

В данном случае автор о Максе Вебере не упоминает; однако, в рецензируемой работе влияние последнего сказывается довольно сильно.

Так, например, рассматривая вопрос о происхождении земельной собственности, автор исходит из концепции Макса Вебера, и из установленных последним шести форм «возникновения господской собственности» (ср. Wirtschaftsgeschichte 1923, S. 60, русск. пер. «История Хозяйства», 1924, стр. 47 и сл.) четыре формы он механически пытается отыскать в израильско-иудейском царстве. Впрочем, отсюда он делает вполне приемлемые выводы, в частности, по вопросу о генезисе и социальной природе царской власти: «кем иным был Саул, как не представителем аристократической фамилии Киш?». Это тем более важно отметить, что в старой литературе усиление крупной земельной аристократии обычно относится к более позднему времени, примерно, к эпохе самостоятельного существования северного и южного царства. И если, с одной стороны, автор предполагает, что пережитки коллективной собственности Gemeinbesitz) можно отнести к довольно позднему времени, то, с другой стороны,—и это звучит более убедительно,—классовую дифференциацию, протекавшую на основе выступающей частной собственности,—он находит во времена более ранние.

Основные контуры уже достаточно развитых аграрных отношений установлены, а постановка следующего вопроса—о социальных отношениях—предполагает, конечно, определение господствующей хозяйственной формы. Исходным пунктом для этого определения автору служит почему-то известная схема Бюхера. На материале Израильской истории лишний раз вскрываются отрицательные черты этой схемы, но непонятным остается—зачем автору понадобилось переносить сюда еще другую устаревшую периодизацию (древность, средние века, новое время). Основное значение сельского хозяйства для древних иудеев до эпохи Вавилонского плена известно. Те данные, которые приводятся во второй главе рецензируемой работы относительно ремесла и промышленности, интересны (керамическая индустрия, выработка шерстяной материи для рынка и даже для вывоза) так же, как и сведения о внешней торговле, которая велась в интересах царского двора и аристократии и которая своею тяжестью ложилась на низшие слои населения. Однако, все это характеризует скорее лишь количественную сторону вопроса. Не случайно в этом смысле последняя часть второй главы посвящена специальному вычислению количества населения, что, кстати сказать, обычно приводит (как это случилось даже и с Белохом) к сомнительным результатам. Анализ классового характера суда эпохи царей, правовое положение различных социальных групп, выделение высшей бюрократии, роль и деятельность чиновников в местном управлении, наконец, характер и значение налогового пресса (кстати, вопрос о барщине в этой связи не упоминается)—все это нашло в рассматриваемой нами работе свое освещение. Однако, основной для марксиста вопрос—вопрос о природе всех этих отношений—остается невыясненным. Отдельные черты экономических и социальных отношений рассматриваются не только статически, но и изолированно, и, конечно, не случайно то, что, например, проблема феодализма автором даже не ставится.

Устанавливая, что классовая дифференциация в аграрных отношениях идет со времен судей, автор относит рост значения города к более позднему времени, к эпохе царей, полемизируя в этом последнем вопросе с Максом Вебером, который говорит о политической силе «Stadtsässigen Sippen», эпохи до плена. Вопрос этот, конечно, разрешается социологическим пониманием античного города. Однако, неосвещенным остается вопрос, от положительного или отрицательного разрешения которого зависит общее понимание сложившихся и развивающихся отношений: вопрос о появлении, роли и развитии денежнохозяй-

ственных отношений. Довольно искусственно звучит социальная характеристика городского пролетариата, к которому, оказывается, нужно отнести не только поденщиков, но и ремесленников и даже часть мелких торговцев. Принципом такого об'единения является, очевидно, политическое бесправие этих групп, при условии личной свободы, но все это, конечно, не является марксистской трактовкой вопроса.

Однако, именно последняя глава, которая начинается разделом «Пролетариат и рабство» и в которой автор пытается дать марксистскую схему «социального движения, гражданской войны и революции», является интересной. Столь же распространенное, сколь и неверное представление о пророках, как о революционерах своего времени, автором решительно отвергается. Пророки, конечно, не были социальными реформаторами, и автор удачно подчеркивает, что «господство пролетарской массы является для пророков величайшим божьим наказанием». Определение дано с отрицательной стороны и потому социальная характеристика пророческого движения оказывается несколько расплывчатой. Впрочем, в столь небольшой по размерам работе трудно дать более детальный анализ этого своеобразного явления. Заканчивается исследование анализом некоторых сторон социального законодательства Второзакония. И, несмотря на то, что разрешение некоторых принципиальных и методологических проблем осталось в стороне или под вопросом, мы имеем перед собой все же довольно серьезную попытку осветить отдельные стороны хозяйственной и социальной жизни израильско-иудейской истории, попытку, которая в дальнейшем при более решительном отходе от Макса Вебера и при марксистски более выдержанной постановке вопроса может послужить основанием для большого научного исследования данного отрезка истории древнего Востока.

А. Ерусалимский

ХРЕСТОМАТИЯ по социально-экономической истории Европы в новое и новейшее время—под редакцией В. П. Волгина. Гиз, 1929 г., 551 стр. Цена 5 р. 75 к.

Не подлежит никакому сомнению, что наша высшая школа нуждается в сборниках документов и материалов для занятий в семинарах по Западной истории. Существующие хрестоматии не имеют в виду семинары повышенного типа; они рассчитаны на аудиторию, менее подготовленную и разрабатывающую общий курс истории классовой борьбы XIX—XX вв. Очевидно также, что «Хрестоматия», посвященная истории Европы XV—XVIII вв., не может дать «исчерпывающей» сводки документов по тому или другому разделу социально-экономической истории. «Хрестоматия» ставит себе более скромную задачу—«дать учащимся, преимущественно высшей школы, конкретный материал для более углубленной разработки того или другого вопроса, исторического комментирования источника и критики его при занятиях семинарского типа». Составители правильно отметили в предисловии, что при составлении подобной книги речь могла итти поэтому только «о выборе источников и тем, поучительных с точки зрения педагогической и важных с точки зрения научной». Ясная методологическая установка является при этом для «Хрестоматии» не менее важным делом, чем точное представление о методических задачах преподавания. Три задачи должны были, таким образом, стоять перед составителями книги—членами и сотрудниками Института истории РАНИОН'а (Д. Егоров, М. Лесников, С. Косьминский, С. Сказкин, Н. Грацианский, В. Лавровский),—позаботиться о единой методологической установке в работах отдельных авторов, стремиться к тому, чтобы по каждому вопросу был подобран необходимый минимум документов, освещающий по крайней мере центральные проблемы социально-экономической истории данной эпохи, наконец, позаботиться о ясной и общей для всей книги методической установке при публикации документов. Смеем утверждать, что по всем этим трем направлениям книга вызывает ряд серьезных возражений.

Будем надеяться, что составители «Хрестоматии» согласятся, что и при подборе документов, «об'ективных документов», огромное значение имеют вопросы методологии. Что и для чего выбирать из огромной массы источников в значительной степени предрешает вопрос о результатах исторического исследования. Но если мы обратимся к вводным статьям составителей «Хрестоматии», мы натолкнемся на полную разноголосицу в их отношении к марксизму. В этом смысле следует особенно обратить внимание на главы «Старая Европа и новые страны»

и «Великая крестьянская война», составленные Д. Н. Егоровым. Для историка Д. Егорова эпоха «великих открытий» — эпоха «начавшейся немедленно колониальной и империалистической экспансии». Под этим углом зрения он и подбирает документы. Наш автор, таким образом, остался верен традициям своего академического прошлого. Недаром он в курьезном курсе лекций «Империализм, культурный, экономический и политический», читанном в 1911 году в Московском коммерческом институте, доказывал, что «сам империализм и история империализма стары, как мир, и не было времени, когда бы империализма и империалистической точки зрения не существовало». Второй составитель «Хрестоматии» — М. П. Лесников следует по пути Д. Егорова. «Приходится с некоторой осторожностью,— пишет он,—относиться к исторической схеме развития капитализма с ее эпохами «торгового» и «промышленного» и «финансового» капитала. Капитал в XVI в. выявляется во всех трех формах, они тесно сплетаются между собою, историческая последовательность теории в действительности оказывается нераздельным сосуществованием». М. Лесников находит Hochkapitalismus Германии начала XX в. и в «век Фуггеров»,—его «абсолютно, конечно, более слабого, но относительно, несомненно, более могучего и блестящего, правда, менее долговечного предка». Вот почему и войны XVI в.—типичные войны эпохи торгового капитализма,— представлены автором как войны «финансового капитала»; вот почему о торговых компаниях и их промышленных предприятиях XVI в. Д. Егоров и М. Лесников говорят как о «трестах» и «синдикатах». М. Лесников доказывает своими документами еще одно: «ведь именно государство создает основную предпосылку дальнейшего роста и развития капитализма, создавая массовую аккумуляцию хозяйственных благ». Диалектически не преодолена им, однако, при об'яснении исторического процесса, вторая часть его формулы: «капитализм расцветает на банкротстве государства»: кричащее противоречие, если следовать за Егоровым и Лесниковым и не давать об'яснения своеобразий капитализма на различных ступенях исторического развития.

Под углом зрения отрицания марксизма нам понятно также, почему проблема «первоначального накопления», взятая в широком социологическом и конкретно-историческом разрезе, осталась почти не освещенной документами Д. Егорова и М. Лесникова, понятно также, почему последний, ссылаясь на спор В. Зомбарта с Штридером о «генезисе капитализма», забывает (во всяком случае не сообщает), что есть еще и «Капитал» Маркса... По крайней мере, в списке литературы указаний на Маркса мы не найдем.

«Но ведь это придирка!» слышим мы возгласы девственниц от науки. Однако, позвольте! Мы отнюдь не отказались от мысли, что руководство воспитанием научных кадров следует оставить за подлинно марксистскими силами. Или «Хрестоматия» должна помочь студентам освободиться от диктатуры марксистско-ленинских «догматических» схем?

Оставим вопросы методологии истории, посмотрим, как дело обстоит с научной и методической постановкой вопросов социально-экономического развития Европы. Д. Егоров сообщает нам отрывок из «Приключения Ульриха Шмиделя в Новом Свете» и дает следующую установку студентам для анализа этого документа:... Стычки и грабежи проходят в утомительном однообразии, и ясно заметно, как молодой пришлец все больше черствеет и ожесточается, представляя классический пример обезволенного колониального наемника...».

Если главы М. Лесникова представляют собою по крайней мере добросовестный подбор материалов, снабженных нелепыми «общими положениями», то главы Д. Егорова не только поражают своим методологическим атавизмом, но и своей неряшливостью. Особенно возмутительно составлена глава о «Великой крестьянской войне». Нет необходимости доказывать значение этой темы в курсе новой истории. В основном Д. Егоров использовал документы, собранные А. Савиным в книге «Источники по истории реформации» (Москва, 1906), но он дал нам их при этом отнюдь не в той тщательной редакции, которая характеризует работы А. Савина. В предисловии к документам, которое должно вскрыть движущие силы крестьянской войны, историк Д. Егоров пользуется подобными, ничего не говорящими терминами, как «городские слои», «мелкое чиновничество» и т. д. Оказывается, что Мемингенская петиция и ответ на нее, как и Эрингенская челобитная характеризуют отношения «между городскими слоями имперского города средней величины (Меминген) и мелкого зависимого городка (Эриген—

часть вотчины графов Гогенлоэ)». А дальше сам ход восстания характеризуется как расширение рамок движения с присоединением к крестьянству «городских слоев, обездоленного, деклассированного мелкого рыцарства... и части мелкого, иногда очень талантливого чиновничества». Это все! Должен ли студентов заинтересовать вопрос о социально-экономических предпосылках крестьянского движения, о роли буржуазии в движении, о значении пролетарских элементов в войне (Т. Мюнцер)? Ответа на все эти вопросы студенты не смогут найти в «Хрестоматии». В крайнем случае они воспользуются предисловием Д. Егорова для опровержения схемы Ф. Энгельса...

Но мы не можем не обратить внимания еще на один момент. Д. Егоров дает несколько измененный текст перевода «XII статей», помещенных у А. Савина, но он умалчивает о существовании нового перевода «XII статей», напечатанного ИМЭ в приложении к «Крестьянской войне в Германии» Ф. Энгельса. Профессору виднее! Но, что, однако, получилось? В заголовке оригинала тезисов сказано: основные и справедливые тезисы всего крестьянства и всех «Hyndersessen der geistlichen und weltlichen Oberkayten von wölchen sj sich beschwert verneinen». Конечно, существует ряд редакций этого документа, отличающихся, по мнению Д. Егорова, «незначительными, в общем, расхождениями». Но при существовании нового перевода в популярных изданиях ИМЭ следовало бы оправдать свой текст. Д. Егоров переводит.. «Hyndersessen der geistlichen und weltlichen Oberkayten...» словами: «захребетников духовных властей»... В издании ИМЭ сказано «подвассалов духовных и светских властей...». Не потому ли выбрал Д. Егоров свой текст перевода, что он «ближе» к А. Савину? В статье третьей «XII тезисов»—термин «eigen leüt» передан словами: «собственными людьми»; в издании ИМЭ описательно — «нас считали не людьми, а чужой собственностью», у А. Савина—«собственными людьми». Мы утверждаем, что данный ИМЭ перевод ближе к существу текста (см. W. Stolze—«Der Deutsche Bauernkrieg», 1911). В наиболее старом списке «XII тезисов» сказано—«Zum dritte, Ist der brauch bitz her gewesen, das man vns für eygen leüt gehalten hat, welches zu erbarmen ist...» А в верхне-швабском списке—«Zum dritten, Ist der brauch bitzher gewesen das man vns für ir aigen leüt gehalten haten, wolch zu erbarmen ist»...

Да, но у Савина передано «собственные люди», и Д. Егоров допускает «реформу», он слово «собственные» ставит в кавычки. Мы настаиваем во всяком случае на одном: почему проф. Егоров считает возможным обойти молчанием существующий новый перевод «XII статей» и, не мотивируя свой текст, тем самым вводить в заблуждение студентов? И еще одно «улучшение» перевода «XII статей»—А. Савин и ИМЭ дают, согласно оригиналу указания на соответствующие места св. писания и апостолов, Д. Егоров опускает их...

Мы, к сожалению, вынуждены были уделить излишне много места первой части «Хрестоматии», но первые три главы занимают почти 200 страниц, около половины книги. Составители «Хрестоматии» не об'яснили нам, почему они так непропорционально распределили материал. Обойдя по существу молчанием вопросы «первоначального накопления», они уделили промышленному перевороту и особенно Франции накануне революции ничтожное внимание, хотя почему-то назвали свою книгу «Хрестоматией по социально-экономической истории нового и новейшего времени».

В книге нет ни общей темы, ни общей методической установки. Каждый автор справляется со своей задачей по-своему. Для учебной книжки это недопустимо! Безусловно отрадным явлением в книге являются только главы Е. Косминского. По подбору материалов и методическим указаниям эти главы выполняют задачу, поставленную составителями «Хрестоматии». Правда, Е. Косминский, в отличие от М. Лесникова, не останавливается на отдельных контроверзах по тому или другому спорному вопросу, не выявляет ту методологическую установку, которая должна была бы помочь студентам правильно понять исторические документы (по крайней мере в первой главе), но он во всяком случае не забыл, что «Хрестоматия» составлена для советских вузов и что марксизм представляет одну и притом для нас решающую концепцию в разрешении вопроса о происхождении и развитии капитализма.

Глава, посвященная промышленному и аграрному перевороту в Англии, составлена В. Лавровским. По подбору документов эта глава принадлежит к лучшим в книге. В. Лавровский дал много интересных для русского читателя документов, но каково их место в

учебной «Хрестоматии»? Очевидно, что переписка Самуэля Ольдноя рисует отдельные стороны индустриальной революции, но она совершенно в стороне оставляет прежде всего проблемы социальной истории переворота. В документах отсутствует рабочий класс, рожденный в перевороте, остается в тени весь процесс перерождения ремесла на путях к господству фабрично-заводской промышленности. Составители правы, когда пишут, что в «Хрестоматии» следует помещать документы по выбору... Но В. Лавровский выбрал «интересные», но не необходимые для занятий документы. Вот почему в документах,—возможно против воли автора,—промышленной и аграрный переворот представлены как два отдельных и самостоятельных процесса. Совершенно не дан материал этих двух процессов, что особенно было бы важно установить для Англии конца XVIII и начала XIX вв. В. Лавровский обошел молчанием также и все спорные вопросы при оценке промышленной революции. Ему удалось поэтому освободиться от «наглой» и докучной методологической критики...

В заключение отметим главы по социально-экономической истории Франции, составленные С. Д. Сказкиным. Если глава, посвященная кольбертизму, может нас удовлетворить в той или другой мере, то «Деревня и город в эпоху Французской революции» совершенно не удовлетворяет ни научным ни педагогическим требованиям вузов. В самом деле, описание трех деревень Сансского бальяжа не дает нам истории этих трех деревень прежде всего потому, что указанные документы совершенно ничего не говорят о их социально-политическом положении. Но это могло бы в данном случае иметь побочное значение, если бы эти деревни представляли собою разнообразные образцы соответственно экономическим районам Франции. Этого нет, и для семинара указанные статистические данные не дают даже необходимого минимума, скажем, при разрешении вопроса о перераспределении собственности во французской деревне в годы революции. По истории аграрного законодательства французской революции дан случайный подбор документов за 1789—1790 г., документов из бумаг феодального комитета. Но история аграрного законодательства 1791—1793 гг. представляет еще больший интерес, а существующие хрестоматии для вузов не дают по этому вопросу достаточного социально-экономического материала. Почему, наконец, С. Сказкин считает Труа и его округ образцом для изучения промышленности Франции накануне революции? Само собой разумеется, что при другом распределении материала в «Хрестоматии» С. Сказкин мог бы уделить такой важной теме, как «Деревня и город в эпоху Великой революции», больше места, а не скомкать ее, ограничившись несколькими случайными документами. Основной спорный вопрос о характере капиталистического развития Франции накануне революции по документам Сказкина не может быть ни в какой-либо степени серьезно проработан в вузовском семинаре.

Мы приходим к печальным выводам. Коллектив историков, членов и научных сотрудников РАНИОН'а не смог в целом выполнить поставленной задачи, не смог дать нам ни в методологическом, ни в научном, ни в методическом отношении необходимого учебного пособия по социально-экономической истории Европы нового для наших вузов. По всем видимостям, не без основания конференция историков-марксистов признала, что только подготовка своих, подлинно-марксистских кадров разрешит вопрос о нашей работе.

Но мы не можем не обратить внимания еще на один момент. «Хрестоматия» вышла под редакцией т. В. Волгина. По крайней мере, так значится на обложке книги. Тов. Волгину не принадлежит ни одной строки в книгн; он не дал даже предисловия к ней. Мы не можем предположить, чтобы тов. Волгин был в какой-либо мере солидарен с Д. Егоровым, М. Лесниковым, с «умолчанием» Лавровского и т. д., но не подлежит сомнению, что они воспользовались его именем. Досадное недоразумение...

Ц. Фридлянд

А. ЧЕКИН (ЯРОЦКИЙ). История рабочего движения». Вып. 1-й, 109 стр., цена 1 р. 10 к.; вып. 2-й, 141 стр., цена 1 р. 20 к. М. 1928 г.

Книжка т. Чекина представляет собой два выпуска курса по истории рабочего движения. Автор делает попытку построения курса по периодам, внутри которых рассматривается движение трех больших стран: Англии, Франции, Германии.

Первый выпуск носит название «Предистория рабочего класса». Такое заглавие дает нашему автору возможность расширить хронологические рамки трак-

туемого вопроса. Поэтому здесь говорится о движении наемных рабочих вообще, а не о движении пролетариата только. К каким неудобствам такая трактовка, хотя и весьма интересная, но едва ли уместная в популярной книжке, приводит, видно хотя бы из того, что самому автору приходится, во избежание путаницы в головах читателей, подчеркивать различие движений средневековых и современных рабочих.

Некоторые сомнения вызывает также и трактовка вопроса об огораживании: наш автор в таких выражениях говорит об этом процессе, что о нем может составиться представление, как о процессе, совершавшемся со специальной целью создания свободных рабочих рук, в то время, как последнее обстоятельство являлось обстоятельством, так сказать, побочным, в основном же огораживания имели целью создание крупных земельных владений для организации на них капиталистического сельского хозяйства.

Историю промышленной революции т. Чекин начинает рассматривать с технических усовершенствований в области металлургии. Между тем, обычный подход к этому явлению, когда рассмотрение промышленной революции начинают с эволюции промышленности текстильной, несомненно более правилен. Как раз технические изобретения в этой области промышленности имели, так сказать, принципиальное значение, ибо они создавали новый способ производства. Именно прогресс в текстильной промышленности стимулировал изобретение и усовершенствование в области металлургии, а не наоборот, как это почему-то утверждает наш автор.

Взгляд т. Яроцкого на разрушение машин нам кажется слишком теоретичным. Тов. Яроцкий полагает, что фабричные рабочие оказывались мало причастными к этой форме протеста против создающихся капиталистических условий. Между тем, 80-е и 90-е гг. XVIII века в Англии дают нам многочисленные примеры разрушения первых фабрик именно фабричными рабочими. Во Франции же, даже в 60-х гг. XIX века рабочие разрушали те фабрики, на которых работали.

Наиболее интересной частью первого выпуска является отдел, посвященный чартизму, а в этом отделе—страницы, рассматривающие роль трэд-юнионов и значение создания кадров квалифицированных рабочих, как одного из факторов разложения столь мощного движения, каким был чартизм.

Выпуск второй охватывает рабочее движение эпохи промышленного капитализма, хронологически 50—80-х гг. XIX века. То обстоятельство, что вся работа представляет собой, повидимому, курс лекций для учебного заведения со специальным уклоном, отразилось на втором выпуске весьма сильно. Во-первых, рабочее движение почти всюду рассматривается без связи с политическими событиями. (Исключением и притом весьма удачным является немецкое рабочее движение 60-х гг.). Во-вторых, несравненно больше внимания уделено профессиональной форме рабочего движения, нежели другим его формам.

В общем, как первый, так и второй выпуск «Истории рабочего движения» написаны весьма живо и популярно и богаты широкими обобщениями и схемами. Однако, рассматривая в пределах данного периода истории рабочего движения движение отдельных стран и стараясь выделить черты, наиболее типичные для той или иной страны,—автор несоизмеримо мало внимания уделил явлениям международного значения—Коммуне и I Интерналу. В особенности это замечание относится к последнему. Будучи большим мастером давать широкие обобщения и схемы, т. Яроцкий иногда проявляет в этом деле известную долю увлечения. Так, по его мнению, в эпоху промышленного капитализма в рабочем классе резко обозначаются два крыла, избирающих два пути, «два течения, революционное и консервативное». Это положение нашим автором доказывается состоянием рабочего движения 60-х гг. в Англии.

Между тем, положение Англии в 60 и 70-х гг. до известной степени не было типичным для страны, переживающей эпоху промышленного капитализма, а предвосхищало уже известные черты империалистической эпохи. Здесь следует обратить внимание на монопольность экономического положения Англии—результат неравномерности развития, возможность высоко оплачивать верхушку рабочего класса за счет эксплоатации рабочих других стран и т. д. Трэд-юнионы в этих условиях явились организациями именно этих высоко оплачиваемых рабочих. Именно они и задавали тон всему движению. Но в отличие от подлинной эпохи империализма левое крыло вовсе не проявляло себя. Правда, тов. Яроцкий считает вступление в I Интернационал проявлением революционности известного слоя английских рабочих, между тем, хорошо известно, что в I Интернационал английские рабочие входили, преследуя узкие практические цели. Конечно, большие

массы рабочих Англии не входили в группу хорошо оплачиваемой верхушки рабочих, но они не оказывали никакого влияния на движение, и сам автор указывает, что «мастер забастовок Поттер» не имел никакого успеха...

Что касается правого и левого крыла в движении рабочих других стран, переживающих эпоху промышленного капитализма, то здесь весьма трудно проводить грань; лишь позднее, со вступлением этих стран в эпоху империализма, в движении дифференцируются правое и левое крыло.

Впрочем, глава об английском движении вообще дает много интересного материала. Отметим хотя бы биографические данные об основоположниках трэд-юнионизма, подробное рассмотрение организационных форм трэд-юниона в свете роли их «тисков для масс» и т. д.

Зато кое-какие ляпсусы можно найти в главе о французском рабочем движении. Прежде всего неверным является утверждение, что в ЦК Национальной гвардии имелся лишь один член Интернационала, а все остальные представляли собой буржуазных республиканцев. Совершенно непонятным остается такое выражение, касающееся практических мероприятий Коммуны: «Была запрещена работа в булочных без вычетов из заработной платы».

Нельзя согласиться с проводимым в этой главе взглядом на забастовки: Признать за забастовками значение лишь фактора, воспитательного и сплачивающего рабочих,—значит отдать дань синдикалистским и реформистским взглядам.

Заканчивая главу о французском движении, наш автор заявляет вразрез с Лениным, что эпоха промышленного капитализма «во всем мире приходит к концу в начальные годы XX века».

Что касается главы о немецком рабочем движении, то, как мы уже говорили, она представляет значительный интерес потому, что в ней нашему автору удалось увязать развитие рабочего движения с общеполитическим развитием, причем, несмотря на краткость изложения, это сделано весьма удачно. Недурно освещено и возникновение профессиональных организаций, зато совершенно недостаточно затронута такая интересная эпоха, как первые годы применения закона против социалистов. Впрочем, нами уже отмечалось, что рассмотренная книга переносит центр тяжести на профессиональную форму рабочего движения.

С. Моносов

Академик Е. В. ТАРЛЕ. Рабочий класс в первые времена машинного производства—от конца империи до восстания рабочих в Лионе. Институт К. Маркса и Ф. Энгельса. Серия исследований по истории пролетариата и его классовой борьбы, под общей редакцией Д. Рязанова, 278 стр. Гиз, 1928.

Широко известны работы Е. В. Тарле «Рабочий класс во Франции в эпоху революции» (два тома, П-б., 1909—1911, 315 и 580 стр.) и «Континентальная блокада» (Москва 1913, 739 стр.), давшие обширный новый материал по экономической и социальной истории соответствующего периода. Прямым продолжением этих работ является рецензируемая книга, тем более интересная, что она посвящена тем страницам истории, которые обходились буржуазной и марксистской литературой. Автор охватывает большой хронологический отрезок времени и разносторонне разрабатывает вопрос, дает много материала о состоянии промышленности во Франции, об экономическом положении, организациях и политических настроениях рабочего класса и заканчивает очерком ноябрьского лионского восстания.

Донесения полиции красочно рисуют панику французских промышленников перед вынужденной политикой открытых дверей, в результате которой французский рынок был наводнен иностранными, главным образом, английскими, товарами. Правительство лавировало между Сциллой требований союзников и интересов землевладельческих классов и Харибдой покровительства отечественной промышленности. «Только два момента принимались к серьезному соображению: 1) следовало считаться с политическими интересами Франции, другими словами— не очень раздражать союзников, мешая им торговать на французском рынке, и 2) когда интересы промышленности сталкивались с интересами земледелия, нужно было всегда давать предпочтение интересам земледелия. Например, когда металлурги потребовали увеличения пошлин на ввоз кос, то им было в этом отказано с прямой мотивировкой: «интересы земледелия гораздо существеннее». Борьба торгового капитала с промышленным разгоралась вокруг вопросов о вывозе шерсти, пошлин на ввозимый каменный уголь и таможенной политики вообще. Рядом конкретных фактов автор иллюстрирует процесс вытеснения Франции Англией с мирового рынка и необходимость пере-

хода к ограждению внутреннего рынка от конкуренции иностранных товаров. Тарле не ограничивается приведением цифр Шарля Дюпэна, характеризующих рост промышленности с 1818 г. (хотя не видно, чтобы он критически относился к статистической эквилибристике знаменитого математика), а приводит ряд свидетельств (английских путешественников, полицейских бюллетеней), косвенно подтверждающих бурный рост экономического развития.

Для освещения экономического положения рабочего класса автор использовал исследование Виллермэ[1], дополняя обильный материал этой книги данными из отчетов полиции и переписки префектов. Охарактеризовав яркими красками классовый характер рабочего законодательства и особенно его применения на практике, автор из года в год прослеживает экономическую борьбу рабочего класса. Она проявлялась не только в архаичных и отсталых формах (борьба в среде рабочих на почве превышения предложения труда над спросом, петиции королю), но принимала иногда характер организованной борьбы (саботаж, оборонительные и наступательные стачки, борьба со штрейкбрехерами, бойкот хозяев, нарушающих тарифные установления, бойкот в ответ на локаут); сами хозяева иногда выступали организованно (локаут по соглашению), хотя это не всегда спасало их от поражения (стачка парижских кузнецов в сентябре 1830 г.). Дело доходило подчас до кровавых столкновений и даже целых побоищ рабочих с полицией и войсками. Таким образом, автор показал, что ноябрьское лионское восстание было вовсе не первым и не внезапным проявлением обостренной классовой борьбы.

Е. В. Тарле ошибочно предполагает, что обрисованная им картина совершенно неизвестна ни экономистам, ни историкам. Презрительно трактуемое им, как «инвентарь», собрание текстов, опубликованное Жоржем и Гюбером Бурженами[1], содержит многие документы, использованные нашим исследователем. За период с 1814 по 1821 год Е. В. Тарле отметил только 4 стачки в провинции, о которых у Буржэна нет материалов, тогда как 3 стачки, отмеченные у Буржэна, пропущены у Тарле. Только сведения за период с 1825 по 1830 гг. имеют ту новизну, о которой рекламно говорит ак. Тарле на стр. 79. Мало того, что много труда было затрачено на параллельную работу, документы архива были проработаны академиком Тарле не всегда с достаточной внимательностью. Так шиферная каменоломня близ Анжера у него превратилась в «грифельный рудник», из которого «рудокопы» добывают «глину», а черепичный завод превратился в «кирпичный». Помимо этих ошибок, граничащих с описками, налицо и некоторое извращение: организация, ведущая борьбу с хозяевами, включала не всех рабочих предприятия, а только этих черепичников; опуская это организационное отделение квалифицированных рабочих от простых землекопов, автор не может дать правильного об'яснения внутренних разногласий, проявившихся среди рабочих во время стач-

---

[1] Книга Villermé. Tableau de l'Etat physique et moral des ouvriers (2 тома, Париж 1840) является вовсе не анкетой, как почему-то упорно называет ее Тарле, а исследованием, основанном не только на данных личного спроса и наблюдения, но в гораздо большей степени на материалах местных «Промышленных обществ» (докладах, бюллетенях, исследованиях) и на материалах, предоставленных автору местной администрацией; наконец, им использованы общедоступные департаментские ежегодники, ежегодники Бюро долгот (Bureau des longuitudes)—Enquête commerciale, Enquête rélative à diverses prohibitions à l'entrée des produits étrangers, Documents statistiques sur la France, publiés en 1835 par le ministère du Commerce. Эти источники, богатые сведениями и о экономическом положении рабочих и о состоянии промышленности, академиком Е. В. Тарле не использованы или использованы частично, и притом из вторых рук. Кроме того Виллермэ заимствует много материала из сочинений современных экономистов и даже из мемуарной литературы; Е. В. Тарле тоже не нашел нужным обращаться к некоторым из этих произведений непосредственно (напр., к книгам baron de Morogues. De la misère des ouvriers et de la marche à suivre pour y remédier; Nioret. Memoires d'un ouvrier rouennais, Rouen 1836 и т. д.

[1] Georges Bourgin et Hubert Bourgin. Le régime de l'industrie en France de 1814 à 1830, Recueil des textes с подзаголовком «Les patrons, les ouvriers et l'état» (Paris 1912—1921). Из задуманных 3 томов появились пока только два, доводя публикование документов до конца 1824 г.; отсутствие указателя, который, как видно, будет приложен к третьему тому, несколько затрудняет пользование этим изданием.

ки, вспыхнувшей в ответ на стремление предпринимателей уничтожить некоторые старинные права этой организации [1]. Другой пример: хозяин «прядильни» Шевалье оказывается фабрикантом коленкора,—и бастуют не только прядильщики, но и ткачи [2]; а рабочие «беспорядки», изображенные у Тарле, как наступательная стачка, оказываются бойкотом в ответ на локаут предпринимателя с целью понизить заработную плату.

Большая заслуга автора, что он рассматривает стачечное движение на фоне изменяющейся промышленной кон'юнктуры, тщательно прослеживаемой им из года в год. Но этого недостаточно для об'яснения особенностей рабочего движения в период реорганизации промышленности на машинной основе. Ведь эта реорганизация во Франции происходила медленно, постепенно захватывая различные отрасли производства и различные процессы внутри каждой отрасли; производственные отношения изменялись с той же последовательностью. Между тем, этого процесса Тарле не касается. Его часто вовсе не интересует, имеет ли он дело с механизированными процессами или с производимыми вручную; вспыхивает ли движение на бумагопрядильнях, уже с начала девятнадцатого века ставших крупными предприятиями, или на бумаготкацких предприятиях, в первой четверти века еще остававшихся в стороне от технического переворота (стр. 106, 115); ему настолько безразлично, в каком именно производстве вводится механизация, что фанерочно-распиловочную машину он называет машиной для пилки дров [3], подчас его удовлетворяют сведения, что вообще какая-то машина вводится в каком-то производстве [4]. Вместо того, чтобы установить основные вехи процесса реорганизации промышленности, вместо того, чтобы использовать ценнейшие конкретные указания документов, прошедших через его руки [5], наш исследователь ограничивается цитатой, рисующей в общих чертах техническое состояние французской промышленности к 1854 (!) году, вульгарно описывает удивление Сея, «светила французской экономической науки», впервые увидевшего в Англии паровую тягу по рельсовым путям, и указывает, что оборудование промышленных предприятий стальными машинами во Франции обходится гораздо дороже, чем в Англии. На этом и кончается параграф, посвященный «никем еще не написанной истории введения машинного производства во Франции». Поэтому вовсе не описка, не вопрос стиля, что период этого медленного и болезненного процесса реорганизации промышленности в заглавии обозначается как «первые времена машинного производства». Название отражает недиалектическую постановку вопроса.

Вообще технического состояния промышленности Тарле коснулся лишь для того, чтобы сделать вывод, что «о конкуренции машинного производства во Франции с машинным производством Англии речи быть не может» (стр. 58), сводя в конечном счете весь вопрос к общим колебаниям торгово-промышленных кон'юнктур. Из одного этого ясно, что Тарле совершенно неспособен в промышленном перевороте видеть не только технические сдвиги, но и изменения в социальных отношениях.

Нужно отметить еще одну «оригинальность» в постановке Е. В. Тарле вопроса о техническом состоянии французской промышленности. Документы познакомили его «с совершенно новым фактом, весьма важным для уяснения положения вещей: были страны, которые стояли настолько же ниже Франции в смысле машинной техники, насколько Франция стояла ниже Англии, и эти страны делали упорные попытки обзавестись образцами уже имевшихся во Франции машин, сманить к себе французских квалифицированных рабочих и этим путем получить экономическую самостоятельность» (стр. 58).

Для подтверждения этого автор указывает на два случая: 1) вывоз в 1891 г. 21 дженни, однако, неизвестно, о каких дженни—ручных со 160 веретенами, уже устаревших и во Франции, или «мюль-дженни» с 360 веретенами, на основе которых только и возможно строить крупное бумагопрядильное производство; 2) многочисленные попытки вывезти из Франции машины по обработке шерсти и выделке сукон; но эти

---

[1] См. Тарле, стр. 91—93; Bourgin, т. I, 252—253.

[2] См. Тарле, стр. 130, Bourgin, т. I, стр. 293—294; все документы приведены in extenso.

[3] Стр. 67, у Буржэна, т. I, стр. 71—73.

[4] Стр. 67-а, 87—88 воззвание безработных в Клермоне; об этом движении см. Буржэна, I, 125 и сл.

[5] Например, у Буржэна мы читаем, что сукнострижная машина к 1819 году уже была введена на фабриках городов Седана и Лувье и только вводится во Вьенне (т. I, 172—173).

машины, как видно из документов [1], куплены в Антверпене и, следовательно, только транзитом проходят через Францию. Неправильно, что правительство запрещало вывоз машин и до закона 27 марта 1817 г., как это видно из раз'яснения министерства внутренних дел от 9 ноября 1816 года [2]. Сманивание же квалифицированных рабочих (стеклодувщиков, пуговичников, гребенщиков, металлургов) показывает только низкий уровень техники, материализовавшийся только в рабочей силе, а не в средствах производства.

Упуская из виду социальную сторону реорганизации промышленности, Тарле не в состоянии отметить основной особенности луддитского движения, которое с достаточной яркостью выясняют документы, приведенные у Буржэна. В Клермоне в движении против «механических приспособлений для чесания (cardage) и прядения шерсти» принимал участие и обвинен как один из организаторов fabricant des cardes, т. е. хозяйчик—мастер тех инструментов ручного труда, которые вытесняются машиной [3], в Лодэве в мае 1821 года во время луддитских актов против новой сукнострижной машины замечается попустительство прочих фабрикантов, на предприятиях которых не было таких усовершенствованных машин [4]. Наконец, луддиты Вьенны прямо говорили, что «если бы они не послушали хозяев-стригальщиков (maîtres-tondeurs), восстание 26 февраля (1819 г.) не имело бы места» [5]. Здесь луддизм вырисовывается не как пролетарское движение, а как движение, организованное ремесленниками и хозяйчиками устаревших средств производства, использовавшими невежественных и неконституировавшихся в класс рабочих, как пушечное мясо. Луддитские стремления парижских рабочих типографий (а не только наборщиков) имеют в основе деквалификацию и утерю своего исключительно благоприятного положения в связи с введением механического пресса.

Деквалификация одних рабочих, замена других неквалифицированными пришлыми рабочими, женщинами и

[1] Буржэн, ук. соч., I, 34—36.

[2] Тарле, стр. 58, Буржэн, I, стр. 35.

[3] Буржэн, I, стр. 128—129.

[4] Там же, I, стр. 373; имеется много интересных подробностей—369—375.

[5] Там же, I, стр. 183, № 36, а также 171—185; у Тарле эти события описаны как три совершенно самостоятельных луддитских движения.

детьми [1], пролетаризация кустарей и ремесленников, наконец, давление аграрного перенаселения, обострившегося в связи с вытеснением деревенской промышленности промышленностью фабрично-заводского типа, нагнавшего в город множество сельчан с более низким уровнем потребностей [2],—вот основные элементы динамики экономического положения рабочего класса, которая определяла характер каждой стачки и всего рабочего движения в целом. Колебания же кон'юнктуры имеют значение лишь на фоне этих глубоких процессов, совершенно не вскрытых автором.

Игнорирование характера производственных отношений сказалось и в главе, посвященной рабочим организациям. Общества взаимопомощи, «насаждавшиеся в рабочей среде» (спасительная неопределенность выражения!), имелись не только среди наемных рабочих, но и среди ремесленников и хозяев мастерских, которых документы часто также называют рабочими; автор не потрудился провести это различие. Вообще этому виду организации уделено слишком мало внимания (1½ страницы), между тем, как отмечает Буржэн, к 1823 г. в одном Париже было 160 обществ взаимопомощи, причем 132 из них, будучи «настоящими профессиональными об'единениями», организовали 11 143 человека [3]. Помимо количественной мощности, кассы имеют большое значение по своей деятельности, преследующей не только благотворительно-филантропические цели, но и боевую задачу—поддержку бастующих [4]. Так что нет данных говорить о «полном ничтожестве экономической, моральной и политической роли» этих организаций [5]. Следовало бы также отметить, что старинные товарищества, проникнутые узкокорпоративным духом, компаньонажи, сохранились только у строительных рабочих и у рабочих производств, основанных целиком на ручном труде (плотников, столяров, токарей, каменщиков, каменотесов, черепичников, булочников, рабочих бумажных заводов, суконщи-

[1] У Виллермэ имеются очень интересные данные о детском труде, см. т. II, стр. 17 и др.

[2] Там же, т. I, 150—151, 188, 286, 305 и т. II, 24, 30.

[3] Буржэн, т. II, ст. IX.

[4] Примеры этой деятельности приводит сам Тарле в главах IV и V, стр. 91, 116 и т. д.

[5] Там же, стр. 190.

ков и т. д.) и не проникали в производства, организованные на новых началах. Совершенно правильно, что «новые экономические отношения, новые задачи и потребности классовой борьбы требовали совсем иных форм организации, чем эти старинные пережитки». Уже вполне явственно намечается процесс разложения компаньонажей (борьба между compagnons и неполноправными aspirants, мимоходом отмеченная у Тарле, стр. 117) и некоторого приспособления к новым условиям в виде об'единения ранее враждовавших организаций (компаньонажи кузнецов du devoir и gamains, стр. 211).

Глава о лионском восстании богата чрезвычайно интересным материалом.

Но характеризуя лионское восстание, как чисто рабочее, Тарле целиком находится в плену воззрений современной восстанию печати (см., например, статью из Journal de débats, приведенную на стр. 267—268 рецензируемой книги), которая видит в обществе только два класса: бедных и богатых, имущих и неимущих.

Следует отметить интересный материал об отношении к лионскому восстанию сен-симонистов (стр. 273—277).

В главе шестой приводимый автором материал показывает, что интерес рабочих к политическим вопросам и в период реставрации не окончательно заглох (бонапартистские настроения, «злонамеренные» среди лионских рабочих, стр. 181—182; апрельские и сентябрьские демонстрации в 1827 году, стр. 184—186). Особенно интересны данные о политических настроениях деловой буржуазии; интересно, что правительство обвиняло «злонамеренных» из буржуазии в провокации рабочих волнений (см. стр. 108, 115, 177, 182—183, 186). В главе об июльской революции автор не дает ничего нового по сравнению с книгой Октава Фести[1].

Несмотря на то, что «исследование медленно писалось» (см. предисловие автора), книга носит на себе печать небрежности и торопливости. К отмеченным выше ошибкам можно прибавить еще множество мелких небрежностей перевода (напр., на прядильных машинах «спицы»—вместо веретен, стр. 19), невнимательности (напр., на бумагопрядильне в Ремирмоне делают... материи, стр. 106), небрежных формулировок (напр., «весь буржуазный класс», стр. 170) и ряд фактических ошибок. Цитируемая на стр. 226 брошюра «Au peuple» от 1 июля 1831 г. написана О. Бланки и вовсе не является первой программной статьей общества «Друзей народа»; таковой может считаться брошюра «Avis à nos électeurs», появившаяся в сентябре 1830 г. Газета «National» являлась органом не «радикального крыла мелкой буржуазии» (таковым является газета «La Tribune» Мarrаста), а республиканского крыла промышленной буржуазии. Неправильно освещено отношение «мелкой и мельчайшей буржуазии» к максимуму 1793—1794 г.

Подчеркивая, что автор рецензируемой книги не является марксистом (и что поэтому к употребляемой им марксистской фразеологии надо относиться с большой осторожностью), что ряд проблем трактуется методологически неправильно, мы все же рекомендовали бы нашим вузовцам и даже широкому кругу читателей рецензируемую книгу, написанную увлекательным, живым языком и богатую ярким, интересным материалом.

И. Завитневич

[1] Festi, O. Le mouvement ouvrier au début de la monarchie de Juillet. Paris. 1908.

GEORGES LARONZE. Histoire de la Commune de 1871 d'àprès des documents et des souvenirs inédits. La justice. [Paris. 1928, p. 695].

Парижская коммуна 71 г., которая долгое время была не в почете у буржуазных французских историков, начинает за последние годы привлекать их внимание. В 1924 году Жорж Буржен выпустил первый том «Протоколов» коммуны; в следующем году в Revue Historique появилась весьма ценная статья того же автора («Парижская коммуна и Центральный Комитет»); в 1928 году вышла небольшая работа Буржена, посвященная «Первым дням Коммуны»[1].

К числу этих новинок относится и книга Ларонза. Как видно из подзаголовка, это—не общая история Коммуны, а история ее судебных и административных учреждений. Ларонз—сам крупный чиновник судебного ведомства, притом, очевидно, пользующийся особым доверием начальства. Последнее явствует из того, что перед нашим

[1] На русский язык переведена другая книжка Буржена («История Парижской Коммуны»), вышедшая еще в 1907 и переизданная в 1922 г.

автором гостеприимно раскрылись двери Архива Военного министерства, в которые тщетно стучался даже реакционнейший историк Коммуны—Максим Дю Кан. Кроме того, Ларонз пользовался материалами архивов Сенского департамента, министерства юстиции и Префектуры полиции, доступ в которые также возможен лишь для «избранных». Благодаря этому счастливому обстоятельству в распоряжении Ларонза оказались ценнейшие документы, относящиеся к эпохе Коммуны и захваченные потом версальцами[1], а также архивы военных судов (Conseils de guerre), в которых хранится до 50 тыс. досье (личных дел) участников первой пролетарской революции (стр. 3—4). Наконец, автор привлек к изучению материалы, имеющиеся в Archives Nationales и Библиотеке Исторического Института города Парижа, доступ к которым имел и Буржен (ib.).

Помимо прессы и мемуарной литературы, Ларонз использовал ту «живую документацию», которая уцелела от времени Коммуны в лице участников движения и лиц из противного лагеря. Бывший «делегат юстиции» Прото, Шарль, Да Коста, Максим Вильом, Пенди—с одной стороны, графиня Дюфор (внучка версальского министра юстиции), сыновья расстрелянного коммунарами председателя кассационного суда Бонжана, чиновники и сторожа министерства юстиции—таковы живые свидетели, показаниями которых пользуется (притом без достаточной осторожности—добавим от себя) наш автор (стр. 4—5).

Уже то обстоятельство, что Ларонза допустили к изучению документов, которые тщательно и безнадежно сокрыты от нескромных взоров простых смертных, позволяет предполагать, что мы имеем дело с работой вышедшей из кругов, далеко не дружественных коммуне. Недаром Луи Барту, министр юстиции в теперешнем кабинете Пуанкаре и член Французской Академии, дал (в предисловии) чрезвычайно лестную оценку книге Ларонза.

Ее дальнейшее изучение только подтверждает это предположение. С первых же строк автор хочет уверить читателя в своем «строгом беспристрастии» и «беспартийном» подходе к изучению истории Коммуны (5). В качестве эпиграфа на его книге красуются известные слова Тэна: «Я писал, как если бы моим сюжетом были революции во Флоренции или Афинах». Однако при ближайшем рассмотрении эта претензия на «беспристрастие» оказывается столь же неосновательной, как и претензия Тэна, известного автора злостно-реакционного памфлета на Великую революцию.

Вот несколько примеров. Ларонз охотно верит позднейшему показанию одного из чиновников Коммуны (Фуе)[1], будто ее следователи «освобождали только воров» (318 г.). Между тем несколькими строками выше автор приводит рассказ Гастона Да Коста (одного из ближайших помощников Риго по экс-префектуре), который вспоминает, как он в течение недели сидел ежедневно по два часа, разбирая дела лиц, задержанных за р а з н о г о рода проступки (в том числе за бродяжество и дезертирство); в результате значительное число арестованных (очевидно, не только «воров»!) было освобождено (317—18). В другом месте автор категорически заявляет, что «бо́льшая часть» политических заключенных сидела при Коммуне без допроса, и возмущается этим фактом (342, 344). Но и это утверждение не обосновано им фактически: верно, что м н о г и х из так наз. «заложников» не вызывали на допрос, но, с другой стороны, сам Ларонз приводит много примеров допросов арестованных по политическим делам, причем в ряде случаев после допроса задержанные в качестве заложников освобождались (351, 352, 358, 402).

Ларонз считает Коммуну и ее прессу «моральными виновниками» народных самосудов над заложниками, имевших место в те дни, когда правительства Коммуны фактически уже не существовало. Но нашему «беспристрастному» автору, законнику до мозга костей, и в голову не приходит поставить вопрос об ответственности (уже не «моральной», а юридической!) версальского правительства за ту кровавую бойню, которую учинила версальская армия в Париже уже п о с л е прекращения военных действий. Для приличия он, конечно, не одобряет массовых расстрелов без суда и скорострельной юстиции наскоро импровизированных военно-полевых судов (629—635, 636), но он спешит ука-

[1] Сюда относятся многочисленные приказы, исходившие от прокурора Парижской Коммуны, ее Комиссии Общественной Безопасности, Комитета Общественного Спасения, протоколы допросов арестованных, судебные приговоры и т. д.

[1] Разговор автора с Фуе относится к 1914 г.

зать на смягчающие обстоятельства: надо же—говорит он—войти в положение солдат и офицеров, доведенных до «бешенства» продолжительной осадой, «утомительными уличными боями», расстрелами заложников, пожарами, всякого рода нелепыми слухами (629). Выходит, что эта «организованная» бойня происходила без ведома высшего командования и версальского правительства, которое было бессильно остановить разбушевавшуюся стихию! Но дальше мы узнаем, что стоило только правительству отдать формальное распоряжение, как бойня тотчас же прекратилась (636). Число иллюстраций «беспристрастия» автора можно было бы, при желании, значительно увеличить.

Три вопроса интересовали, главным образом, Ларонза: судебные реформы Коммуны, деятельность ее полиции (делегата по бывшей префектуре) и практика ее чрезвычайных судов: военных советов (Conseils de guerre), военного трибунала (Cour martiale) и обвинительного жюри (Jury d'Accusation), специально созданного для установления круга лиц, которых можно было бы рассматривать как заложников.

По всем трем вопросам, до сих пор не подвергавшимся научному изучению на основании архивных данных, автор дает много любопытнейшего фактического материала. Но этот материал, извлеченный из архивных сокровищниц и долженствующий, по выражению автора, подвести «новый фундамент под историю Коммуны» (5), подвергся специфической обработке и получил специфическое освещение под пером Г. Ларонза.

В подходе к фактам, в их оценке, в выводах, чувствуется не только политическая реакционность автора, но и узость его кругозора, его непреодолимый консерватизм, чисто формальное мышление, столь типичное для буржуазного юриста.

Для нас неново, что юстиция и полиция были одним из наиболее слабых сторон в деятельности Коммуны. В частности большая нерешительность была проявлена по части ликвидации унаследованной от Империи судебной организации, что, как нам кажется, об'ясняется не только кратковременностью существования Коммуны, но и оторванностью находившейся в руках бланкистов делегации Юстиции от рабочих организаций и несогласованностью ее работ с деятельностью Комиссии Труда и Обмена, которой руководили прудонисты. Верно и то, что за недостатком времени Коммуна не реализовала многих из задуманных ею реформ [уничтожение праза наследования, отмена титулов, сословий, майоратов; восстановление развода, упрощение формальностей при заключении брака, реорганизация коммерческих судов (451)], не создала никакого аппарата для разбора уголовных преступлений (340, 320).

Но в своей оценке реорганизации юстиции при Коммуне автор, прежде всего, не учитывает обстановки гражданской войны и упорнейшего саботажа всей старой магистратуры и адвокатуры. Он перечисляет те требования, которые выдвигались накануне революции 18 марта в области юстиции наиболее демократическими группировками: выборность судей, даровая юстиция, суд присяжных по всем делам, право каждого быть судимым «себе равными» и т. п. (122 и passim).

Затем он с торжеством констатирует, что коммуна вынуждена была прибегнуть к назначению мировых судей и членов Гражданского трибунала (324); что принцип бесплатности удалось провести лишь частично, что дела заложников разбирали специальные «жюри» (Jury d'Accusation), составленные из национальных гвардейцев, притом подобранных преимущественно из наиболее пролетарских кварталов Парижа: из ультра-буржуазных VII и VIII округов заседателей не брали совсем (547, 548). И автор, конечно, возмущен до глубины души таким попранием принципов демократии.

Обильную пищу для его негодования дают и все исключительные мероприятия, принимавшиеся Коммуной в борьбе с контрреволюцией (произвольные аресты, система заложников, создание чрезвычайных трибуналов, недопущение защиты при допросах политических, система строгой изоляции для лиц, обвинявшихся в измене, шпионаже и т. п.)[1]. И это после того, как делегату юстиции была дана прямая и недвусмысленная директива: «гарантировать индивидуальную свободу всем гражданам!» (181). В своих исключительных декретах Коммуна проявила не социалистический, а революционный дух, заключает Ларонз (130). Ему и в голову не приходит простая, казалось бы, мысль, что к режиму пролетарской диктатуры нельзя подходить с мерками буржуазно-демократической легальности. С другой стороны, он недооценивает ряда мер, при-

[1] См. 318—19 и passim.

нятых Коммуной против незаконных арестов и обысков, длительного заключения без допроса и вообще без достаточных оснований, ее повышенного интереса к обстановке тюремного режима и т. д. (251—252; 128—129).

Автор утверждает, что все реформы, проведенные Коммуной в судебном ведомстве, носили чисто буржуазный характер. В них не только не было ничего социалистического: за ними даже не чувствовалось какой-либо широкой программы, «напоминающей план будущего общества». Его общий вывод: «Коммуна не сделала ни малейшей попытки разрушить основы нашей судебной организации, нашего уголовного и гражданского законодательства» (679, 450, 677—78, 240).

В этих оценках сказался прежде всего чисто формальный подход буржуазного юриста, неспособного разглядеть за старой формой нового содержания. Совершенно верно, что иногда, даже вновь созданные Коммуной судебные учреждения (напр. Гражданский трибунал) были простым воспроизведением старых, буржуазных судов (324), но в ряде случаев за старой терминологией скрывалась уже новая, классово-пролетарская сущность.

Весьма крупную роль сыграла замена старого персонала, в большинстве саботировавшего новую власть, новыми, преданными делу Коммуны чиновниками. Ларонз с неудовольствием отмечает, что многие из назначенных Коммуной мировых судей[1] утратили свою «независимость», что особенно бросалось в глаза при разборе «квартирных» дел. «У меня такой принцип,—простодушно заявил один из судей:—всегда решать дело не в пользу домовладельцев и буржуа. Это революция сделана народом, так он и должен ею воспользоваться» (459). Пролетарско-классовый состав заседателей в Jury d'Accusation был уже нами отмечен выше.

Коммуна не на словах, а на деле удешевила юстицию и приблизила ее к рабочему населению Парижа. В то же время она, вопреки утверждениям Ларонза, пробила серьезную брешь в аппарате буржуазного суда, упразднив монополию адвокатской корпорации на защиту в уголовных делах и превратив нотариусов и стряпчих, прежде покупавших свои должности и взимавших в свою пользу судебно-нотариальные пошлины,—в простых, состоящих на определенном жаловании чиновников (126). Ларонз считает, что, декретировав бесплатность юридического оформления таких актов, как дарений, брачных контрактов, завещаний—Коммуна «освящала капиталистический режим» (678). Аналогичную оценку дает он и проекту реформировать Коммерческий суд, устранив в нем засилье крупных предпринимателей (451—52). В этих рассуждениях автора сказывается неспособность понять неизбежность некоторого переходного периода, предшествующего осуществлению развернутого социалистического строя.

Все эти оценки отдельных сторон судебной реформы обусловливаются принципиальным подходом автора к законодательству Коммуны: с его точки зрения в сущности все мероприятия Коммуны «не имели практического значения», ибо были продуктом обреченного на гибель режима; рассчитанные на национальный масштаб, они не имели силы за пределами одного мятежного города, который рано или поздно должен был склониться перед волей всей Франции (119—120).

Делегат юстиции—бланкист Прото—пользуется некоторым благоволением автора. Все-таки это—бывший адвокат, сохранивший, несмотря на свой «якобинизм», некоторые традиции Palais de Justice, проявивший большую долю оппортунизма, патриот, свободный от влияний Интернационала и уже прямо враждебно настроенный к марксизму; наконец, что самое главное, бережно относившийся к аппарату буржуазной юстиции (236—37 и 325, 197).

Совсем иное отношение к другому бланкисту—Раулю Риго, исполнявшему обязанности префекта полиции, а потом назначенному прокурором Коммуны. Ларонз приложил немало стараний, чтобы дискредитировать этого «жестокого сорванца «gamin cruel» с чутьем полицейского» (характеристика Риго и Prolès'a) (45—6).

Именно Риго, в значительной мере узурпировавший прерогативы делегата юстиции, был настоящим нарушителем всех принципов буржуазной законности, воскресившим в деятельности префектуры самые худшие традиции времен Империи. Многочисленные, беспорядочные, «фантастические», или вовсе немотивированные аресты, продолжительное заключение без допроса и пред'явления обвинения, суровый тюремный режим для политических, система залож-

[1] Мировые судьи и следователи назначались исполнительной комиссией, потом комитетом общественного спасения.

ников, тенденциозные допросы, нарушение законных прав обвиняемых, нерядливое составление приказов об аресте, анархия в канцеляриях — таков длинный обвинительный акт, пред'явленный нашим законником Раулю Риго (58, 61, 335, 287, 283—4, 252—3, 290, 341, 291—292, 318—19, 316, 552—5).

Выше мы указывали, насколько «беспристрастно» отношение Ларонза к репрессивным мероприятиям Коммуны, отмечали и его органическую неспособность учесть ту обстановку гражданской войны, злостного саботажа чиновников, контрреволюционных заговоров,—в которой протекала работа Коммуны. Между тем только с этой точки зрения можно подойти к оценке деятельности ее административных органов и в частности к ошибкам и злоупотреблениям властью со стороны Риго и его бланкистского окружения. Необходимо только заметить, что многое из того, что автор ставит Риго в минус, нам пришлось бы поставить ему в плюс и обратно. Нельзя не согласиться, что и префектура, и прокуратура Коммуны проявляла порой преступное легкомыслие: она не только не сумела раскрыть во время контрреволюционных заговоров, но упустила из рук целый ряд шпионов и изменников (383—397).

Но, вопреки Ларонзу, мы полагаем, что тот же Риго делал полезное дело, когда арестовывал и держал в качестве заложников, банкиров, попов и монахов, бывших городовых, стражников, и императорских сыщиков и т. п., энергично содействовал проведению декрета о конфискации церковных имуществ, производил облавы на фешенебельные рестораны; или когда организовал особый аппарат по раскрытию тайных агентов императорского правительства, действительно выловил ряд провокаторов и не проявил ни малейшего снисхождения, на которое эти суб'екты могли, по мнению Ларонза, рассчитывать «за давностью» их подвигов (404—409, 402, 410).

В своей «Истории Коммуны» Ларонз дал не только историю ее административно-судебного аппарата: в его работе читатель найдет чрезвычайно интересные, притом основанные на **новом архивном материале**, подробности, касающиеся революции 18 марта. Уже Буржен (в ст. Revue Historique) высказывал сомнение в правильности старой точки зрения, согласно которой ЦК национальной гвардии играл в этот день чисто пассивную роль. После работы Ларонза эту старую концепцию можно считать разрушенной окончательно (см. 10, 15, 22 и след.). Весьма ценны и тщательно собранные автором биографические сведения о целом ряде должностных лиц Коммуны, позволяющие сделать известные выводы о классовом и партийном составе ее судебно-административного аппарата. Много новых данных о саботаже чиновников и интеллигенции (в частности адвокатуры) (333, 454, 455, 464, 466—7), о взаимоотношениях между различными ведомствами (см. напр., 181—182, 251 и passim).

Но пользоваться этим материалом следует весьма осторожно, памятуя политическую и профессиональную физиономию автора и учитывая его монопольное положение в качестве единственного историка, допущенного к важнейшим архивным материалам по Коммуне 71 г. Самый факт появления этой работы—почти официального, или во всяком случае, близкого к правительственным кругам характера, а также вся ее реакционная установка свидетельствует о том, что на ряду с Великой революцией история Коммуны снова становится орудием политической борьбы. На ряду с работами радикала Буржена, в общем благожелательно относящегося к первой пролетарской революции, хотя и затушевывающего местами ее подлинную сущность,—мы имеем об'емистый «труд» реакционера Ларонза, извращающего дело Коммуны при любезном содействии правительства Пуанкаре. И разве не характерен для послевоенной Франции тот красноречивый факт, что **второй** том протоколов Коммуны уже подготовленный Бурженом к печати, не находит издателя, тогда как пухлая книга Ларонза, научная ценность которой весьма сомнительна, будет фигурировать на книжном рынке как последнее слово науки. Великолепное доказательство «свободы» научного исследования при господстве буржуазии!

Н. Лукин

BRITISH DOCUMENTS ON THE ORGINS OF THE WAR 1898—1914. Edited by G. V. Gooch and Harold Temperley Vol. XI The Outbreak of War (Foreign Office Documents June 28-th, August 4-th 1914).

Фундаментальные публикации документов империалистической войны растут с каждым годом. Вслед за немецкой «Grosse Politik» появились английские документы, выходит французская публикация; подготовляется

издание документов русского министерства иностранных дел.

Все публикации документов мировой войны, — кроме советских — характеризуются специальной целевой установкой: составители стремятся реабилитировать свое правительство, доказать его невиновность или, по крайней мере, смягчить вину в подготовке войны 1914 года. Английская публикация не представляет исключения — она не менее тенденциозна, чем «Grosse Politik».

XI том документов «Foreign Office» охватывает период, начавшийся с убийства эрцгерцога Франца-Фердинанда (несколько документов в вводной главе отражают события и более ранних дней—свидание в Конопиште) и закончившийся вступлением Англии в войну.

Коллекции документов расположены в строго хронологическом порядке; точная дата получения и отправления документов позволила издателям провести хронологический принцип подбора без каких-либо отклонений. Кроме документов архива «Foreign Office» издатели воспользовались отрывками из частной корреспонденции Грея, Никольсона.

Почему XI том начинается 28 июня? Редактор отвечает на этот вопрос коротко и... неясно: он ссылается на «многие причины» (?!) и на то, что немцы начинают публикацию с той же даты.

Любопытно, что XI том, входящий в публикацию, издаваемую под редакцией историков Гуса и Темперлея, редактирован не ими, а «историческим советником» министерства иностранных дел Хидлам-Морлеем (Headlam-Morley).

Введение Хидлам-Морлея посвящено вопросу о характере издания, но с первых же строк автор скатывается к плохо прикрытой публицистике. Хидлам-Морлей, отмечая падение политической активности министерств иностранных дел к концу июня 1914 года, связанное с парламентскими каникулами, отпусками дипломатов, делает из этого наблюдения весьма расширительные выводы. Он стремится доказать улучшение международной политической ситуации летом 1914 года. Хидлам-Морлей считает, что если опасность столкновения держав Тройственного Союза и Антанты существовала, то в июне не было никаких симптомов надвигающегося кризиса. «Исторический советник» английского министерства иностранных дел спокойно проходит мимо визита Пуанкаре в Петербург, наконец, —мимо переговоров об англо-русской морской конвенции. Хидлам-Морлей ограничивается лишь беглым замечанием по поводу обсуждения «технических» вопросов англо-русского соглашения первым лордом адмиралтейства.

Смешно думать, что эта техника не имела более, чем прямого отношения к политике—недаром Грей был сильно расстроен, узнав, что переговоры об англо-русской морской конвенции перестали быть тайной. Вряд ли поэтому Хидлам-Морлей найдет таких доверчивых читателей, которые согласились бы с его заверением о том, что Англия интересовалась исключительно отношениями с Россией в Средней Азии.

Переходя к дипломатическим документам, напечатанным в XI томе, следует сказать, что они наглядно демонстрируют подтасованность прежних «цветных» книг.

Примечания об опубликовании того или иного документа в Синей книге большей частью сопровождаются стереотипным «paraphrased and pars omitted», т. е. в Синей книге документ был перефразирован и частью пропущен. В качестве любопытного примера можно привести телеграмму Бьюкенена Грею от 24 июля, передававшую содержание беседы, которую Бьюкенен вел с Палеологом и с Сазоновым.

Как известно Сазонов и Палеолог «нажимали» на Бьюкенена с целью вынудить его к решительным заявлениям. Бьюкенен уклонился от прямого ответа и сказал, что, по его мнению, Грей вероятно раз'яснит в Берлине и Вене, что Англии трудно будет соблюдать нейтралитет в случае, если война станет всеобщей.

В Синей книге большая часть этого документа была выпущена. Хидлам-Морлей уверяет, что купюры, произведенные в телеграмме Бьюкенена, об'ясняются срочностью работы по составлению Синей книги: для опубликования документа полностью нужно было предварительно снестись с французским и русским правительствами, но для этого не хватило времени, так как Синяя книга срочно подготовлялась для парламента.

«Исторический советник» вновь принужден делать хорошую мину при плохой игре. Достаточно прочесть телеграмму Сазонова, чтобы увидеть, почему Грей не решился включить ее целиком в Синюю книгу—документ слишком ясно обнажал намерения

Франции и России, да и политика Бьюкенена рисовалась далеко не в пацифистском свете.

Разговор между Бьюкененом, Палеологом и Сазоновым был продолжен 25-го июля. Сообщая об этой беседе Грею Бьюкенен между прочим писал: «французский посол заметил, что французское правительство хотело бы знать приготовлен ли наш флот для того, чтобы играть роль, предназначенную ему англо-французской морской конвенцией» (с. 94).

К этой телеграмме сделано следующее примечание редакции: «возбуждая этот вопрос французский посол действовал без инструкций своего правительства. Это было только частное замечание, происходившее из его личной интерпретации ситуации». Как бы ни был категоричен Хидлам-Морлей, его примечание не становится от этого более правдоподобным.

Ведь Палеолог и Сазонов вместе уговаривали Бьюкенена заявить о солидарности Англии с Россией и Францией—немудрено, что французский посол напоминал о существующем морском соглашении. Хидлам-Морлей со свойственной ему скромностью воздерживается от сообщения—дезавуировало ли французское правительство напоминание Палеолога. С полной уверенностью можно сказать, что нет. Палеолог, конечно, действовал в пределах инструкций—если не по прямой инструкции своего правительства в этом частном вопросе.

Впрочем, фальшивка Хидлам-Морлея может быть легко об'яснена: в Синей книге и эта телеграмма Бьюкенена перефразирована и частью пропущена. Рассказывать вслух об интимных беседах по поводу выполнения союзнических обязательств вряд ли представлялось уместным.

«Историческому советнику «Foreign Office» так понравилась идея реабилитации составителей Синей книги путем облыжного обвинения союзнических послов, что он не стесняется и прямой лжи. 25-го июля Грей передал Бьюкенену свой разговор с русским послом в Лондоне Бенкендорфом. Тема беседы была та же, что и в Петербурге. Бенкендорф настаивал на прямом указании Германии, что Англия вмешается в войну на стороне России и Франции; Грей отказывался от прямого заявления, но убеждал Бенкендорфа в том, что он, Грей, не дал повода Германии надеяться на нейтралитет Англии.

Хидлам-Морлей в примечании к телеграмме сообщает, что документ предназначался вначале к опубликованию в Синей книге. Потом,—говорит Хидлам-Морлей,—Грей отказался от публикации телеграммы, якобы для того, чтобы не скомпрометировать Бенкендорфа. Здесь «исторический советник» вновь вытаскивает свою версию: точка зрения Бенкендорф не соответствовала точке зрения русского правительства.

Нужды нет, что предложения Бенкендорфа Грею буквально повторяли то, что было сказано Сазоновым, Бьюкенену в Петербурге, что Бьюкенен сообщал об этом 24, 25, 27 июня. Если факты мешают Хидлам-Морлею реабилитировать Грея и Синюю книгу, то... тем хуже для фактов.

XI том английской публикации, несмотря на все усилия Хидлама-Морлея, разоблачает фальсификацию Синей книги. Разоблачение конечно не новое, но любопытное, поскольку оно сделано самими фальсификаторами. Но из этого не следует, что XI том сам не является фальсификацией. В сущности говоря, это—своего рода Синяя книга, только несколько более полная. В ряде документов сделаны купюры, отмеченные многозначительными звездочками. Так, например, в частном письме А. Никольсона Бунзену, английскому послу в Вене, в письме, посвященном значению Сараевского убийства и характеристике политического момента, сделано два пропуска (с. 26). Телеграмма Грея Бьюкенену от 24 июля (с. 86) снабжена краткой пометкой «слегка перефразировано» (slightly paraphrased). Мы говорим об отмеченных купюрах. Но какое количество их не оговорено? На этот вопрос может ответить вероятно, Хидлам-Морлей, который уверяет читателя в исключительной полноте подбора.

Английская публикация интересна не только представленными в ней документами, но и теми пометками деятелей министерства иностранных дел, которые «Foreign Office» решилось опубликовать.

Для выяснения позиции Англии, любопытны пометки на цитированной выше телеграмме Бьюкенена от 24 июля.

Товарищ министра иностранных дел, Эйр Кроу (Eyre Crow) детально развил на полях телеграммы свою точку зрения.

Кроу исходил из неизбежности войны между Францией, Россией и Сербией с одной стороны, и Тройственным союзом с другой. «Я думаю,—писал Кроу,—было бы неполитичным—чтобы не сказать опасным—для Англии пытаться про-

тиворечить этому мнению или стараться затемнить перспективу исхода событий каким-либо представлением в Петербурге и в Париже. Главное заключается в том, абсолютно ли решилась Германия сейчас на войну. Есть еще возможность заставить ее колебаться, если она узнает, что в войне Англия будет на стороне Франции и России». После этого сомнительного пацифизма Кроу переходил к перспективам войны. «Трудно не согласиться с Сазоновым,—продолжал он,—что раньше или позднее Англия будет втянута в войну, если последняя наступит... В случае, если война будет и если Англия останется в стороне, должно будет случиться одно из двух: а) или выигрывают Германия и Австрия, сокрушают Францию и унижают Россию.

Погибший французский флот; Германия, оккупировавшая Ламанш, с вольным или невольным сотрудничеством Голландии и Бельгии... Какова будет позиция Англии, оставшейся без друзей?

b) Или выигрывают Франция и Россия. Какова будет тогда их позиция по отношению к Индии и Средиземному морю. Наши интересы связаны с интересами Франции и России в этой борьбе, которая является борьбой не за обладание Сербией, а борьбой между Германией, ставящей целью политическое господство в Европе, и державами стремящимися к индивидуальной свободе. Если мы можем помочь избежать конфликта демонстрацией нашей силы на море, готовой быть моментально использованной, было бы неправильным не сделать усилия. Каково бы ни было наше окончательное решение, я полагаю, мы должны т е п е р ь решить мобилизовать флот, как скоро какая-либо из великих держав мобилизуется, и известить без промедления французское и русское правительства».

Устраните из этого рассуждения обычную фразеологию об индивидуальной свободе, и позиция Англии 24—25 июля получит ясное освещение. Опасение за Индию и пути к ней, заглушаемые общим мотивом «Правь Англия морями» отчетливо слышны в рассуждениях Кроу. Утверждать, что Англия вступила в войну из-за нарушения Бельгийского нейтралитета, аргументируя это утверждение словами Ллойд-Джорджа («пока речь шла о Сербии—$^{99}/_{100}$ английского народа было против войны, когда речь зашла о Бельгии—$^{99}/_{100}$ английского народа пожелали воевать»), как это делает Е. Тарле—значит в лучшем случае—наивничать.

В «Foreign Office» думали не столько о Бельгии, сколько об Индии—настроения английских дипломатов не оставляют в этом никакого сомнения.

Демонстрация флота, предлагавшаяся Кроу, конечно, не ставила своей задачей прекращения конфликта. Ведь не кто иной, как английский же дипломат Бьюкенен, раз'яснял, что Германия может ответить на мобилизацию только войной. Действительно, для Германии отступить перед мобилизовавшейся Англией и какой-либо другой страной (Францией или Россией) означало признать открыто свою слабость. Вильгельм пытался избегнуть столкновения с Англией в дни, предшествовавшие об'явлению войны, но вряд ли можно думать, что он пошел бы на попятный, узнав о мобилизации английского флота.

Рассуждения Кроу отнюдь не носили индивидуального характера. О сотрудничестве с Россией в Азии напоминал Бьюкенен (с. 94). Вслед за пометкой Кроу на телеграмме мы читаем приписку другого видного деятеля Foreign Office, А. Никольсона:

«Вопросы, поднятые сэром Э. Кроу,—писал Никольсон,—заслуживают серьезного рассмотрения, и, без сомнения, кабинет займется анализом ситуации. Наша позиция в продолжение кризиса будет рассматриваться Россией, как испытание, и мы должны быть весьма осторожными, что бы избежать её отчуждения».

Наконец последняя приписка к этой же телеграмме, сделанная Греем: «Лорд Черчилль сказал мне сегодня, что флот может быть мобилизован в 24 часа, но я думаю, что еще преждевременно делать какое-либо представление Франции и России» (с. 81—82).

«Пацифизм» Англии в достаточной степени ярко характеризуется цитированными замечаниями.

В частной записке к Грею Э. Кроу пишет: «Вся политика Антанты не могла бы иметь значения, если бы она не означала, что в справедливой ссоре (just quarrel) Англия не будет стоять на стороне своих друзей» (с. 229).

Этот «крик души» здравомыслящего британца стоит десятка трудов по «Kriegschuldfrage». В самом деле для чего было огород городить, для чего было создавать Антанту, если не для войны.

Впрочем, иногда ошибались и британские дипломаты. 26-го июля А. Никольсон телеграфировал Грею о разговоре с принцем Генрихом Прусским. Принц

убеждал Никольсона, что в случае войны в России произойдет революция и династия будет свергнута. Никольсон счел это предупреждение за попытку «напугать» Англию «This is nonsense»—«это чепуха», отозвался Никольсон о словах своего собеседника. Хидлам-Морлей не счел нужным написать примечание к отзыву Никольсона.

Вместо «исторического советника» примечанием занялась сама история.

Н. Рубинштейн

ДЕКАБРИСТЫ И ИХ ВРЕМЯ. Труды Московской и Ленинградской секции по изучению декабристов и их времени. Том I. Издательство Всесоюзного Общества политических каторжан и ссыльно-поселенцев. 240 стр. Цена 2 руб. 50 коп.

Отрадно, что юбилей декабристов дал толчек к организации их длительного и систематического изучения на основе документальных данных. Эту цель и ставят себе Московская и Ленинградская секции по изучению декабристов и их времени, созданные при Всесоюзном обществе политических каторжан и ссыльно-поселенцев. Первый том об'единенных трудов этих секций перед нами.

К оценке этой серьезной работы нельзя приступить, не отдав себе ясного отчета в очередных задачах научного исследования, которые стоят в настоящее время перед изучением декабризма и оформлению которых чрезвычайно способствовал юбилей декабристов и вызванная им литература. Монографическое документальное исследование крупных проблем декабризма и планомерная публикация крупных комплексов документов о декабристах—вот очередные наиболее назревшие формы работы. Южное общество декабристов, декабристы и массовое движение, в частности—декабристы и солдаты—вот наименее исследованные и особо значительные темы изучения декабризма. Назрела крупная планомерная исследовательская работа. Если в растущей литературе о декабристах—как это было в юбилейной литературе—будет количественно преобладать популяризация, случайные заметки, семейные предания, передаваемые через третьи, если не четвертые руки здравствующих потомков, публикация мелких случайных документов и документиков—все это будет распылением сил и к настоящему изучению проблемы декабризма мы будем плестись черепашьим шагом.

Сборник секций по изучению декабристов и их времени не ставит перед собой определенного строгого плана изучения и не дает крупных законченных исследований. Тематически он сосредоточен главным образом на вопросах ранних тайных организаций («Зеленая лампа») и деятельности Северного общества: Никита Муравьев, Н. Тургенев, И. Якушкин, А. Одоевский — в центре сборника. Исключение в этом смысле представляет лишь публикация двух небольших документов о М. П. Бестужеве-Рюмине. Крупных вопросов марксистского исследования декабристов, классового анализа движения, связи движения с развитием производительных сил, с проблемой буржуазной революции в России — сборник не касается вовсе. В нем преобладают работы двух типов—детальное документальное исследование узких социальных вопросов (Detail forschung) и комментированная публикация небольших документов. Важность обоих типов работ, конечно, бесспорна, но лишь в том случае, если они являются ступенью к планомерному марксистскому монографическому изучению и не остаются без дальнейшего развития.

По тщательности анализа и глубине разработки в центре сборника необходимо поставить прекрасную работу Н. М. Дружинина «Конституция Никиты Муравьева (происхождение и различие вариантов)». Автор детально изучает историю текста конституции, правильно полагая, что лишь такое изучение может явиться базой для правильного социального анализа содержания конституции. Формальная история вариантов дана в работе Н. М. Дружинина исчерпывающе. Совершенно правилен вывод, что текст конституции, хранящийся в следственном деле С. Трубецкого, является наиболее ранним из известных нам вариантов конституции Никиты Муравьева, и именно последний, а не С. Трубецкой, как думают некоторые исследователи, является автором этого текста. Взаимная связь трех вариантов конституции—упомянутого выше, затем текста 1824 г., разработанного после политических столкновений с Пестелем, и, наконец, известного тюремного варианта, обрисована очень отчетливо. Приходится возражать лишь против одного методологического приема изучения текста: на стр. 90—93 автор сопоставляет отдельные статьи различных ва-

риантов конституции, и от особенности редакции (растянутость или сжатость формулировок, наличие или отсутствие мотивировок, отсутствие или наличие вступительных замечаний) умозаключает ко времени появлений вариантов, устанавливая, который появился раньше другого. Этот вообще чрезвычайно условный способ имеет известное значение лишь в применении к бесспорно авторскому тексту. Между тем Никита Муравьев далеко не всегда был автором формулировок своей конституции: многие из них просто списаны с западных конституций, в частности с конституций революционной Франции. И сличение редакционных вариантов обязательно должно принимать во внимание этот иностранный подлинник. Н. М. Дружинин, между тем, этот подлинник к анализу редакций не привлекает. Работа Н. М. Дружинина дает ряд ценных попутных выводов: устанавливает, например, оживленное обсуждение конституции членами Северного общества, вызванную ею полемику. Положение о том, что эта конституция—подлинный сгусток политических мнений не одного только Н. Муравьева, а значительного ядра членов Северного общества, получает важное подтверждение.

Работа Б. Л. Модзалевского «К истории Зеленой Лампы» публикует и комментирует бумаги «Зеленой Лампы», найденные в архиве редакции «Русской старины». Бóльшая часть этих бумаг—литературные опыты, стихи, меньшая — отрывки политического содержания,— среди последних особо замечателен «Сон» (стр. 53 и сл.) неизвестного автора, являющийся по существу отрывком социальной утопии; из фантастического описания будущего Петербурга мы заключаем, что автор—сторонник конституционной монархии и последовательный «вольнодумец» в религиозных вопросах. Б. Л. Модзалевский в результате анализа этих бумаг делает вывод о «Зеленой Лампе»: «главной целью организации были не преобладавшие в ней количественно литературные занятия... центр тяжести собраний, несомненно, лежал... в критике современности, в спорах на политические темы» (стр. 60). Но как ни интересен опубликованный автором материал, вывод этот в рамках статьи остается глубоко спорным: опубликованный материал случаен и неполон, важнейшие документы организации, например, протоколы, до нас не дошли, необходимы новые поиски и дополнительное исследование.

Статья А. Шебунина «Н. П. Тургенев в тайном обществе декабристов» не охватывает равномерно поставленной темы: она сосредоточена на более частном вопросе—анализе покаянных записок декабриста Николаю I,—остальные вопросы темы освещены очень бегло. Центральному вопросу — оправдательным попыткам Н. Тургенева — придан в исследовании А. Шебунина особый уклон: очень или не очень виновен Н. Тургенев в том, что каялся перед царем? Вывод автора тот, что моральная оценка предательского поведения Н. Тургенева должна быть смягчена. Так ли важен этот вопрос моральной оценки в плане научного исследования? Факт покаяния лишь маленький штрих в неопровержимом положении — классовом единстве кающегося декабриста и судящей его царской власти. А очень или не очень «виноват» Н. Тургенев—вопрос по существу праздный. Особо важным выводом работы является обоснованное на вариантах записок положение о том, что «искренним» (как думает А. И. Заозерский) Н. Тургенев в этих записках, конечно, не был, и самым «плановым» образом лгал, чтобы оправдаться. Но другие выводы автора: якобы отрицательное отношение Н. Тургенева к республиканскому образу правления и убеждение в ничтожности тайных обществ кажется нам противоречащим фактическому материалу, приведенному самим автором, обрисовавшим высокую активность Н. Тургенева в тайном обществе и участие в его восстановлении. Место не позволяет, к сожалению, детально аргументировать это возражение.

В центре документальных публикаций стоит вопрос, важный в биографии декабриста И. Д. Якушкина, — неразделенная любовь его к Н. Д. Щербатовой (в замужестве Шаховской), вскрытая его перепиской с нею и с ее братом. Письмо К. П. Бестужева-Рюмина к Л. Толстому о декабристе М. П. Бестужеве-Рюмине и письмо этого последнего к П. Я. Чаадаеву вносят в характеристику декабриста лишь несколько незначительных штрихов, все же ценных, так как биографические документы о нем очень скудны. Любопытно неопубликованное стихотворение А. Одоевского — яркого, политического содержания, комментированное Б. Николаевским.

М. Азадовскому принадлежит интересная статья «Неосуществленный замысел побега декабристов из Читы».

К сборнику приложен список докладов[1], прочитанных в секциях. Общий вывод ясен: сборник ценен, но необходимо пожелать работе секций не застывать в сравнительно мелких и довольно случайных темах, а расти к разрешению крупных проблем декабризма, к его углубленному классовому анализу, к большим детально обоснованным на документах монографическим исследованиям, в которых так бесспорно нуждается современное изучение декабризма.

М. Нечкина

В. КИРПОТИН. Радикальный разночинец Д. И. Писарев. Ленинградский научно-исследовательский институт марксизма. Изд. «Прибой», 1929, Л. Стр. 252, ц. 2 р. 50 коп.

В русской марксистской литературе до сих пор не было сколько-нибудь исчерпывающей характеристики такого в свое время властителя дум передовой молодежи, как Писарев. Очень интересная и для своего времени безусловно ценная биография Писарева, написанная Соловьевым и вышедшая в павленковской серии, конечно, марксистской не может считаться, притом она была подцензурной и сильно устарела. Статья М. Н. Покровского, посвященная вопросу о революционности Писарева, и небольшие, в значительной мере отрывочные, хотя и весьма содержательные статьи В. Ф. Переверзева (а отчасти и Б. Козьмина),—вот, насколько нам помнится, все, или почти все, что было написано у нас марксистами о Писареве после Октября. Поэтому нельзя не приветствовать работу В. Кирпотина, представляющую собою не столько биографию Писарева (биографического элемента в ней очень мало, да в этом и нет надобности, так как эта сторона достаточно выяснена в литературе), сколько попытку дать более или менее исчерпывающий марксистский анализ важнейших сторон его литературной деятельности, и основных элементов его миросозерцания.

Книжка распадается на следующие главы, между которыми не всегда чувствуется архитектурное единство, которые иногда производят впечатление как бы собрания отдельных статей: I. Превращение в радикала. II. Журнальная полемика 1860—62 гг. (и первое выступление Писарева на левом фланге журналистики). III. Материализм Писарева. IV. Исторические воззрения Писарева. V. Писарев и революция. VI. Писарев и социализм. VII. Разрушение эстетики. VIII. Антонович и Писарев. IX. Социальная характеристика и историческое значение Писарева.

Наиболее интересными и вместе с тем—как это нередко бывает—наиболее спорными представляются главы, посвященные вопросу о революционности и социализме Писарева, а также его социальной характеристике. Автор задается целью построить своеобразную закономерную схему эволюции взглядов Писарева по отношению к революции и социализму. А именно, если в области механического материализма и в своих исторических взглядах Писарев, начиная приблизительно с 1861 г., в основном оставался верен себе, т. е., принимая целиком так называемый материализм естествознания, оставался идеалистом в об'яснении исторического процесса, то его революционные и социалистические убеждения, по мнению В. Кирпотина, проделали путь некоей кривой. Достигнув наибольшей яркости в момент наивысшего общественного под'ема, эти убеждения потускнели, стали более умеренными, скептическими и более, так сказать, откровенно буржуазными после 1862 г., т. е. в эпоху начавшейся правительственной реакции и общественного отлива. Наоборот эстетические взгляды Писарева становились все более отрицательными по мере его отхода от веры в революцию и социализм. Здесь «левая» фраза, пресловутое «отрицание эстетики» как бы прикрывала политическое и социальное «поправение» Писарева, радикализм в области литературной критики заменил для него радикализм общественный.

Эта схема автора, подкрепляемая многочисленными цитатами, на первый взгляд подкупает своей простотой и логической стройностью. Но беда в том, что подлинный Писарев был сложнее, чем изображает автор, и в рамки его схемы не совсем укладывается. Так, по его мнению, «тактические расчеты Писарева после 1862 г. окончательно лишают его возможности ставить какую бы то ни было ставку на массовое движение. Массы окончательно скидываются им со счетов истории, им не предоставляется никакой роли в деле их собственного освобождения» (стр. 140). Все

[1] Пользуюсь случаем исправить одну ошибку этого списка: Доклад М. О. Ковалевского «Сатирические куплеты на декабристов» ошибочно приписан... мне.

надежды Писарев возлагает на «мыслящих реалистов» из образованного меньшинства. При этом все цитаты, в подтверждение своей мысли, автор берет из статьи «Реалисты», напечатанной в 1864 г. Между тем в статье «Посмотрим!», являющейся полемическим ответом Антоновичу на его критику «Реалистов», в статье, появившейся в 1865 г., мы находим чрезвычайно интересные и яркие места, находящиеся в противоречии с концепцией нашего автора, и — странным образом — несмотря на их исключительный интерес и значение, мы во всей книжке В. Кирпотина не встречаем никакого упоминания, никакого даже намека на них. Это — места, говорящие о необходимости вербовать для «решения общественной задачи» адептов из «низших классов», ибо только они «встречают новые идеи с пылким, деятельным и совершенно сознательным сочувствием».

На вопрос, что должны делать мыслящие реалисты, «если теоретическое решение («общественной задачи». **Б. Г.**) будет найдено, Писарев отвечает: «Постоянно раз'яснять обществу с разных сторон и во всех подробностях основные начала разумной экономической и общественной доктрины... и при этом всеми возможными средствами усиливать приток новых людей из низших классов в образованное общество; другими словами, надо вербовать адептов найденного разумного учения, и надо увеличивать массу мыслящего пролетариата»[1].

Конечно, при желании можно толковать это место так, что под «низшими классами» Писарев понимал только разночинцев. Но мы думаем, что это было бы натяжкой. Не веря в историческое творчество масс, Писарев все же был убежден, что эти массы способны выделять значительные количества таких людей, которые, пополняя ряды «мыслящего пролетариата», наиболее способны толкать образованное «общество» на путь социальных реформ.

Что касается противоречий социальной позиции самого Писарева, его попыток соединить социализм с капитализмом, попыток, опирающихся на стремление к индустриализации и на одновременное глубокое и искреннее сочувствие к «голодным и раздетым людям», то мы в истории европейского утопического социализма имеем прототип такой позиции в лице Сен-Симона самых последних лет его жизни. Не даром у Писарева было такое тяготение к ученику Сен-Симона — Конту.

Вообще самой слабой стороной безусловно интересной и ценной работы В. Кирпотина является слишком поверхностное знакомство с общей историей европейской и русской социалистической мысли, что мешает ему найти для Писарева наиболее точное место в этой истории. Так, говоря, что пропаганда Писарева подготовляла почву для «Исторических писем» Лаврова, он ни словом не упоминает о Ткачеве, хотя несомненно, что Ткачев идейно был гораздо ближе к Писареву, чем Лавров. Далее, некритически повторяя полемический оборот Плеханова, В. Кирпотин в теории Михайловского о «Героях и толпе» видит теорию «великих людей», двигающих историю (стр. 100), хотя у Михайловского в данном контексте под «героями» разумеются те безвестные люди, которые во время тех или иных массовых движений внезапно появляются в качестве инициаторов и вожаков, с тем, чтобы столь же внезапно исчезнуть, раствориться в толпе. Неверно также, что «революционные народники обосновывали свою самоотверженную и кровавую борьбу с самодержавием идеалистически» (стр. 140). Если здесь идет речь о землевольцах-бакунистах, то именно, как бакунисты, они пытались обосновывать свою программу материалистически, что не мешало им оставаться утопистами.

Автором не использована, повидимому, интересная работа Б. П. Козьмина о «расколе в нигилистах», так как мы не находим у него четкой социальной характеристики той борьбы «Русского слова» с «Современником», в которой Писарев занимал одно из первых мест.

Несмотря на эти слабые моменты книжки Кирпотина (к ним нужно еще отнести встречающиеся иногда длинноты и повторения), она прочтется с интересом и пользой.

Б. Горев

И. И. ЛИТВИНОВ. Экономические последствия столыпинского аграрного законодательства. РАНИОН. Институт экономики. Стр. 143. Цена 1 р. 50 к.

«В этом труде должны быть изучены те процессы, которые происходили в русской экономике и в классовых взаимоотношениях в период между 1905 и 1917 гг. и которые подготовили первую

[1] Соч. т. V, стр. 202 и 203. Подчеркнуто нами. *Б. Г.*

в мире социалистическую революцию. Весь труд содержит 5 частей.

Первая часть этого труда вышла в свет в 1924 г. Она была посвящена изучению промышленной депрессии после 1905 года и теперь вся разошлась.

В предлагаемой работе автор занимается изучением влияния столыпинского аграрного законодательства на расширение емкости русского рынка и на рост промышленности; вместе с тем, автор затрагивает проблему влияния последствий аграрных реформ на взаимоотношения классов»[1].

Читатель извинит меня за то, что я начал свою рецензию с большой цитаты, в которой сам автор говорит о содержании своей работы. Но эта цитата абсолютно необходима для того, чтобы иметь в виду, о чем автор должен писать, так как заголовок книжки не вполне соответствует ее содержанию. Надо прямо сказать, что поставленные автором в приведенной выше цитате задачи не выполнены, хотя работа и задумана чрезвычайно интересно.

Автор обещает рассмотреть и развитие экономики, и классовые изменения до 1917 года. Между тем, автор нигде не затрагивает эпохи войны (1914—17 гг.), ограничиваясь 1914 годом. Очевидно, последующие события должны быть рассмотрены в тех трех томах, которые еще не написаны, но обещаны автором.. К сожалению и в более узких хронологических рамках (до войны 1914 г.) автор не дал ответа на все поставленные им вопросы. В то время, как депрессии т. Литвинов посвятил первую часть работы, промышленный под'ем накануне войны, образование русского империализма в данной работе обойдены автором совсем.

Естественным последствием столыпинщины являлось более быстрое проникновение капитализма в сельское хозяйство, изменение его техники и форм хозяйства. Все эти вопросы должны быть обязательно освещены, иначе будет непонятна и необоснована классовая диференциация крестьянства. В данной же книжке вся сумма этих вопросов также обойдена. О самом столыпинском аграрном законодательстве читатель также узнает только из цитат Ленина в предисловии. По части использования Ленина автор проявил похвальное усердие, перепечатав целых десять страниц.

Спрашивается, чем же заняты 140 страниц книги?

[1] «Экономические последствия»... стр. XVI.

Около 30 страниц (28) т. Литвиновым заполнены всякими приложениями: таблицы, списки литературы, указ об общине и т. п. Конечно приложения имеют кое-какую цену, но т. Литвинов явно преувеличивает их значение и дает их в несоответствии с текстом. В самом деле, в какой связи с «последствиями» столыпинщины находится таблица о колебании цен на хлеб в Москве, с 1850 г. (!) или статистика пожаров с 1860 года? Ведь это же явное пренебрежение к читателю. Вместо того, чтобы тщательно подобрать для приложения материал, или еще лучше проработать его для текста, сырье дается в качестве платного приложения к книге, раздувая ее на 1½ печатных листа.

Кроме исторической справки о цене хлеба в 60 годах прошлого столетия, читатель найдет в тексте страницы, посвященные марксизму и ленинизму, тому, что Роза Люксембург была славная революционерка, Каутский и Бернштейн—ревизионисты и т. п. вещи, прямого отношения к теме не имеющие.

Специальный отдел своей книги тов. Литвинов посвятил вопросу о ленинизме и марксизме. Прочитавши его, читатель идейно обогатится и узнает, что «ленинизм органически вытекает из марксизма», или, что «ленинизм есть марксизм эпохи империализма» (стр. 79 и др.). Конечно, никто из нас ничего не имеет против того, чтобы т. Литвинов писал о ленинизме и сводил теоретические счеты с Розой Люксембург,—но, право же для этого гораздо удобнее писать другую книжку, на другую тему.

Тов. Литвинов считает удобным заниматься теоретическими вопросами марксизма в работе о столыпинщине, но это явное неуважение к вопросам, заслуживающим более серьезного отношения. Поэтому «пример» т. Литвинова не может найти одобрения.

По мнению т. Литвинова, нельзя писать о столыпинщине до мировой войны, не предпослав отдельчика о прорыве империалистического фронта, другого—об идеологии международного пролетариата и известных ревизионистах Каутском и Бернштейне и т. д. Фактически свою работу о столыпинщине т. Литвинов превратил в «собрание сочинений» на разные темы, на которые автору когда-либо приходилось писать. Поэтому в брошюру втиснута и статья, в свое время напечатанная в «Большевике», хотя там о столыпинщине и с лупой нельзя ничего разыскать.

Совершенно непонятно, как все это мог пропустить Институт экономики Ра-

ниона, который утвердил данную работу, и дал ей свою визу.

Переходим к рассмотрению глав, посвященных существу темы. По заголовку такой главой является третья: «Аграрный вопрос и экономическое развитие России».

Прочитавши эту главу, читатель разочаруется, так как большая часть ее (4 страницы из 6) посвящена рассмотрению внешней политики царского правительства. Совершенно непонятно, почему автор не озаглавил ее иначе, соответственно с содержанием.

Следующая глава носит слишком длинный заголовок, а поэтому повторять его не буду. Речь идет о повышении товарности крестьянского хозяйства. Вместо того, чтобы на основе фактического материала проанализировать поставленную проблему, т. Литвинов предпочитает, пожаловавшись на царскую статистику, которая не дает «прямых данных»,—обойти вопрос. Вопрос действительно обойден по существу. В какой мере повысилась товарность крестьянства и его различных слоев, как росли и крепли связи крестьянского хозяйства с внутренним и внешним рынком—на сей счет нет ни слова. Между тем, не верно, что вообще на эту тему нет материала. Сводный, обработанный материал приводит Лященко, Кондратьев, Тюменев, а сырой материал нашел и использовал т. Беленко в своей статье «Расслоение старой деревни»[1]. Те цифры, которые приводит т. Литвинов относительно роста кооперации и крестьянских вкладов, ни в какой мере не могут являться ответом на вопрос. Поэтому и вывод, который он делает в конце главы, бездоказателен и слишком общ. Литвинов говорит о сильном влиянии столыпинщины «на рост товарности крестьянского хозяйства». Но нужно экономически проанализировать, в какой мере увеличилась товарность различных слоев крестьянства, ибо без этого ничего нельзя понять в процессе диференциации деревни. Наметка этого вопроса дана уже Дубровским и Карповым в их работах о столыпинщине. В следующей главе говорится о росте потребления деревни, т. е. о развертывании внутреннего рынка. Тов. Литвинов упор делает здесь на расширении потребления с.-х. машин в связи со столыпинщиной. Это расширение и происходило, как в крестьянском, так и в помещичьем хозяйстве. Но на этом останавливаться не следует. Ибо связь двух фактов: столыпинской политики с ростом потребления сельскохозяйственных машин устанавливается цифрами. Задача сводится к тому, чтобы проанализировать, какие группы крестьянства и в какой мере являлись покупателями этих машин. В этой же работе автор все время оперирует с понятием—«деревня», как нечто единое. «Деревня» больше потребляла машин, галош, ситцу—вот обычные выражения, которыми он оперирует, игнорируя классовые деления.

При анализе душевого потребления продуктов: сахара, ситца—мы не можем согласиться с положением автора. С его точки зрения главнейшим фактором этого расширения является деревня, т. е. крестьянство. Расширение потребления буржуазии, помещиков и мелкой буржуазии города он сбрасывает совсем со счетов. Совсем неверно, будто помещики «вымирали», как зубры». Они приспосабливались к капиталистическим условиям ведения хозяйства. Сильное влияние на рост общего душевого потребления оказывал город, где население быстро росло, а индивидуальное потребление было в несколько раз выше, чем в деревне. За 7 лет городское население России увеличилось почти на 5 милл. человек, конечно, не только за счет одних рабочих. Усилилась и разбогатела городская буржуазия, которую сбрасывать со счетов нельзя. Точно так же едва ли можно говорить о росте потребления сельской бедноты и пролетариата, находившихся в кабале у растущей деревенской буржуазии; необходим иной, классовый подход к анализу потребления, а не ответ «в общем».

При рассмотрении городского строительства, в главе «Влияние столыпинщины на город», надо было дать не только число «случаев» стройки, но, главным образом, просмотреть рост городских бюджетов, выпуск городами специальных займов на новое строительство. Тогда картина была бы более ясна.

В общем главы, посвященные внутреннему рынку, дают слишком общую и весьма неотчетливую картину. На фоне общих мест выделяется интересным материалом глава, посвященная кооперации.

Переходя к рассмотрению положения рабочего класса, т. Литвинов пишет: «Здесь не место заниматься детальным разбором высоты заработной платы и положения рабочего класса за разби-

[1] См. Проблемы марксизма. Статьи и исследования. Ленинградский н.-исслед. инст. марксизма, стр. 85—133.

раемый период. Это должно быть предметом особого исследования» (стр. 82). Тов. Литвинов всю главу написал лишь на основании заработков московских текстилей. Надо было бы взять несколько типичных районов, тем более по этому вопросу нельзя жаловаться на недостаток «прямых данных». Материальное положение московских текстилей было чрезвычайно низкое, ниже, чем у рабочих других отраслей. Металлисты зарабатывали раза в два больше текстилей, культурный уровень их был выше. Затем третья типичная группа рабочих — это рабочие Донбасса и нефтяных промыслов в Баку.

Последняя глава работы посвящена «социально-классовым последствиям столыпинщины». Здесь автор рассматривает позицию буржуазии, помещиков, крестьянства и пролетариата. Как раз относительно первых двух классов сказано очень мало, а материала по этим вопросам довольно много. Здесь совсем не поставлен вопрос о германофильских тенденциях среди определенной части помещиков, об англофильстве нашей промышленной буржуазии, перерастающей в империализм. Между тем, вовсе не случайно, внешняя политика самодержавия, одобряемая империалистской буржуазией, как раз в начале столыпинщины повертывается в сторону союза с Англией, своим старым противником.

При анализе положения крестьянства т. Литвинов правильно намечает две линии противоречий и борьбы, с одной стороны, между всем крестьянством и помещиками, с другой—внутри самого крестьянства, между кулацкими элементами и остальной массой крестьянства. Обе эти линии имеют свое значение в последующей борьбе. Без единого фронта всего крестьянства против помещиков не было бы буржуазной революции в России, без широких пролетарских и полупролетарских кадров, создаваемых в условиях столыпинщины особенно быстро, трудно было бы провести раскулачивание деревни.

Сравнительно с другими частями работы заключительная глава разработана лучше, несмотря на слабое освещение позиции буржуазии и помещиков.

Резюмируем. Имеющаяся литература о столыпинщине страдает тем недостатком, что она анализирует только область аграрных отношений, не прослеживает влияние столыпинской политики на развитие экономики и классовой борьбы. Тов. Литвинов правильно поставил вопрос, стараясь заполнить наиболее существенную брешь, но проблему не разрешил, так как слишком элементарно осветил ряд основных вопросов этой темы и переполнил работу общими местами, например, об особенностях исторического развития России, марксизме и ленинизме и т. п. Совершенно не прослежен вопрос о диференциации деревни, об удельном весе различных слоев крестьянства. Влияние столыпинщины на город освещено однобоко, неполно. Борьба пролетариата с буржуазией и самодержавием, оформление политической идеологии рабочего класса — частью пропущены, частью рассмотрены слишком суммарно и обще. Центральный вопрос—влияние аграрных отношений на развитие капитализма—сведен в плоскость рассуждений о внешней политике.

А. Сидоров

Ел. ДРАБКИНА. Грузинская контрреволюция. Издание «Прибой», Истпарт, ЦК ВКП(б). 1928 год.

По истории грузинского меньшевизма в эпоху его владычества, 1919—1921 гг., мы почти не имеем никаких исследований. Отдельные публицистические работы, изданные по этому вопросу: М. Орахелашвили, Ф. Махарадзе и Л. Троцкого, не могли претендовать и не претендовали на название научного исследования. Единственная книга, в какой-то степени претендовавшая на это, была книга Шафира «Очерки по истории грузинской жиронды», однако эта книга, включившая большое количество свежего и неопубликованного материала, сделана с такой редкой неряшливостью, с таким незнанием исторического метода, что говорить о ней, как о серьезной исследовательской попытке, конечно, не приходится. Лишь в самый последний период на книжном рынке появились две больших работы: Ел. Драбкиной «Грузинская контрреволюция», изд. ГИЗ РСФСР и Ф. Махарадзе, «Борьба за советы и советскую власть в Грузии», Изд. ГИЗ ССРГ. Работа Ел. Драбкиной—интересная попытка на основе уже изданного книжного и сохранившегося газетного материала нарисовать схему развития классовой борьбы за этот период в Грузии. Правда, автор в предисловии оговаривается, что большая часть архивов, освещающих деятельность грузинского меньшевизма за этот период, увезена за границу и что имеющиеся сейчас в архивах остатки архивных фондов автором по мере возможности использованы. Однако, мы

должны констатировать, что из сохранившихся в Музее революции ССРГ архивных фондов автором использовано далеко не все, что могло бы быть им использовано. Так, например, у автора имеется специальная глава об аграрной политике правительства и крестьянском движении. Душетское восстание в общей борьбе грузинского крестьянства с меньшевиками в период 1918—1920 гг. имело большое политическое значение; в архиве Музея имеются следственные дела по этому восстанию, частью на русском, частью на грузинском языках. Материалы эти обязательно должны были быть использованы исследователем, так как они, в значительной степени, вскрывают характер крестьянских движений за этот период в Грузии. Также должны были быть использованы и уцелевшие (правда далеко не полностью) архивные фонды министерств меньшевистского правительства: военного, иностранных дел, внутренних дел.

Автором также не использованы такие материалы, как стенограммы Учредительного собрания. Мало того, посвящая специальную главу предистории владычества грузинского меньшевизма (1917—1918 гг.) автор не использовал уцелевшие значительные архивные фонды Краевого центра советов рабочих депутатов, Тифлисского совета рабочих депутатов (1917—1920), краевого совета армии, Закавказского сейма и его комиссий, межнационального совета и ряда разрозненных архивов, хранящихся в Музее Революции Грузии. Все это в значительной степени понижает научную ценность рецензируемой нами работы.

Достаточно указать на то, что автор, характеризуя аграрную политику грузинского меньшевизма, совершенно не использовал протоколов аграрной комиссии закавказского сейма, а именно здесь, в этой комиссии, обрабатывался и создавался по частям этот закон. Достаточно проследить день за днем работу этой комиссии, в заседаниях которой принимали участие представители различных партий, для того, чтобы понять, как создавался этот закон, чтобы по-настоящему вскрыть его основную социально-политическую установку.

Автор посвящает целую главу своей книги внешней политике грузинского меньшевизма, почти целиком строя ее на материалах, изданных грузинскими меньшевиками—«Материалы по внешней политике Закавказья и Грузии»—в то время, как в архивах Музея Революции ССРГ сохранились протоколы Трапезундской и Батумской мирных конференций, имеются почти все протоколы заседаний Закавказской делегации в Трапезунде и Батуме, сохранилась телеграфная переписка между вождями грузинского меньшевизма Жордания и Чхенкели в исторические дни, предшествовавшие об'явлению независимости Грузии, проливающая в значительной степени свет на характер деятельности грузинского меньшевизма в области внешних сношений. Простой перечень неиспользованных материалов дает возможность утверждать, что работа Е. Драбкиной по истории грузинского меньшевизма далеко не полна.

Книге предпослано большое введение, характеризующее социальные и политические процессы, имевшие место в Грузии в XIX и XX столетиях. Введение это, освещающее экономическое развитие и соотношение классовых сил в этот период, в некоторых своих выводах страдает рядом неточностей и неправильных положений. Так, недостаточно четко охарактеризована история аграрных отношений. Анализ аграрной политики царского правительства в Грузии пестрит обобщениями, могущими привести к неправильным политическим выводам. На стр. 16 автор пишет: «Эксплоатация же крепостного труда через помещика—представителя торгового капитала в деревне—была идеальным разрешением вопроса. С другой стороны, в сторону прусского варианта толкала надежда организовать производство промышленного сырья в самих помещичьих имениях. Наконец, помещик был военной и политической опорой, гарантирующей как от внешнего, так и от внутреннего врага. Россия избрала прусский путь». (Подчеркнуто мной. *С. С.*). Утверждение автора, что царская Россия по отношению к Грузии в аграрном вопросе избрала не американский, а прусский путь, по меньшей мере наивно. Ленин в ряде своих произведений достаточно убедительно показал, что путь американский это—путь коренной ломки аграрных отношений, путь ликвидации помещичьего землевладения, непосредственно связанный с вопросом о необходимости ликвидации самодержавия. Понятно, что русский царизм ни по отношению к метрополии, ни по отношению к колониям не мог стать на этот путь. Таким образом перед русским самодержавием ни в какой мере не мог стоять вопрос о том, стать ли

ему на путь прусский или стать на путь американский, как это пытается утверждать автор.

Характеризуя историю аграрных мероприятий русского царизма в Грузии, уместно будет поставить вопрос, проводило ли русское самодержавие в своих колониях ту же аграрную политику, которую оно осуществляло в метрополии. То есть, иными словами — можно ли утверждать, что русское самодержавие, проводя аграрную реформу в Грузии во второй половине XIX столетия и намечая ряд мероприятий в вопросах землеустройства в эпоху столыпинщины, стало на прусский путь развития. Нам думается, что те мероприятия, которые были проведены русским самодержавием в Грузии в эти два переломных этапа политики правительства, говорят за то, что русское самодержавие стремилось к тому, чтобы возможность капиталистического развития в Грузии затормозить.

Что это действительно так, подтверждается отказом русского правительства от проведения в пределах Закавказья столыпинского земельного законодательства. Сам же автор указывает, на то, что когда после революции 1905 г. стал вопрос о проведении аграрной реформы в пределах Закавказья, то «проект распространения на Закавказье столыпинского земельного законодательства был с самого же начала решительно отвергнут, как противоречащий принципам русской политики в крае», как мероприятие, которое «увеличит вредную тягу, имеющуюся среди лиц сельского состояния, к выделению, внесет хаос в земельные отношения, озлобит одну часть населения против другой и нанесет непоправимый удар производительным силам края» (стр. 18). Все это говорит за то, что прусский путь развития был русским самодержавием по отношению к Закавказью, а значит и Грузии, решительно отвергнут; столыпинское правительство, проводя мероприятия, создающие условия капитализации крупного землевладения в пределах метрополии, считало необходимым для своих колоний сохранить условия полного господства крепостнических и полукрепостнических элементов деревни.

Именно потому, что русское правительство по отношению к своим колониям и в частности по отношению к Грузии отказалось от прусского пути развития, грузинское помещичье хозяйство, грузинское дворянство испытывало столь бурный процесс разорения. Если реформа 1861 года, равно как и столыпинская реформа по отношению к России в значительной степени являлись мерами предупредительными, призванными спасти дворянское хозяйство путем его капитализации (хотя бы за счет частичного разорения наименее устойчивых, наименее приспособленных), то аграрная политика, проводимая в Грузии, при росте и развитии капиталистических элементов в деревне, при все более и более растущей зависимости помещичьего хозяйства от рынка, создавала условия быстрого разорения значительной части грузинского дворянства.

Но если царское правительство, как оно само заявляло, не желало развязывать развития капитализма в своих колониях, даже в той мере, в какой оно проводило это по отношению к своей метрополии, то дворянское сословие этих колоний должно было быть компенсировано какими-либо другими путями. Охарактеризованная автором политика широкой материальной поддержки и беспрерывной опеки, проводимая царизмом по отношению к грузинскому дворянству, и являлась той компенсацией, которая призвана была заменить право на экономическую мощь, на самостоятельное экономическое существование. Однако эта близорукая политика создавала условия, при которых значительная часть грузинского дворянства, теряя свою материальную базу, теряла в значительной степени и свои специфические сословные черты. Часть разорившегося грузинского дворянства уходила в города и заполняла кадры городской интеллигенции, и никакая политика опеки не могла удовлетворить нужд всей этой массы. Поэтому часть дворянства, сохранившая свои владения или устроившаяся на хорошей государственной службе, составляла опору русского самодержавия, являлась проводником его политики, его устремлений, другая же часть, разорявшаяся под влиянием этой политики, заполняла ряды врагов русского самодержавия, врагов царизма, борцов за национальное самоопределение. Грубой ошибкой автора является утверждение, что выброшенный социал-федералистами лозунг национально-территориальной автономии нужно рассматривать как акт лойяльности по отношению к русскому самодержавию, в то время как лозунг этот был выброшен представителями сил, враждебных русскому царизму. В ряде работ уже было указано на то, что кадры разорявшихся дворянских детей заполняли ряды не только партии

социал-федералистов, но и грузинских социал-демократов. Лозунг требования национально-территориальной автономии являлся не лозунгом изгнания армянского капитала из пределов Грузии, как это пытается утверждать автор, а являлся лозунгом, противопоставляющим близорукой политике царского правительства политику развязывания капиталистических отношений в стране, политику, единственно способную приостановить бурно развивающийся процесс разорения дворянского хозяйства.

Не менее важным вопросом, на который автор пытается дать ответ, является вопрос о социальной сущности грузинского меньшевизма.

Автор, характеризуя процесс возникновения и развития социализма в Грузии, приходит к выводам, что эти процессы аналогичны развитию социалистических идей в Китае, в среде китайской радикальной мелкой буржуазии.

На стр. 50 автор пишет: «Китайская демократия не могла свергнуть старого порядка в Китае и завоевать республику без громадного духовного и революционного под'ема масс. Такой под'ем предполагает и порождает самое искреннее сочувствие к положению трудящихся масс, самую горячую ненависть к их угнетателям и эксплоататорам. А в Европе и Америке, от которой передовые китайцы, все китайцы, поскольку они переживали этот под'ем, заимствовали свои освободительные идеи, на очереди стоит уже освобождение от буржуазии, т. е. социализм. Отсюда неизбежно сочувствие буржуазных демократов социализму, их суб'ективный социализм.

Они суб'ективно—социалисты, потому что они против угнетения и эксплоатации масс. Но об'ективные условия Китая, отсталой земледельческой полуфеодальной страны, ставят на очередь дня... лишь один определенный вид этого угнетения и этой эксплоатации, именно—феодализм. И вот, оказывается, что из суб'ективно-социалистических дум и программ китайского демократа на деле получается... программа уничтожения одной только феодальной эксплоатации»...

Приведя эти строки из статьи Ленина «Демократия и народничество в Китае», автор заявляет: «В Грузии так же, как и в Китае, необходимым условием победоносной буржуазной революции было сплочение вокруг ее знамени широких народных масс... Так же, как и там, освободительные идеи складывались под непосредственным влиянием социализма, и этот суб'ективный социализм превращался на деле в радикальный демократизм».

Дальше автор пытается показать, почему эти социалистические устремления в Грузии не пошли по народническому пути, а стали на путь социал-демократического самоопределения. Охарактеризовав борьбу классов в Грузии как борьбу за победу буржуазной революции под крестьянским руководством, автор выдвигает следующее положение: «Руководящая роль в грузинской социал-демократии принадлежала не пролетариату, а мелкой буржуазии».

Это нагромождение выводов нельзя, конечно, признать удовлетворительным, однако из всего этого явствует, что грузинская социал-демократия (ее оппортунистическая часть) являлась передовым отрядом в борьбе за доведение до конца буржуазно-демократической революции. Из поля зрения автора совершенно выпадает процесс возникновения и развития революционного крыла грузинской соц.-демократии, выросшего и оформившегося под влиянием развития бакинского пролетариата и опиравшегося на те незначительные слои пролетариата, которые уже в этот период имелись в пределах Грузии.

Вот это стремление автора рассматривать социальные и политические процессы, имевшие место в Грузии, совершенно изолировано от тех процессов, которые характеризовали развитие Закавказья в конце XIX и в начале XX века, в целом и привело его к совершенно неправильным выводам.

Ведь российская социал-демократия, что не раз было указано Лениным, в первый период своего существования росла и развивалась в условиях борьбы за доведение до конца буржуазно-демократической революции, революции в основном крестьянской, и, однако, эти условия не помешали чрезвычайно быстрому формированию пролетарского ядра, формированию левого крыла социал-демократии, определившего путь пролетариата на длительный период и взявшего на себя руководство буржуазно-демократической революцией. Вместо того, чтобы показать, что правооппортунистические слои социал-демократии не в состоянии были не только перевести борьбу на рельсы социальные, но по существу не могли довести до конца и

буржуазно-демократическую революцию, автор скатился к выводам чрезвычайно опасным и двусмысленным, утверждающим, что основным руководителем буржуазной революции в Грузии было крестьянство и его идеологи, грузинские меньшевики.

Исход борьбы за доведение до конца буржуазно-демократической революции в Грузии определялся тем, кто явится руководителем и организатором этой борьбы. Процесс возникновения и развития грузинской социал-демократии может и должен быть охарактеризован как процесс двусторонний: с одной стороны, под давлением мелкобуржуазных слоев города и деревни, под сильнейшим влиянием национальной буржуазии развивалось и оформлялось правое, оппортунистическое крыло грузинской социал-демократии, с другой, под влиянием развития промышленных очагов в Грузии и под непосредственным руководством растущего бакинского пролетариата оформлялось революционное крыло грузинской социал-демократии. Эти два крыла в первый же период своего существования вступили друг с другом в борьбу за гегемонию. Понятно, что правое, оппортунистическое крыло, имевшее в Грузии значительно более сильную социальную базу, пользовалось преобладающим влиянием в стране, и одно это определило невозможность доведения до конца буржуазно-демократической революции, до тех пор, пока не произойдет изменение в соотношении классовых сил, пока давление основных слоев пролетариата не преодолеет мелкобуржуазные устремления, не сумеет повести за собой основные слои крестьянства.

Правда, автор впоследствии в противоречие со своими основными положениями о роли грузинского меньшевизма («Программа последовательной буржуазной революции», 30 стр.) пытается доказать, что все же меньшевики в результате своей деятельности не смогли последовательно бороться даже за доведение до конца буржуазно-демократической революции. Однако, эти положения нужно считать также крайне нечеткими и неопределенными. Что это так, достаточно говорит тот факт, что у автора при определении социальной сущности грузинского меньшевизма совершенно выпадает вопрос о социальном перерождении этой партии.

Из выразителя интересов и настроений городской и деревенской мелкой буржуазии грузинский меньшевизм превращался (перерождался) в идеолога национальной буржуазии. Конкретно в политике это сказывалось в нежелании последовательно проводить в жизнь начала аграрной и рабочей политики, сказывалось в вопросах международных, в которых грузинский меньшевизм сознательно ставил себя в колониальное, зависимое положение.

Необходимо отметить, что именно эти процессы, чрезвычайно сильно сказавшиеся на социальном существе грузинского меньшевизма, и послужили главной причиной отхода основной массы грузинского крестьянства и предопределили волну крестьянских восстаний в период 1918—1920 гг.

Отсутствие характеристики процессов социально-классового перерождения грузинского меньшевизма определило недостаточную обрисовку картины проведения в жизнь аграрной реформы (1918—1919 гг.). При разборе вопроса о том, какими методами грузинскими меньшевиками была проведена аграрная реформа, должен быть выпячен вопрос—была ли проведена в жизнь последовательная программа аграрной революции. Как бы это парадоксально ни казалось, мы смеем утверждать, что грузинским меньшевизмом в период его владычества не была проведена программа, защищавшаяся даже правым крылом российской социал-демократии. В жизнь была проведена кадетская программа.

Нужно считать, что имено в этом—основной смысл аграрной реформы грузинского меньшевизма, причем реформа эта явилась результатом выше охарактеризованного процесса перерождения. Только перерождаясь и меняя свою социальную базу, грузинский меньшевизм мог притти к аграрной реформе, в значительной степени направленной против основных слоев крестьянства.

Конечно, к этому вопросу нельзя подходить догматически. Грузинские меньшевики не предлагали провести в жизнь «принудительное отчуждение за справедливый выкуп», однако, проведенная ими реформа может и должна быть охарактеризована как кадетская уже потому, что она так же, как и та, создавала все необходимые условия для роста крупного капиталистического землевладения и предопределяла массовое разорение в первую очередь хозяйств беднядких. Подводя итоги, можно сказать, что затронутая Е. Драбкиной тема требует еще дальнейшей более углубленной разработки с непременным условием использования всех имеющихся материалов.

С. Е. Сеф

Проф. П. КУРЦ. Русско-китайские сношения в XVI, XVII и XVIII столетиях. Госиздат Украины. 1929, с. 158, ц. 3 р. 50 к.

Количество новых работ (включая и статьи), затрагивающих вопросы истории русско-китайских отношений, невелико. Многие из них к тому же значительно устарели, напр., труды А. Корсака «Историко-статистический обзор торговых сношений России с Китаем», Х. Трусевича «Посольские и торговые сношения России с Китаем» и единственная в своем роде, в отношении подбора фактического материала, работа Н. Бантыш-Каменского «Дипломатическое собрание дел между российским и китайским государствами». Приходится поэтому приветствовать появление книги проф. П. Курца, в некоторых отношениях восполняющей заметный пробел в современной нашей литературе по истории русско-кит. отношений.

В двух первых главах автор останавливается на вопросе о торговле с Китаем до установления непосредственных русско-китайских сношений и о попытках России к первым сношениям с Китаем в то время, когда границы обоих государств, благодаря продвижению русских «землепроходцев» на Дальний Восток, сомкнулись в середине XVII столетия на Амуре.

В первой главе, являющейся центральной, хронологически дана история сношений России с Китаем с 1654 и до 1805 г. Автор добросовестно не пропускает здесь даже мелочей, но, к сожалению, у него получается сухой перечень посольских, торговых и пограничных сношений. Излагая события, автор не выделяет главных, основных моментов, в результате чего остается совершенно незаметной эволюция русско-китайских отношений на протяжении почти двух столетий. Далее, автор почему-то не нашел нужным иллюстрировать свои выводы о русской-китайской торговле цифровым материалом. Это придало бы многим выводам значительно большую убедительность.

Следовало бы также подробнее остановиться на значении для русской казны кяхтинской торговли, т. к. корни миролюбия и уступчивости русского правительства в отношении Китая были тесно переплетены с этим вопросом. В пятой главе автор останавливается на политическом положении народов, обитавших между Российской и Срединной империями. Вопрос о закреплении за Россией и Китаем территорий, населенных монголами, джунгарцами, киргизами, калмыками и др. народами, является одной из интереснейших и еще мало разработанных тем в истории русско-китайских отношений. То, что сделано автором в этом отношении, безусловно, заслуживает внимания.

Подводя итоги русско-китайским взаимоотношениям, автор делает вывод, что—«Срединная Империя конечной целью своей внешней политики ставила охранение границ и целость империи, а Россия в Сибири—развитие торговли»... Конечно, этот вывод далеко недостаточен: колониальное соперничество двух империй остается невскрытым, стремление к территориальному расширению, характерное как для одной, так и для другой страны, автором не подчеркнуто и т. д. В конце каждой главе даны весьма ценные примечания (с богатейшим указателем литературы), которые, в некоторых случаях, благодаря величине и содержанию дают даже больше, чем основное изложение.

Помимо многочисленных литературных источников, автор использовал для своей работы также ряд архивных материалов, повышающих естественно ценность книги. Несколько мелких замечаний: церемония поклонения китайскому императору называется по-китайски не «ков-тов», как пишет везде автор, а «кэ-тоу», правильнее также не «цун ли ямень», а «цзун ли ямынь». Термин «империалистический» в отношении русской и китайской захватнической политики XVII и XVIII вв. автор понимает слишком широко (напр., на стр. 132: «Все вышеизложенное в настоящей главе о политическом положении народов, обитавших между Россией и Китаем, свидетельствует о той важной роли, какую играли эти народы во взаимоотношениях империалистически развивающихся держав...»); это противоречит ленинскому пониманию природы империализма.

Несмотря на указанные недочеты, книга, безусловно, заслуживает внимания, благодаря ее насыщенности богатым и проверенным фактическим материалом. Отметим еще, что высокая цена книги (3 р. 50 к.) совершенно не соответствует ее величине (158 стр.).

Г. Рейхберг

Ю. БОЧАРОВ, А. ИОАННИСИАНИ и др. Учебник истории классовой борьбы (XVIII—XX вв.). Под общей редакцией проф. А. Д. Удальцова.

Допущено подсекцией по работе среди взрослых Научно-полит. секции ГУС'а. Гиз, 1928 г., стр. 569 + VI, ц. 2 р. 75 к.

Рецензируемый учебник — результат коллективной работы ряда практиков педагогов. Рассчитанный на средние звенья нашей школьной системы, учебник открывается отделом «Эпоха буржуазных революций» и заканчивается отделом «Эпоха пролетарских революций». Хронологические рамки учебника: XVIII век до наших дней.

Впервые мы имеем учебник, где отводится место Америке и в двух словах Востоку.

Книга имеет две самостоятельные, но органически связанные части: текстовую и методическую.

Материалы текста разбиты по трем отделам: эпоха буржуазных революций; буржуазия и пролетариат; эпоха пролетарских революций.

Количество страниц, отведенных Америке—вернее С.-А. Соед. Штатам, чрезвычайно мало (страницы: 5, 6, 7, 223, 224, 413, 423).

Притом Америке отводится внимание авторами только при изложении XVIII и XIX в., а в изложении классовой борьбы наших дней авторы выпустили Америку.

Еще меньше внимания уделено Востоку. Восток из учебника выпал, если не считать краткого упоминания о национально-революционных движениях в Турции, Китае, Персии и в Афганистане и все это на полуторах страничках (стр. 522—523).

Текстовая часть дает последовательное марксистское изложение исторических фактов в основных странах Европы и СССР.

Книга легко читается.

Легко и увлекательно написаны главы: Великая французская революция и промышленный переворот в Англии.

Очень скудно освещена революция 1848 г. в Германии. Давая подробный анализ февральской революции 1848 г. во Франции, авторы уделяют всего несколько слов событиям в марте 1848 г. в Германии.

Глава восьмая—эпоха II Интернационала—охватывает историю борьбы классов с конца 70-х до 1914 г.

О рабочем движении за это время в Соединенных Штатах Америки — ни слова.

1905 год изложен обстоятельно. Недостаток заключается в том, что автор в нескольких строчках (6 строк, а вся тема имеет 22 страницы—350—372) сделал попытку изложить теорию перманентной революции Троцкого.

Что можно было дать в нескольких словах? Вновь повторить, что Троцкий игнорировал крестьянство, пытался перескочить через буржуазно-демократическую революцию.

Конечно, это верно. Но это недостаточно. Троцкизм требует к себе большего внимания. Разоблачение оппортунистической сущности троцкизма требует пристального внимания к нему со стороны аудитории.

Авторы не уделили достаточного внимания оппортунистической сущности троцкизма во время империалистической войны.

Очень бегло задета дискуссия во время Бреста и совершенно мельком об об'единенной оппозиции между 14 и 15 с'ездами.

Вызывает недоумение, почему в учебнике по истории классовой борьбы выпали русские профессиональные союзы.

Русские профсоюзы у авторов выпали и из раздела о 1905 годе, и из главы об Октябрьской революции.

Прежде чем закончить вопрос с текстовой частью остановимся еще на одном моменте.

Нужно ли в учебнике по истории классовой борьбы уделять соответствующее место личностям? Конечно нужно.

Мы считаем это положение бесспорным.

Мы, конечно, не думаем ставить личность на первый план, но мы не забываем о роли людей на каждом конкретном этапе борьбы.

Авторы учебников постарались пойти по пути внесения элементов библиографичности в изложение.

Но недостаточно.

Давая картину бабувизма, авторы ничего не говорят о Бабефе (стр. 85—92).

Об Ог. Бланки сказано то, что стало трафаретным: «Из 76 лет своей жизни 37 лет он провел в тюрьмах» и т. д. (стр. 132).

Глава «К. Маркс и научный социализм» (стр. 153) обходит молчанием биографические черты творца научного социализма.

Об Энгельсе имеется замечание такого характера: «В составлении манифеста большое участие принимал Энгельс» (стр. 155).

Перед школьной аудиторией было бы полезно в живых красках развернуть великую дружбу и сотрудничество двух великих революционеров и ученых.

Сказанное нами в отношении Ог. Бланки, Маркса и Энгельса полностью относится к характеристике Чернышев-

ского, Плеханова и В. И. Ленина (стр. 315—331).

2-ую часть книги составляет методический аппарат.

Эта последняя любовно и кропотливо составлена, чрезвычайно богата и в этом большая заслуга составителей.

Именно за методическую аппаратуру будут благодарны составителям педагоги на местах.

Методическая часть содержит:

1) Введение к каждой главе, выясняющие цели проработки данной главы, основные вопросы темы и связь ее с предшествующим изложением.

2) Календари важнейших событий, сгруппированных по отдельным периодам.

3) Три синхронистических таблицы.

4) Контрольные вопросы, служащие целям учета и самоконтроля учащихся.

5) Задачи поручения, содержащие материалы и указания, необходимые для организации самостоятельной работы учащихся, желающих исследовать отдельные вопросы по предварительно изученной эпохе.

6) Аннотировочные указания литературы, подобранной с таким расчетом, чтобы помочь учащимся углубить свои знания по интересующим их вопросам; приводимая литература разбита по рубрикам: документы, пособия, воспоминания, художественные произведения, драматические произведения.

7) Перечни иллюстративных пособий: таблиц, схем, диапозитивов, кино-фильм (предисловие).

Но эта богатая аппаратура имеет свои мелкие недочеты, вполне устранимые при последующих изданиях. Остановимся на некоторых из них.

Иллюстративная сторона.

Учебник, как правило, снабжен новыми картами, новыми диаграммами.

Приведенная на стр. 172 кривая доходов и задолженности графов Шереметьевых, конечно, интересна и под руками опытного руководителя превратится в прекрасный материал.

Хороша карта распределения барщинных и оброчных крестьян перед реформой (стр. 181), или диаграмма расслоения крестьянства во второй половине XIX в. (стр. 195).

Ряд карт-диаграмм, повторяем, впервые введены в учебную книгу.

Остановимся, однако, на некоторых недочетах.

Помещая карту колоний 1914 года (стр. 406) надо было поместить карту Европы, а еще лучше карту мира после Версальского мира.

Это бы дало наглядное представление об итогах войны.

Можно сомневаться, чтобы фотография разрушенного бомбой шестиэтажного дома (стр. 415) могла иллюстрировать результаты империалистической войны.

Глава «Диктатура пролетариата и империализм» недостаточно иллюстрирована.

На стр. 495 помещен рисунок «Сибирские партизаны», но партизаны очень смахивают на украинцев из Гоголя, а не на сибирских крестьян.

В этом разделе нет ни одной диаграммы, а между тем тут можно было бы поместить карту гражданской войны, построение СССР и т. д.

Каждая тема, как было упомянуто, снабжена задачами-поручениями.

Авторы правы, подчеркивая во введение к учебнику, что «задачи-поручения, конечно, примерны. Практика предложит новые задачи, соответствующие условиям местной работы»...

Составлены они умело, но некоторые мелкие недочеты все же имеются в задачах-поручениях.

Задачи-поручения тем по Зап. Европе кладут в основу хрестоматии Фридлянда и Слуцкого (год издания не указан).

Сравнивая тему поручения с указанными документами из хрестоматии, обнаруживаешь несовпадение задания со смыслом и назначением документов.

Например, стр. 123 п. 2 предлагает составить диаграмму доходов и расходов ткачей по документу из хрестоматии № 5.

Развертываем хрестоматию (Гиз, изд. 1925 г., стр. 273). Документ № 5—«Замена взрослых рабочих на фабриках женщинами и детьми».

Означенный документ не дает материала для выполнения упомянутого в п. 2, стр. 123.

Задания гл. 5, п. 1 (стр. 206) предлагает «Пользуясь таблицами в хрестоматии Вознесенского, Большакова и Русакова, сделать»...

Как известно имеются две хрестоматии, совершенно не равноценные:

Большаков и Рожков «История хозяйства России» в 3-х вып. и хрестоматия Вознесенского «Экономика России XIX, XX вв.».

Выводы:

Было бы странным, если бы в новом деле,—а создание учебной исторической книги — новое дело — все было бы гладко.

Отсюда некоторые недочеты, в известной мере обусловленные спешкой.

Но недочеты легко устранимые.

Мы не останавливались подробно на всех положительных сторонах учебника.

Книга оставляет хорошее впечатление удавшегося опыта создания коллективным путем — мы это подчеркиваем — марксистского учебника по истории классовой борьбы.

В заключение об опечатках.

Стр. 28, строка 17 сверху напечатано: «последние»—надо читать «на поселение».

Стр. 475, 13 строка снизу напечатано: «1918 г.» надо «1917 г.».

Стр. 477, строка 19 сверху напечатано: «1917 г.», надо «1918 г.».

Цена сравнительно недорогая.

А. Мильштейн

ВСЕСОЮЗНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ИСТОРИКОВ-МАРКСИСТОВ

ПЛЕНАРНЫЕ ЗАСЕДАНИЯ. РАБОТА СЕКЦИЙ: ИСТОРИИ НАРОДОВ СССР, ИСТОРИИ ЗАПАДА И СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ [1]

I. ПЛЕНАРНЫЕ ЗАСЕДАНИЯ

Развитие современной исторической науки и задачи историков-марксистов.

(Речь, произнесенная М. Н. Покровским на открытии Всесоюзной конференции 28 декабря 1928 г.).

Историки-марксисты, составляя один из отрядов ленинской армии, борющейся одновременно на множестве фронтов, должны быть хорошо ориентированы в настроениях, царящих в неприятельском лагере. Там, в буржуазной Европе, очевидные успехи СССР в деле хозяйственного строительства породили два течения: одна часть империалистов, охваченная бешеной злобой, готовится внеэкономическими средствами задушить первую страну строящегося социализма, среди других растет огромное любопытство к стране, которая восстановилась своими собственными силами, не закабалив себя мировым банкирам подобно большинству западно-европейских стран. С первыми—коммунистам-историкам, вероятно, придется рано или поздно иметь дело, как рядовым солдатам революции, но против вторых они уже теперь должны пустить в ход специальное оружие своей марксистской науки.

Обостренное внимание Запада к СССР напоминает интерес римлян к германцам во времена Тацита, когда в «варварах» уже нельзя было не видеть могучей, сокрушительной для старого мира силы. Мы сами не напрашиваемся, но нас усиленно, всеми средствами «тянут» на выступления в Западной Европе: так было с неделей в Берлине, так было и с Осло. Для буржуазных историков приглашение наших делегаций было средством воочию увидеть любопытного зверя, для нас же это открывало возможность широкого идеологического воздействия не только на европейский пролетариат, но и на вечно колеблющиеся по самой своей природе мелкобуржуазные слои. Тактически это имеет огромное значение, так как, по словам Ленина, в социалистической революции примут участие не только пролетарские, но и все недовольные капитализмом общественные группы, в том числе сильная своей массой мелкая буржуазия. Но для того, чтобы эту тактическую задачу успешно выполнить, надо, во-первых, хорошо знать буржуазную науку и, во-вторых, сохранять полное единство в своих рядах. В истекшем году впервые в Западной Европе коммунисты-марксисты выступили не как отдельные лица, а как организованное целое, как делегация революционного марксизма. Это выступление было тем более внушительным, что с точки зрения наших европейских хозяев советская делегация в целом была идейно вполне однородна, т. е. вся состояла из

[1] Печатаемые ниже отчеты о работах конференции представляют собой сокращенное изложение прочитанных докладов и прений по ним. Только сообщение т. Горина о работе Общества историков-марксистов дано по стенографической записи. Из-за недостатка места в настоящей книжке журнала не могли быть помещены отчеты секций по истории ВКП(б) и методической, а также комиссии по истории вооруженных восстаний и революционных войн и совещания по истории Востока. Все перечисленные отчеты будут напечатаны в следующем 12 томе «И.-М.». **Ред.**

«большевиков»; это взгляд, конечно, ненаучный и несовпадающий с нашим пониманием взаимоотношений между партийными и беспартийными представителями марксистской мысли, но там в Европе между марксистом, хотя бы и беспартийным, и большевиком ставится знак равенства. В этом сплоченном выступлении воинствующего марксизма на европейской арене — исторический смысл Берлина и Осло. Но европейская печать «проглядела» этот факт. Все ее внимание было сосредоточено на национальном соперничестве, ярко и оголенно проявившемся на конгрессе в связи с приглашением на него, впервые после войны, делегатов побежденных стран. М. Н. привел некоторые факты, рисующие откровенный шовинизм большинства делегаций и некоторых докладчиков, факты отчасти уже знакомые читателям «Историка-марксиста» из ранее напечатанных отчетов нашей делегации. Элемент национализма ясно чувствовался даже в докладе проф. Кута, выступавшего официально как марксист. Проф. Кут «доказывал», пользуясь цитами из Маркса и Энгельса, что раньше носителем национального принципа была буржуазия, а теперь таковым стал пролетариат. Докладчик игнорировал все бесчисленные свидетельства интернационального духа современного пролетариата: международную оборону СССР, движение в защиту Сакко и Ванцетти и т. д. и т. п. С его точки зрения РСФСР'овский пролетариат, например, должен быть проникнут великорусской национальной идеей. После этого можно было уже не удивляться, когда Г. Онкен вывел все национальные движения всего мира из одного источника: немецкого литературного влияния. Сербское национальное возрождение и даже об'единение Италии были плодом немецких книжек. Тут нас вернули на полстолетия назад, к работам Ранке; но зато Допш, один из крупнейших историков нашего времени, выставил ультрасовременный тезис: индивидуализм есть исконная особенность человеческих обществ, начиная с древних германцев и кончая современными государствами. «Коммунизм» средних веков был только случайным и преходящим «искажением» человеческой природы; отсюда благосклонным слушателям предоставлялось заключить, что и современный коммунизм может быть преодолен без особого труда. Этот политический памфлет, в своей исторической части построенный прямо недобросовестно на искусственно препарированных цитатах, служит лучшим свидетельством того, как буржуазные историки обрабатывают сознание своего читателя, не стесняясь никакими средствами. Один польский историк средней руки договорился в этом направлении до того, что утверждал, будто в древности были классы, а теперь их нет.

Но была на конгрессе и другая группа ученых, более добросовестных, не пытавшихся препарировать факты в политических целях. Они невольно приходили к экономическому об'яснению истории; так, например, французский профессор Депре утверждал, что причины великих географических открытий лежат в чисто экономической области, в относительной дешевизне океанских сообщений сравнительно со старыми торговыми путями. Но в то же время эти ученые обнаруживали полную неспособность усвоить понятие классовой борьбы и диалектику истории. Вот почему «левые» историки немарксисты придавали на конгрессе (и придают у нас; пример—«Атлас» Кудряшева) такое исключительное значение торговым путям. С этой стороны им легче всего подойти к материалистическому об'яснению истории, не становясь целиком на позиции исторического материализма. Так, Леритье и его группа выдвинули целую теорию об'яснения всей истории торговыми путями. Судьбы центральной Европы, восточной части Средиземноморья и т. д. определяются, по их мнению, тем, что это были «перекрестки». Получается своеобразная философия истории перекрестков. Это приближение мелкобуржуазных историков к марксизму нам надо использовать: за эту «веревочку» нужно тянуть. Но итти к этим колеблющимся группам надо так, как мы это всегда делали: с боем, с непримиримым и последовательным разоблачением никчемности всех этих теорий «перекрестков», «национальной идеи» пролетариата и т. п. И вот здесь приходится сознаться, что наше идеологическое воздействие на западную науку в настоящее время еще случайно и неорганизованно; даже столь первоочередное дело, как перевод на иностранные языки нашей основной марксистской литературы целиком предоставлен случаю, идет самотеком; сами авторы часто не знают об этих переводах.

Но для того, чтобы идейная борьба с буржуазной наукой могла вестись успешно, необходимо еще одно условие: высокая исследовательская техника. Противник в этом отношении прекрасно вооружен, как прекрасно вооружен он и

в прямом военном смысле. Если мы готовим на случай войны аэропланы, танки и скорострельные пушки, если у нас есть военные академии и специальные учреждения, ведающие этой техникой, то и для «мирной» борьбы на идеологическом фронте мы должны создать руководящие научные учреждения и вооружить единственно-научный метод об'яснения истории, которым только мы, марксисты, владеем, соответствующей научной аппаратурой. Об'единить разрозненные усилия, которые делаются в этом направлении историками-ленинцами во всех уголках Союза,—задача настоящей конференции.

Отчет Общества историков-марксистов

Доклад т. Горина

Я постараюсь изложить информацию об Обществе в отведенные мне полчаса, но рассказать за это время всю историю Общества, конечно, невозможно. Поэтому я ограничусь основными вопросами, характерными в работе Общества в прошлом, что поможет понять дальнейшее развитие нашей организации. Я не буду касаться вопроса, который, казалось бы, естественно напрашивается — вопроса о целесообразности существования нашего Общества. В настоящее время этот вопрос можно считать разрешенным в положительном смысле, хотя не так давно он вызывал скептическое отношение даже со стороны некоторых историков-марксистов. В настоящее время целесообразность и необходимость существования Общества бесспорна, и поэтому разрешите, не останавливаясь на этом вопросе, перейти к небольшой исторической части работ Общества.

Не отступая от общих правил, полагающихся для таких докладов, я вначале приведу данные о движении членов.

Для нашего Общества эти данные таковы: в течение 1925 года, т. е. с момента организации Общества и вплоть до 1 января 1926 г. в Обществе было 29 действительных членов и 11 членов-корреспондентов, всего 40 человек. К 1 января 1927 года цифра поднялась до 111 членов, из них—72 действительных члена и 39—корреспондентов. К 1 января 1928 г.—109 действительных членов и 102 корреспондента — всего 211. К 1 января 1929 года в Обществе состоит 169 действительных членов и 106 корреспондентов, т. е. всего 345. Таким образом в течение 3 лет число членов Общества историков-марксистов увеличилось почти в 9 раз. Как видите, рост чрезвычайно показательный и имеющий огромное значение еще и потому, что Общество историков-марксистов не широкая массовая организация, а организация научная. Поэтому из приведенных данных можно сделать вывод, что в Обществе сплочены основные марксистские кадры. Теперь я приведу некоторые данные, которые могут явиться показателем «политической качественности» наших членов. Общество историков-марксистов, как вы знаете, пользуется репутацией воинствующего общества. Это в значительной мере определяется, конечно, наличием партийных коммунистических кадров, которые действительно и придали Обществу характер боевой марксистской организации. Из 169 действительных членов Общества членов партии 136 из 176 членов-корреспондентов—133. Цифры весьма показательные, говорящие, что в нашем Обществе действительно об'единены историки-коммунисты. Что же касается его беспартийной части, то необходимо определенно отметить, что в абсолютном большинстве—это те беспартийные марксисты, которые приняли марксизм в полном виде, без всяких оговорок, потому что сам по себе марксизм таков, что не допускает никаких оговорочек.

Рост числа членов Общества, конечно, отразился и на работе общества, в первую очередь по части постановки докладов. В 1925 г. в Обществе было заслушано 4 доклада, в 26 г.—11; в 27 г.—16; в 28 г.—31, т. е. мы наблюдаем очень быстрый рост. Причем доклады, читавшиеся в Обществе, в основном были не доклады на узкие темы, а преимущественно касались общих методологических вопросов истории. Большой процент докладов падает, так сказать, и на юбилейные темы; как известно, Общество в основном обслуживало почти все крупнейшие юбилеи последнего периода (XX-летие первой революции, X-летие Октябрьской революции и т. п.).

Вот, товарищи, основные показатели работы Общества. Я не буду вас утомлять другими данными и думаю, что материалы, которые я привел, дают общее суммарное представление о нашем Обществе.

Теперь разрешите перейти к самой работе Общества историков-марксистов. Как мне кажется, в истории развития Общества в основном можно было бы наметить три этапа. Первый этап—организационный, охватывающий 1925 и начало 1926 года, когда общество еще

только оформлялось, когда оно, правда, хотя и именовалось Обществом, но фактически таковым не было. По существу же это был небольшой кружок историков-марксистов, была своего рода трибуна для историков-марксистов. Говорить о какой-либо массовой работе Общества, об огромном влиянии Общества на остальные историко-марксистские учреждения в этот момент, конечно, чрезвычайно трудно. Повторяю, Общества, об огромном влиянии Общеназвание Общества, чем было таким по существу. Этот небольшой коллектив историков-марксистов ставил своей задачей борьбу за марксизм и в первую очередь разработку вопросов, недостаточно освещенных в марксистской историографии. Михаил Николаевич Покровский хорошо формулировал эту задачу в своей речи на открытии Общества. Задача заключалась, во-первых, в борьбе за подлинно-научное изучение истории и за выявление в исторической науке масс, как основных об'ектов исторического исследования, и, во-вторых, в борьбе за изживание иллюзий экономического материализма, которые в то время были еще довольно сильны в нашей марксистской литературе и которые, нужно сказать, еще сильны и в настоящее время среди некоторых историков-коммунистов.

Второй этап — 1926—1927 гг. — может быть охарактеризован как выход Общества на широкую арену борьбы за марксизм. Именно в этот период, 26—27 год, Общество развернулось как мощная организация воинствующих историков - марксистов. Огромное значение в этой работе Общества сыграло издание нашего журнала «Историк-марксист», который, без преувеличения можно сказать, в настоящее время является настольной книгой каждого историка-марксиста. Этот же период 1926—27 года характеризовался рядом критических выступлений Общества по разбору отдельных немарксистских выступлений в нашей исторической литературе. В этот же период намечается научная популяризация марксизма. В 1926 году предпринимается попытка создания «Книги для чтения по истории Запада и истории России». (Подробно этой книги я коснусь, когда буду говорить о работе отдельных секций).

Наконец, третий период, в который вступает Общество в настоящее время, можно характеризовать не только как борьбу за чистоту марксистских принципов, но и как борьбу за систематическую научную разработку отдельных вопросов истории, для чего в первую очередь необходимо создание базы для этой работы. Эта задача в наши дни приобретает особо важное значение, если мы учтем рост немарксистских настроений, как отражение общих социальных сдвигов нашей страны и недовольства тех общественных элементов, которые подавляются успехами нашего социалистического строительства. Эти сдвиги бесспорно находят свое отражение и в области исторической науки.

М. Н. Покровский в своем вступительном докладе на открытии этой конференции дал яркую характеристику современного состояния исторической науки, правда, преимущественно заграничной. В противовес упадочничеству заграничной исторической науки у нас в СССР наблюдается рост огромных достижений в области исторических исследований. Но наряду с огромным ростом марксистских исследовательских работ мы имеем и рост активности немарксистов. Подчас эти выступления носят открыто враждебный нам характер, что правда бывает чрезвычайно редко, так как трудно нашим противникам выступать открыто, потому что марксизм идеологически победил. Поэтому большинство немарксистских работ отличается своеобразным характером «приспособленчества». Они часто окрашены в «защитный цвет» марксизма, но по существу это не марксистские работы, поскольку они принимают марксизм с оговорочками или нередко выражают свое несогласие с марксизмом только в некоторых пунктах. Нужно сказать, что борьба против немарксистской исторической науки в наше время приобретает значительно иной характер, чем это например было два или три года тому назад. В наше время немарксистская историческая наука часто выступает под флагом формального признания марксизма и поэтому для историка марксиста помимо марксистского метода требуется еще огромнейшая сумма знаний. Ограничиться одним только методом марксизма без достаточных фактических знаний и «техники» исторических исследований в настоящее время уже недостаточно. Эти основные моменты конечно необходимо будет Обществу учитывать в его дальнейшей работе, чтобы со всей ясностью поставить вопрос не только о критической работе Общества, которая была и будет в дальнейшем одной из основных его работ, но также и вопрос о работе по исследованию отдельных проблем исто-

рического знания. Вот почему организация научно-исследовательской работы Общества должна на ближайшее время стоять в центре работы Общества историков-марксистов. Сейчас я не предрешаю организационных форм, но во всяком случае очевидно одно, что Общество историков-марксистов, которое является основной организацией, сплотившей марксистские силы, не может вести своей работы, не имея под собой твердой базы для научно-исследовательской работы.

В каком же положении сейчас находится наше Общество? Говорить, что Общество в настоящем его виде, т. е. сплотив основные кадры историков-марксистов, уже якобы превратилось в подлинном смысле слова в научно-исследовательскую организацию—конечно невозможно.

Общество, на мой взгляд, сейчас переживает некоторый переломный период, а именно переход от того, когда Общество занималось только критическим разбором, к периоду, когда наряду с критическим разбором его членами будет вестись определенная систематическая научно-исследовательская работа.

Касаясь же современной работы Общества, надо будет отметить следующие моменты: Общество выявило себя прежде всего как организация, в которой широко практикуется система докладов его членов. 31 доклад, прочитанный в 1928 г., конечно, говорит о том, что докладная работа Общества занимает довольно большое место. Но должен сказать, что эта форма не является единственной. Кроме постановки докладов у нас ведется работа литературно-популяризаторская—так общество в настоящее время занято подготовкой издания «Книг для чтения» по истории России, Запада и истории ВКП(б), предназначенных для вузовской и комвузовской аудитории. Третья форма работы,—к которой мы переходим—это организация систематической научно-исследовательской работы. Вот три основных формы работы Общества. В организационном отношении, поскольку научная организация, имеющая больше 200 членов, естественно, не может работать в пленарных заседаниях, общество оформлено в ряд секций. Основные секции: секция истории партии, истории России, истории Запада и Америки, секция социологическая и методическая, за последнее время выделена и секция по истории Востока. По существу каждая из наших секций является как бы маленьким обществом, сплачивающим вокруг себя историков, работающих по данной специальности. За последнее время у нас выявилась еще одна форма организации членов Общества—это комиссии, которые ставят своей задачей не только критическую разработку вопроса, но и постановку систематической научно-исследовательской работы, т. е. ставят в первую очередь своей задачей, о которой говорил М. Н. Покровский — в совершенстве овладеть техникой исторического исследования как необходимым условием подлинно научной разработки отдельных вопросов исторического значения. Я, товарищи, к сожалению из-за недостатка времени не могу подробно осветить работы наших секций и комиссий, хотя и постараюсь коснуться их в такой мере, чтобы вы смогли бы в общих чертах иметь представление о ней.

Секция по истории партии является одной из молодых секций. Она оформилась только в 1928 году. Однако, даже по той работе, которую провела секция в порядке подготовки к конференции, ясно, что она в значительной мере в сравнительно короткий срок справилась с поставленной перед собой задачей—сплочение историков партии. Как известно изучение истории партии в наших условиях приобретает огромное значение, и ряд вопросов, имеющих в настоящее время огромное политическое значение, безусловно должен будет найти свое разрешение в работах секции. Не случайно секция истории партии, уделяя большое внимание изучению истории ВКП(б), в качестве своей первой, очередной задачи поставила подготовку издания «Книг для чтения» по истории ВКП(б) в пяти томах. Она рассчитана на вузовцев, комвузовцев и на преподавателей школ второй ступени. Книга для чтения по истории партии подготовляется коллективно. Книга для чтения по истории партии захватывает период с момента зарождения социал-демократии в России и доводит историю партии до 1917 года.

Общий план книги таков. Первый том—зарождение социал-демократии в России; второй том—оформление большевизма и меньшевизма; третий том—партия в первую революцию; четвертый том—партия между двумя революциями; пятый том—партия в революцию 1917 г. Каждая книга будет содержать примерно 5—6 статей, написанных на основании свежих материалов, но мы ставим непременным условием, чтобы эти статьи были доступны и при-

способлены к среднему читателю. Конечно, создание «Книги для чтения» по истории ВКП(б)—это вопрос чрезвычайно большой, важный и трудный, но даже сейчас трудно сказать, в каком году мы ее можем издать. Во всяком случае опыт, который мы имеем с «Книгой для чтения по истории России» говорит, что издание такой книги—вещь чрезвычайно трудная.

Что касается организации секций систематической научно-исследовательской работы, то, поскольку мы имеем такие специальные научно-исследовательские учреждения, как Институт Ленина, в секции придется, очевидно, базироваться на работе Института Ленина и историко-партийного отделения Института красной профессуры.

Секция по истории России одна из первых секций Общества. Кроме многочисленных докладов в настоящее время развернута работа по изданию «Книги для чтения по истории России» в 5 томах под общей редакцией М. Н. Покровского. Из 5 томов в настоящее время готовы к печати 3 тома. Мы предполагали даже к концу 1928 г., т. е. к конференции выпустить из печати один из томов, но он, повидимому, выйдет только в первой половине 1929 года. «Книга для чтения по истории России» хронологически охватывает период с XVII в. до гражданской войны в России в 1918—21 г. I том посвящен XVII и XVIII вв., II том—XIX в., III том—концу XIX в. и революции 1905 г., IV том—годам реакции, империалистической войне и революции 1917 г. и V том—гражданской войне в России. Кроме подготовки к печати «Книги для чтения по истории России», которая является одной из основных работ Общества, за последнее время перед секцией особенно остро встал вопрос об организации научно-исследовательской работы. При этом необходимо отметить, что вопрос об организации научно-исследовательской работы перед секцией по истории России стоит острее, чем например перед секцией по истории партии, могущей в своей работе опираться на такое учреждение, как Институт Ленина. Эта необходимость организации научно-исследовательской работы уже и настоящее время, например, выливается в создание комиссии по истории пролетариата в России,— о которой я скажу несколько позднее.

Секция по истории Запада также наряду с постановкой докладов готовит «Книгу для чтения по истории Запада» в 4 томах. Один из томов издательство предполагает выпустить в начале февраля. Первый том «Книги для чтения по истории Запада» охватывает период эпохи торгового капитализма, второй том—эпоху промышленного капитализма, третий том—империализм (включая войну 1914—18 гг.) и четвертый—империализм и классовую борьбу в послевоенный период. Нужно сказать, что к подготовке «Книги для чтения» привлечены наши лучшие историки-марксисты, в большинстве случаев являющиеся членами Общества историков-марксистов, и поэтому работа над книгами является коллективной работой наших марксистов. Я теперь коснусь еще работы наших двух секций—социологической и методической.

Секция социологии несмотря на сравнительно продолжительный срок своего существования только за последнее время ясно поставила вопрос, чем она должна заниматься. Секция ставит своей задачей разработку основных проблем марксистской социологии. Нужно сказать, что вопрос о том, может ли существовать марксистская социология как самостоятельная научная дисциплина, вызывает сомнение у многих наших историков, поэтому секция в плане своих работ на 1929 г. предлагает широко осветить этот вопрос и ставит доклад на тему: «Сущность социологии». В области литературных планов секция предполагает издание ряда работ характеризующих современное состояние социологии, и в частности намечено издание сборника «Современные буржуазные и антимарксистские течения в исторической науке».

Что же касается секции методики, являющейся наиболее старой секцией нашего Общества то она проявила себя достаточно активно в борьбе за методику с чуждыми влияниями и целиком оправдала свое существование. Как известно, искажения марксизма возможны не только в области научно-исследовательской работы, но не меньше внимания заслуживает и вопрос как преподавать. В этом отношении перед методической секцией большая заслуга, что она своевременно разоблачает вылазки немарксистов. Отдельные сборники секции по этим вопросам, повидимому, большинству известны.

Подводя общий итог работ наших секций, можно сделать такой основной вывод, что секции Общества, являющиеся ячейками Общества, об'единяющими узких социалистов-историков, в основном ведут работу по постановке докла-

дов и организации литературно-научных популяризаторских работ, а за последнее время остро ставят вопрос и о переходе к научно-исследовательской работе. Отсутствие постоянной базы для научно-исследовательской работы в Обществе, конечно, отражается и на первых видах работы. Мы не можем похвастаться, что доклады наши ведутся по определенной, заранее разработанной системе. Правда мы делаем попытку планировать доклады и ставить те или иные проблемы в плановом порядке, но, конечно, это не всегда удается, поскольку мы не имеем постоянного штатного кадра научных работников общества. План наших докладов в значительной мере оформляется из «стихийных» заявок членов Общества, что, конечно, лишний раз подчеркивает необходимость организации базы научно-исследовательской работы, без которой, повторяю, Общество в дальнейшем не сможет развернуться так, как этого требует современное развитие марксистской исторической науки. Не случайно поэтому уже в текущем году в обществе наблюдаются сильные тенденции к постановке систематической научно-исследовательской работы, и в 1928 г. проделана уже кое-какая практическая работа. Первичной ячейкой организации научно-исследовательской работы в обществе являются комиссии. В настоящее время работают две основных комиссии: комиссия по изучению вооруженных восстаний и революционных войн и комиссия по истории пролетариата в России. Намечается также и создание третьей комиссии —это комиссия по документации империалистической войны 1914—18гг.

Комиссия по истории вооруженных восстаний и революционных войн ставит своей задачей разработку основных проблем вооруженных восстаний не только у нас в России, но и за границей. Поэтому в план работ комиссии включена также и разработка таких актуальных вопросов современного рабочего движения, как восстание спартаковцев в 1919 г., Болгарский переворот 1923 г., Гамбургское восстание 1923 г., переворот Пилсудского в 1926 г. и т. п. Комиссия по изучению истории вооруженных восстаний и революционных войн ставит своей задачей коллективную разработку этих проблем и вовлечение лучших наших специалистов, не только историков, но и военных историков,— для того чтобы проследить и изучить эти вооруженные восстания и со стороны военно-технической.

Комиссия по истории пролетариата ставит своей основной задачей проведение научной разработки истории рабочего движения в России, в которой, как известно, многие вопросы, несмотря на огромный практический интерес, в нашей исторической литературе слабо разработаны. Даже по такому общему вопросу, как количественный и качественный рост рабочего класса в России, мы не сможем сказать, что он у нас изучен. Комиссия по истории пролетариата поэтому предполагает в настоящее время заняться изучением ряда основных проблем истории рабочего движения, и результатом изучения должны явиться отдельные монографии, в частности, комиссия предполагает также дать ряд исторических очерков отдельных фабрик и заводов, т. е. проследить на истории ряда фабрик и заводов ту эволюцию, которую претерпел рабочий класс в России. В качестве ближайшей работы намечено также и составление библиографии. Как комиссии удастся справиться со всеми этими задачами, говорить сейчас еще трудно, потому что в первую очередь мы упираемся в необходимость наличия определенных материальных возможностей для закрепления за работой постоянных научных сил, а в настоящее время мы находимся еще в стадии организации базы научно-исследовательской работы исторического сектора Коммунистической академии. Без положительного разрешения этого вопроса дальнейший рост Общества довольно сомнителен. Не предрешаю сейчас вопроса, будет ли это Институт истории или подобно Ленинградской академии по истории материальной культуры мы назовемся Академией марксистской исторической науки. Но, во всяком случае, бесспорно, что неполучение соответствующей материальной базы и тем самым невозможность организации систематической научно-исследовательской работы Общества поведет Общество историков-марксистов к замиранию. При организации научно-исследовательской базы, конечно, придется учесть и существующие исторические институты, и я не хотел бы быть понятым, что в своей защите необходимости организации систематической научно-исследовательской работы общества, мною игнорируется возможность параллелизма. Конечно, марксистских сил не так много, чтобы можно было разбрасываться и создавать ненужные институты. Однако, необходимо признать, что Института истории, который был бы фактическим центром исследовательской работы в СССР, мы не имеем. Вот по-

чему совершенно правы многие члены Общества, утверждающие, что таким центром и должен быть исторический сектор Коммунистической академии. И, конечно, совершенно не случаен, я бы сказал, стихийный рост комиссий Общества, ставящих своей задачей систематическую научно-исследовательскую работу. Потребность перехода к научно-исследовательской работе действительно говорит о том, что Общество должно приступить к этой работе, целиком вытекающей из роста нашей марксистской исторической науки. Наглядно это можно, например, продемонстрировать выставкой литературы по истории Октябрьской революции, находящейся в помещении библиотеки Коммунистической академии. Литературы, предназначенной к этой выставке, организованной нами в связи с настоящей конференцией, оказалось так много, что у нас не хватило места разместить эти многочисленные книги в залах и поэтому пришлось использовать помещение библиотеки и мы приглашаем вас ознакомиться с этой выставкой.

Товарищи, касаясь вопроса необходимости организации научно - исследовательской работы Общества, мне кажется нужным особо подчеркнуть, что мы создание базы научно-исследовательской работы мыслим, как создание марксистской научно-исследовательской организации, сплотившей основные кадры марксистов, что и позволит в первую очередь заняться вопросами марксистской методологии и дать ряд научно-исследовательских работ.

Насколько остро стоит вопрос о создании научно-исследовательской базы, мы отчасти чувствуем и в издании нашего журнала «Историк - марксист». Журнал «Историк - марксист», по общим отзывам, является лучшим историческим журналов в СССР. Такие же отзывы мы имеем и за границей, в частности, в Германии вышла очень подробная и большая библиография о нашем журнале. Но, во всяком случае, говорить о том, что «Историк-марксист» является пределом наших научных марксистских достижений, мы ни в коей мере не можем. «Историк-марксист» грешит рядом недостатков, в основном упирающихся в отсутствие научно-исследовательской базы в Коммунистической академии.

Я не буду из-за недостатка времени сообщать данные по журналу «Историк-марксист» и остановлюсь только на общих вопросах и, в первую очередь, на тираже журнала, являющемся для нашего журнала очень показательным для ряда выводов. Тираж «Историка-марксиста» растет правда медленно, но неуклонно. Причем показательно, что подписка на него в большинстве идет не от общественных организаций, не от библиотек, а от отдельных лиц, что для нашего времени является исключительным. Это чрезвычайно показательно в том отношении, что журнал без поддержки той или иной покровительствующей организации пробивает себе дорогу. Правда, на медленный рост расходимости журнала сильно влияет чрезвычайно дорогая цена журнала, делающая его недоступным для очень многих историков-марксистов. Второй причиной медленного роста расходимости следует считать сравнительно редкий выход журнала. 4 книги в год скорее говорит об «Историке-марксисте» как периодическом сборнике, чем как о журнале. Создание научно-исследовательской базы в Коммунистической академии, конечно, даст возможность нам улучшить журнал и выпускать, может быть, не 4 номера в год, как до сих пор и притом подчас с большим запозданием, а 6 книжек. Сейчас при нашей материальной базе, когда нет даже самого минимального кадра редакционных работников и все делается в порядке любительства, и как всякого любительства, — не лишенного случайностей, переход на 6 книжек вызывает опасность срыва издания журнала. Обыкновенно люди, не посвященные в финансовые тайны нашего Общества, предполагают, что Общество историков-марксистов располагает огромным кадром штатных научных единиц и т. д. Однако, необходимо отметить, что та работа, которую мы проделываем, в большинстве случаев базировалась не на огромных штатных единицах научных работников, ибо можно сказать, что в общем наши штатные единицы меньше, чем, скажем, в Музее обороны Московского государства, о котором многие из вас не имеют даже никакого представления. Работа Общества историков-марксистов была сильна только своей коллективной работой, так как Общество дорого многим нашим марксистам как своя организация. Однако, я думаю, пренебрежительное отношение к вопросам материальной базы Общества, поскольку остро стоит задача организации научно-исследовательской работы, сейчас уже недопустимо. В частности, вы сами убедились, что наше игнорирование материальной стороны не всегда может поощряться, и то, что на конференции не

хватает вешалок и мы не смогли дать самых элементарных условий жизни нашим делегатам, повидимому не встречает сочувствия с вашей стороны. Мы утешаемся, однако, тем, что конференция вызвала такой небывалый интерес, которому с полным правом мог бы позавидовать недавно происходивший Всемирный конгресс в Осло, где материальная сторона не страдала недостатками и обсуждение жгучих проблем истории подменялось пышными банкетами.

В заключение, товарищи, я хотел бы коснуться ближайших организационных задач Общества в его работе по связи с иногородними организациями, работающими в области изучения истории.

В настоящее время мы в целом ряде мест имеем научные учреждения, занимающиеся разработкой вопросов истории. Так, например, большая исследовательская работа развернута на Украине при Институте марксизма. Аналогичная работа ведется в Белоруссии при Институте белорусской культуры, реорганизующейся в Белорусскую академию наук; в Баку создан Институт Шаумяна, ставящий своей задачей научную разработку вопросов ленинизма и истории Закавказья и т. п. Рост культурных центров нашего Союза поставил перед Обществом вопрос о связи, и не случайно еще до настоящей конференции Общество фактически превратилось в всесоюзную организацию и имело ряд филиальных отделений. Наша задача—помочь иногородным отделениям Общества, а также и научно-исследовательским учреждениям, созданным во многих городах СССР. В какие формы будет выливаться эта помощь Общества, я сейчас указывать не буду. Повидимому во время конференции мы проведем ряд совещаний с местными делегатами, на которых по этому вопросу поговорим более подробно.

Во всяком случае Общество наше должно об'единить все кадры историков-марксистов. Уже в настоящее время оно широко вышло за пределы московской организации. Так, мы имеем отделения общества в ряде городов СССР, в частности на правах отделения существует общество историков-марксистов Закавказья и Белоруссии. На Украине организация Общества к сожалению задержалась, хотя потребность сплочения подлинно-марксистских сил там стоит острее, чем в других местах. Мы имеем также ряд заявок о желании организации отделений Общества во многих, преимущественно, университетских центрах. Вопрос о связи с другими городами для нас таким образом имеет огромнейшее значение.

Второй вопрос тоже из области связи — это вопрос о связи с заграницей. Нужно сказать, что поездка советских историков за границу показала, что достижениями нашей марксистской исторической науки чрезвычайно интересуются, но, к сожалению, информация о нас часто идет от лиц или организаций, которые не могут верно информировать о подлинном развитии исторической науки в СССР. В качестве курьеза можно привести, что в Америке, где в настоящее время особенно интересуются нашей исторической наукой, об историческом прошлом судят по учебнику... Платонова. Нужно решительно подчеркнуть, что мы в области информации заграницы о наших достижениях сделали чрезвычайно мало. Пример, который привел здесь М. Н. Покровский с переводом его книги в Германии, весьма показателен, мы не всегда бываем достаточно внимательны к вопросам, имеющим большое значение. Никак нельзя признать нормальным, что перевод нашей основной работы по истории, работы М. Н. Покровского, прошел даже без просмотра самого автора.

Второй, ближайшей формой работы по связи с заграницей, мне думается, нужно признать необходимость установления более тесной связи с иностранными историками-марксистами. Я думаю, что наша конференция историков-марксистов, являющаяся крупным политическим событием, безусловно найдет отклик и за границей. Ведь тот факт, что именно марксисты собрали первую конференцию историков (до революции у нас общеисторических с'ездов не было) и притом с таким большим числом участников, лишний раз подчеркивает, что только марксизм действительно заботится о научном изучении истории.

В виду того, что время мое уже истекло, разрешите в заключение моего выступления напомнить один маленький эпизод, имевший место в 1926 году. В 1926 г., т. е. в тот момент, когда мы еще не знали, как пойдет развитие Общества, от нас запросили пятилетний план нашей работы. Я этот план составил. Должен сознаться, что этот план был чисто бумажный. В этом плане я между прочим писал, что в 1927 году мы собираем конференцию историков-марксистов, а в 1928 г. намечаем созыв Всемирного конгресса историков-марксистов. В 1926 году конечно никто не придавал серьезного внимания этим нашим воздушным

«прожектам», я же за эти планы стал об'ектом насмешек. Мне говорили, что если еще есть некоторая сомнительная надежда созвать всесоюзную конференцию историков-марксистов, то что касается всемирной конференции историков-марксистов—это вещь совершенно утопическая. Я, товарищи, признаться, когда составлял план, тоже думал, что мои предположения утопические. Но оказалось, что мой «утопизм» 1926 года опоздал только на 1 год, т. е. что мы конференцию историков-марксистов созвали не в 1927 году, как мы предполагали, а в 1928 году. А это дает основания надеяться, что хотя и с запозданием, но мы все же созовем всемирную конференцию историков-марксистов. Во всяком случае наша конференция в этом деле является значительным шагом вперед. (Аплодисменты).

Работа марксистских учреждений Украины

Доклад т. Яворского

Работа марксистской исторической мысли на Украине протекает в более трудных условиях, чем в РСФСР, прежде всего потому, что до революции там не делалось даже попыток организовать марксистскую школу историков. Приступая к этой задаче заново, историки-коммунисты Украины начали с изучения Октября и только постепенно распространили границы своего исследования сначала на историю революционного движения на Украине, а затем и на другие области исторического знания. До последнего времени на Украине не было единого центра, который об'единял бы научную работу историков-марксистов в республиканском масштабе. В 1923 г. был основан Украинский институт марксизма в Харькове. В его историческом отделении при научных кафедрах истории Украины и истории Запада, а с недавнего времени и при 3-ей кафедре—истории партии и Октября и велась до сих пор основная марксистская работа украинских историков.

Другим центром исследовательской работы было историческое отделение кафедры марксизма и ленинизма при Академии наук в Киеве, с его украинской и западной секциями и отдельными комиссиями, разрабатывающими частные проблемы. Наконец, Истпарт Украины организовал в Харькове, Киеве и Одессе изучение Октябрьской революции и истории партии и издает журнал «Летопись революции».

Несмотря на отсутствие об'единяющего центра, неблагоприятно отражавшегося на работе марксистских ученых Украины, ими были осуществлены два важных достижения: 1) создана марксистская схема украинского исторического процесса, вытеснившая популярную теорию «бесклассовости» украинской истории (Грушевского), и 2) написаны учебники, сделавшие эту схему достоянием масс и учащейся молодежи. Эти успехи марксистской теории привели к тому, что даже некоторые представители старой буржуазной науки (напр., Багалей) нашли нужным декларировать свое присоединение к ней.

Для создания об'единенного марксистского фронта против старой буржуазной школы и новых мелкобуржуазных течений в 1928 г. была проведена подготовительная работа по организации Украинского общества «историков-марксистов», закончившаяся 20/XII 1928 г. открытием этого Общества в составе 40 членов, преимущественно коммунистов. Этим Украина сделала существенный шаг на пути к созданию единого всесоюзного общества. Украинское общество «историков-марксистов» предполагает созвать в мае Всеукраинский с'езд, а с осени приступить к изданию специального исторического журнала «Историк-марксист». При наличии этого органа, третий марксистский журнал «Прапор марксизму» станет теоретическим по преимуществу. Кроме того, будут издаваться периодические сборники, посвященные 1905 г., 1917 г. и другим проблемам. Готовятся к печати и отдельные монографии по методологии, историографии и истории XX в. Особая комиссия по изучению Западной Украины подготовляет ряд работ по революциям 1848 и 1918—1919 гг. Связь с местными работниками позволит этой комиссии широко развернуть борьбу с нашими идейными врагами, в руках которых в настоящее время сосредоточено идеологическое руководство западно-украинским движением. Дальнейшие успехи марксистской мысли на Украине могут уже опереться на существенные достижения в прошлом, признанные далеко за границами республики. 30 тт. «Летописи революции», 10 тт. «Прапора марксизму», десятки монографий—вот итог деятельности украинских историков-марксистов к кануну Всесоюзной конференции.

Деятельность Института Ленина

Доклад т. Савельева

Перед Институтом стоят чрезвычайно широкие задачи, обусловленные его

троякой ролью: хранителя ленинского литературного наследства, научно-исследовательского учреждения и органа ЦК, выполняющего специальные поручения организационного порядка.

В начале своей деятельности Институт был поглощен работой по собиранию и приведению в порядок огромных архивных богатств. Затем наступил период издания сочинений Ленина; в последнее время напряженная работа над подготовкой научного 2-го издания сочинений В. И. потребовала срочной организационной перестройки Института. Слияние с Истпартом внесло необходимую организованность и экономию сил в изучение ленинского наследства, неразрывно связанного с историей партии. В настоящее время во главе Института стоит дирекция из 10 человек, директор и ряд его помощников; в различных отделах Института работает около 150 человек, из них свыше 50 человек квалифицированых научных сотрудников.

В архиве Института имеется около 70.000 документов, из них 23.700 написанных Лениным. Рост этого богатства очень быстр: с 1926 г. оно более чем удвоилось. Об'единение с истпартовским архивом позволяет приступить к систематизации фондов, связанных с отдельными с'ездами партии.

Библиотека содержит около 150.000 т., среди них 8.000 томов нелегальных изданий и 7.000 листовок. Библиотека заканчивает «предметный указатель» к 1-му и 2-му изданиям сочинений Ленина, а в будущем году выпускает монументальную библиографию Ленина (1883–1924 г.г.), составленную Шнеерсоном.

Работа Отдела местных истпартов успешно развивается в связи с непрерывным улучшением работы провинциальных аппаратов. Качественный рост сказывается в ряде опубликованных хроник 1917 г. и научно-исследовательских работ.

Посещаемость Музея Ленина быстро растет: в 1927 г.—25.000, а в 1928 г. уже 60.000 человек.

Научно-исследовательский отдел Института намечает ряд монографий по истории циммервальдской левой и намерен приступить к составлению научной биографии В. И. Ленина, как только будет закончено издание его сочинений.

Работа Ред.-издательского отдела идет по двум основным линиям: 1) издания сочинений Ленина и ленинских сборников и 2) выполнения многолетнего плана истпартовских публикаций (прежде всего протоколов партийных с'ездов).

На первой работе сосредоточено до 60 сотрудников, и вся деятельность Института в значительной степени поставлена на службу основной задаче: своевременно выполнить задание ЦК — выпустить оставшиеся 16 томов собрания сочинений в течение 1929 г. В настоящее время на это издание имеется уже 201.000 подписчиков, и число их стремительно растет при каждом ускорении темпа выпуска томов. К концу 1929 г. будет выпущено также 5-томное издание избранных сочинений Ленина для массового читателя.

Работа исторического отделения Ленинградского института марксизма

Доклад т. Зайделя

За отсутствием в Ленинграде отделения Общества «И.-М.» его функции выполняются историческим отделением института, конечно, в несколько расширенном виде, поскольку основной задачей Института является организация исследовательской работы. Поглощение исторической секцией Института другого, ранее самостоятельно существовавшего научного учреждения — Ленинградского отделения Московского института истории способствовало сосредоточению марксистских сил и значительно повысило продуктивность работы.

Опыт привлечения к совместной работе в качестве гостей ученых-немарксистов, специалистов в области древних и средних веков и материальной культуры, вполне оправдал себя: влияние соответствующей секции сказалось уже на ряде научных учреждений Ленинграда в смысле их вовлечения в орбиту нашей работы.

Научно-исследовательская деятельность Отделения сосредоточивается в так наз. научно-исследовательских группах; из них 5 образованы в секции русской истории, это—группы по изучению аграрных отношений, народничества, стачечного движения, профессионального движения (две последних образуют особую подсекцию профессионального и рабочего движения) и вновь организуемая группа по источниковедению; 4 группы образованы внутри Западной секции: по изучению древних и средних веков и материальной культуры, истории французской революции, истории промышленной революции и

II Интернационала. За время существования Исторического отделения Института марксизма в нем было прочитано около 30 докладов, в большей своей части марксистских. Но даже работа немарксистов, как оказалось, протекала в марксистском окружении гораздо более плодотворно, чем в отделении Института истории.

Ближайшая задача—осуществить действительную коллективность в работе групп и строгую плановость в работе каждого отдельного сотрудника. Необходимо далее разрешить вопрос о научной подготовке студентов-историков, оканчивающих Ленинградский университет: в какую бы форму ни вылилась эта аспирантура, необходимость ее давно уже назрела. Третья задача облегчение для ленинградских историков пользования московскими архивами и дальнейшая работа по рационализации архивами техники обслуживания посетителей, в частности организация розысков материалов при помощи специального справочно-исследовательского бюро. Основное затруднение в работе «Института марксизма» заключается в том, что большая часть его трудов не может быть напечатана: даже если превратить «Историка-марксиста» в ежемесячный журнал и открыть в нем отделы древности, средних веков и современного Востока (что необходимо сделать), все же в нем недостанет места для всей научной продукции Института. Поэтому в Ленинграде необходимо теперь же начать издание периодических сборников по русской и всеобщей истории, а впоследствии—и нового исторического журнала. В первую очередь надо возобновить издание «Архива истории труда» и притом непременно в Ленинграде, хотя и с широким привлечением в его редакцию московских товарищей.

Коснувшись специфической атмосферы, в которой приходится работать марксистам Ленинграда, где сосредоточены значительные силы идеологически враждебной нам старой науки, докладчик признал, что некоторые товарищи не устояли против обволакивания их чуждой буржуазной идеологией, он привел некоторые факты травли реакционной профессурой передовых ученых только за одно «приближение» их к марксизму, а также факты недостаточной устойчивости некоторых историков-коммунистов. В заключение т. Зайдель отвел от ленинградских историков - марксистов обвинение в поддержке ими тезисов книги Тарле, указав, что последняя была формально осуждена ими.

Деятельность Центрархива РСФСР

Доклад т. Максакова

Докладчик начал с характеристики совершенно неудовлетворительной постановки архивного дела в царской России, когда все ведомственные архивы были почти недоступны для изучения и систематически разрушались. Только централизация архивного управления в 1918 г. создала в этом деле перелом к лучшему. Первыми задачами, которые пришлось разрешать Гос. архивному управлению были: охрана старых хранилищ, собрание рассеянных повсюду ведомственных, общественных и частных фондов и, наконец, создание архива пролетарской революции. Произведенное укрупнение старых архивов, в результате которого в Московском древлехранилище соединились почти все фонды XIV- XVIII в.в., очень облегчило работу историков по древнему времени, тем более, что в их распоряжении находится прекрасный справочный аппарат, специальная библиотека и проч. С другой стороны все военные фонды об'единены с бывш. Лефортовским архивом и образовали, таким образом, новый исключительно богатый военно-исторический архив (одних документов империалистической войны в нем свыше миллиона единиц). В прежнем виде сохранен старый межевой архив.

От перебросок революционного времени из самостоятельных вневедомственных архивов потерпели лишь архивы мин. иностранных дел и военно-ученый, хотя и здесь материалы сохранились, и пострадал, главным образом, справочный аппарат.

Спасти ведомственные архивы было труднее из-за саботажа чиновников, спешной эвакуации Петрограда и использования архивных дел как сырья для бумажных фабрик. Сильно пострадал архив бывш. министерства торговли и промышленности, несколько менее—министерства юстиции. Остальные архивы (сената, синода, министерства нар. просв., внутренних дел, департамента полиции и III отделения) спаслись, и все, кроме двух последних, ныне об'единены в огромном Ленинградском архивохранилище, вне которого в Ленинграде хранятся лишь фонды архива армии и флота.

Переведенные в Москву архивы департамента полиции и III отделения и Главн. архив мин. иностр. дел составили «Архив революции и внешней политики XIX и XX веков» и осо-

бенно широко разрабатываются в настоящее время. Собирание ведомственных архивов еще далеко не закончено и часто наталкивается на недобросовестное укрывательство отдельных лиц и учреждений.

Частных, гл. образом, усадебных архивов собрано в РСФСР до 500, они чрезвычайно ценны для изучения крепостного хозяйства, быта, истории литературы и т. д. Их собирание особенно трудно, т. к. они усиленно укрываются от Центрархива, дробятся между различными учреждениями и т. д. Даже переписка Романовых (из дворцового архива) далеко не вся разыскана, только в прошлом году обнаружен архив Керенского и лишь в нынешнем —архив Милюкова.

Собирание архивов Октябрьской революции шло в таком порядке: сначала (с 1920 г.) были собраны «бесхозяйные» архивы Временного правительства, Колчака, Деникина и т. д., затем архивы гражданской войны и, наконец, архивы наркоматов, главков, советов и т. д. Сосредоточить все эти материалы в Москве было невозможно, поэтому кроме Центр. архива Октябрьской революции в Москве организованы местные архивы в административных центрах РСФСР. К архиву О. Р. примыкает архив Красной армии с особым отделом, хранящим материалы бывшей царской фамилии и царских сановников.

В настоящее время Центрархив ведает 80.150 архивными фондами по всей республике, из них дореволюционных 43.244. В Москве и Ленинграде описано 53% и разобрано 30% фондов, в провинции неразобранных материалов меньше, чем в центре.

Архивы широко используются для справок гос. учреждениями и частными лицами и, кроме того, успели обслужить за последние 3—4 года свыше 1.500 исследовательских работ. Непрерывно усиливается интерес к нашим архивам со стороны иностранных ученых скандинавских стран, Германии, Америки и др.

С целью сделать архивные богатства достоянием широких масс, Центрархив ставит своей важнейшей задачей публикацию наиболее актуальных материалов. Всего издано около 2.000 печатных листов. По революционному движению XVII—XVIII в. закончены три тома пугачевщины, и в будущем году будет готов сборник по разиновщине. По декабристам близится к концу подготовка «Русской правды». Изданием второго тома в ближайшем будущем будет закончена публикация дела Каракозова. Будут изданы документы по Нечаеву и Ткачеву, второй том «Политических процессов 60-х г.г.», документы периода распада «Народной воли». По серии «Рабочее движение» печатается сборник документов архива департамента полиции за 80-е и первую половину 90-х годов. Ценнейшие материалы III отделения о крестьянском движении давно сданы в Гиз. По истории Октября уже издано 10 томов. Заканчивается работа по документам Петроградского военно-револ. комитета. Из серии «С'езды советов» скоро выйдет 1-й том стенограмм 1-го с'езда; в печати протоколы 1-го и 2-го ВЦИК'а, а также протоколы августовского гос. совещания в Москве и материалы по Учредительному собранию. Заканчивается подготовка стенограммы судебного следствия по делу колчаковских министров и 2-й т. «Партизанского движения в Сибири». Большая подготовительная работа ведется по материалам интервенции. Ведется работа и по опубликованию историко-литературных материалов (Достоевский, Тургенев) и дневников (Половцева, Куропаткина и др.).

Публикации в «Красном архиве» вызывают огромный интерес не только у нас, но и на Западе, что открыто признается буржуазными учеными.

Самым крупным предприятием Центрархива (совместно с Коммунистической академией и Наркоминделом) является публикация дипломатических документов эпохи империалистической войны. Издание рассчитано на несколько лет, но первые тома (моменты кризиса 1914 г.) будут сданы в печать еще весной этого года. Одновременно та же комиссия, возглавляемая М. Н. Покровским, которая руководит этим изданием, предполагает выпустить популярную книгу, с включением наиболее ярких документов империалистической войны. Наше издание противопоставит «патриотическим» публикациям Германии и Англии документацию, на которую сможет прочно опереться марксистско-ленинская концепция мировой войны.

Очередная задача Центрархива рационализировать обслуживание архивами исследовательской работы. С этой целью создан в 1928 г. кабинет архивоведения—центральный справочный аппарат для всей архивной сети РСФСР. Той же цели служит организуемая картотека архивных фондов.

Архивное дело на Украине

Доклад т. Рубача

Архивное строительство на Украине началось буквально на пустом месте: без архивохранилищ, опытных архивистов и даже почти без архивных материалов, систематически вывозившихся царским правительством из Украины. Надо было собрать остатки архивов, развеянных гражданской войной и добыть из РСФСР вывезенные туда фонды. Теперь архивы Правобережья, в частности периода польского владычества, сосредоточены в Киеве, документы эпохи самостоятельного государственного существования гетманщины (17—18 в.в.)—в Харьковском центрархиве, важные документы по истории казачества и запорожской Сечи—в Одессе. Материалы 19-го века хранятся в краевых исторических архивах. Центрархив революции хранит в I отделе материалы революционного движения до 17-го года, во 2-м отделении—архивы контрреволюционных правительств и учреждений, в 3-м—документы, характеризующие организацию советской власти, наконец, в 4-м—архивы наркоматов.

В другом центрархиве—«Труд» сосредоточены документы по профдвижению и рабочему движению до 17 г. и за время революции.

В учрежденном теперь Государственном советском архиве будут храниться все новые материалы центральных советских учреждений.

В настоящее время собрано уже до 12.000 фондов с 10—11 млн. единиц хранения. К сожалению, процент документов пореволюционных невелик, всего около 23%. Но зато среди этого материала чрезвычайно обильно представлены низовые архивы: уездные, волостные, фабрично-заводские и т. д., имеющие особую ценность для изучения аграрной революции и ряда других вопросов. Очень хорошо отражен в архивах период военного коммунизма. Шире всего развернута исследовательская работа по архивам Октября, затем по национальному движению и, наконец, по истории классовой борьбы XVII—XVIII веков.

Издание архивных документов только теперь получает на Украине полное развитие, хотя необходимость таких публикаций для борьбы с мелкобуржуазной фальсификацией истории уже давно всеми сознавалась. Сейчас этим делом ведает Археографическая комиссия с секциями: рабочего движения, крестьянского движения, национального движения и советской власти (проектируются секции: экономическая и по внешней политике). По революции 1917 г. скоро выйдут два тома документов аграрной революции; кроме того, подготовляются тома, посвященные 15-летнему юбилею Чигиринского, Шевченко и рабочему движению 17 года. Первоочередной работой является печатание списков архивных фондов и характеристик важнейших из них. Без этого исследователь не может ориентироваться в архивохранилищах.

Состав Всесоюзной конференции

Доклад председателя мандатной комиссии т. Попова

Комиссия утвердила мандаты почти всех товарищей, прибывших на конференцию.

Членов конференции с решающим голосом было 123, с совещательным—273.

Среди членов с решающим голосом имелось 10 женщин (т. е. менее 10%).

По социальному происхождению члены с решающим голосом делились следующим образом: 15,4% рабочих, 17,3% крестьян, 53,7% служащих-интеллигентов, 6,5% «прочих» и 8% с неуказанным происхождением.

Членов партии было 87,8, кандидатов—1;7% и беспартийных—9,8%.

По образованию члены с решающим голосом распределялись так: с высшим образованием—72,4%, с незаконченным высшим—8,9%, с средним и с прочим образованием—7,3%.

Огромное большинство из них имеет печатные работы (82%) и педагогический стаж (69,1%), большею частью послереволюционный (57,7%).

Несколько больше половины всех членов с решающим голосом являются членами Общества историков-марксистов (действительных членов 45,5% и корреспондентов 5,7%).

Соотношение между теми же рубриками среди членов с совещательным голосом, примерно, то же, что и в группе членов с решающим голосом, только несколько ниже процента рабочих, коммунистов и товарищей, с высшим образованием и имеющих печатные труды и несколько выше процента товарищей лишь с пореволюционным педагогическим стажем.

II. РЕЗОЛЮЦИЯ ВСЕСОЮЗНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ИСТОРИКОВ-МАРКСИСТОВ

1. Всесоюзная конференция историков-марксистов, констатируя еще раз огромное значение марксистской исторической науки как одного из важнейших участков идеологической борьбы пролетариата за социализм, отмечает наличие в нашей стране обширного контингента историков, стоящих на точке зрения Маркса, Энгельса и Ленина, умеющих владеть методом исторического материализма и имеющих крупные достижения в области, как научно-исследовательской, так и научно-популяризаторской и методической работы. Можно с полным правом говорить о советской школе историков-марксистов, все более и более пополняющейся свежими молодыми силами, тесно спаянных по своей идеологии с рабочим классом, нередко выходцев из рабочей среды и применяющих метод исторического материализма в полном и цельном виде без всяких урезок и оговорок. Влияние этой школы выходит за пределы исторической науки в тесном смысле этого слова и распространяется все более и более на соседние области (лингвистика, археология и т. д.). По значительности своей научной продукции эта школа историков-марксистов, являющаяся выразительницей идей революционного марксизма и ленинизма, имеет не только местное, но и мировое значение, что доказывается, между прочим, переводами произведений крупнейших представителей этой школы на иностранные языки.

2. Недостатками школы историков-марксистов в СССР являются:

а) отсутствие общей для всей страны организации историков-марксистов;

б) отсутствие центрального органа;

в) отсутствие правильно налаженных интернациональных связей;

г) загруженность целого ряда представителей школы всякой посторонней работой, не имеющей ничего общего с их наукой и не носящей в то же время политического характера;

д) слабость развития коллективной работы на некоторых участках исторической науки, в особенности в области истории Запада;

е) распыленность и неорганизованность историков-марксистов, работающих как в области изучения истории зарубежного Востока, так и народностей, входящих в состав СССР.

3. В связи с этим конференция считает необходимым:

а) превращение Общества историков-марксистов при Ком. академии во всесоюзную организацию с созданием в различных республиках обществ историков-марксистов на правах отделений всесоюзного общества при Ком. академии ЦИК СССР, со введением в совет Общества историков-марксистов представителей республиканских обществ;

б) об'явление «Историка - марксиста» центральным органом всесоюзной организации Об-ва историков-марксистов с превращением его в ежемес. журнал;

в) выступления историков-марксистов Советского Союза на заграничных с'ездах и конференциях, а также организацию в Москве в течение ближайших двух-трех лет международной конференции историков-марксистов и сочувствующих историческому материализму научных работников;

г) разгрузка по крайней мере основного кадра историков-марксистов от всякой работы, не связанной с их специальностью и не требующей для успешного выполнения ее исторической подготовки;

д) необходимость издания популярного исторического журнала, рассчитанного на массового читателя;

е) конференция считает крайне важной разработку проблем, связанных с колониальной политикой империалистов на Востоке, и изучение враждебных пролетариату идеологий Востока.

Выполнение практических пожеланий конференции возлагается на Совет Общества историков-марксистов.

4. Независимо от дефектов организационного характера, перечисленных выше, конференция выявила кое-какие идеологические недочеты в нашей работе. Главными из них являются: во-первых, некоторая заакадемизированность отдельных наших работников, склонность рассматривать свою работу не как часть общей пролетарской борьбы на определенном участке фронта, а как деятельность «об'ективно-научную», даже противопоставляя ее политике; во-вторых, неизжитость, а иногда, на базе оживления мелкобуржуазной идеологии, оживление подчас и националистических точек зрения на историю, вплоть до подмены классового об'яснения «этнографическим». Конференция решительно призывает историков-марксистов расстаться со старыми «профессорскими» привычками и помнить, что, при всей важности академической выдержанности наших писаний, образцом для нас должны быть не знаменитости академического мира, всегда являвшиеся прислужниками эксплоататорских классов и в самом лучшем случае искавшие в «об'ективности» убежище от политики, но ученые-революционеры, типом которых в нашей стране являлись в старые годы Чернышевский, а в новейшее время Ленин, сделавший для понимания русского исторического процесса больше, нежели все обладатели всех исторических кафедр всех «российских университетов».

Конференция напоминает всем историкам-марксистам, что мы являемся воинствующими марксистами, первая обязанность которых заключается в борьбе с чуждыми марксизму и классово-враждебными пролетариату идеологиями и их пережитками, в чем бы они ни состояли и кто бы их ни распространял. Такого рода борьба является особо настоятельной в настоящий момент, когда представители идеологий, чуждых пролетариату, поднимают голову и переходят в наступление. Никакой в этом отношении «нейтралитет» и никакие уступки, никакого рода оппортунизм не могут быть допущены нашей школой, которой недостаточно быть только материалистической — историко-материалистов имела и имеет буржуазия, — но которая должна быть ленинской в полном смысле этого слова, все подчиняющей основной цели—борьбе за освобождение пролетариата во всем мире и строительству социализма.

III. СЕКЦИЯ ИСТОРИИ НАРОДОВ СССР

Доклад т. Ванага «О характере финансового капитала в России»

По существу подвел итоги той дискуссии, которая была вызвана его работой по этому вопросу «Финансовый капитал в России накануне войны». Но докладчик не только подвел итоги этой дискуссии, но и несколько расширил тему, по сравнению с прежней постановкой, говоря уже о характере финансового капитала в России на фоне классовой борьбы и различных социальных процессов, дополнивши эту тему рассмотрением периода военной экономики. Основное содержание доклада т. Ванага было в защите так наз. теории «денационализации» русского капитализма, сводящейся к рассмотрению системы финансового капитала в России как системы не национальной, а иностранной. В своем докладе т. Ванаг не отрицал наличия в России туземного финансового капитала, сосредоточившегося главным образом в легкой индустрии, но указывал на его подчиненную роль при господствующем антантовском финансовом капитале в России. Эта теория, вызвавшая в течение последних лет большую дискуссию, выявившая и наличие противоположной теории национального финансового капитала, вызвала и на конференции сильное оживление. По этому докладу выступало более 20 человек и сторонников, и противников «децентрализации». Ряд товарищей, сторонников другой точки зрения, сделал заявки на содоклады. Все это свидетельствует о том, что пробле-

ма финансового капитала в России привлекает к себе внимание наших историков и экономистов и что изучение ее еще не закончено и требует дальнейшего исследования и разрешения. Актуальность этой проблемы очевидна. И прав был М. Н. Покровский, указав в своем выступлении, что «вопросы, затронутые т. Ванагом, приобрели такую жгучесть и вызвали такую полемику потому, что они крыльцо к гораздо более общему вопросу: был ли у нас самостоятельный империализм, вела ли Россия самостоятельную империалистическую политику и в связи с этим как смотреть на Октябрьскую революцию? Так что суть дела в участии России в войне, а вовсе не в том специальном вопросе, по которому сейчас здесь спорят». Правда, на конференции было отмечено, что и прежние споры о финансовом капитализме и дискуссия, развернувшаяся по докладу т. Ванага, страдали чрезмерным увлечением «цифирками» и «процентами» и сводили часто всю проблему к «чисто экономическим» об'яснениям, опиравшимся только на статистику.

Опыт прошедших лет показал,—указывал т. Ванаг,—что, ограничиваясь одной лишь областью статистики и всевозможных арифметических подсчетов, сторонники другой точки зрения, внося ряд поправок и уточнений частного порядка, в особенности в области изучения деталей банковой системы, не смогли опровергнуть теорию «денационализации» финансового капитала в России, грозя скатиться к меньшевистской концепции Ерманского. «Заслуга т. Гиндина, сторонника теории «национализации»,—указывал т. Ванаг,—заключается в том, что он принес большую пользу по линии чистой экономики. Но нам, историкам, нужно кое-что и другое. Цифры должны давать ту или иную перспективу, они должны об'яснять историю классовой борьбы и всю сложность исторических процессов, которые происходят в стране».

В этой проблеме—несостоятельности чисто экономического об'яснения ряда задач, в том числе и этой, т. Ванаг сделал в своем докладе некоторый шаг вперед по сравнению со своей прежней работой, где его схема также страдала этою погрешностью. В докладе он правильно указывал, что решение вопроса о характере русского финансового капитала должно опираться как на итоги статистико-экономических исследований, так и на результаты изучения социальных явлений эпохи. Ряд товарищей в прениях подчеркивал эту новую и очень важную постановку вопроса. Гвоздем доклада т. Ванага, говорили они, является перевод теории денационализации системы финансового капитала в России с языка статистики на язык классовой борьбы и выделения роли экономической политики самодержавия. От мелочного анализа статистических колонок цифр, характеризующих характер вложения иностранного капитала в русскую банковую систему, чем грешила и книга т. Ванага, он перешел в своем докладе к углубленному анализу классовых сил, к анализу характера тех классовых отношений, которые создавались в России в связи с этим проникновением иностранного капитала. Ряд выступавших товарищей подчеркивал важность этой стороны доклада т. Ванага, но все же считал ее недостаточно разработанной: так, например, у т. Ванага в об'яснении русского империализма «чисто экономический» фактор играет основную роль.

Основной удар в своем докладе т. Ванаг направил против резкого противника своей теории, пытавшегося обосновать марксистской методологией свою схему развития русского финансового капитала,—т. Грановского. С точки зрения т. Ванага, является абсолютно необоснованным положение, что система финансового капитала в России сложилась во второй половине 90-х гг. По мнению докладчика, система монополистического капитализма в России оформилась в России в результате революции 1905 г. Останавливаясь на истории возникновения финансового капитала в России, т. Ванаг указал, что социально-экономические условия, при которых развивался как промышленный капитализм в России, так и монополистический капитализм, привели к тому, что в России после революции 1905 г. увеличилась роль иностранного финансового капитала. В результате, мы имеем в России господство иностранного финансового капитала к кануну мировой войны, а не национальную систему. Некоторые товарищи указывали на необходимость отметить несколько периодов в развитии финансового капитала в России. В эпоху под'ема перед войной отмечалось наличие господства иностранного капитала, но уже имелась сильная тенденция к вытеснению его собственным туземным накоплением. Национальное накопление, указывал т. Литвинов, превосходит в этот период сумму иностранных капиталов, в то время как в 90-х гг. было наоборот. Война прервала этот

процесс, и Россия стала филиалом иностранного капитала. Приток иностранного капитала в период войны никогда не был так велик, как в предыдущий период, и с русским накоплением его и сравнить нельзя. Соглашаясь с наличием господства иностранных банков в России, некоторые товарищи находили, несмотря на это, наличие и других тенденций развития—в сторону самостоятельности, а не подчинения туземного капитала антантовскому, как указал т. Ванаг. Вопрос о роли туземного капитала вызвал очень большие споры. С точки зрения т. Ванага, увеличившееся в результате аграрной политики накопление туземного капитала до войны 1914 г. в основной массе укрепляло лишь позиции иностранного финансового капитала в России. Туземный финансовый капитал, указывал он,—не был той самодовлеющей силой, тесно связанной с иностранным финансовым капиталом и развивающейся по своим замкнутым схемам, о которой говорили сторонники теории национализации. Последние же находили, что в этом вопросе схема т. Ванага имеет большие погрешности. По мнению этих товарищей, если т. Ванаг сторонников «национализации» старается припугнуть меньшевиками, то взгляд Ванага на роль иностранного капитала в России близок к взгляду Троцкого. Последний в предисловии к книге «1905 г.» также игнорирует туземный капитал в России. «Мысли у Ванага и у Троцкого в этом отношении одинаковы». «Я, правда, не собираюсь т. Ванага зачислить в троцкисты,—оговаривается т. Горин, —но эти ошибки Л. Троцкого, игнорирующего роль туземного накопления, не мешало бы учесть и сторонникам «денационализации».

Сторонники теории национализации возражали против трактовки т. Ванагом удельного веса и подчиненной роли туземного финансового капитала. Некоторые из них утверждали противоположное, а именно—господство системы русского финансового капитала. Тов. Раппопорт иллюстрировал это положение количеством и качеством банков, которыми владели русские финансовые магнаты в лице Стахеева, Ярошинского и Второва. Он указывал на наличие туземного капитала в текстильной и пищевой промышленности, дающих ²/₃ всего дохода. Многие товарищи считали подход Ванага в этом вопросе слишком схематичным. Ставили ему противники в вину и то, что он берет, по их мнению, за основу не крупные промышленные концерны, а такие, где национальные банки играют второстепенную роль. Обвиняли и в том, что он делает методологическую ошибку, когда берет все иностранные капиталы как одно целое и противопоставляет их всему туземному капиталу,—отсюда большие цифры и простая статистика. Сторонники теории «национализации» указывали и на недиалектический подход т. Ванага в этом вопросе. Доказывали это положение тем, что у него отсутствует попытка вскрыть противоречия внутри самого иностранного капитала, действующего на территории России, не всегда в монолитном виде, а раздираемого противоречиями в силу конкуренции. Эти противоречия и эта конкуренция, по мнению т. Горина, не давали возможности туземному капиталу занимать господствующее положение. И весь экономический процесс XIX—XX века, указывал т. Горин, шел по линии усиления самостоятельности туземного капитала, а не по линии подчинения, ведя в силу этого и самостоятельную внешнюю политику. По мнению сторонников другой теории, роль туземного накопления гораздо выше, чем приводил т. Ванаг. В итоге они указывали, что вся схема т. Ванага противоречит схеме Ленина, и т. Ванаг лучше бы сделал, говорили они, если бы подошел к своей схеме с той точки зрения, с какой Ленин оценивал вопрос о характере русского империализма в «Развитии капитализма в России». Особенно большую дискуссию в этом отношении вызвали два следующих положения т. Ванага. Указав, что с развитием капитализма в России самодержавие, хотя и делает шаг в сторону буржуазии, но остается по существу крепостническим, т. Ванаг поставил лишний раз под сомнение существование национальной системы финансового капитала в России. Крепостнический характер государственной власти отрицает, по его мнению, возможность сращивания финансового капитала с царизмом. И другие указывали, что нельзя признать сращение финансового капитала с системой русского самодержавия, т. к. в этом случае нужно стать на ту точку зрения, что русская монархия стала бы буржуазной.

М. Н. Покровский в своем выступлении указал, что неправильно отрицать возможность сращивания крепостнического государства с финансовым капиталом, как это делает т. Ванаг, так как самодержавие могло быть вполне использовано финансовым капиталом.

Большую дискуссию вызвало и другое положение т. Ванага, тоже, по мнению

его противников, противоречащее схеме Ленина. По мнению т. Ванага, господствующее положение иностранного капитала в России не определяет ни коренного изменения класовой природы русского самодержавия, ни вопроса об отношении сращивания финансового капитала с царизмом. Отношения между самодержавием и иностранным финансовым капиталом сложились таким образом, что самодержавие заняло подчиненное положение по отношению к иностранному капиталу. Что же касается туземного финансового капитала, то здесь командующая, господствующая роль осталась за крепостником-помещиком, ведущим определенную экономическую политику в интересах торгового капитала, а не финансового, оставаясь, по определению т. Ванага, отношениями «барина к камердинеру».

Противники т. Ванага не соглашались с ним в оценке господствующей роли крепостника-помещика, а в связи с этим и в оценке экономической политики царизма, как направленной в защиту интересов этого крепостника, обвиняя Ванага в недиалектическом подходе к тому, что представляло в XX в. самодержавие и его экономическая политика.

По мнению М. Н. Покровского, из «чисто экономических об'яснений русского империализма, об'яснение т. Ванага является наиболее близким и вовсе не противоречащим схеме Ленина, как некоторые пытались указать. Правда,— указывает М. Н.,— схема Ленина говорит, что Россией управлял крепостник-помещик плюс финансовый магнат. Но кто командовал, об этом он не сказал в этой цитате, а в ряде других цитат сказал, что командующим в этой паре был крепостник-помещик, и сказал в другом месте, что этот капиталист орудовал на занятые капиталы, был филиалом Антанты». Поэтому, — указывает т. Покровский,—никакого противоречия между Лениным и Ванагом нет, ибо т. Ванаг не отрицает зачатков туземного капитала в России, а только говорит, что он не был определяющим. Что же касается туземного накопления, оно было колоссально перед войной, но из этого нельзя сделать вывода, что империализм был национальным. Важно, кто распоряжался этими капиталами. Ряд цифр указывает, по мнению т. Покровского, что всеми миллиардами, накопленными в национальном порядке, распоряжалась интернациональная сила — международный банковский капитал.

Действительно, в своем докладе т. Ванаг указал, что господствующее положение иностранного финансового капитала не отрицает возможности существования национального финансового капитала и его экономического роста. Однако, говорит т. Ванаг, экономический рост национального капитала вплоть до войны 1914 г. настолько задерживался социально-экономическими условиями, что ни о каком его решающем положении в системе финансового капитала в России и речи быть не может. Только годы войны 1914—1917 создают относительно более благоприятные условия для его роста, когда его экономическое влияние в стране растет. И этот рост, происходивший в условиях экономического и политического господства иностранного финансового капитала в России и политического господства крепостников-помещиков, еще более усугублял и обострял, по мнению т. Ванага, противоречия в капитализме России.

Но признавая подчиненное положение туземного финансового капитала и господство иностранного, т. Ванаг подчеркивал в своем докладе, что он отнюдь не стоит на точке зрения превращения России в колонию, одновременно и не преуменьшая значения «национального» капитала в судьбе царской России.

По мнению сторонников противоположной концепции, логическое развитие теории Ванага должно было бы неизбежно привести его к признанию России колонией иностранного капитала.

Вопрос о том, самостоятельна ли была политика русского империализма во втором десятилетии XX века или не самостоятельна, по мнению М. Н. Покровского, нужно решать не только цифрами и подсчетами и рассуждениями о том, кто с кем сращивался, а также и общими политическими условиями. При рассмотрении вопроса со стороны этих общих политических условий, с точки зрения Покровского, т. Ванаг в значительной степени прав.

В дальнейшем М. Н. Покровский, обосновывая эту точку зрения, указывал, что основной смысл войны в 1914 г. был в борьбе за проливы, корни которой нужно искать в хлебной торговле. «Какой это империализм,—спрашивал он, — когда вся суть в хлебном экспорте? Тогда и Николай I являлся империалистом».

Основная линия лежала, указывает М. Н. Покровский, не в плоскости развития интересов русского империализма, зачатки которого, конечно, уже существовали и которые направлялись в сторону Персии, Монголии и Дальнего Во-

стока вообще, но не на проливы. Борьба за проливы явилась старой торгово-капиталистической задачей, и никакого тут империализма нет. По мнению М. Н. Покровского, тот факт, что Россия повернула в сторону интересов крепостника-помещика, а не финансового капитала, об'ясняется отчасти тем, что командовал крепостник, а также и тем, что интенсивный империализм толкал его в эту сторону. Англии нужно было столкнуть Россию с Германией в борьбе за проливы. «Почему же полезли в проливы, где для империализма никакого интереса не было и где был только интерес хлебного экспорта?—спрашивал М. Н. Покровский:—потому что довлел помещик и командовал помещик, а его всего больше за живое хватал хлебный экспорт».

И не учитывая политических условий,—подчеркивал М. Н. Покровский,—с одними экономическими подсчетами вопроса не решишь. Борясь с «чисто экономическими» об'яснениями проблемы, М. Н. Покровский ссылается в данном случае на Ленина, говорящего по поводу книги Суханова, что «не пора ли авторов чисто экономических об'яснений об'явить дураками»—указывая на меньшевистский характер чисто экономических об'яснений.

Доклад М. Н. Покровского «Ленинизм и русская история» [1].

В этом докладе была вскрыта пропасть, которая существует между марксизмом и экономическим материализмом, представляющим собою вид упрощенства, вульгаризации марксизма, когда принимается во внимание только экономика и больше никаких других факторов.

Несмотря на то, что мы имеем уже третье издание Ленина, несмотря на то, что многие его знают почти наизусть, все-таки, указывает М. Н. Покровский, в настоящий момент борьба против экономического материализма крайне необходима.

Если брать историю и понимание исторического процесса, то экономический материализм, по мнению М. Н. Покровского, есть та раздельная черта, которая идет между настоящим пролетарским социализмом и всякими под него подделками, более или менее мелкобуржуазными, а иногда и крупнобуржуазного происхождения.

[1] Доклад полностью напечатан в № 1 «Пролет. рев.» за 1929 г.—*Ред.*

Кстати, для сведения молодых товарищей и для устранения путаницы, М. Н. Покровский упоминает, что термин «экономический материализм» по цензурным соображениям в период первой революции употреблялся вместо марксизма и исторического материализма. Этот термин был приемлем и для царской цензуры, так как чисто экономическая интерпретация исторического процесса приемлема была для любого буржуа и разделялась многими буржуазными историками. Этим характерен был и легальный марксизм. По признанию М. Н. Покровского и в нем самом были остатки легального марксизма, которые заключались в преувеличенном об'яснении событий из экономических условий. Это отметил и т. Сталин по поводу схем Покровского и Троцкого в период их дискуссии.

Признавая схему Троцкого совсем не марксистской, т. Сталин отметил правильность схемы Покровского, указав только, что она страдает некоторым упрощенством, заключающимся в преувеличенной роли экономического фактора.

Типичнейшим экономическим материалистом до самых последних дней был, по мнению М. Н. Покровского, Н. А. Рожков, прибавивший, правда, к этому и кое-какой психологизм. В этом была основная причина, почему Рожков свернул направо в 1909—1910 году. На случае с Рожковым. М. Н. Покровский указывает, к каким большим политическим последствиям приводит экономический материализм. Он есть источник больших ошибок в марксизме. Поэтому об этом очень важно говорить и в особенности на этой конференции,—подчеркивал т. Покровский.

В дальнейшем М. Н. Покровский останавливается на точке зрения Ленина на роль экономического фактора и указывает на его статью «Две утопии» и работу «Что такое друзья народа», где говорится, что не только чисто экономическое об'яснение исторического процесса—недостаточно, но и экономический материализм плюс классовая борьба не есть все-таки еще марксизм. «Только тот, кто признает политические выводы из марксизма, признает диктатуру пролетариата, тот настоящий марксист». Что же касается до идеи борьбы классов, то ее выдвинул не марксизм,—напоминает М. Н. Покровский,—а буржуазия в лице Гизо. Но марксизм внес в нее такое дополнение, подчеркнул он, которое уже неприемлемо для буржуазии. Если мы привлечем к делу,

указывал М. Н. Покровский, не только борьбу классов, но еще борьбу классов с определенным исходом—с диктатурой пролетариата, то мы будем стоять на настоящей марксистской точке зрения. В этом случае М. Н. ссылается на письмо Энгельса к Конраду Шмидту, где ставится им коренной вопрос: если политическая сила бессильна экономически, то к чему нам тогда диктатура пролетариата? И весь спор, который велся между большевиками и меньшевиками, правыми и левыми, и лежит, по мнению М. Н. Покровского, в этом вопросе. Если диктатура пролетариата не может перевернуть экономического развития событий, на что тогда диктатура пролетариата, если законы экономики возьмут свое? М. Н. Покровский приводит взгляды Маркса, Энгельса и Ленина на значение политической власти, на воздействие не только экономики на государственную власть, но и обратном воздействии государственной власти на экономическое развитие. Настоящий марксизм, подчеркивает Покровский, допускает очень сильное вмешательство политического момента на всех стадиях развития, указывая в этом отношении на разницу между социологией, где мы можем из экономики исходить более или менее непосредственно, т. к. социология охватывает огромные периоды в истории стран, и историей, которая отличается тем, что в ней каждый отдельный момент очень важен.

Что же касается до концепции русской истории, приписываемой обыкновенно Покровскому, то по указанию М. Н. эта концепция принадлежит не ему, хотя и связана с его именем, а Ленину. Она нашла обоснование в работе Ленина «Что такое друзья народа?».

Тов. Покровский указывает, что положение о торговом капитале, о том, как торговый капитал создает московское государство, еще до него в 1894 г. было выдвинуто Лениным в указанной выше работе, как и положение, что «крепостное право вовсе не было отменено исключительно государством—сверху в государственных интересах». Еще в 1894 г. Ленин дал схему падения крепостного права как результата развития денежного хозяйства внутри крепостной вотчины. И по вопросу о революционной ситуации наших крестьянских волнений, накануне реформы 1861 года, Ленин оказался также прав, указывает М. Н. Покровский. Хотя он и не имел фактов, скрытых в архивах, но он гениально понял смысл ситуации. Понял, что именно назревал тот политический взрыв, без которого переход из одного экономического состояния в другое невозможен, так как он не происходит сам собой, а с помощью политических факторов - революции, восстаний, волнений и т. д.

Изучение истории пролетариата Советского Союза, указывал докладчик, ставит перед историками-марксистами ряд серьезных научных задач, разрешение которых имеет большое теоретическое, политическое и практическое значение. Основным вопросом, на который должно ответить марксистское историческое исследование в этой области, является следующий: что представлял собою на протяжении своего исторического пути российский пролетариат, осуществляющий диктатуру своего класса и строящий впервые социалистическое хозяйство? С последней точки зрения, точки зрения революционного опыта, его история, конечно, имеет большое политическое значение для всего мирового пролетариата. Проблеме изучения истории пролетариата в России на конференции был отведен специальный

Доклад т. Панкратовой: «Основные проблемы изучения истории пролетариата СССР»

Главной задачей доклада и было, как указывала т. Панкратова в своем заключительном слове, привлечение и даже заострение внимания товарищей на изучении истории пролетариата с точки зрения широко разработанной марксистской концепции. Это диктуется и общим состоянием научной разработки истории пролетариата. Подводя итоги изучению истории пролетариата бывшей России, т. Панкратова, как и ряд выступавших товарищей должны были признать изучение этого вопроса совсем неудовлетворительным. Работы общего характера (Туган - Барановский, Пажитнов, Балабанов и другие), указывала т. Панкратова, не дают вполне обоснованной марксистской концепции и общемарксистской схемы изучения истории рабочего класса. Целый ряд важнейших проблем остается не изученным, а если и изучен, то не по-марксистски освещен. Существующая периодизация истории рабочего класса, по мнению т. Панкратовой, не охватывает действительных этапов его эволюции. Доминирующей чертой существующих исследований, указывал докладчик, является либеральная или полумарксистская схема, меньшевист-

ские концепции и т. д. Отсюда вытекает необходимость марксистской схемы изучения истории пролетариата.

Некоторые товарищи, выступавшие в прениях, склонялись к тому, что дело с изучением истории пролетариата обстоит исключительно тяжело, так как за этот период революции, по мнению некоторых оппонентов, мы могли не ставить вновь проблему изучения пролетариата СССР, а уже подвести некоторые итоги марксистскому исследованию в этой области. В результате же мы имеем, не беря в счет нескольких монографий, вышедших до революции, только несколько беглых очерков, правда, с привлечением архивного материала, но без глубокой проработки. «Фактически изучение рабочего класса обстоит хуже, чем думает докладчик», указывали эти товарищи. В старых работах дело обстоит плохо с точки зрения невыдержанности марксистской концепции, с точки зрения не научности разработки ряда вопросов, в частности и у Туган-Барановского.

В процессе прений выявились и сторонники другой точки зрения, более оптимистически оценивающие состояние исторической науки в этой области. По мнению этих товарищей, «т. Панкратова несколько неверно изобразила изучение рабочего класса в России, что породило здесь известные недоразумения». И сторонники этой точки зрения—правда, их было меньшинство—указывали, что изучение истории рабочего класса в России уже давно подошло к изучению монографическому, причем огонь этого изучения мы сосредоточили на изучении отдельных битв пролетариата, отдельных вопросов рабочего движения, подходя к изучению рабочего движения на отдельных фабриках. Мы уже имеем ряд монографических исследований. Поэтому, по мнению этих товарищей, положение у нас с изучением рабочего класса совсем не катастрофическое. Как раз, указывали сторонники этой точки зрения, мы имеем на 12-м году революции некоторые результаты в этой области, так как изменилась тематика, изменились за период революции и методы изучения, а также изменился и характер архивного материала. И только теперь возможно перейти к изучению всей истории рабочего класса во всем об'еме. Во всяком случае необходимость разработки сейчас марксистской схемы изучения истории пролетариата, такой схемы, которая вытекала бы, как указывала т. Панкратова, из установленной Марксом общей схемы развития класса, проходящего путь от «класса в себе» в «класс для себя» в зависимости от положения в производстве, признавалась всеми товарищами.

Тов. Панкратова наметила в своем докладе эту схему в следующем виде: 1. Происхождение рабочего класса (этап его существования как «класса в себе» и процесс отделения от других классов). 2. Этапы его количественного и качественного роста (формирование основных кадров пролетариата). 3. Эволюция экономического положения рабочего класса (в соответствии с изменением экономической структуры страны) как одна из существенных предпосылок оформления пролетариата в «класс для себя». 4. Формы и характер массового движения и развитие организации пролетариата (путь и способ его дальнейшего оформления в «класс для себя»). 5. Формирование идеологии рабочего класса (конституирование социалистической идеологии как завершения его пути в «класс для себя»).

Эта марксистская схема, указывала т. Панкратова, должна дать основной стержень для постановки ряда проблем как основных, так и второстепенных, в изучении истории пролетариата СССР. По мнению докладчика, такими основными проблемами сейчас являются следующие:

1. Вопрос о происхождении пролетариата в России. 2. Его формирование в связи с развитием и структурой капитализма в России. 3. Эволюция экономического положения пролетариата в период промышленного капитализма и в эпоху империализма. 4. Формирование идеологии пролетариата в связи с развитием пролетарской борьбы в России и на Западе. 5. Особенности развития и положения пролетариата СССР в течение 10-летия после Октябрьской революции.

В дальнейшем т. Панкратова уже подробно останавливается на разработке каждой из этих выдвинутых ею проблем и в первую очередь на вопросе о происхождении пролетариата в России.

Но центральной проблемой в истории рабочего класса СССР и наименее разработанной, по мнению т. Панкратовой, является проблема формирования пролетариата в связи с развитием и структурой капитализма, проблема очень важная, т. к. научная разработка ее и должна дать представление о социологическом типе русского рабочего класса.

Что же касается эволюции экономического положения рабочего класса, то обычная схема, которая давалась ис-

следователям в этом процессе, как-то: заработная плата, рабочее время, бюджет, санитарно-гигиенические условия, рабочее законодательство,—все это, указывает докладчик, для марксистского изучения явно недостаточно. И это подлежит марксистскому изучению, но в другом смысле и под другим углом зрения. Так например нужно изучать, отмечала т. Панкратова, не положение пролетариата вообще, а диференцировать его по районам, отраслям производств и тому подобное, чтобы не потонуть в груде фактического материала в этой проблеме. Основное, что должен иметь в виду историк-марксист, по мнению т. Панкратовой, это зависимость от той или иной экономической структуры капитализма, методов и форм капиталистической эксплоатации в связи с процессом перехода от «класса в себе» в «класс для себя».

Первоочередной своей задачей историк-марксист, как указывала т. Панкратова, должен поставить и задачу изучения формирования идеологии пролетариата. С этой точки зрения необходимо изучить этапы рабочего движения. Особенно большую роль для выяснения развития классового самосознания должно сыграть—изучение стачечных волн 1905—1917 г., проблема изучения мелкобуржуазных течений в русском рабочем движении, как-то: экономизм, ликвидаторство, меньшевизм, социал-шовинизм (гвоздевщина) и т. д. Профсоюзы и партия и их роль в классовом оформлении пролетариата, влияние западноевропейского рабочего движения на движение пролетариата России, а также другие проблемы были выделены т. Панкратовой.

Основной нитью доклада т. Панкратовой было выдвижение необходимости коллективного принципа при изучении истории пролетариата. Особенно этот коллективный принцип нужен при исследовании совершенно почти неразработанной проблемы особенностей развития и положения пролетариата СССР после Октябрьской революции.

Предложенная схема т. Панкратовой вызвала очень живую дискуссию. Некоторые товарищи, соглашаясь с необходимостью увязки изучения истории пролетариата с общей схемой экономического развития, как это делала т. Панкратова, предостерегали ее от переоценки экономики в этой области, находя, что в ее схеме получается «чрезмерное давление старой схемы Туган-Барановского». «Тов. Панкратова—указывали некоторые товарищи—берет схему Туган-Барановского, т. е. петровскую фабрику, эволюцию крупной фабрики и далее фабрику капиталистическую. В результате выпадает ряд вещественных проблем для истории истоков пролетариата, связанного с истоками капиталистической промышленности». «От такого сужения в рамки одной схемы надо предостеречь,—указывали эти оппоненты,—потому что в результате получается и сужение поставленных проблем»

По мнению некоторых товарищей, критикующих схему т. Панкратовой, и изучение экономики имеет для нас значение в той мере, в какой она является базисом, который определяет ход классовой борьбы. Подходя с этим общим положением к истории пролетариата, мы должны помнить, что центральной проблемой является история классовой борьбы пролетариата. Поэтому—указывали сторонники этой точки зрения,—основной проблемой при изучении истории рабочего класса должно быть изучение рабочего движения, тогда как в тезисах у т. Панкратовой этот момент пропадает и не является самостоятельным в той же мере, как эволюция экономического положения пролетариата. В связи с этой установкой эти товарищи выдвигали изучение не кустарной и другой промышленности, а стачечного движения, а все остальное постольку, поскольку оно является фоном и помогает пониманию общего движения.

Некоторые товарищи указывали, что т. Панкратова поставила ряд новых проблем, по которым должно пойти изучение пролетариата в СССР. Но в ее схеме, по мнению этих товарищей, не все договорено, «не все проблемы увязаны в центральный узел проблем, у ней остались прагматика проблем, если можно так выразиться и целая куча проблем, а схемы, которая бы увязала все проблемы вместе,—нет». Неясно также поставлен ею вопрос об об'еме и охвате изучения.

По мнению многих товарищей, директивой данной конференции в вопросе разработки истории пролетариата СССР должно быть исследование процесса созревания пролетариата в отдельных современных национальных республиках, входящих теперь в СССР. В связи с этим возник и другой вопрос о проблемах рабочего движения с точки зрения взаимодействия метрополии и колоний, о связи этапов рабочего движения с этапами созревания национально-освободительного движения в колониях и т. п. Изучение этого вопроса до сих пор еще идет по признаку того, что ближе к

Москве — указывали товарищи с мест. И с этой точки зрения, по мнению этих товарищей, нужно перестроить схему т. Панкратовой несколько иначе, а именно не только с точки зрения общих проблем, но принимая во внимание и местные проблемы.

Доклад т. Яворского «О современных антимарксистских течениях в украинской исторической науке»

Собственно украинская историческая наука сложилась на грани XVIII—XIX века на базе мелкобуржуазных тенденций, на базе развития украинского национализма, указывает т. Яворский. Идеи казацко-сословной автономии не могли удовлетворить мелкую буржуазию. Поэтому в первой половине XIX столетия в период развития национальной мелкой буржуазии она выдвинула в лице Костомарова новую теорию своего самоопределения — демократическую теорию. Но и программа Костомарова не могла удовлетворить мелкобуржуазный национализм, потому что на стороне последнего оставались остатки феодализма, носители украинской автономии. Эта прослойка выдвинула свою буржуазную теорию украинского исторического процесса — антидемократическую теорию Кулеша. Кризис украинского национализма в 60-х годах, указывает т. Яворский, приостановил дальнейшее развитие этих исторических концепций. Он выдвинул аполитичную школу — документального критицизма, культурничества, школу, господствующую всю вторую половину XIX века, возглавляемую Антоновичем, а позднее и проф. Багалеем, усиленно отрицающую всякую закономерность в историческом процессе. В конце XIX—нач. XX века элементы украинского национализма, по мнению т. Яворского, получили широкую базу в развитии мелкобуржуазных хозяйств на Украине, особенно после столыпинской реформы. Были выдвинуты две новые исторические концепции украинского исторического процесса, — новые исторические попытки самоопределения украинского национализма в лице Грушевского и В. Липинского. Схема Грушевского, как указывает т. Яворский, это дальнейшее развитие схемы Костомарова с некоторым видоизменением в сторону анархо-федерализма. Весь украинский исторический процесс с точки зрения Грушевского — это бесклассовый исторический процесс, и бесклассовому крестьянству, по его мнению, будет принадлежать будущее.

Что же касается Липинского, то он (в 1909 г.) выдвинул схему возрождения сословной казацкой монархии.

С наступлением Октябрьской революции, указывает т. Яворский, естественно, что эти теории переживают кризис. За последнее время наблюдается оживление буржуазных течений. Помимо общих причин для этого усиления буржуазных тенденций, т. Яворский указывает и на специфические, а именно на то, что западная часть Украины осталась в пределах влияния буржуазной Европы и на ней оказалась польско-украинская эмиграция. Среди последней т. Яворский констатирует наличие двух течений. Одно возглавляется Липинским, выдвинувшим целую программу реконструкции исторического процесса по своей старой схеме с некоторыми внешними изменениями. Это — схема организации общества с советской формой устройства внизу и с сословным аристократическим господством, в виде монархизма наверху. Другое течение докладчик видит в возникновении украинского фашизма в лице Дронцова, носителя идеи украинского монархизма, отказывавшегося в своих старых работах от всех старых националистических схем, в том числе и схемы Грушевского, и выдвигавшего программу монархизма путем создания союза освобождения Украины для выявления активных элементов фашизма.

Что же касается УССР, то т. Яворский, отмечая причины оживления и здесь буржуазных течений, различает среди них тоже два течения, а именно: правое крыло в лице народнической школы академ. Василенко — течение, очень слабое на Украине, но совпадающее с программой Липинского, и второе течение, возглавляемое Грушевским, имевшим, по мнению докладчика, весьма солидную базу в виде ядра молодых работников вокруг себя. Стоя по существу на стороне анархо-федералистической теории бесклассового исторического процесса, Грушевский, как и Милюков, что и было подчеркнуто М. Н. Покровским в своем выступлении, возлагает сейчас все свои надежды на крестьянство, на его восстание против советской власти. Тов. Яворский указывает, что хотя Грушевский на своем юбилее 1926 г. и заявил о своем присоединении к лозунгам Октябрьской революции, но примирился он с ней лишь постольку, поскольку она дала самостоятельность Украине, оставаясь по существу на своей же старой позиции.

Тов. Яворский остановился и на анализе третьего течения в Украинской исторической науке, течения, которое стремилось притти к марксистам, оставаясь по существу на принципе экономического материализма. Весь «марксизм» понимается ими в том смысле, указывает т. Яворский, что они в своих работах излагают экономическую базу Украины, не понимая ни сущности классовой борьбы, ни диалектического процесса истории.

И, наконец, четвертое течение отметил т. Яворский уже среди марксистов — это различные антимарксистские уклоны и тенденции под влиянием мелкобуржуазных элементов в современности, где марксизм подменяется автономизмом, как у Оглобина, этнографизмом и т. п. Наличие этих элементов, особенно этнографизма, представляет довольно распространенное явление в республиках в силу молодости марксистской исторической мысли и в силу понятной сложности его условий работы. Этот момент отмечен и в резолюции, принятой конференцией. Отсюда возникают и задачи, которые стоят перед историками-марксистами Украины как и всего Союза: эта борьба с явно враждебными элементами, а также борьба с извращением марксизма, с теми, которые приходят к нам, не стряхнувши старого мелкобуржуазного наследства, в том числе и с идеологией народнических остатков, сплачивая силы за революционной войнствующий марксизм против вульгарного экономического материализма и национального марксизма. Выдвижение этих задач как основных политических положений и в работе этой секции, и в резолюции, принятой на конференции, резолюции политического руководства на местах, имеет большое значение. Тем более, что и на самой конференции, в частности в работе секции народов СССР, правда, в слабой степени, но сказывались элементы некоторого национального перегиба и этнографизма.

Правда, работа украинских историков-марксистов протекает в отличных и более тяжелых условиях, чем работа русских историков-марксистов. Враждебный исторический лагерь на Украине получил большее значение, большее влияние, чем в других местах. Выступавшие товарищи соглашались, что одним из враждебных центральных пунктов является теория Грушевского как типичного сейчас представителя псевдо-марксизма, и отмечали, что т. Яворским не дан достаточно четкий анализ схемы Грушевского, как в частности некоторые не соглашались с оценкой взглядов Грушевского на характер украинского пролетариата, данной т. Яворским. Тот Грушевский, который приходит к нам, чтобы использовать пролетарскую революцию ради национальной идеи, по мнению некоторых товарищей не стоит на точке зрения, что окончательная украинизация пролетариата будет окончательным пунктом укрепления гегемонии украинского пролетариата. В органе Академии наук, в одном из последних номеров, указывали выступавшие, он бросает лозунг «селянська—робітнича Україна», «селянська робітнича революция», т. е. взгляд, противоположный нашему. В этом и заключается по выражению тов. Гуревича «тот троянский конь, с которым приходит на территорию Украины М. С. Грушевский». Грушевский сделал ряд тактических уступок, но ни одной принципиальной, и группирует вокруг себя целый ряд историков.

Ряд товарищей указывал на необходимость связи и тесной научной информации не только в целях научно-исторической работы, но и в целях борьбы с этими националистически-буржуазными течениями в той или иной форме. С этой точки зрения, и доклад т. Яворского и развернувшиеся прения имели колоссальное значение для устранения существовавшей до сих пор оторванности между русскими и украинскими историками, когда взаимный опыт необходим. Прения вскрыли, что на Украине происходит очень оживленная научная работа и очень оживленная политическая борьба, в силу большого обострения и выявления там буржуазных и псевдо-марксистских течений. Необходим контакт для выработки единого фронта борьбы и для выработки единой твердой революционно-марксистской линии. Этот вопрос в связи с украинскими историками приобрел тем большее значение, что в прениях на конференции выяснились и ошибки отдельных украинских историков-марксистов, выражающиеся в некотором преувеличении своих национальных особенностей, в некотором выдвигании во главу угла национального момента за счет марксистского классового подхода. Так т. Гуревич попытался обнаружить «великодержавный шовинизм» в работе т Нечкиной «Общество соединенных славян», работе «Об обществе, которое образовалось на Украине», говорил т. Гуревич, «об обществе, которое вышло из украинского общества, обществе лю-

дей, которые, собственно, вскормились на украинских традициях. «Достаточно того факта, что в «катехизисе» Соединенных славян не было упомянуто Украины, чтобы в этой книге автор смог так искусно абсолютно обойти вопрос о влиянии украинских культурных и прочих традиций на формирование идеологии и программы этого общества». И другой факт, на который указывает т. Гуревич, был тот, что издательством Ком. академии в выпущенном в 1927 г. II томе «Крестьянское движение в 1917 г.» употреблялось (по случайной небрежности, как позже указывал М. Н. Покровский), старая терминология обозначения географических границ Украины.

В итоге—в прениях ряд товарищей указывал, что по вопросу об «Обществе соединенных славян» точка зрения т. Гуревича есть отголосок той концепции украинского декабризма, которую выдвинули три украинских академика — Ефремов, Багалей и Грушевский, и которая сводилась к тому, что существовал некий неведомый науке «украинский декабризм». По мнению этих академиков, особенности «украинских декабристов» в том, что они шли по линии национальных мечтаний, по линии возрождения самостийной Украины, по линии украинской национальной идеологии, хотя и нет ни одного факта, который смог бы подтвердить эту концепцию,—указывали товарищи, изучавшие этот вопрос.

Тов. Нечкина отметила, что требование о связи декабристов с концепцией украинского национализма не имеет под собой ни малейших исторических оснований, если итти за фактами, а не за теми повисшими в воздухе концепциями украинского декабризма, «которого не существует в природе». Особенности экономики Украины в работе о «Славянах» были учтены, но наличие в истории некоторого своеобразного «украинского декабризма» отрицалось как т. Нечкиной, так и другими выступавшими историками-марксистами. Правда, выступление т. Гуревича не разделялось другими украинскими товарищами.

Тов. Покровский, принявший участие в обсуждении этого вопроса, также отметил, что «во всяком случае я должен сказать, то обвинение в великодержавности, которое здесь было брошено — это чистейшее недоразумение. Я должен сказать,—подчеркнул М. Н. Покровский,—что в речи т. Гуревича было другое место, которое меня беспокоило больше, чем та неряшливость, которая имеет место в наших статистических таблицах—это место по поводу Соединенных славян. В частности, т. Рубач стремился обосновать положение т. Гуревича тем, что так как Кирилло-мефодиевцы произошли от Соединенных славян, то и у последних была украинская основа». М. Н. Покровский в своем выступлении предостерегал от подобного рода обобщений.

«Тов. Рубач, вы здесь сами говорили относительно того опасного влияния, которое могут оказать на подрастающее поколение некоторые идеалистические концепции. Представьте себе, что когда-нибудь будет доказано, что идеология Соединенных славян польского происхождения, тогда выйдет, что вся украинская идеология польского происхождения».

«Марксизм,—отмечает далее М. Н. Покровский,—знает только классовую идеологию. Правда, в этой классовой идеологии встречается национальное преломление, но в основе лежит все-таки класс. В том-то и дело. И право каждого марксиста,—указывал М. Н. Покровский,—классовый момент поставить выше национального и при рассмотрении идеологии в первую очередь выдвигать класс». И, по мнению М. Н. Покровского, т. Гуревич в этом вопросе «о проявлении великодержавности» у русских историков-марксистов «невероятно перегнул палку, чрезвычайно ее перегнул. И если такого рода перегибы палки возможны,—подчеркивал М. Н. Покровский,—то это лучше всего об'ясняет влияние Грушевского до сегодняшнего дня. И против этой опасности приходится товарищей украинцев предупредить и предупредить особенно потому, что мы должны создать единый фронт, единый марксистский фронт, поскольку наши враги этот единый фронт уже создали». Тов. Гуревич в слове по личному вопросу отказался от обвинения в «великодержавном шовинизме».

В итоге—в процессе прений вскрылись ошибки среди украинских историков-марксистов не только в этом направлении националистического перегиба, но и в вопросе невыдержанности большевистской концепции в некоторых работах украинских историков-марксистов. В частности указаны подобного рода ошибки в книге самого т. Яворского «История Украины», изданной в 1926 г.

В своем выступлении т. Горин отметил ряд ошибок т. Яворского в этой работе. Например, ошибочно утверждение

что «буржуазия на Украине в 1905 г. была революционной силой, и удельный вес ее был настолько велик, что она заставила самодержавие итти на уступки», между тем самодержавие сделало уступки в силу боязни рабочей революции. То же по отношению к буржуазии в 1917 г: по учебнику т. Яворского выходит, что в 1917 г. в феврале буржуазия произвела на Украине революцию, а не рабочие массы. В итоге—дается иная оценка расстановки классовых сил, чем это было в России. И эта оценка расстановки классовых сил в революционном движении XX в. приводит, как указывал т. Горин, к отсутствию определенной марксистской схемы. Отсутствие этой четкой, действительно марксистской схемы, по мнению т. Горина, приводит т. Яворского к ряду небольшевистских положений, которые и цитировал т. Горин в своем выступлении. «Я думаю,—отмечал т. Горин,—что цитаты, приведенные мною, случайны. Я не пытаюсь их представить как части какой-то уже оформившейся схемы. Но, во всяком случае, это не помешает нам притти к заключению, что из тех ошибок, которые я сейчас приводил, нужно сделать определенный вывод, что в борьбе с немарксистскими схемами на Украине, схемами реакционными, которые часто стараются принять защитный цвет, необходима решительная борьба, а для этого и нужна ясная, четкая марксистская схема и никаких уступок идеологии мелкобуржуазного национализма».

Доклад т. Корбута «Рабочее законодательство в 3 и 4 Государственной думе».

Докладчик изложил содержание законов, прошедших через 3-ю Госуд. думу, и законодательных попыток в области рабочего вопроса в 4-й Госуд. думе. Ряд товарищей указывал на отсутствие в докладе правильной методологической установки, на отсутствие характеристики особенностей рабочего законодательства,—не с точки зрения юридического толкования каждого закона, а с точки зрения развития классовой борьбы в России, с точки зрения тех классовых пружин, которые толкали законодательство в данный период классовой борьбы.

Доклад т. Галузо «О периодизации национально-освободительного движения в Средней Азии».

Первый период, который выделил т. Галузо и на рассмотрении которого он остановился, это период эпохи завоевания Средней Азии русскими, период, сопровождавшийся волной национально-освободительного движения в различных районах. Конкретной революционной задачей, стоявшей перед этим движением, была борьба за самостоятельность как об'единенных народностей края, так и борьба за об'единение их. Преодолеть свою экономическую отсталость Средняя Азия могла, по мнению докладчика, в данный момент только через быстрое развитие капитализма, что могло осуществиться двумя путями. Путь первый, указывал докладчик, наиболее легкий, наименее мучительный, обеспечивающий быстрое развитие капитализма—это путь сохранения самостоятельности народов Средней Азии, т. е. отсутствие колониальной эксплоатации. Второй путь — мучительный и медленный—развитие капитализма, когда Средняя Азия «завоевывается» одной из капиталистических стран и обращается в ее колонию с вытекающими отсюда экономическими последствиями консервированием феодализма и т. д. В этих условиях, указывает т. Галузо, борьба за самостоятельность была борьбой прогрессивной, борьбой революционной за первый путь экономического развития Средней Азии. Что же касается расстановки классовых сил при этой борьбе, то, по мнению т. Галузо, в сохранении самостоятельности Средней Азии были заинтересованы все ее классовые группировки, за исключением очень тонкой феодальной верхушки — знати, связанной торговыми интересами с Россией и стоящей за добровольное ей подчинение. Лозунг газавата, появившийся впервые в этот период, и был, по мнению докладчика, лозунгом борьбы всех иноверных против всех русских.

В дальнейшем докладчик остановился на характеристике экономического положения Средней Азии в период господства России, давшего некоторый толчок к развитию там капитализма, но и задержавшего его путем сохранения феодальных остатков в целях эксплоатации ее как своей колонии. Остановился т. Галузо и на рассмотрении вытекающих отсюда задач национального освободительного движения, а именно свержении этого господства как политического, так и экономического. Эта задача, ясно обрисовавшаяся перед национальным освободительным движением, по указанию т. Галузо, в последней четверти XIX столетия все

же остается невыполненной вплоть до конца гражданской войны (1920 г.). Февральская революция делит задачу на две части: до Февраля национальному движению Средней Азии противостоит крепостническое самодержание, а «за его спиной русский промышленный капитал, а позже империализм; после февраля национально - освободительное движение сталкивается непосредственно лицом к лицу с русским империализмом».

Что же касается расстановки классовых сил в этот период, то, по мнению докладчика, господство русского капитала диференцировало как туземное население, так и русское. (В результате русской колонизации края, указывает т. Галузо, в Туркестане насчитывалось до 30 000 русского пролетариата и некоторое количество бедняцких и середняцких семей и поселенцев-кулаков). И чем ближе к революции 1917 года, тем национально-освободительное движение, по мнению докладчика, все более диференцировать на движение туземных господствующих классов и движение крестьянства и сельского пролетариата. Рост рабочего движения в городе ставит в порядок дня борьбу пролетариата с туземной буржуазией за гегемонию его в революционном движении. В дальнейшем, на основании этих общих признаков национально-освободительного движения в период господства России, докладчик намечает и дальнейшую его периодизацию. Второй период (от конца 70-х до конца 90-х гг. XIX века), по мнению т. Галузо, характеризуется как переходный этап от борьбы за самостоятельность к борьбе за полное освобождение. В смысле движущих сил этот период характеризуется отсутствием рабочего движения и началом крестьянского, а также борьбой городских ремесленников. Движение «туземной знати» и «духовенства», по мнению т. Галузо, не диференцировалось от движения крестьянского против господства русских товаров. Оно идет под лозунгом газавата и «восстановления Кокандского ханства», и ведущую идеологическую роль играет в том знать и духовенство.

Третий период национально-освободительного движения, по мнению т. Галузо, простирается от начала XX века и до восстания 1916 года. Характеризуется он ростом крестьянского движения. Наряду с этим, указывал докладчик, имело место движение торговой буржуазии и духовенства, которые, выдвигая свои лозунги борьбы против неверных, обнаруживали в то же время страх перед растущим крестьянским движением. 1905 год положил начало движению буржуазных демократов, которые отстали в своих программных требованиях, выдвигая лозунг борьбы за капитализм. В своих практических требованиях—они не шли дальше «национальной культурной автономии». Этот период докладчик отмечает ростом движения русского и туземного пролетариата, который делал попытки с 1905 года взять крестьянское движение под свое руководство. Но смычка происходит позднее,—в революцию 1917 г., которая и является уже четвертым периодом в национально-освободительном движении. Революция 1917 года, по мнению т. Галузо, могла итти в Средней Азии двумя путями—либо под руководством местной буржуазии, либо под руководством пролетариата. В последнем случае, указывает докладчик, она должна была итти по пути перерастания из революции национально-освободительной в революцию против туземных господствующих классов. Кокандская автономия и вся история басмачества—это была борьба за первый путь. Борьба за советскую власть—второй. Победили советы, говорит т. Галузо, потому что второй путь был в интересах пролетариата и крестьянства. Их союз ликвидировал эксплоатацию местной и русской буржуазии.

Доклад вызвал значительную марксистскую критику с указанием ряда недостатков, которые во многом отношении могут быть отнесены и за счет новизны марксистской методологии в истории Средней Азии, хотя здесь в секции истории народов СССР и впервые ставились основные вопросы марксистской истории Средней Азии, как и других автономных и союзных республик. Отсутствие марксистского наследства в изучении этого вопроса, естественно, ощущалось и в докладе т. Галузо и в последующих, связанных с историей отдельных народов СССР.

Основные возражения по докладу т. Галузо — это обвинение в нечеткой диференциации торгового и промышленного капитала, не совсем правильная, с марксистской точки зрения, терминология и отсутствие конкретного учета социально-экономической структуры Средней Азии. Анализ революционных событий, указывали некоторые товарищи, требует географического, этнографического и экономического критерия. От-

сутствием этого фона они об'ясняли ошибки т. Галузо и в отношении выяснения революционных задач движения в Средней Азии, и в вопросе расстановки в нем классовых сил. Другие оппоненты указывали на несколько неправильное построение доклада т. Галузо в вопросе о ходе экономического развития Узбекистана. Отмечали и не диференцированный подход к проблемам со стороны докладчика: отсутствие указания, какой капитализм развивался в Средней Азии, указывали оппоненты, спутывает представление о ходе экономического развития, на фоне которого происходила классовая борьба, явившаяся предметом периодизации в докладе т. Галузо. Указывали оппоненты и на недиференцированный подход докладчика к классовым моментам, как отсутствие анализа «знати», попутно отмечая и неправильное употребление им термина. Обвиняли т. Галузо и в некотором абстрагировании вопроса, схематичности, отсутствии достаточного анализа и учета конкретных фактов движения. В связи с этим отсутствием конкретного исторического анализа ряд товарищей находил и наличие погрешностей в периодизации т. Галузо, и не соглашались с ней. Они выдвигали другую: первый период до революции 1905 года, второй от 1905 до 1917 г. и третий—с Октябрьской революции до настоящих дней. В счет минусов ставилась докладчику и его попытка рассмотрения истории только узбекского народа, не рассматривая истории всего тюрско-татарского народа на всей территории Средней Азии; не соглашались также с толкованием докладчиком лозунга газавата, вопроса о панисламизме и т. п. Очень большую дискуссию вызвал вопрос о прогрессивной или регрессивной роли завоевания царизмом Средней Азии. Тут выявились довольно различные точки зрения в среде марксистов по этому вопросу. Ряд товарищей указывал на прогрессивную роль, которую сыграли завоевания Средней Азии Россией, другие стояли на противоположной точке зрения, указывая, что эта прогрессивность была только с точки зрения капитализма, а не с точки зрения тех масс населения, которые давила царистская колониальная политика. Любопытно отметить, что почти все выступавшие представители с мест давали доказательства большой научной работы, проделанной на местах, в деле создания марксистской истории той или иной республики СССР.

Доклад т. Махарадзе «История Грузии XIX века»

Тов. Махарадзе в своем докладе захватил период, начиная со второй половины XVIII века и кончая XIX веком. Здесь проявилось то же, что и в отношении первого доклада. Отсутствие четко разработанной экономической истории республик, и в частности всего Закавказья, несколько затрудняли изложение истории Грузии в XIX веке. Благодаря этому докладчику зачастую приходилось ограничиваться лишь социально-политической историей.

Разложение Грузии в конце XVIII века, сопровождавшееся внешними и внутренними феодальными войнами, по мнению докладчика, могло иметь двоякого рода последствия: или завоевание ее Персией и Турцией или подчинение Грузии России в той или иной форме. Этого хотели, указывает т. Махарадзе, «правящие круги» Грузии, думая, что Грузии будет предоставлена в этом случае внутренняя самостоятельность. В итоге, Грузия имела не простое подчинение, а была завоевана посредством «штыка». В дальнейшем, докладчик подробно остановился на периоде господства российского торгового капитала в Грузии и на ее колонизации, рассматривая в этом процессе несколько периодов. «Установление в Грузии в начале XIX века русского правительства означало начало кардинальнейших перемен как во внешней, так и во внутренней жизни грузинского народа», а именно — окончательное разложение феодализма, прекращение войн и введение новых порядков, вызвавших недовольство, переходящее позднее и в открытое восстание.

Останавливаясь на экономике Грузии в первой половине XIX века, докладчик указал на усиленное развитие в ней внешней и внутренней торговли. Что же касается классовой диференциации в этот период, то, по его мнению, грузинское дворянство, частью идя на службу русскому правительству, частью занимаясь помещичьим хозяйством, в целом усиленно эксплоатировало крестьянство. Последнее испытывало двойной гнет и царской политики, и местного дворянства. В итоге 40-е и 50-е гг. характеризуются, как указывает т. Махарадзе, волнениями, переходящими в террористические акты. Далее, т. Махарадзе развертывает картину экономических последствий для Грузии отмены крепостного права, еще более ухудшавшей положение крестьянства, давшей

процесс пролетаризации, ряд волнений и в итоге широкую революционную войну в 1902—1906 гг.

70-е и 80-е годы XIX столетия характеризуются т. Махарадзе как годы развития промышленного капитализма в Грузии, а следовательно, и роста городского пролетариата, находящегося в тисках особенной эксплоатации и получившего благодаря этому особую революционную закалку. В итоге, в самом конце XIX столетия, в Грузии имеется уже сильное рабочее движение.

Несмотря на русификаторскую политику царизма, Грузия вместе с экономическим ростом, по мнению докладчика, в течение XIX века переживает также процесс культурного развития.

Основной стержень, на котором базировался доклад,—это был вопрос о прогрессивной роли владычества России в Грузии. Это положение т. Махарадзе вызвало большую дискуссию и понятные возражения почти со стороны всех выступавших и, в частности, М. Н. Покровского, указавшего на слишком большую мягкость тонов, характеристики аннексии Грузии Россией, сделанной докладчиком.

М. Н. Покровским была подчеркнута очень важная мысль, что Россией был совершен этот захват в порядке борьбы за Константинополь как за плацдарм против Турции.

Доклад т. Ратгаузера «Социальная сущность партии «муссават».

С точки зрения докладчика, партия «муссават» никогда не была партией мелкой буржуазии ни по составу, ни по программе. Она была партией «чисто буржуазной» с ориентировкой на русский промышленный капитал. Явилось это вследствие того, что тюркская буржуазия в Азербайджане, по мнению докладчика, образовалась не в результате нормального развития хозяйства Азербайджана, а при помощи иностранного и русского капитала, находясь от него в полной зависимости и не представляя в силу этого самостоятельной политической силы. Промышленный кризис пореволюционного периода и развитие революционного движения затрудняли, по мнению докладчика, дальнейшее политическое оформление тюркской буржуазии, вследствие чего и образование «муссавата» как политической партии произошло только в июле 1917 г.

Этот вопрос о периоде возникновения «муссавата» вызвал большую дискуссию. Ряд товарищей возражал против высказанного положения т. Ратгаузера, что партии «муссават» до революции не существовало, указывая, что в 1912 г. были уже программа и устав этой партии. Хотя организация и не была создана, но все-таки они относили возникновение «муссават» именно к этому моменту. По мнению докладчика, партия «муссават» возникла только в июле 1917 г. после соединения с ганджинскими помещиками, когда уже обострилась борьба бакинского пролетариата против капитала, и тюркская буржуазия, сознавая свою слабость и неорганизованность, поняла, что революция пойдет дальше обычных лозунгов равноправия.

В дальнейшем она оформляется в Закавказском сейме, об'единившись с ганджинскими помещиками как партия тюркской буржуазии, с лозунгами аграрной реформы и независимости от Турции. Оккупация Азербайджана Турцией ослабила партию «муссават», окончательно оформившуюся с приходом англичан, как партия тюрской буржуазии, находящуюся в союзе с английским империализмом меньшего масштаба. Но даже вопрос о социальной сущности партии «муссават» вызвал большую дискуссию в определении классового характера этой партии. При этом выявились три различных точки зрения. Один из выступавших определял партию «муссават» как партию реакционной крупной промышленной буржуазии, другие—как национально-революционную и мелкобуржуазную по своему составу, третьи находили в ней черты, близкие русскому меньшевизму, и, наконец, четвертые определяли ее как партию крупных помещиков. Это положение указывает на необходимость привлечения еще большего материала по этому вопросу. Для исследования социальных корней партии, отмечали оппоненты, необходим анализ состояния не только бакинской промышленности, но и всего хозяйства Азербайджана в целом, учитывая и влияние иностранного капитала. Отсутствие истории конкретной экономики края сказалось и в данном докладе, хотя уже в меньшей степени.

Доклад т. Зорьян «О состоянии современной армянской историографии».

Делая обзор армянской истории с 18 века по настоящее время, т. Зорьян различал в ней два периода. Первый—до образования советской Армении—ха-

рактеризовался им как полное господство буржуазии. Второй период — с образования советской Армении и до сегодняшнего дня. В последнем периоде т. Зорьян различает три направления: упомянутое буржуазное направление, псевдо-марксистское, по существу опирающееся на основы буржуазной идеологии, но пытающееся приблизиться к некоторым положениям марксизма, и, наконец, зарождающееся марксистское направление. Ряд товарищей указывал еще на наличие псевдомарксистов, главным образом, из лагеря меньшевиков, например, Давид Ананун, Алдабидьян и др., относя указанных товарищем Зорьяном Лео и Манандзяна, как псевдо-марксистов, к типичному буржуазному течению. Основною задачей, стоящей перед современной марксистской исторической наукой, является, по мнению докладчика, об'единение марксистских сил, как для научной работы, и в первую очередь исследования новейшего периода истории армянского народа, так и для борьбы с антисоветскими, антимарксистскими течениями. Поскольку история Армении является очень тесно связанной с историей других народов Закавказья, т. Зорьян выдвигал необходимость, особенно в данном случае, проведения принципа коллективности в работе, об'единяясь и в научных, и в политических целях вокруг тифлисского общества историков-марксистов. В развернувшихся прениях ряд товарищей выдвигал необходимость осуществления задач изучения, основанных на изысканиях академика Марра, указавшего на общекавказские источники происхождения языка, культуры и т. д.

IV. СЕКЦИЯ ИСТОРИИ ЗАПАДА

Пленарное заседание секции, вызвавшее большой интерес и привлекшее большое количество делегатов и гостей, было посвящено заслушанию доклада Н. М. Лукина на тему «Проблема изучения эпохи империализма».

Характеризуя состояние научной разработки проблем предвоенного империализма, докладчик отметил, что со времени окончания мировой войны в научных буржуазных кругах Европы и Америки наблюдается повышенный интерес к целому ряду проблем довоенного империализма, стимулируемый классовой борьбой и борьбой на арене мировой политики.

Два революционных потрясения—Октябрьская революция в России и Германская революция 18-го года—способствовали тому, чтобы были приоткрыты тайны дипломатической кухни и необходимые источники для изучения международных отношений — дипломатические документы, лежавшие десятилетиями под спудом, вышли на свет божий.

Вслед за русскими публикациями появилось германское издание дипломатических документов «Die Grosse Politik», дошедшее теперь до 40 томов, «Белая немецкая книга» и т. д., французские и английские публикации. Помимо вышеупомянутых материалов издается огромная мемуарная литература, а также целый ряд исторических работ, посвященных проблеме происхождения мировой войны и ряду других актуальных проблем предвоенного империализма.

Публикация документального материала не является об'ективной, а выходящая литература по различным проблемам довоенного империализма на 90% не является марксистской и часто даже враждебна марксизму и требует предварительного учета, критического анализа, коренной переработки всего огромного материала. Все это является ударной задачей марксистской историографии. В дальнейшем т. Лукин сделал центром своего доклада рассмотрение двух проблем: проблемы хронологических рамок эпохи довоенного империализма и вопрос о причинах живучести реформизма.

Он указал, что эпоха империализма не исчерпывается своеобразными явлениями в области экономики, экономической политики и что этот период характеризуется также рядом специфических изменений в общественной структуре, в политических группировках, в значении государства и парламентарской системы, рабочем и социалистическом движении и установил новую периодизацию предвоенного империализма.

Определение начала эпохи империализма наталкивается на ряд трудностей: отдельные экономические черты эпохи становятся типичными в разное время; с другой стороны наблюдается хронологическое несовпадение при сопоставлении отдельных стран между собою.

Все же, поскольку это можно установить, уже с начала 80-х годов имеется: 1) усиление колониальной экспансии, 2) значительное развитие процесса кар-

телирования, 3) появление новейшего протекционизма, 4) усиление экспорта капитала. Становится возможным отнести начало этой довоенной эпохи империализма к 80-м годам. С этого же времени с большей определенностью начинают выступать и социально-политические особенности империалистических государств, а также характерные для империализма черты рабочего движения и социализма.

Докладчик считает необходимым ввести также и дальнейшие подразделения. Период с 80-х годов до 1914 г. он разбивает на 2 части: на эпоху переходную с 80-х годов до 900 годов и на эпоху классического империализма— с 900-х годов до 1914 г.

Для этого последнего периода характерна особо важная роль экспорта капитала, а также монополия банков в деле организации промышленности, и с другой стороны—целый ряд изменений в области социально-политической, характерных для эпохи развитого империализма.

Десятилетие 1870—1880 гг. докладчик считает необходимым выделить в самостоятельное целое, в «предимпериалистический период», с которым история Западной Европы вступает в новую фазу.

В дальнейшем Н. М. Лукин рассматривает одну из важнейших особенностей эпохи империализма—вопрос о реформизме. В работах, относящихся к довоенному периоду, как подчеркивает докладчик, господствует чрезвычайно упрощенное об'яснение этого вопроса. Крах германской социал-демократии и переход ее в лагерь соглашателей очень часто об'ясняют изменой вождей, в лучшем случае ссылаются на сверхприбыли, крохи которых, попадая в рабочие карманы, создают реформистские настроения среди пролетариата. Эти факторы играют известную роль, но корни реформизма лежат гораздо глубже. Необходимо изучить самый процесс формирования пролетариата в новейшее время: а именно тщательно изучить те корни, откуда выходит пролетариат—из мелкобуржуазной среды, из городской среды или из деревни. Это чрезвычайно важно для того, чтобы определить физиономию различных слоев внутри пролетариата.

Сугубое внимание должно быть обращено на процесс диффузии рабочего класса в иную, чуждую социальную среду. Неизбежно происходит депролетаризация известных слоев рабочего класса, переход некоторой его части или в мелкобуржуазные прослойки или в разряд наемных служащих. Замечается также уход молодого поколения, детей лучших квалифицированных рабочих, за пределы того класса, к которому принадлежат их родители. Наконец, замечается переход части рабочих в ряды фабричной администрации.

Наряду с процессом диффузии рабочего класса в чуждую среду происходит процесс диференциации внутри пролетариата. Известно, что намечается 3 группировки в среде рабочего класса: gelehrte—обученные, квалифицированные рабочие, не выполняющие автоматических функций в производстве. Вторая категория—это angelehrte или полуквалифицированные, полуобученные настоящие индустриальные рабочие. Третья группа—неквалифицированные, необученные рабочие.

Необходимо установить, в какие организации преимущественно входит каждый из этих слоев, тогда можно подойти вплотную к проблеме и определить, почему в капиталистических странах профсоюз делается оплотом реформизма. Важно также определить, как изменяется социальное и экономическое положение этих отдельных отрядов пролетариата и, какая из тенденций берет верх, тенденция загнивания или тенденция нивелировки. Только разрешение этих проблем, по мнению докладчика, приведет к более правильному разрешению вопроса о живучести реформизма. В заключение докладчик выражает пожелание, чтобы эта эпоха, несмотря на методологические трудности ее исследования, стала об'ектом возможно более внимательного изучения историков-марксистов.

Доклад нашел широкий отклик в аудитории и вызвал многочисленные выступления товарищей.

Обсуждение доклада шло, во-первых, по линии обсуждения в целом проблемы империализма как чисто методологической проблемы, чрезвычайно важного и острого классового значения и, во-вторых, по линии критики позиции буржуазных и псевдомарксистских историков в этом вопросе.

Изучение истории эпохи империализма совершенно немыслимо,—говорит тов. Фридлянд,—без ясной и четкой методологически революционной политической установки. «Либерально-европейская буржуазная историография в изучении истории эпохи империализма дала очень много ценного, но дала, под углом зрения цельной, реакционной буржуазной системы». Попытка дать

историю эпохи империализма не под углом зрения революционного марксизма, а под углом зрения усвоения из марксизма той или другой частицы, дает эклектическое истолкование этой эпохи.

Вопрос об империализме необходимо рассмотреть,—говорит тов. Зайдель,—с точки зрения соотношения между об'ективными факторами экономического развития и ролью партии и рабочего движения в эту эпоху. Суб'ективные факторы: партия, социал-демократия, ее политика в рабочем движении играют в эпоху империализма решающую роль. Этот момент обычно не учитывается буржуазными и псевдомарксистскими историками, как, например, акад. Тарле, который склонен появление левой социал-демократии об'яснять случайными причинами, патриотическими чувствами со стороны рабочего класса и т. д.

Ряд товарищей делают предметом обсуждения предложенную докладчиком периодизацию империализма. Так, тов. Лурье, проводя аналогию между промышленным капитализмом и империализмом, указывает на трудность установления одного периода империализма, одинакового для всех стран. Не все страны в одно и то же время вступают в эпоху империализма, для одних стран это будут 80-е годы, для других 90-е годы, а для третьих—900-е годы и т. д. Можно установить в основном, что имеется империалистический и предимпериалистический период, но оговорившись, что эти периоды хронологически не совпадают и различны в отдельных странах.

Тов. Покровский указывает, что Москва является одним из центров, где разрабатывается предистория империалистической войны, влияние этого центра колоссально, его публикации заставляют буржуазных ученых пересмотреть еще раз целый ряд проблем о мировом соотношении сил. Эти публикации разоблачают и разоблачили империализм, а именно, самый опасный империализм, империализм английский.

Тов. Покровский указывает, что в деле установления буржуазными историками всякого рода хронологии решающую роль играет политический момент и иллюстрировал эту мысль целым рядом примеров из области опубликования документов империалистической войны.

Так, утверждает тов. Покровский, недавно появившееся на свет английское официальное издание дипломатических документов было предпринято со специальной целью доказать, что, если бы не был нарушен бельгийский нейтралитет, то Англия не вступила бы в войну. Этим изданием документов Англия пыталась спасти остатки британского престижа, но опубликовала такие материалы, которые разоблачили ее самое. Это издание на все 100% уничтожило легенду о бельгийском нейтралитете и показало, что уже в 1906 г. Бельгия была формальным союзником Англии и Франции.

В заключительном слове докладчик делает ряд дополнений в обоснование своей схемы периодизации. В вопросе периодизации нельзя проводить аналогии между промышленным капитализмом и империализмом, ибо эпоха империализма характеризуется тем, что процесс подтягивания стран отсталых к передовым странам совершается с головокружительной быстротой. Это позволяет распространять некоторые общие характеристики на целый ряд западноевропейских государств, а также и САСШ. Есть известные признаки, общие целому ряду передовых капиталистических стран, которые наблюдаются в том же самом периоде. В дальнейшем Н. М. Лукин указывает, что задача конкретного анализа—выявить те политические мотивы, которые заставляли буржуазных историков защищать ту или иную периодизацию империализма и в заключение подчеркивает ту классовую точку зрения, которую защищает по вопросу о реформизме.

По докладу т. Лукина выступали кроме вышеупомянутых следующие товарищи. По вопросу о периодизации империализма—Альперович, Горловский, по проблеме женского движения—Миловидова, по теории финансового капитала—т. Гиндин; по проблеме империализма с точки зрения загнивания капитализма Райский; Моносов, Фендель, Миронов указали на неразработанность ряда вопросов по истории рабочего движения.

Большой интерес вызвал доклад т. Фридлянда на тему—Итоги изучения Великой французской революции за 10 лет и задачи историков-марксистов. Т. Фридлянд поставил перед собой следующие задачи: 1) подвести итог проделанной историками-марксистами работы за 10 лет, 2) выяснить то место, которое занимает марксистская школа по изучению Великой revол. в исторической науке, 3) обратить внимание на ряд спорных проблем, выдвинутых в ходе марксистского изучения революции. Докладчик подробно останавливается на состоянии западноевро-

пейской буржуазной науки в области Великой французской революции. В докладе, прочитанном Саньяком в 1923 г. на Всемирном конгрессе в Брюсселе, в качестве родоначальников современного исторического исследования наряду с Жоресом назван также Тэн, в духе которого должно в дальнейшем пойти исследование Великой революции. Саньяк предлагает свою синтетическую схему всего революционного процесса в целом, причем подчеркивает, что между экономическим, политическим и духовным содержанием нет пропасти.

На том же Конгрессе Олар отметил, что во Франции изучение революции стало «делом правительственных организаций и частных усилий». Целый ряд фактов, по мнению т. Фридлянда, показывает, что в деле изучения Великой французской революции реакционная и либеральная школы историков представляют одно целое, они теснейшим образом связаны с правительством Третьей республики и используют изучение революции для борьбы с пролетариатом и его революцией.

Процесс диференциации в рядах историков - исследователей Великой революции идет по линии их отношения к историческому материализму и пролетарской революции. Для последнего пятилетия (1923—1928) характерен повышенный интерес к марксизму и попытки борьбы с ним. Причем такие историки, как Сэй, признавая значение экономического фактора, отказываются от признания наличия классовой борьбы в истории Великой революции. Олар же категорически утверждает, что марксизм абсолютно непригоден для изучения революции и выделяет экономический фактор, как момент, который ничего общего не имеет с марксистской трактовкой революции.

Все публикации по экономической истории Великой французской революции находятся в руках этой буржуазной, по преимуществу реакционной группы историков, они руководят «Центральной комиссией по экономической истории революции», в своих публикациях давая материал с вредной методологической установкой для подлинного об'ективного исследования.

Однако, процесс расслоения в рядах историков - исследователей привел не только к об'единению враждебных марксизму сил, но и к формированию во Франции новой школы, школы Матьеза. Матьез не марксист, но значение его в том, что он в постановке проблем пошел дальше всех тех, кто работал одновременно с ним по этим вопросам. Экономическую проблему он ставит как социальную проблему, у него ясно выражен момент классовой борьбы, это делает его школу одной из наиболее близких к марксизму. Но в то же время школа Матьеза должна быть рассматриваема марксистами, как отдельное образование, как немарксистская школа, так как: 1) она отрицает прямые политические задачи, стоящие перед исследовательской работой по изучению Великой революции; 2) в своем методологическом подходе к изучению Великой революции Матьез недостаточно отчетливо представляет классовую природу робеспьеризма и «бешеных» и т. д. Матьеза нужно принять как представителя школы, ведущей борьбу за принципы классового изучения Великой революции, с которой марксисты могут солидаризироваться, но у марксистов имеются другие свои особые задачи.

Докладчик намечает основные этапы марксистской методологии в деле изучения Великой революции. Формирование марксистской школы он делит на 3 этапа: 1) обоснование точки зрения Маркса на революцию; 2) проблемы, поставленные перед изучением революции Каутским в конце XIX столетия и Куновым в начале XX столетия; 3) советская школа по изучению революции за последние годы.

Марксистская школа в СССР, по мнению докладчика, датируется с 1919 г. (год появления работы Н. Лукина — «М. Робеспьер»). Фактическое изучение Великой французской революции начинается за последние 5—6 лет. За это время можно наметить несколько периодов в изучении Великой революции. В первый период советская школа марксистов дала общую картину революции под углом зрения классовой борьбы. Второй период, переживаемый нами в настоящий момент, имеет много отрицательных сторон. По целому ряду основных вопросов существует столько точек зрения, сколько существует марксистов.

Основное место в работах наших историков, — говорит докладчик, — занимает анализ якобинизма и борьба течений в рядах якобинцев, вопрос о борьбе классов во Франции в эпоху террора, анализ робеспьеризма, борьба между робеспьеристами и маратистами, отношение последних к бешеным, специальный вопрос о бешеных. В гораздо меньшей степени разработаны вопросы экономической истории революции. В активе имеется совместная работа Кунисско-

го и Позднякова «Об общинных землях» и Сказкина по вопросу «о феодальной реакции накануне революции». Как указывает докладчик, марксистская школа не дала ни одной фундаментальной работы, которая рассматривала бы крестьянство под углом зрения классовой борьбы. Этим об'ясняются разногласия по вопросу о социально-экономических процессах накануне революции и целый ряд других разногласий.

Доклад вызвал оживленный обмен мнений.

В прениях указывалось, что проблема изучения французской революции является делом не академическим, а политическим и вся западноевропейская историография так вопрос и ставит; исходя из этого, основной задачей историков-марксистов является образование самостоятельной школы и организованное выступление не только внутри СССР, но и вне его. Путем обостренного внимания к экономическому материалу и создания исследований по экономике революции, можно, по мнению ряда товарищей, изжить те разногласия, которые имеются среди марксистских исследователей по отдельным проблемам Великой революции. По докладу т. Фридлянда выступали следующие товарищи: Альперович, Васютинский, Зайдель, Захер, Камышан, Лукин, Рохкин, Щеголев.

К числу докладов, которые касались методологии изучения исторических вопросов, относится и доклад Потемкина, посвященный истории промышленной революции («К вопросу о методологии истории промышленной революции»).

В своем выступлении т. Потемкин сделал краткий обзор главнейшей литературы, посвященной промышленному перевороту, и должен был притти к тому заключению, что ни исследовательские, ни общие работы в буржуазной экономической и историко-экономической литературе не дают последовательной и выдерживающей марксистскую критику методологии проблемы промышленного переворота.

Положение вопроса в буржуазной литературе и неразработанность вопроса в марксистской литературе заставляют автора предложить методологическое построение этой проблемы.

С самой общей точки зрения промышленная революция есть прежде всего переворот в способе производства. Исследование же понятия «способа производства» у Маркса приводит к выводу о необходимости «Общественно-технического» критерия как основного критерия для установления эпохи промышленного переворота.

Промышленный переворот—это радикальный переворот в «органическом» способе производства, и с этой точки зрения промышленная революция — вполне ограниченный во времени феномен, хотя и не определяющийся точными хронологическими рамками. При этом независимо от национальных и географических различий развиваются сходные экономические и социальные явления, не повторяющиеся в последующий период.

Теория Маркса и индуктивное историческое исследование помогают, как утверждает докладчик, установить ряд отличительных признаков этого периода. В экономической характеристике промышленной революции необходимо отметить, что: а) нормы прибавочной стоимости далеко превосходят средние нормы эпохи; б) в эпоху промышленного переворота наблюдаются особые формы экономии на постоянном капитале, приобретающие особо хищническую форму. Предлагаемая методологическая установка резко диференцирует промышленную революцию в текстильной промышленности от изменения в способе производства в области металлургии, ибо промышленная революция характеризуется применением машин, и с этой точки зрения ни пудлингование, ни бессемерование стали не являются промышленным переворотом; предлагаемая установка особо ставит вопрос об отношении аграрной революции к революции промышленной.

Промышленная революция может развиваться и без всякой связи с предшествующим аграрным переворотом, как это было в Англии, и вообще предполагает возможность иных предпосылок, которые обычно даются на основе английского примера.

Обращаясь к анализу конкретного материала—экономики Франции в первую половину XIX века—докладчик текстуально подтверждает, что целый ряд моментов, вытекающих из методологической установки, поверяется конкретным материалом, в особенности в области хищнического способа сбережения на постоянном капитале, выражающегося в эксплоатации детского труда, в увеличении и продолжительности рабочего дня и т. д.

Методология и исследование по французской экономической истории позволяют докладчику сделать следующие выводы.

Промышленная революция с точки зрения экономической характеризуется как радикальным переворотом в «органическом» способе производства, так и значительно превосходящими средний уровень нормами прибавочной стоимости и нормами прибыли, так как для отдельных отраслей и отдельных капиталов создаются особенные «анормальные» условия. Эти условия заключаются в том, что: а) увеличивается продолжительность рабочего дня за пределы среднего рабочего дня; б) заработная плата понижается ниже стоимости рабочей силы; в) капиталисты получают возможность пользоваться совершенно даровым трудом; г) формы сбережения на постоянном капитале носят особенно резко и хищно выраженный классовый характер...

С точки зрения социальной—промышленная революция независимо от географической и исторической среды есть подлинный период «бури и натиска». Положение рабочих характеризуется: а) усилением процесса пролетаризации, б) удлинением рабочего дня и падением реальной заработной платы, в) привлечением женского и детского труда, г) ростом пауперизма.

С точки зрения технической — промышленная революция характеризуется применением машин, т. е. механизацией двигательной силы и рабочего инструмента до полного сведения роли рабочего к одному лишь наблюдению над производством продукта.

При обсуждении доклада указывалось, что определение, данное докладчиком промышленному перевороту, как эпохе бури и натиска, наталкивается на трудность периодизации промышленного переворота, потому что момент ломки в разных странах проходил поразному и далеко не одновременно. Доклад, по мнению некоторых товарищей, ставит также необходимость и более точного установления отношения промышленной революции к аграрной революции. Ряд товарищей отмечает чрезвычайную ценность той методологической постановки вопроса, которую дал докладчик.

По докладу т. Потемкина выступали следующие товарищи: Арк-Ан, Вакс, Далин, Завитневич, Лавровский, Моносов, Ривлин, Фридлянд.

От докладов методологических мы переходим к ряду докладов, занимающихся анализом конкретного исторического блем, которым до сих пор марксисты уделяли чрезвычайно мало внимания. Тов. Розенберг прочел доклад «Критика новейшей немецкой теории по вопросу о генезисе монархии Карла V».

Докладчик ставит своей целью, вопервых, критически изложить теорию немецкого историка Эмиля Дюрра, по вопросу о «генезисе монархии Карла V»; во-вторых, не будучи согласен о основными положениями теории Дюрра, выдвигающей на первый план моменты чисто политического характера, докладчик стремится, на основе проработки первоисточников, вскрыть роль, которую играл в исторических событиях, тесно связанных с процессом генезиса монархии Карла V и в ее дальнейшей судьбе, ряд фактов социально-экономического порядка: роль лионских и женевских ярмарок, нидерландской текстильной индустрии, классовой борьбы в Испании, Нидерландах и югозападной Германии и др.

Теория Дюрра тесно связывает проблему генезиса монархии Карла V с проблемой внешней политики Карла Смелого Бургундского. Центр тяжести политики Карла Смелого Дюрр видит в борьбе против Франции. Этот же момент, по Дюрру, является основным в политике Габсбургов, преемников Карла Смелого на бургундско-нидерландском престоле. Борьбе против Франции Дюрр приписывает важные с точки зрения генезиса монархии Карла V следствия.

Так, при Карле Смелом общая вражда Бургундии и Испании к Франции вызывает сближение между ними, в котором Дюрр видит зачаток будущего бургундско-испанского об'единения.

В подчеркивании момента борьбы с Францией в теории Дюрра сказывается время ее создания—годы непосредственно предшествовавшие империалистической войне и первые годы войны.

Так же под несомненным влиянием империалистической войны другой немецкий историк Алоис Шульте в 1918 г. дал новое об'яснение возникновения бургундско-швейцарской войны, в которой он увидел борьбу французской нации с немецкой. Докладчик подчеркивает, что как теория Дюрра, так и Шульте возникли в связи с международной ситуацией предвоенного и военного империализма, явились социальным заказом германской буржуазии, и в дальнейшем строит свой доклад на критике буржуазного понимания важнейших мо-

ношений, так как при этом раскрывается роль социально-экономических факторов, действовавших и в дальнейшей бургундско-габсбургской политической истории.

Проблема возникновения бургундско-швейцарской войны, по мнению докладчика, может быть понятна лишь в свете борьбы между лионскими и женевскими ярмарками во второй половине XV века. Южно-германский капитал был заинтересован в лионских ярмарках; бургундская же политика стремилась привести лионские ярмарки к погибели. Здесь лежит корень конфликта, приведшего к войне. Противоречия между интересами торгового капитала, заинтересованного в лионских ярмарках, и бургундско-габсбургской политикой вызвали ряд конфликтов при Карле V.

В выступлении швейцарцев против Карла Смелого большую роль играл и классовый антагонизм. Карл Смелый, который опирался во Франции на крупных феодалов и в Германии на рыцарство, на чем в значительной мере были основаны успехи его завоевательной политики, являлся как бы оплотом эльзасского, швабского, австрийского и савойского дворянства, глубоко враждебного относительно демократической Швейцарии. Выступления швейцарцев были, таким образом, и актом классовой борьбы. Разгром бургундской мощи следует рассматривать как одно из крупнейших событий истории классовой борьбы в XV веке.

Стратегический ход важнейшего этапа бургундско-швейцарской войны может быть понят лишь в свете превосходного анализа стратегического значения рельефа местности, где происходила война, произведенного Энгельсом.

Утверждение Дюрра, что в основе об'единения владений бургундского дома с Испанией лежала и общая вражда к Франции, опровергается уже тем фактом, что в эпоху об'единения бургундских владений с Кастилией под властью Филиппа Красивого, бургундская политика была франкофильской.

Филипп Красивый опирался в Нидерландах на консервативную партию, защищавшую интересы дворянства и ремесленников от наступления торгового капитала, все усиливавшегося в эту эпоху в Нидерландах. Одним из основных требований этой партии было сохранение нидерландской текстильной индустрии, защита ее от конкуренции, обеспечение сырьем. Тесное политическое сближение между Нидерландами и Кастилией было в интересах обеих сторон, так как первая нуждалась в шерсти для своей текстильной промышленности, а вторая — в рынке для сбыта продуктов своего овцеводческого хозяйства. Позиция, занятая во время борьбы за кастильский престол между Филиппом Красивым и Фердинандом Католиком, кастильскими овцеводами и купцами, связанными с Нидерландами торговыми операциями, находились в полном соответствии с вышеуказанными экономическими интересами. В тесной связи с проблемой испано-нидерландского об'единения докладчиком были рассмотрены особенности хозяйственного строя Испании той эпохи, столь слабо освещенные в исторической литературе. Он обрисовал положение бродячего овцеводства в Испании и указал на существовании и роль Месты, могущественнейшей организации, в которую входили все владельцы бродячих овечьих стад. Тов. Розенберг подробно остановился на процессе испанского огораживания для целей хлебопашества, происходившего в ту эпоху, подчеркивая борьбу с этими огораживаниями Месты; докладчик рассмотрел также проблему соперничества между Англией и Испанией на почве торговли шерстью.

При обсуждении доклада указывалось на ценность того материала, который был привлечен докладчиком для характеристики испано - нидерландских отношений, указывалось также на ценность характеристики ряда частных вопросов, проблемы взаимоотношения между английской и нидерландской торговлей шерстью, вопроса о соперничестве между Англией, Испанией и др.

В прениях по докладу выступили Сказкин, Косминский и Васютинский.

Доклад Розенберга посвящен проблеме Средней истории, все остальные касались вопросов новейших эпох. Доминирующее положение занимали сообщения, посвященные различным проблемам Великой французской революции. Среди них некоторые предметом своего рассмотрения брали экономические проблемы. Т. Вайнштейн остановился на вопросе «Французские торговые колонии на Леванте при старом порядке».

Докладчик поставил своей задачей проследить историю французских левантских колоний, которая представляет собою историю французского торгового капитала в его продвижении на Ближний Восток. До сих пор проблема экономической экспансии Франции в конце XVIII века на Восток не была предметом серьезного научного исследования не только в марксистской, но даже

в буржуазной исторической литературе. Каков же характер этой экспансии и какие организационные формы приняло господство французов на Востоке? Французский капитал на Леванте был поставлен в привилегированное положение так называемыми капитуляциями. Режим, установленный капитуляцией, превратил Левант в об'ект колониальной эксплоатации французским торговым капиталом. Капитуляции давали целый ряд привилегий французским купцам, не предоставляя никаких выгод туземным турецким купцам. Между французским купечеством и тонкой прослойкой туземной буржуазии происходили постоянные конфликты. Сущность их в том, что туземная буржуазия стремилась стать между французскими купцами и населением, чтобы несколько ограничить колоссальную прибыль французских купцов. Этой враждебностью определялась своеобразная внутренняя организация левантских колоний, их замкнутость, их изолированность от всего остального населения. В этих замкнутых единицах французское чиновничество, консульская администрация, которая целиком принадлежала к дворянскому классу, обладала дискреционной властью.

Французское купечество вело непрерывную борьбу с произволом консульской администрации; эта борьба принимала чрезвычайно резкие формы.

У французского купечества, жившего на Леванте, было чрезвычайно много мотивов для недовольства политикой правительства старого порядка. Политика правительства на Востоке отличалась слабостью и бессилием: а) оказывалось слабое дипломатическое давление на турок в смысле выполнения капитуляций; б) французское правительство оставалось безучастным свидетелем того грабежа, который учинялся по отношению к Турции со стороны России и Австрии, грозя разрушением Турецкой империи.

Старое правительство было сметено революцией. Как же французская буржуазия осуществляла свои задачи во время революции? Докладчик указывает, что власть в колониях после революции переходит фактически к французскому купечеству — значение консульской администрации было сведено на-нет. Но революция угрожала марсельским купцам потерей привилегий и монопольного положения. Завязалась усиленная борьба марсельской торговой палаты за монополию марсельских купцов. Наиболее сильными защитниками марсельской торговой крупной буржуазии были жирондисты, которые поддерживали постоянную и чрезвычайно тесную связь с крупнейшими марсельскими купцами. Марсельское купечество было обязано жирондистам тем, что, вопреки законам и декретам, ему удалось сохранить свою монополию и торговую палату вплоть до августа 1793 г., когда Марсель был взят революционным восстанием.

Падение жирондистов и разгром Марсельской торговой палаты повлекли за собой ослабление связи левантийских колоний с Францией и обострение социальной борьбы внутри колоний. В этой борьбе отразились все партийные группировки французской революции. Консульская администрация, духовенство, миссионеры и часть крупного купечества перешли в лагерь контрреволюционной эмиграции. Немногочисленная же интеллигенция, ремесленники и многочисленные категории рабочих заняли крайнюю левую позицию, группировались вокруг агентов французского конвента, создавали целый ряд народных клубов в Алеппо, Константинополе, Смирне, требовавших афилирования со стороны якобинских клубов.

Якобинцы в этом утверждении им отказали, ибо, как утверждает докладчик, якобинцы боялись дипломатического разрыва с Турцией и не желали участвовать в каком бы то ни было пробуждении революционного сознания на Востоке: 9-е термидора нанесло клубам окончательный удар, дало торжество «модерантистских» элементов колоний над якобинцами, но экономическая мощь колоний не была восстановлена.

В заключение докладчик указывает, что уже «до революции французский торговый капитал сдает одну за другой позиции английскому капиталу (уменьшение французского экспорта в Турцию).

Вызванная революцией борьба внутри колоний лишь ускорила процесс их распада. Падение французских колоний на Леванте было не следствием революции, а следствием превосходства молодого английского промышленного капитала над более отсталым торговым капиталом Франции».

Прения развернулись по линии установления ряда новых проблем возможности более широкой постановки тех вопросов, которые были затронуты докладчиком.

Необходимо, — говорил ряд товарищей, — поставить вопрос, затронутый докладчиком, несколько шире. Необхо-

димо рассмотреть тот узел взаимоотношений, который сложился на Ближнем Востоке, не только во Франции, Англии, Турции, но и в России и Австрии; разбирая вопрос о торговле Франции с Левантом, нужно установить факт торговых и дипломатических отношений Франции, России, Австрии, Англии, и отчасти Польши.

В обсуждении доклада Вайнштейна приняли участие следующие товарищи: Арк-Ан, Васютинский, Добролюбский, Крель, Розенберг, Фрейнберг.

К числу докладов, ставивших своей задачей рассмотрение экономических проблем, относится доклад т. Добролюбского «Дороговизна в Париже в 1795 г. после отмены максимума».

Проблема дороговизны в 1795 г. является важной социально-экономической проблемой, тесно связанной с экономической политикой термидорианской реакции. Докладчик поставил себе задачу рассмотреть вопрос о влиянии отмены максимума на обесценение ассигнаций и на дороговизну и установил связь между дороговизной и обесценением ассигнаций.

Неудовлетворительное разрешение этой проблемы в буржуазной литературе и недостаточная разработанность вопроса в марксистской литературе заставляет докладчика пересмотреть заново вопрос о причинах дороговизны в Париже в 1795 г.

Современники считали, что главной причиной дороговизны являлось слишком большое количество ассигнаций, находившихся в обращении. Это мнение принято и большинством историков (из новейших—М. Марионом). Докладчик считает несостоятельным это положение. С точки зрения докладчика на дороговизну не мог влиять и недостаток товаров, ибо снабжение рынков и базаров Парижа после отмены максимума значительно улучшилось.

Чтобы выяснить причины дороговизны после отмены максимума и связь между ростом ее в 1795 году с падением металлического курса ассигнаций, необходимо, как думает докладчик, сопоставит коэфициенты вздорожания их с соответствующими коэфициентами обесценения ассигнаций с конца 1794, а, во-вторых, сравнить цены 1795 г. как с ценами 1790 г., так и с металлическим курсом ассигнаций. Докладчиком проделана таким образом чрезвычайно кропотливая аналитическая работа. Основные положения т. Добролюбского таковы.

Сравнение цен до отмены максимума и цен через 10 месяцев при конце Конвента показывает, что с половины декабря 1794 г. до половины октября 1795 г. ассигнации в Париже были обесценены в 14—15 раз, а коэфициент вздорожания всех предметов поднялся гораздо выше, хлеб вздорожал в 30 раз, уголь почти в 47 раз, дрова в 22 раза и т. д. Те же результаты получаются из сопоставления коэфициентов вздорожания и коэфициентов обесценения ассигнаций сравнительно с 1780 г. Коэфициент вздорожания главнейших предметов потребления (хлеб, мыло, сахар и картофель) оставался выше коэфициентов общего обеспечения ассигнаций. Основные выводы докладчика следующие: 1) рост цен зимой и весной 1795 г. на большинство предметов первой необходимости, а с лета 1795 г. на главные предметы потребления, рост, перегонявший темп обеспечения ассигнаций, является одной из причин обесценения, а не следствием его; 2) ужасающая дороговизна в 1795 г. после отмены максимума была наряду с катастрофическим обесценением ассигнаций одним из последствий отмены максимума, ряда других финансовых мероприятий 1795 г. и вообще всей экономической политики термидорианской реакции, проводимой в интересах буржуазии и состоятельного крестьянства.

В прениях намечается ряд проблем, стоящих в тесной связи с заслушанным докладом, а именно вопрос о классовой сущности экономической политики термидорианской реакции и о ее результатах, вопрос о влиянии отмены максимума на снабжение Парижа и т. д.

Экономическая политика термидорианской реакции приводила, как указывают некоторые товарищи, к обнищанию масс и к идеологическому и фактическому крушению фритредерства; и самое падение ассигнаций необходимо рассматривать, как одно из последствий общего перелома в экономической политике термидорианской реакции, как результат изменения классовых соотношений (Щеголев).

Необходима дальнейшая разработка вопросов о снабжении рынков и базаров, ибо у докладчика этот тезис выражен очень обще. Относительное улучшение снабжения сменилось ухудшением. Документы констатируют уже весной 1795 г. неудачу отмены максимума и неспособности фритредерства разрешить задачу продовольственного снабжения (Щеголев, Фрейберг).

Доклад Щеголева был связан с проблемой изучения социальных дви-

жений и идеологических течений Великой революции и посвящен проблеме «Заговора равных».

Целью доклада Щеголева «К истории заговора равных» является приведение некоторых фактических данных и формулировка некоторых обобщающих выводов, связанных с фактической историей «Заговора равных».

По утверждению докладчика, до сих пор та литература, как марксистская, так и немарксистская, которая занималась историей «Заговора равных», исходила из книги Буонаротти. Труд этот и служил основой всех позднейших описаний о ходе заговора. Между тем Буонаротти не подвергался систематической критике, хотя его свидетельские показания нуждаются в проверке. Они были составлены много лет спустя после описываемых им событий. Можно также предположить, что сам Буонаротти в момент работы над своей книгой был лишен некоторых необходимых пособий (например комплекта «Tribun du Peuple») и исходил главным образом, из своих личных воспоминаний. Критика Буонаротти должна быть основана на анализе архивных источников, в первую очередь материалов Национального архива в Париже.

Основная проблема исследования истории «Заговора равных» сводится к выяснению социально-политического состава его участников и той социальной среды, в которой велась активная работа заговорщиков. Буонаротти рисует социальную и политическую принадлежность заговорщиков, как блок между остатками левых якобинцев и собственно бабувистов. Такая точка зрения кажется докладчику излишне упрощенной. Т. Щеголев устанавливает участие представителей тех левых течений, которые существовали в эпоху якобинской диктатуры, теперь перешли в другой период революции и продолжали заниматься политической деятельностью. В заговоре принимают участие как остатки «бешеных», так и эпигоны Эбера. В периферии заговора, на которую думали опереться заговорщики, находились и якобинцы, которых Бабеф пытался ассимилировать, привлечь к восстанию и об'единить под своим руководством. Докладчик полагает, что в стадии подготовки заговора не было полного блока с якобинцами, в этот период была гегемония бабувизма, с попыткой ассимилировать ряд элементов якобинской диктатуры; блок был создан за два дня до осуществления заговора.

Таким образом, политический состав всей периферии представляется т. Щеголеву сложной амальгамой из якобинцев, собственно бабувистов и остатков бешеных и эбертистов. Какова классовая принадлежность большинства заговорщиков? Здесь, по утверждению докладчика, большой процент является представителями ремесла, ремесленной мелкой буржуазии (плотники, столяры, сапожники, представители аналогичных профессий).

Докладчик отрицает узко-заговорщицкий характер заговора. Стратегия заговора, по его мнению, выросла из учета опыта массового движения французской революции, конкретно с учетом прериаля и жерминаля и даже с участием связанных с прериалем и жерминалем некоторых лиц. Эта попытка не удалась, но она делала установку на массу, на определенную массовую агитацию. Данные Национального архива подтверждают, что основная установка заговора была на рабочий класс и что активное участие рабочего класса во всем этом движении совершенно неоспоримо. Это движение имело определенные отклики в провинции в целом ряде городов (Тулузе, Лилле, Меце, в департаменте Юры, Реймсе и др.). В некоторых местах были попытки вооруженных демонстраций (Безансон). Таким образом это движение нельзя назвать чисто парижским, оно имело отклики и в провинции. Правда, оно не удалось даже в Париже, но значение его переходит пределы Парижа и имеет определенные последствия.

В прениях были подвергнуты обсуждению следующие вопросы: 1) проблема взаимоотношения левых якобинцев с бабувистами, характер самого заговора равных; 2) были намечены также актуальные задачи в области изучения движения.

Острая задача будущего изучения движения Бабефа, — говорят товарищи,—заключается в том, чтобы наметить преемственность между бешеными и бабувистами. Недостаточно установить идеологическую и тактическую связь, нужно повести изыскание по линии организационной преемственности. Преемственность между бешеными и бабувистами, указывают другие, необходимо признать также в смысле последовательности движения тех самых слоев, которые участвовали на протяжении революции в заговоре равных. Разработка вопроса о Бабефе и бабувизме настолько сложна, что должна стать делом коллективным.

В обсуждении доклада Щеголева участвовали следующие товарищи: Захер, Добролюбский, Волгин, Моносов, Фрейберг, Фридлянд, Удальцов.

Рассмотрением доклада и прений по докладу т. Щеголева мы заканчиваем обзор ряда докладов, посвященных проблеме Великой французской революции. На конференции были зачитаны два доклада по истории революции 48 года. Сюда относится доклад Молока об июньских днях 48 года и доклад Зайделя по вопросу об идеологических течениях в эпоху революции 48 года.

Задача доклада Молока «Июньские дни 1848 года» заключается в том, чтобы на основании материалов, почерпнутых из Национального архива и других книгохранилищ Парижа, расширить документально базу, на которую опирается фактическая история июньского восстания 1848 года и пересмотреть некоторые основные проблемы, связанные с изучением этой темы.

Материал Национального архива дает возможность установить с довольно большой степенью точности социальный состав участников. Наибольшее количество падает на рабочих (70%), среди которых на первом месте имеем поденщиков, затем идут столяры и сапожники. Насчитывается несколько сот профессий, дробность профессий как нельзя лучше вскрывает характер парижской индустрии в ту эпоху, в которой преобладает производство предметов домашнего обихода, предметов роскоши, организованное путем мелких мастерских. В восстании принимает участие некоторая часть мелкой буржуазии (14%) и небольшой процент интеллигенции (2%).

Докладчик возражает против распространенного представления, будто июньское восстание было восстанием лишь рабочих национальных мастерских. Т. Молок указывает, что отдельные группы Национальных мастерских сознательно уклонились от всякого участия в восстании (пестрота состава Национальных мастерских была препятствием их организованного выступления), 2) кроме рабочих, занятых в Национальных мастерских, в восстании участвовали определенные группы рабочих, в них незанятые: рабочие Орлеанской ж. дороги, рабочие канализации и городского благоустройства, рабочие некоторых механических предприятий и т. д.

Июньское восстание разразилось в обстановке резкого обострения экономического кризиса и вместе с тем в обстановке резкого обострения классовой борьбы, ибо к этому моменту наблюдается факт консолидации собственнических элементов вокруг Национального собрания, об'единения их в один фронт против пролетариата. Как утверждает докладчик, июньское восстание не следует рассматривать как специфическое парижское восстание. Оно было лишь крупнейшим звеном в цепи повсеместных рабочих волнений в мае и июне 1848 г., из коих самым значительным явилось восстание в Марселе. Все эти движения были вызваны так же, как и парижское, обострением экономического кризиса и являлись отпором идущей в наступление буржуазной реакции.

Как известно, руководящий центр отсутствовал, но восстание выдвинуло местных руководителей, направлявших борьбу в том или ином районе, на той или иной улице. Каков же политический состав руководящего ядра восстания? Наиболее активную роль сыграли бланкисты (напр. Пижоль), бабувисты (напр. Ракари), социалисты неопределенного толка (вроде напр. Де-Лакалонж) и якобинцы (Лярош и др.). Рабочее восстание, как утверждает докладчик, не успело оформиться программно и организационно. Элементы программы наметились в ходе восстания. Общим лозунгом всех восставших был лозунг «демократической» и социальной республики», содержание этого лозунга меняется при переходе от одного документа к другому. Социально-экономическая программа отличается не всегда достаточно выраженной социалистической тенденцией.

Т. Молок дает и общую оценку июньскому восстанию 1848 г. Июньское восстание, возникшее как стихийный протест против наступления буржуазной реакции, обнаружило тенденцию перерасти из «восстания голода» в «восстание завоевания нового общественно-политического строя «демократической и социальной республики», в которой по сути дела скрывалось не что иное, как диктатура рабочего класса». Именно так оценивает истинный характер восстания Маркс, в то время как Чернышевский и др. видели в нем только восстание голода, аналогичное восстанию 1831 г.

В прениях были обсуждены проблемы взаимоотношения парижского восстания с провинциальным движением, роль национальных мастерских в восстании и вопрос о руководстве восстанием. Ряд

товарищей считал чрезвычайно ценным стремление докладчика изобразить июньские дни, как звено в общей цепи революционного движения, но вместе с тем утверждал, что решающую роль во всей революции 48 года имело именно парижское восстание (Вайнштейн, Лозинский). Другие товарищи считали ценным то, что доклад дал политическую характеристику головки восстания (Зайдель). Т. Фридлянд дал ряд интересных дополнений по вопросу о восстании на основании печатного документального материала.

Проблеме идеологических течений и революции 48 г. был посвящен доклад Зайделя «Бабувизм и марксизм».

Бабувизм является, как утверждает докладчик — специфической формой французского коммунизма. «Некоторые стороны учения Бабефа, поскольку они выразились в актах и документах, оставшихся от «Заговора равных», стали также составной частью бланкизма. Но в чистом своем виде идеи Бабефа были восприняты бабувистскими организациями 40-х годов во Франции. В качестве источников для докладчика служила многочисленная рабочая пресса сороковых годов, а также отчеты о судебных процессах секретных обществ этого времени, памфлетная и мемуарная литература кануна и эпохи революции 1848 г.—все это является, как указывает докладчик, ярким материалом для суждения о роли, программе и тактике бабувистских секретных обществ 40-х гг., из которых самым значительным было общество «Рабочих-эгалитэров».

Полная неразработанность вопроса в литературе, отсутствие в этой области как марксистских, так и немарксистских работ заставляет автора считать своевременным постановку проблемы.

Докладчик подчеркнул влияние бабувизма на рабочее движение Франции и в особенности на роль бабувистов во время революции 48 года. Работая в тесном контакте с бланкистами, бабувисты сохраняли свои организации и прессу. После разгрома революции 48 г. с прекращением издания газеты «Le Communiste» бабувизм, как самостоятельное течение совершенно сошел со сцены, бабувисты слились с бланкистами и стали участниками бланкистского движения Второй империи. Но идеологическое влияние бабувизма можно проследить и в последующие годы, в частности в 80-х годах на идеологии Гэда.

Идеологи бабувистских обществ, Дезами и др. оставили ряд работ, которые дают полное представление об идеологии бабувизма 40-х годов. Сильными сторонами этой идеологии являются, по утверждению докладчика: 1) жесткая критика капиталистического строя, 2) материализм, 3) учение о революционной диктатуре, 4) правильное представление об организации труда и трудовом воспитании детей. Слабыми сторонами его учения являются его догматизм: 1) учение о вечных и неизменных законах, на которых покоится общество, 2) грубая уравнительность, 3) фантастическое представление о том, что детальное описание будущей утопической коммуны может явиться убедительным стимулом к восприятию идей коммунизма.

Отмеченный догматизм бабувизма не мешает отдельным его представителям, в частности Дезами, защищать положения, которые представляют интерес для истории социализма.

У Дезами докладчик прослеживает следующие положения: 1) он пытается подправить рационализм «физиологизмом», 2) он выпрыгивает из «вечных и неизменных законов», 3) он представляет себе революционную диктатуру не узко заговорщического типа, а опирающуюся на массы, 4) он один из немногих предшественников Маркса отделяет пролетариат от буржуазии и проповедует необходимость соединения «философии» с пролетариатом.

В заключение докладчик говорит о влиянии Дезами на Маркса. Маркс в период 1842 года проявлял интерес к учению Дезами. В своих работах он подчеркивал революционность Дезами и значение его идеи соединения «философии» с «пролетариатом». Последняя идея совпадает с мыслями Маркса, которые он внес в «Критику гегелевской философии права» и которые в этой работе Маркса выражены так: «Голова этой эмансипации—философия, сердце ее—пролетариат».

В прениях была дана оценка Дезами и его роли в истории социализма. С одной стороны указывали влияние на Дезами социалистических течений того времени, влияние Фурье, Сен-Симона и тем самым подчеркивалась близость Дезами к утопическому социализму; вместе с тем указывалось на те черты, которые сближают Дезами с Марксом,— а именно понимание диктатуры и революции. Роль Дезами можно сравнить с ролью Вейтлинга для Германии. Оба переводили индивидуали-

стический характер утопического социализма на язык Маркса. Дальнейшей задачей изучения проблемы является установление более тесной связи между Дезами и Марксом.

В прениях по докладу т. Зайделя участвовали следующие товарищи: Арк-Ан, Волгин, Гингорн, Рохкин, Пригожин и другие.

V. СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ СЕКЦИЯ

Свои работы социологическая секция открыла докладом акад. Н. Я. Марра на тему: «К вопросу об историческом процессе в освещении яфетической теории».

Этот блестящий доклад, значившийся в планах конференции секционным, превратился в пленарный и собрал полный зал участников конференции и многочисленных гостей. Прочитанный с исключительным под'емом, доклад был выслушан с большим вниманием.

Докладчик начал с утверждения, что современное языкознание и история переживают своеобразный кризис «беспризорности»: они не в пример большинству других наук недостаточно вовлечены в социалистическое строительство, их исследовательская работа слабо связана с производством. Между тем наша эпоха пред'являет гигантские требования и языку и истории. Сейчас наблюдается все возрастающий интерес к проблемам языка среди широких масс, приобщающихся к социалистическому строительству. В нашей стране происходит грандиозное производство языков и культуры, но, к сожалению, постановка изучения языка у нас лишена действительной увязки с конкретным миром, а это указывает на отсутствие научного метода. Старая наука о языке, с точки зрения исторических построений, давно села на мель. Это неизбежно отражается и на исторической науке, которая в большинстве генетических проблем вынуждена прибегать к данным языкознания. В материальной части обоснований своих положений историк-марксист до сего времени находится во власти индоевропейской лингвистики. Между тем во многих случаях языковые факты, утверждавшиеся индоевропейской лингвистикой, сейчас, в свете яфетидологии, оказываются искаженными, а это грозит катастрофой не только самой науке о языке, но и тем историческим построениям, которые базировались на искаженных фактах языка. Поэтому в настоящее время исторические положения, обоснованные на данных языкознания, подлежат пересмотру, который сигнализируется новым учением о языке—яфетидологией.

Акад. Марр, привлекая большой лингвистический материал, доказывает полную нереальность взаимоотношений греков и римлян, установленных старым учением о языке. На примере латинского слова «Нептун» доказывается связь римлян не столько с греками и этрусками, сколько с северо-африканцами, при чем расхождение в латинских, этрусских и греческих терминах коренится в различии их соц. структуры.

Анализ греческого термина «Посейдон» и латинского—«Нептун» приводит к утверждению, что в них отражается классовая диференциация создавших эти термины народов. Стадиальное развитие и «Нептуна» и «Посейдона» показывает новые ступени не только в эволюции употребления слова в зависимости от смены одного материального предмета другим в процессе развития хозяйства, но и в самом мышлении, отражающем, в свою очередь, коренные изменения в технике производства, когда новая техника требует нового социального строя. Происходящие при этом социальные сдвиги обязаны не тому или иному этносу или племени, а классовой диференциации общества. Стадиальность идеологического развития слов от материального предмета (вода) до надстроечного антропоморфизированного культового понятия (морской бог), идущая параллельно с формальным их развитием от одноэлементного до двух- или более элементного, сигнализирует нарастание новых социальных формаций с предпосылкой новых материальных и технических условий[1].

Далее докладчик останавливается на анализе ряда латинских слов, означающих «деревню», «село», «город». Эти слова в момент своего возникновения осмысляются не техникой село- или градостроительства, а защитным магическим значением самого термина, однако, различные разновидности слов

---

[1] Н. Я. Марр указывает, что эта общая формулировка не должна приводить к упрощенческим выводам. Она не имеет абсолютного значения и часто требует поправок.

«деревня», «село», «город» увязывают эти нарицательные названия населенных пунктов с различными ступенями стадиального социального развития. Греческий термин κώ — με „село", являясь тотемом определенной социальной группировки, как предмет специального культа, некогда было божеством растительной пищи и напитка (греческое κῶ — μος — ‚пир', 'вакхическое веселие'). Однако, тот же состав элементов архетипа этого слова * Kor-mer, но скрещенных в обратном порядке Mer-kor,— это основа имени бога торговли (Mer + cur + i + us)[1]. Греческий двойник Меркурия Her + me + s связывает Средиземноморье и с Кавказом, и с финским севером, и с семитическим югом, где встречаются многообразные разновидности этого социально-культового термина. При этом оказывается, что культовый термин, как надстроечное понятие, меняет свое содержание в зависимости от ступени хозяйственного развития и его природы (божество древесно-питательное, божество охоты, божество земледельческое. Последнее ярко связывается с определенной классовой структурой). То же приходится сказать и о племенных названиях, палеонтологическое толкование которых установило изменчивость их значения в зависимости от ступеней стадиального развития хозяйства, техники, социальной структуры, а с ними и мышления, и о названии главных рек и их притоков. Эти последние названия, и на юге и на севере, все имеют яфетическое происхождение (Дон, Волга).

Возвращаясь далее к толкованию термина «город», акад. Марр утверждает, что в этом термине увязывается торговый пункт и земледельческая ячейка, двор; таким образом, земледелие не исключает торговлю, а, наоборот, связывается с нею. При этом и здесь в изменениях многочисленных разновидностей названия «город», так же, как и в аналогичных изменениях названия рек, племен, божеств и т. д.,—везде яфетидология вскрывает не доисторические, а исторические процессы стадиального изменения социальных формаций во всей их глубине и широте: от изменения в хозяйственно-техническом укладе, через изменение в классовой структуре, вплоть до изменений в системе мышления. Общие легенды о градостроительстве в Армении и на Руси, материально-формальная связь островного изолированного зодчества и его декоративной скульптуры со сродными памятниками яфетического Кавказа; наличие в летописном перечне первых царей древнейшей кимерской Грузии в теофорных именах культовых слов, общих с русскими и украинскими нарицательными,—все это до-история для русских, украинцев, грузин и армян, но это «подлинная история Армении, история халдов или урарту, полная сказочного и в то же время наглядно-зримого строительства не только храмов, дворцов, крепостей, городов, но и путей сообщения, грандиозных водопроводов, соперничающих обилием распределявшихся вод с местными горными реками, превосходя их и количеством и, особенно, качеством подачи во своевременнии». То же приходится сказать и о «до-истории» Персии, о природных иранцах и их предках—яфетидах-шумерах и элемах. Для восточной Европы сейчас имеется особенно огромный материал, накопленный археологами и историками, и здесь все же остается масса открытых вопросов, решить которые можно лишь при помощи яфетидологии. Это вопрос о русах, о норманах, о Чуди. Самая же важная—скифская проблема, связываемая палеонтологическими изысканиями звуковой речи Запада с кельтской проблемой. Эта проблема подлинного мирового исследовательского значения, обставленная при этом исключительно богатым материалом.

В прениях по докладу академика Марра участвовали тт.: Быковский, Рубинштейн, Аптекарь, Мухараджи, Кусикьян, Кушнер и Покровский.

Прения вращались главным образом вокруг вопроса об отношении марксизма к яфетидологии. Тов. Быковский выставил тезис, что «яфетидология—это марксизм в лингвистике». В доказательство приводились два соображения. Прежде всего, что яфетическая теория основывается на данных социально-экономической культуры и, во-вторых, что яфетическая теория «впервые вооружает науку о языке материалистическим критерием правильности заключения». В то время как индо-европеисты, производя свой анализ, постоянно сравнивают форму с формой, суждение с суждением, заключение с заключением, яфетидолог сравнивает свои заключения и проверяет свои выводы фактами социально-экономической культуры. Кроме того тов. Быковский оста-

[2] Это имя признается этрусским по происхождению, хотя оно не специально этрусское, а вообще до-латинское, т. е. яфетическое.

навливается на вопросе о политическом значении яфетидологии. Яфетидологи рассеяли усиленно культивируемую индо-европейстами легенду о происхождении языков и народов путем, грубо выражаясь, «вычитания», т. е. легенду о том, что различные народности и языки откуда-то выделялись, от какого-то мифического пранарода и праязыка. Эта индо-европейская концепция тесно связана с так называемой расовой теорией, которая пытается дать научное обоснование утверждению, что существуют низшие и высшие расы, при чем первые не имеют права самостоятельно творить свою культуру, а ее творят только вторые. Незачем доказывать, что это конкретное воплощение идеологии империализма. «Расовая теория в союзе с индо-европейской лингвистикой выдавала, можно сказать, мандат на эксплоатацию колониальных рабов, национальных меньшинств, полуколониальных народов». Вот в чем сущность старой схемы. Ею дорожили все буржуазные историки и, в частности, русские историки по вопросу о возникновении различных народностей в нашей стране.

Т. Аптекарь затрагивает тот же вопрос о значении яфетидологии для марксизма и, в частности, для историков-марксистов. Казалось бы, историк-марксист, который вынужден в ряду других вспомогательных наук прибегать и к лингвистике, в этой области тоже должен был бы применять метод диалектического материализма. Между тем на практике существует диаметрально-противоположное явление. Случается сплошь да рядом, что вполне выдержанные исследователи-марксисты, люди, знание которых в отношении диалектического материализма не подлежит ни малейшему сомнению, там, где им приходится иметь дело с данными лингвистики, оперируют совершенно недопустимыми, бьющими в глаза идеалистическими методами.

Это обстоятельство в глазах подлинного историка-марксиста придает яфетидологии, с ее диалектическо-материалистическим методом, особое значение. Тов. Аптекарь не согласен с утверждением, что яфетидология—это марксизм в лингвистике. В данном случае речь может итти пока еще не о полном марксизме, а о стихийной тяге к диалектическому и материалистическому пониманию языка. Акад. Марр совершенно правильно указал, что он не марксист. Это в особенности следует подчеркнуть сейчас, когда чрезвычайно лестно носить это звание и когда очень многие, ничего общего с марксизмом не имеющие, широко злоупотребляют этим термином. Однако, акад. Марр быстро идет к марксизму, отправляясь при этом исключительно от языковых материалов. Поэтому совершенно напрасно некоторые приверженцы яфетической теории пытаются создать какую-то особую м е т о д о л о г и ю «марризма», противопоставляя ее марксизму.

Кроме этих общих соображений о значении яфетидологии для марксизма, в прениях приводились примеры конкретных исторических проблем, а также проблем генетической социологии, в которых яфетидология оказывает неоценимые услуги социологам и историкам-марксистам.

В частности, т. Кусикьян говорил о применении яфетической теории к социальной истории армянского феодализма, тов. Рубинштейн—к истории хазаров, а т. Быковский—к проблеме киммеров, которые являются одними из предков восточных славян. Тов. Кушнер обратил внимание на значение яфетидологии для целого ряда проблем генетической социологии: о происхождении матриархата, тотемизма, о происхождении основных промыслов человека—скотоводства и земледелия и, наконец, о происхождении классов. Тов. Кушнер считает, что этот последний вопрос для яфетидологии в данной стадии ее развития—один из важнейших. Однако, приходится признать, что в выступлении акад. Марра понятие класса не вполне определено. «Классовая борьба и самое понятие классовой диференциации относится ко временам слишком отдаленным, чуть ли не к первобытным, и, наконец, они так широко трактуются, что мы в конце-концов должны будем или несколько уточнить это понятие, или попросить у референта дополнительно каких-то доказательств, что действительно в те времена, к которым он относит понятие классов, последние существовали». Тов. Кушнер считает, что анализ слова «Посейдон», состоящего из трех частей, из которых каждая является абстрактным названием воды, может привести к заключению не о наличии классовой диференциации, а о слиянии нескольких бесклассовых племен, образовавших новое бесклассовое общество, в котором слились все языковые материалы, имевшиеся у каждой отдельной группы.

В конце прений по докладу акад. Марра выступил тов. Покровский, который прежде всего остановился на вопросе о взаимоотношении научной теории и

практики. Тов. Покровский утверждает, что путь акад. Марра—правильный путь. Он идет от фактов к теории, а не наоборот. Это путь, которым шли Маркс, Энгельс, Ленин. Они все тщательнейшим образом всю жизнь изучали факты, проверяя на них теорию. Но, конечно, тот стихийный путь, которым идет акад. Марр, должен освещаться теорией, поскольку она у нас есть. «Странная вещь, носить в кармане великолепную электрическую лампу и не пускать ее в ход, а итти ощупью в потемках». Но этой самой лампой нужно что-то освещать. И вот здесь обнаруживается, какое колоссальное значение имеет то, что называют «научной техникой». Надо надеяться, что весь тот запас специальных лингвистических знаний, которые акад. Марр накоплял в течение сорока лет, его последователи накопят гораздо скорее—в четыре-пять лет, ибо, имея теорию, итти вперед гораздо легче. Тов. Покровский видит главную заслугу акад. Марра в том, что он связал язык с производством и сделал это гораздо последовательнее, чем это до него делалось адептами теории Нуаре. В заключение тов. Покровский обратил внимание на тот факт, что академик Марр не случайно оказывается в среде марксистов. «Он не был активным участником революционного движения и поэтому не вобрал в свое сознание фактов, наиболее ценных для историка-обществоведа, фактов непосредственной классовой борьбы... Но акад. Марр близко наблюдал революцию 1905 г. на своей родине, в Грузии. Он написал интересную книгу и в этой книге уже тогда (в 1907 году!) высказал свое полное сочувствие большевикам, а не меньшевикам и не какой-либо др. партии.

Следующий доклад был прочтен тов. Аптекарем на тему «Марксизм и этногеография». Этот доклад было посвящен критическому разбору одной из новейших буржуазных теорий общества, автором которой является профессор Тан-Богораз,—так называемой «этногеографии». Проблемы развития общественных форм в настоящее время являются одним из самых оживленных участков борьбы марксистской исторической науки с идеализмом и вульгарно-материалистическим пониманием истории. Воинствующему марксизму приходится иметь дело не только с открытыми противниками, но и с попытками эклектического примирения материалистической диалектики с формально - метафизической методологией истории.

Особенно опасным врагом марксизма являются различные этнологические теории—«суррогаты буржуазного обществоведения». Опасность этих теорий возрастает от того, что многие марксисты-историки не только не ведут борьбу с этими теориями, но сами выступают их защитниками и пропагандистами. Докладчик относит «этногеографию» к числу самых неудачных попыток «сочинительства новых буржуазных теорий». Подробно останавливаясь на главнейших моментах этой новой «науки», докладчик утверждает, что с марксистской точки зрения «этногеография», пытающаяся исследовать историю культуры, как равнодействующую трех факторов—географического, этнологического (включая сюда и антропологический) и экономического, а фактически чисто механически об'единяя разрозненные данные различных дисциплин,—сводится к эклектическому сращиванию разнообразных этнологических теорий с модернизированной географической теорией прогресса. Тов. Аптекарь доказывает всю вульгарность попыток проф. Тана-Богораза использовать некоторые элементы материалистического понимания истории, а также применить диалектический метод к изучению этнографических явлений.

Докладчик обращает внимание на то, что проф. Тан-Богораз со своею «методологией» и попыткой обосновать свою собственную «этногеографическую систему» не остается одиноким, а имеет последователей и продолжателей, так что речь в настоящее время должна итти не о сепаратном выступлении, а о целой школе. В частности, продолжателем проф. Тана-Богораза является З. Е. Черняков, работа которого «Социология в наши дни» углубляет некоторые пункты теории проф. Тана-Богораза. Черняков строит всемирную историю, понимаемую им как равнодействующую диалектического развития человечества в пространстве и во времени, на социологических и этногеографических основах. При этом диалектическое развитие в пространстве рассматривается как миграция человеческих масс и диалектика географической среды. Эклектическая похлебка Чернякова носит столь же сборный характер, как и у Тана-Богораза. С учением Маркса Черняков об'единяет проблемы диффузии, рефракции и поляризации культур, а также целый ряд других абсолютно не диалектических и не материалистических взглядов. Докладчик особо подчеркивает, что несмотря на очевидную антинаучность «трудов» проф. Тана-Бого-

раза и его ученика З. Е. Чернякова, книги их выходят с поощрительными предисловиями историков-марксистов (Н. Рожкова и С. Ковалева), которые хотя и обращают внимание на различные недостатки рекламируемых ими авторов, но в то же время говорят об исключительном интересе, оригинальноности, своевременности и близости к марксизму этих книг. Докладчик квалифицирует подобные выступления марксистов как совершенно недопустимое попустительство и примиренчество. В заключение тов. Аптекарь призывает не ограничивать борьбу с этногеографией и другими антимарксистскими построениями одною отрицательною критикой, но нанести решительный удар положительной, ортодоксальной марксистской исследовательской работой в тех областях, где до сих пор марксизм почти не находил себе применения: в области археологии, антропологии, лингвистики и так называемой этнологии.

В прениях по докладу тов. Аптекаря принимали участие тт. Толстов, Феноменов, Быковский, Никольский и Дмитриев. По существу доклада никто из выступающих не оспаривал правильности суровой критики, данной докладчиком по отношению к «этногеографии». Был зато поставлен вопрос о праве этнологии на самостоятельное существование в качестве отдельной науки. В данном вопросе обнаружилось в среде выступавших резкое противоречие. Наиболее полярное точки зрения были заняты, с одной стороны, тов. Толстовым, а с другой—докладчиком, с которым вполне солидаризировались тт. Быковский и Дмитриев. Тов. Толстов утверждал, что «этнология—это не есть социология, и называть этнологию теоретической наукой никак нельзя». Защищая право этнологии на самостоятельное существование, тов. Толстов утверждает, что этнология занимает свое законное место в ряду марксистских наук так же, как и языкознание, которое в конце-концов является частью этнологии. Начав с признания правильности критики Тана-Богораза, данной в докладе, тов. Толстов в конце-концов приходит к выводу, что если «переставить книгу проф. Тана-Богораза с головы на ноги, то из нее можно было бы извлечь много очень полезного и ценного, в смысле расшифрования истории развития человеческих обществ по территории земного шара». Наиболее четкая критика утверждений тов. Толстова была дана тов. Быковским, который доказал немарксистский характер постановки вопроса о существовании наук теоретических и нетеоретических, напоминая, что это типичная буржуазная точка зрения. Те дисциплины, которые имеют дело с большим количеством описательного материала, должны ставить перед собою задачи не только описывать явления, но и об'яснять их, т. е. устанавливать определенную закономерность. Уже одно это показывает всю абсурдность разграничения теоретических и нетеоретических наук.

Следующим докладом по социологической секции шел доклад тов. Лукачевского на тему «К вопросу об изучении социальных корней религиозности в СССР».

Историки-марксисты до сего времени обращали очень мало внимания на такие проблемы, как развитие религиозной идеологии в переходный период, участие православной церкви и других религиозных организаций в гражданской войне и т. д. Изучение вопросов, связанных с развитием религиозной идеологии, на фактах живой истории современности может дать помимо непосредственного фактического материала ценнейшие указания в области методологии истории религии.

Обращая внимание на исключительное политическое значение темы своего доклада, тов. Лукачевский указывает, что методология изучения социальных корней религии пока-что еще совершенно не изучена, хотя практики-антирелигиозники уже давно осознали полнейшую необходимость разработать эту методологию. Общая формулировка по вопросу о социальных корнях религии в переходный период дана в тезисах об антирелигиозной пропаганде, принятых партийным совещанием при ЦК ВКП(б) в 1926 году. Но эта формулировка, основанная на отдельных высказываниях Маркса, Энгельса и Ленина, содержит лишь общие положения, которые необходимо проверить на основе фактического материала. Огромное методологическое значение имеет вопрос о критерии религиозности. Этот вопрос, значительный сам по себе, особенно существенен в нашу переходную эпоху. Так например, ошибочно было бы считать, что факт закрытия церквей во всех случаях может считаться признаком растущего неверия, так как во время кампании за закрытие той или другой церкви сектантские проповедники на своих собраниях нередко агитируют за закрытие церквей. Докладчик обращает далее внимание на часто наблю-

дающееся смешение вопросов о социальных корнях религии и о классовом ее использовании. Суть вопроса в том, чтобы выяснить, благодаря каким причинам социально-экономического и идеологического порядка служители культа могут использовать религию в интересах классовых групп, враждебных капиталистическому строительству. Иллюстрируя свои мысли фактическим материалом, докладчик доказывает, что социальные корни религии бывших господствующих классов и части интеллигенции, не примкнувшей к социалистическому строительству, лежат в их политическом поражении и в стремлении использовать религию и религиозные организации в целях контрреволюции. Переходя к вопросу о социальных корнях религиозности в среде бедняцких и середняцких масс крестьянства, а также в среде пролетариата, тов. Лукачевский высказывает мысль, что рост сектанства, который кстати сказать, гораздо меньше, чем о нем принято писать в наших газетах, отнюдь не означает, что религиозность в этих социальных прослойках вообще растет. Кадры сектантов пополняются не за счет безбожников, а за счет старых религий (православия, иудейства, мусульманства и т. д.) .

Распространение сектанства—это своеобразная реформация. Сектанты делают то, что оказалось бессильным выполнить православное обновленчество.

Доклад тов. Лукачевского вызвал оживленный обмен мнений. Выступали тт. Хенок, Альтшулер, Витковский, Корбут, Урсынович, Гатуев, Беркова и Виноградов. Серьезных принципиальных возражений против доклада никто не выставил. Большинство выступавших дополняли и уточняли отдельные положения докладчика, при чем было сообщено много фактического материала, иллюстрирующего религиозную жизнь различных социальных группировок и национальностей нашего Союза. Тов. Гатуев дал интересный материал об учении тариката в Дагестане, т. Урсынович остановился на распространенности различных форм шаманизма, а т. Корбут сообщил целый ряд данных о положении религии и ее социальных корнях среди народов Волжско-камского края. В упрек докладчику ставилось, что он, довольно подробно разработав вопрос о социальных корнях религиозности в кругах интеллигенции, уделил слишком мало внимания социальным корням религиозности в рабочем классе и в среде бедняцких и середняцких элементов деревни, а также у национальных меньшинств. Указывалось, что проблема изучения социальных корней религиозности уже давно назрела и что сейчас необходимо произвести большую работу по систематизации огромного накопившегося фактического материала, после чего можно будет сделать обобщающие выводы, одинаково важные и для практической антирелигиозной деятельности и для научной разработки проблем религии.

Теме «протонеолит» был посвящен доклад проф. В. К. Никольского. Докладчик начинает с описания серии археологических находок, соединяемых им в одну эпоху—протонеолит. Этот термин имеет преимущество перед употребляемым некоторыми авторами термином «мезеолит», т. к. в нем подчеркиваются новые явления в эпохе, роднящие ее со следующей эпохой—неолитом. Докладчик подробно останавливается на итогах археологических раскопок Эд. Пьетта в пещере Масс-Д'Азиль на юге Франции, на французских же раскопках в Кампании и на раскопках в Маллемозе в Дании. Внеевропейские археологические находки подтверждают наличие вполне обособленной эпохи — протонеолит — для Азии, Египта, отчасти северной Африки, для Индокитая. Затем докладчик кратко останавливается на геологическом аспекте эпохи: она почти целиком падает на последниковую стадию, и конец ее приблизительно можно отнести ко времени за 6000 лет до христианского летосчисления.

В центре доклада стояло сопоставление археологических и этнографических данных. Докладчик считает, что протонеолит вполне подтверждается укладом жизни австралийцев, которых нужно связать с азильской культурой. Затем культура протонеолита в большей или меньшей степени обнаруживается среди целого ряда современных примитивных народностей: в Африке—у пигмеев и бушменов, на Филиппинских островах—у негритосов, у австралийцев, у тасманийцев, в Северной Америке—у некоторых племен калифорнских индейцев, у некоторых племен огнеземельцев, среди которых особенно интересно племя «она», наконец, у гуаяков, из Парагвая. Хозяйственный быт всех этих народностей изучен сравнительно очень слабо, но все же целый ряд данных позволяет сближать их культуру с культурой протонеолита.

Переходя к анализу протонеолита в свете лингвистики, докладчик констати-

рует, что языковый материал наименее культурных племен изучен чрезвычайно недостаточно. Сейчас можно проводить сравнение лишь словарного материала, оставляя в стороне наиболее важные стороны языка—фонетику и морфологию. Однако и тот далеко недостаточный материал, который можно почерпнуть из данных современной лингвистики, подтверждает правильность выводов о наличии особой культуры протонеолита.

В заключение докладчик, суммируя разрозненные данные археологии, этнографии и лингвистики, дает общую характеристику протонеолита как социально-экономической формации, основными признаками которой являются: присваивающее хозяйство, переходящее в производящее, постепенное оседание, обусловленное появлением устойчивого прибавочного продукта, зачатки скотоводства и мотыжного земледелия, при чем значение последнего имеет тенденцию к возрастанию; в области общественной организации — распад группового брака, появление индивидуальной семьи, а также большой семьи, и первые признаки оформления родовой организации.

Все выступающие в прениях по докладу В. К. Никольского (тт. Дмитриев, Милонов, Кушнер, Удальцов и Лозовик) останавливались главным образом на методологической стороне доклада. Тов. Дмитриев критикует комплексную систему, которая лежит в основе исследований проф. Никольского, и подчеркивает, что марксистские элементы в докладе проф. Никольского искусственно связываются с основным методом исследования — комплексной системой, построенной на чрезвычайно шатких основаниях. Тов. Дмитриев считает большим недостатком доклада неиспользование данных яфетидологии. Тов. Милонов упрекает докладчика в том, что он находится в плену у археологии и слишком мало использовал метод пережитков. Это же обстоятельство было отмечено выступлением тов. Кушнера. По его мнению попытка докладчика рассматривать протонеолит как самостоятельную социологическую эпоху не увенчалась успехом. Тов. Кушнер утверждает, что факты, приводимые докладчиком, не дают оснований отождествлять обычаи современных примитивных народностей с эпохой протонеолита. У австралийцев кроме примитивных орудий находятся и более совершенные. Достаточно указать на бумеранг, выделка которого требует точного, почти материального расчета. Хозяйственная жизнь австралийцев стоит на гораздо более высокой ступени, чем хозяйственное развитие эпохи европейского протонеолита, и речь может итти лишь об известной аналогии, но во всяком случае не о полном отождествлении. Тов. Удальцов также считает неудачной попытку сконструировать особую общественную формацию—протонеолит. Для марксистов, когда речь идет о первобытной эпохе, чрезвычайно интересным является вопрос о первобытном коммунизме. В докладе же этот вопрос даже не был поставлен. По мнению тов. Удальцова, доклад проф. Никольского показывает, что в области этнологии марксистский метод делает лишь первые, робкие шаги.

Доклад, прочитанный проф. Г. Я. Натадзе был посвящен теме: «Опыт применения краеведческого подхода в специальных исторических исследованиях».

Докладчик считает, что в настоящее время традиционная вера буржуазных ученых в прочность их понимания законов исторического процесса поколебалась. Сейчас вполне обнаружилась слабость «об'ективного метода» исследования, как он понимался до сих пор, и необходимость классового подхода к историческим явлением. Здесь помимо обычных методов исследования очень поможет краеведческий метод. Докладчик иллюстрирует применение этого метода на исследовании села Каспи. Исторические данные об этом селе очень скудны, краеведческое же исследование его в значительной мере восполняет тот пробел, который имелся в работах историков Грузии, оперировавших только старыми методами. Применение краеведческого метода на этом частном примере имеет большое значение для древнейшего периода истории Грузии. Полученные выводы дают ключ к пониманию ее хозяйства, первичного классового расслоения, образования государства. Они выясняют также, какое важное значение имели для Грузии в течение всей ее истории долины рек Куры и Риона.

В прениях по докладу тов. Натадзе участвовали: тт. Галузо, Циташвили, Шестаков, Мансуров, Феноменов и Аптекарь. Большинство выступавших склонялось к мысли, что краеведение—это далеко не новый метод, а довольно старое течение, связанное при этом с буржуазным национализмом. С другой стороны обращалось внимание, что докладчик не внес в применение этого метода

ничего специфически-марксистского. Краеведческое исследование может и должно иметь место, но оно должно быть подчинено общим законам марксистской методологии.

Последним докладом на конференции по социологической секции стоял доклад тов. Рохкина на тему: «Генезис исторических взглядов Маркса». Докладчик доказывал, что в марксистской исторической литературе приходится наблюдать почти полное отсутствие работ по западно-европейской историографии. В то же время он выступал с критикой некоторых попыток буржуазной науки установить связь между марксизмом и домарксистской исторической наукой. По мнению докладчика, до сего времени обращали очень много внимания на связь марксизма с различными социалистическими и философскими системами; историческая же литература в собственном смысле этого слова совершенно игнорировалась, если не считать работ Плеханова об историках реставрации. В настоящее время эти работы совершенно недостаточны. Необходимо привлечь английскую и немецкую литературу первой половины XIX столетия. Докладчик обращает далее внимание на тот глубокий кризис, который переживается в настоящее время буржуазной исторической наукой. Для доказательства этого положения докладчик ссылается на ряд работ, останавливаясь подробнее на книге Трёльча «Der Historismus und seine Probleme», в которой «дается прекрасное об'яснение, в чем причина кризиса современной буржуазной исторической науки». Во второй части своего доклада тов. Рохкин остановился на работах Белова, который пытается установить связь между марксизмом и историко-хозяйственной литературой Германии первой половины XIX века. По мнению докладчика, эта попытка разрешается хотя и неудовлетворительно, но методологически постановка вопроса сделана вполне правильно.

По докладу тов. Рохкина выступили тт. Дитякин и Горев. Тов. Дитякин доказывал, что доклад построен крайне поверхностно. Затрагивая в высшей степени важную тему, он разрешает ее далеко неудовлетворительно. Докладчик взял наудачу несколько работ западно-европейских историографов и, скомбинировав некоторые выводы из них, этим ограничил свою работу над темой. Между тем самый выбор работ Белова и Трёльча произволен. Оба эти автора наименее опасны для марксизма, ибо они с полной ясностью от него отмежевываются. Гораздо опаснее те авторы, антимарксистское направление которых завуалировано внешней благожелательностью (например, Сэ). Затем ни в коем случае нельзя игнорировать работы реформистов (Каутского и др.). Никак нельзя согласиться с докладчиком и в его утверждении о почти полном отсутствии марксистских работ по западно-европейской историографии. Это утверждение игнорирует ценнейшие работы Рязанова и Меринга.

Тов. Горев, присоединяясь к общей оценке, данной Дитякиным, и считая его жестокую критику совершенно справедливой, сделал целый ряд указаний о тех источниках, из которых можно черпать данные для разрешения вопроса о генезисе исторических взглядов Маркса. В частности, сами Маркс и Энгельс дают на этот счет очень много указаний. В области исторической нужно сделать то же, что было сделано в области экономической: необходимо проследить все ссылки на исторические работы, которые разбросаны в различных трудах Маркса и Энгельса. Кроме того т. Горев считает необходимым обращать внимание и на тех историков, на которых у Маркса и Энгельса нет ссылок, хотя эти историки бесспорно должны были оказать влияние на выработку исторических взглядов основоположников марксизма. К числу таких историков т. Горев в первую очередь относит Луи Блана.

Х Р О Н И К А

В БЕЛОМ СТАНЕ

ОБЗОР БЕЛОЙ ЭМИГРАНТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПО ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ ЗА 1928 ГОД

Когда к концу 1920 года Красная армия ликвидировала главнейшие фронты гражданской войны и освободила почти всю территорию, бывшую под властью белых правительств, за пределами Советской страны оказались огромные массы «бывших людей»—политических и военных руководителей белого движения. Десятки и сотни членов многочисленных правительств, главнокомандующие белыми армиями и их ближайшие сподвижники, лидеры политических партий от «государственномыслящих социалистов» до махровых монархистов, руководители всевозможных об'единений землевладельцев, банкиров и торгово-промышленной буржуазии, целая армия журналистов и всяких политических деятелей мелкого калибра, наконец, всевозможные вожди «самостийных» группировок и течений,—вся эта многотысячная масса активной эмиграции оказалась не у дел. Первое время они проявляли огромную суетливую энергию и с целью оживить разгромленное белое движение оббивали пороги министерских канцелярий дружественных, союзных держав. Эта хлопотливая деятельность отнимала много времени, но оставался еще известный досуг, который можно было использовать на литературную деятельность.

В Париже, в Праге, в Берлине, в Константинополе—в этих главнейших центрах эмиграции—в первые годы после окончания гражданской войны стали издаваться в огромном количестве всевозможные книги, посвященные гражданской войне. На 90% это были мемуары, остальная часть представляла собою публикацию документов и лишь в единичных случаях можно говорить о работах, претендующих на «научный характер». Бесспорно, известная часть этой литературы представляет очень важный источник для всякого, кто приступает к изучению гражданской войны. Неудивительно поэтому, что первые наши работы по гражданской войне в значительной степени базировались на этой зарубежной литературе. С течением времени пользование этим источником все больше утрачивало свое значение. Наши исследователи обращаются уже не к белогвардейским мемуарам, а к архивным фондам. Есть все основания предполагать, что и в дальнейшем роль белогвардейской литературы будет все больше и больше падать. Это предположение тем более справедливо, что сама белогвардейская историческая литература по гражданской войне давно пережила свой «золотой век» и сейчас находится в состоянии безнадежного упадка.

Вместо многих десятков книг, которые выходили ежегодно в былое время, в 1928 году появилось всего 5—6 книжек, посвященных гражданской войне. Из старых периодических и непериодических сборников, частично или полностью посвященных гражданской войне, в 1928 году влачил свое существование только «Архив русской революции» Гессена. Он дал за весь год одну лишь книжку (т. XIX), в которой, однако, нет ни одной статьи по гражданской войне и которая почти полностью посвящена «изображению» условий жизни «под игом большевиков». Зато обильной оказалась деятельность молодого издательского предприятия—«Белого дела». Этот сборник, с изданием которого связаны столь громкие имена, как бар. П. Н. Врангель, герцог Г. Н. Лейхтенбергский и светлейший князь А. П. Ливен—начал выходить только в 1926 г. В 1928 году вышло три книги «Белого дела». В IV томе известный интерес представляют материалы, посвященные Северной области. Это прежде всего статья авантюриста капитана Чаплина. Он откровенно рассказывает, как в мае 1918 г. им было получено задание из английского посольства организовать свержение советской власти в Архангельске. «Народный» характер архангельского переворота 2/VIII-1918 г. явствует из признания самого Чаплина: перед ним

была поставлена задача захватить город, «в котором ни он сам, и никто из членов его организации до того не бывал, в котором никто никого не знал и в котором обстановка и настроение населения были совершенно неизвестны». Это случайно оброненное признание особенно интересно, так как в другом месте, рассказывая о втором перевороте, когда Чаплин арестовал весь состав эсеровского архангельского правительства, он пытается уверить читателя, что этот путч был проведен исключительно по его инициативе и даже вопреки желаньям союзного командования и дипломатического представительства. Вздорность этой басни очевидна, также как очевиден и ее смысл: во что бы то ни стало доказать, что и на севере белое движение было совершенно «независимо» от союзников и только пользовалось их поддержкой. Наконец, еще одно признание Чаплина, которое должно быть поставлено в этом же ряду. Он рассказывает, что послы, перебравшись из Вологды в Архангельск и войдя с ним в связь, «потребовали сформирования настоящего правительства с министрами и прочими атрибутами, с которыми (с министрами?— *А. Г.)* они могли бы сноситься по всем правилам дипломатического искусства и, конечно, правительства сугубо демократического». Таким образом концепция Чаплина и ему подобных оказывается в конечном счете неизменно совпадающей со стремлением союзников доказать перед лицом «общественного мнения», что они не насиловали воли русского народа и лишь помогали ему, считаясь с просьбами «законных» и к тому же «демократических» правительств.

Наряду со статьей Чаплина идет статья генерала Миллера, который одно время (после ухода Чайковского) стоял во главе северного правительства. Миллер особенно рьяно старается доказать «независимость» добровольческого движения на севере. Он даже находит в себе мужество обвинять англичан в недостаточно энергичной поддержке и в излишнем форсировании эвакуации. По словам Миллера, когда англичане решили вывести свои войска из области, «все было пущено в ход для того, чтобы создать паническое настроение в войсках и в населении и этим заставить правительство и военную власть стать на английскую точку зрения». Попутно Миллер рассказывает, что когда эвакуация союзных войск из области стала совершившимся фактом, он созвал совещание высших военных начальников, которые дружно в один голос высказывались за полную невозможность оставаться белым войскам в области после ухода союзников. Таким образом для военных руководителей движения было совершенно очевидно, что они беспомощны в борьбе с советской властью при отсутствии непосредственного участия в этой борьбе со стороны союзников.

К статье Миллера приложено несколько документов. Это коллекция первых постановлений Верховного управления Северной области, которое «во имя спасения родины и завоевания революции» (такими словами начинались все постановления Верховного управления) вводило новые «демократические» порядки в области. Здесь же помещены кое-какие постановления о конструкции правительственной власти. Подавляющее большинство этих документов ранее было уже опубликовано.

Из других материалов в IV томе «Белого дела» заслуживает внимания «Памятная записка о крымской эвакуации 1920 года», составленная генералом Шатиловым. Хотя записка и написана с целью доказать, что это была еще «невиданная в истории эвакуация», и преисполнена поэтому духом казенного благополучия, в ней все же можно найти кое-какие новые детали для выяснения картины последних моментов ликвидации врангелевщины.

V и VI томы целиком посвящены запискам барона Врангеля, которые охватывают промежуток времени от «развала армии» в 1916 году до конца 1920 г. От этих записок можно было бы ждать многого, так как их автор в период деникинщины занимал ряд ответственных постов в белой армии, а затем после разгрома Деникина сменил его на посту руководителя белого движения на юге России. Как известно, между Деникиным и Врангелем происходила непрестанная борьба. Деникин рисует Врангеля как карьериста, готового на все ради достижения намеченной цели. И действительно, Врангель был мастером интриги. Уже во время корниловского выступления он пытался выдвинуться на руководящие посты контрреволюционного движения. Потом он неоднократно возобновлял эти попытки и неизменно стремился к власти. В первой части своих записок Врангель изобличает Деникина в бездарности, в непростительных стратегических ошибках, в полном неумении руководить большими военными операциями, в малодушии, коварстве и т. д. Попутно Врангель ри-

сует картину полного развала белой армии в конце 1919 года. Но это уже знакомая картина и нового в ней в описании Врангеля ничего не найти.

В распоряжении Врангеля очевидно был богатый архив. Он чередует изложение событий с постоянным цитированием документов. Большинство из них, однако, уже ранее было опубликовано (например, у Дрейера—«Крестный путь во имя родины»—и у других авторов), но есть и новые публикации.

Врангель особенно подробно останавливается на знаменитой расправе с самостийной Кубанской радой. По словам Врангеля в его первоначальную задачу входило только добиться изменения конституции Кубани в сторону искоренения излишней ее самостийности, и лишь по дороге в Екатеринодар он из телеграммы Деникина узнал об «измене» Калабухова, Быча и др.: о договоре правительства Кубани с меджилисом горских народов, по которому казачьи войска Северного Кавказа передавались в распоряжение меджилиса. Эта «измена» и привела к виселице Калабухова. Любопытная деталь: во время споров с представителями Рады о новой конституции для Кубани очень существенным был пункт о праве кубанского войска на получение «определенной части военной добычи, захваченной кавказской армией» (кубанцы входили в состав кавказской армии).

Больший интерес представляет вторая часть записок Врангеля, посвященная крымскому периоду. Здесь запись ведется изо дня в день на протяжении всего периода от вступления Врангеля на пост командующего «вооруженными силами юга России» до эвакуации Крыма. Записки почти целиком в этой части посвящены описанию военных предприятий и в этом смысле для военного историка представляют большой интерес. Гораздо скупее Врангель на слова, когда говорит о внутреннем положении своего «государства» и особенно о внешней его политике. Только земельной реформе отведена большая глава. С этой реформой, вообще, в свое время очень много носились, и белая печать изображала Врангеля великим государственным мудрецом, блестяще разрешившим труднейшую политическую проблему. Сам Врангель, естественно, затушевывает классовый смысл своей земельной реформы и старается доказать, что он был выше партийных и классовых интересов и стремился отмежеваться одинаково как от посягательств на реформу справа, откуда раздавались голоса о «ненарушимости священного права собственности», так и слева, откуда поговаривали «чуть ли не об оставлении порядков, введенных большевиками». Между тем, врангелевская земельная реформа была в первую очередь попыткой реставрировать помещичье землевладение и в данном случае Врангель мало чем отличался от своего предшественника.

То же приходится сказать и по другому поводу, по вопросу о взаимоотношении с казачьими «государственными образованиями» на юге России. Врангель пытается доказать, что ему удалось сказать здесь какое-то «новое слово» и отрешиться от непримиримой политики Деникина по отношению казаков. Он подчеркивает значение политического договора, заключенного им с представителями Дона, Кубани, Терека и Астрахани. По этому соглашению от 22 июля (4 августа) за «государственными образованиями Дона, Кубани, Терека и Астрахани обеспечивается их полная независимость в их внутреннем устройстве и управлении», но дальнейшие пункты соглашения говорят об очень незавидной «самостоятельности» казачьих «государств». За главнокомандующим русской армией сохраняется вся полнота власти над вооруженными силами казачьих государств, «как в оперативном отношении, так и по принципиальным вопросам организации армии». Кроме того, за военным командованием сохраняется исключительное право эмиссии при единой денежной системе, полное распоряжение железными дорогами и телеграфной сетью, исключительное право сношений с иностранными правительствами и т. д. Но самая соль соглашения была не в этих пунктах «государственного порядка», а в обязательстве казачьих «государств» снабжать русскую армию всем необходимым по особой разверстке.

Таким образом и для Врангеля, также как и для Деникина, казачество было не больше чем резервуаром живой силы для армии и базой для ее снабжения. Все же разговоры о «самостийности» и государственной независимости были всего лишь политическим маневром для лучшего околпачивания казачьих масс. Если Врангель в данном случае и сказал какое-нибудь новое слово, то лишь в том смысле, что эту игру он вел более искусно, чем его предшественник.

Кроме «Белого дела» сколько-нибудь значительный материал по гражданской войне мы находим лишь в пражском эсеровском ежемесячнике «Воля Рос-

сии». Два двойных номера этого журнала (8—9 и 10—11) почти целиком посвящены «волжско-антибольшевистскому движению в 1918 году» (в связи с десятилетним юбилеем этого движения). Здесь на страницах демократического эсеровского журнала мы находим точно ту же концепцию, что и в монархическом «Белом деле». Главная задача «Воли России» доказать, что движение, связанное с именем Комуча, было чисто русским национальным делом и что участие в этом предприятии чехо-словаков было незначительным и совершенно случайным. Правда, полковник Чечек— главнокомандующий восточным фронтом, был чех, но его пригласили только как военного «спеца» и он не имел никаких прав вмешиваться во внутреннюю жизнь владений Комуча. Правда, что чехи принимали самое активное участие во всех операциях на Волге, но делали они это наряду с «народной армией», которая только одна и добилась побед над Красной армией. Но все это очень плохо вяжется с цифровыми данными о количестве чехо-словацких войск, оперировавших на волжском фронте, и войск «народной армии». Даже по сведениям, которые можно почерпнуть из статей «Воли России», явствует, что основное ядро составляли именно чехословацкие легионы. Чувствуя слабость своих позиций в этом направлении, все авторы статей с полным единодушием развивают другую давно затасканную мысль, что, дескать, и эсеры из Учредительного собрания, создававшие на Волге «народную армию», и чехо-словаки об'единялись общим стремлением образовать фронт не только — и даже не столько — противобольшевистский, сколько противогерманский.

Историческая ценность подавляющего большинства юбилейных статей «Воли России» мизерна, даже с точки зрения восстановления внешней фактической стороны волжского эпизода гражданской войны. Известное значение имеют лишь статьи С. Николаева: «Возникновение и организация Комуча» и В. И. Лебедева—выдержки из его архива. В первой из этих статей сжато изложена справка о составе и организационной структуре правительства Комуча с подробным переименованием всех «министров» и с приложением списка всех членов Учредительного собрания, вошедших в Комуч (на 1 октября 1918 г.). Иного характера вторая статья. Это обширная публикация дневника, текст которого чередуется с документами. Отдельные документы бесспорно представляют интерс. Это выдержки из доклада полковника генерального штаба Акинтиевского, содержащие подробные сведения о военном плане Каппеля, записи разговоров по прямому проводу между главнейшими военными и гражданскими руководителями Комуча в связи с наступлением на Казань, «записка о ближайших задачах, стоящих на очереди в связи с возобновлением войны с Германией», проект соглашения между Уральским казачьим войском и Поволжской областной организацией партии эсеров. Все эти публикации могут служить ценным материалом для историка демократической контрреволюции на Волге. Остальные статьи, хотя они и принадлежат И. Брушвиту, И. Нестерову и другим виднейшим руководителям Комуча, могут быть смело обойдены молчанием.

Из отдельных книг по гражданской войне, вышедших в 1928 году, заслуживает некоторого внимания Драгомирецкий В. С.—«Чехо-словаки в России в 1914—1920 году». Эта книжка прежде всего интересна своей библиографией чешских книг по данному вопросу, а затем и кое-какими фактами из чехословацкой эпопеи в Сибири. Автор хочет доказать, что чехо-словаки стремились на родину, а большевики этому мешали. Чехо-словаки вынуждены были сопротивляться и только поэтому дело дошло до их вооруженного выступления. Попутно чехи стремились возобновить противонемецкий фронт. Все эти басни, которым никто и нигде давно уже не верит, вновь пересказываются с чрезвычайно серьезным видом. Одновременно Драгомирецкий пытается опровергнуть «ложные обвинения», которые выдвигались в свое время из белого лагеря против чехо-словаков. Он полемизирует с Сахаровым, который в известной книжке «Белая Сибирь» упрекал чехов в том, что они ничего не дали «доблестному добровольческому движению» и что трусливые и руководимые фармацевтами (Гайда) и коммивояжерами (Ян Сыровой) они скорее вредили, чем помогали белому делу. В этой полемике Драгомирецкий, конечно, прав: без чехословаков, которые по существу были первым отрядом интервентов, сибирская контрреволюция не могла бы развернуться так широко, как это имело место в действительности.

Укажем в заключение на одну мелкую книжку ген.-майора Б. Штейфон— «Кризис добровольчества». Здесь описывается поход на Москву и разложе-

ние армии Май-Маевского, который прославился своим пьяным разгулом, столь типичным для верхов Деникинской армии. В книге можно найти кое-какие поверхностные зарисовки жизни добровольческих штабов и войсковых частей [1].

А. Гуковский

ИЗ ЭМИГРАНТСКИХ ЖУРНАЛОВ

С прекращением гражданской войны внутри СССР и исчезновением надежд на возвращение домой, российская эмиграция волей-неволей вынуждена была осмотреться на новых местах и попытаться приспособиться к своему эмигрантскому положению. И оказавшиеся в лагере контрреволюции русские ученые пробуют обосноваться в европейских центрах эмиграции—Берлине, Праге, Париже—и наладить издательскую деятельность. С 1922 года начинают появляться эмигрантские научные журналы, среди которых значительное место в смысле количества и долговечности занимают издания, посвященные историческим вопросам. Принимая во внимание, что среди белоэмигрантов находится не малое число довольно видных ученых старой России, с одной стороны, и бывших деятелей революционного движения, особенно эсеровского крыла,—с другой, мы вправе были бы ожидать от этих изданий и интересных, пусть методологически и неприемлемых, исследований, и ценных материалов по истории революционного движения. Но если в последней части наши ожидания до некоторой степени и оправдываются, то работ научных, исследовательских в зарубежных изданиях мы почти не находим. Тем не менее, принимая во внимание некоторый интерес публикуемых эмигрантами материалов и сравнительно малую их доступность советским историкам не только в провинции, но и в центрах, мы считаем нелишним дать нижеследующий, хотя и неполный обзор повременных эмигрантских изданий—обзор, вынужденно информационного порядка, ибо, как убедится читатель, рецензируемые журналы дают слишком скудную пищу для критического анализа. При этом мы оставляем в стороне общелитературные журналы эмиграции, как-то «Воля России» и «Современные записки», а также те статьи и материалы в рецензируемых изданиях, которые по содержанию относятся к послереволюционным годам [1].

Одним из первых научных журналов эмиграции явились «Труды русских ученых за границей», издававшиеся в Берлине в 1922—1923 гг. Из статей, относящихся к русской истории, мы находим в I томе, вышедшем в 1922 г., одну только работу В. Ф. Тарановского: «Монтескье о России» (к истории наказа императрицы Екатерины II) (стр. 178—223).

Автор рассматривает высказывания Монтескье о России и приходит к выводу, что источником их явилась известная книга Перри. Переходя к вопросу о влиянии «Духа Законов» на «Наказ», В. Ф. Тарановский противопоставляет оценку России, как деспотической монархии, у Монтескье просвещенно-абсолютистским взглядам Екатерины, не затрагивая, однако, вопроса, в какой мере соответствовала идеология «Наказа» историческому характеру екатерининского царствования.

Во II томе (Берлин 1923) мы находим статью А. Погодина «Опыт языческой реставрации при Владимире» (стр. 149—157), где интерпретируются сведения источников об установленных Владимиром языческих культах и дается оценка деятельности этого князя, как представителя варяжского язычества, боровшегося с укреплявшимся в Киеве христианством; историко-географический этюд Л. С. Багрова «Чертеж украинским и черкасским городам 17-го века» (стр. 30—43), основанный на найденных автором в Стокгольмских архивах картах, и статью П. Савицкого «Материалы по сельскохозяйственной эволюции России» (стр. 158—195), в которой рассматривается изменение площади зернового посева в конце XIX, начале XX столе-

[1] Когда обзор этот был уже сдан в печать, мы получили возможность ознакомиться с книгой М. Винавер «Наше правительство (крымские воспоминания 1918—19 гг.)», Париж, 1928. Эта книга представляет собою последнее издание записок одного из членов демократического временного краевого правительства в Крыму, премьером которого был Соломон Крым. Воспоминания М. Винавера содержат довольно интересный материал, характеризующий взаимоотношения крымского краевого правительства с союзниками и с Деникиным. Имеются и публикации кое-каких документов. Рецензию на эту книгу мы дадим в следующем номере «Историка-марксиста».

[1] Обзор эмигрантской литературы об эпохе гражданской войны читатель найдет в первой статье этого отдела, написанной т. Гуковским.

тия. Статья носит чисто описательный характер, но сообщаемый материал, по надлежащей проверке, может быть использован.

С 1922 по 1924 г. издавался в Берлине же журнал «Историк и современник». Журнал этот, полунаучный по названию и совершенно ненаучный по существу, может представить для настоящего обзора некоторый интерес только двумя малоценными публикациями: «Воспоминаниями о Государственной думе 1912—1917 гг.» члена 4 Думы от Риги, кадета князя С. П. Мансырева (кн. II, стр. 5—45 и кн. III, стр. 3—44) и «Театральными воспоминаниями» Л. Урванцова (кн. II, стр. 239—262 и кн. III, стр. 279—298), автор которых дает несколько беглых, но живых зарисовок быта деятелей провинциальной и столичной сцены своего времени—Казанского театра, Комиссаржевской, Савиной и друг.

С 1923 г. выходил сначала в Берлине, а потом в Праге журнал «На чужой стороне» (1923 г.—№№ 1—3, 1924 г. №№ 4—8, 1925 г., №№ 9—13), перенесенный в 1926 г. в Париж под именем «Голоса минувшего на чужой стороне» (1926 г. №№ 1—4, 1927 г. № 5, 1928 г. № 6). На этом наиболее крупном эмигрантском издании мы остановимся подробнее, насколько это возможно в рамках небольшого обзора. Впрочем, несмотря на большое количество помещенных в этом журнале статей и публикаций, только немногие заслуживают разбора.

Рассматривая материал журнала не в порядке напечатания, а по хронологии тем, мы прежде всего должны остановиться на статье П. Н. Милюкова «Петр Великий и его реформа (к двухсотлетней годовщине)» («Н. Ч. С.», № 10). Несмотря на многообещающее заглавие, статья крупнейшего историка эмиграции оказывается переводом его юбилейной статьи в «Monde Slave», носящей не столько исторический, сколько сознательно публицистический характер. Тем не менее она чрезвычайно показательна для эмигрантских настроений. Автор начинает с того, что «с Петром нас связывает живое чувство родства и общности идей». Петр для него «родоначальник русской интеллигенции». Основной упор статьи—«оправдание» Петровский реформы в духе славянофильско-западнического спора и доказательство того, что реформа «во всех отношениях была, несомненно, глубоко национальна,—как национален был сам Петр». Подобное возвращение к полемической идеологии 30-х—40-х гг. об'ясняется тем, что статья Милюкова направлена против современных славянофилов эмиграции, ее крайней правой группы, т. наз. «евразийцев». Общее же историческое значение статьи достаточно характеризуется тем, что, по словам автора, «Петр действовал не только в культурной пустоте, он действовал также и в социальной пустоте»; наряду с такими утверждениями автора курьезом звучит его рассказ о том, как, приступая к изучению петровской эпохи, он действовал «модным» тогда методом исторического материализма, который, якобы, прекрасно себя оправдал в процессе его исследовательской работы.

По истории XVIII века мы находим еще одну статью—другого крупного эмигрантского историка, А. А. Кизеветтера «Пугачевщина» («Н. Ч. С.» № 9). Автор ее, однако, ограничивается только изложением внешних событий пугачевского восстания, стремясь продемонстрировать слабость движения. От социальной характеристики пугачевщины Кизеветтер отписывается замечанием, что «авантюра Пугачева могла получить такое внушительное развитие, конечно, лишь потому, что почва для того была подготовлена многообразными столкновениями социальных интересов в тех слоях населения, которые устремились под знамена Самозванца»; повидимому, эта мало понятная фраза, непривычная в статье такого стилиста, как А. А. Кизеветтер, должна говорить о столкновениях интересов восставших с интересами тех, против кого они восстали. Но в чем заключались интересы той и другой стороны—автор не говорит, ибо для него Пугачевщина это прежде всего «авантюра» одного лица, которое он и идентифицирует со всем движением вообще.

Александровской эпохе посвящены две довольно слабые заметки Н. Кнорринга «К истории реакционных настроений начала XIX в.» («Н. Ч. С.» № 13), с публикацией письма В. Н. Каразина Александру I от 22 июля 1907 г. и «По поводу Александровской легенды» («Г. М. н. ч. с.» № 4), где в обычном плане разрешается вопрос о Федоре Кузьмиче. К этой же эпохе относятся несколько мелких публикаций С. Мельгунова из дневника Д. М. Волконского («Н. Ч. С.» №№ 5, 10 и др.). Несколько больше внимания уделено декабристам. Из материалов о них несколько мелких документов напечатано в «Н. Ч. С.» № 13, и донесения французского посла в Петербурге Ла-Феронэ министру иностранных дел барону де-Дама о декабрьских событиях—в «Г. М. н. ч. с.» № 5. Кроме

того юбилею декабристов посвящена значительная часть № 2 «Г. М. н. ч. с.», где мы находим статьи пяти авторов.

М. А. Алданов в небольшой заметке «Памяти декабристов» (стр. 43—45 указ. №), являющейся воспроизведением его юбилейной речи на торжественном заседании русского академического союза, дает беглую лирическую оценку значения декабристов для современности, разумея под последней эмиграцию.

Декабристы милы Алданову тем, что та революция, которую они попытались произвести, «не знала страшного испытания удачи, и нет в их наследии крови, зверств, эшафота». Отрицая социальное значение декабристского движения, автор видит его ценность в созданной декабристами легенде.

Нить лирических излияний М. А. Алданова подхватывает П. Н. Милюков в статье «Роль декабристов в связи поколений» (стр. 47—67). Для него декабристы — «на полдороге между Петром и нашим поколением». Справедливо указывая, что «они поднимают нить Новикова и Радищева и передают Герцену», Милюков расценивает историю тайных обществ Александровской эпохи только как явление в истории «идей», считая, что наследием декабристов являются три идеи: революционная, хотя сами они революционерами не были, социальная—свобода и гражданское равенство и государственная—республика, федерация. В характеристике истоков декабризма Милюков не идет дальше традиционной для него легенды о «пребывании молодых людей за границей» и т. п.

С. Мельгунов («Идеализм и реализм декабристов» стр. 69—85) обращает оружие против тех «неосмысленных попыток», которые хотят рассматривать декабристское движение как эпизод классовой борьбы, декларирует прямую преемственность между декабристами и современными эмигрантами и проникновенно восклицает: «Глубочайшей ошибкой с моей точки зрения является, однако, попытка классифицировать декабристов по тем или иным социальным группировкам, в зависимости от проектов государственного строительства, рождавшихся в процессе творчества и обсуждения (а как бы еще они могли рождаться?—*И. Т.*). Делать из декабристов защитников определенных социальных интересов, искать в их методах оттенки демократических и аристократических воззрений, это значит, как мне представляется, не понимать того духа, который обвевал в декабрьские дни 1825 г. и им предшествующие прообраз внеклассовой русской интеллигенции».

Доказательству той же «внеклассовости» посвящена и статья П. А. Мякотина «Декабристы в их преобразовательских планах» (стр. 87—101). Излагая без всякого, впрочем, анализа взгляды Н. Муравьева и Пестеля, Мякотин, в противовес «вульгарной марксистской литературе», думающий, что декабристы действовали во имя определенных классовых интересов, стремится показать, что декабристы, на самом деле, защищали «интересы всего русского народа в целом».

Наконец, против все тех же «официальных большевистских историков и твердокаменных последователей марксистской догмы» ополчается А. А. Кизеветтер («Спорные вопросы в истории декабристов», стр., 103—111). Автор серьезно думающий, что, согласно учению Маркса, никто и никогда не может оторваться от интересов и воззрений своего класса, уличает марксистов в противоречивости и ошибочности их оценки декабризма. На самом же деле, «декабристы в полете своей политической мысли вышли за пределы сословных и классовых предубеждений».

Было бы бессмысленно полемизировать с перечисленными выше авторами. Сущность и подоплека их статей ясны без комментариев. Отметим только, что крупнейшие имена эмиграции выступают со статьями если не исследовательского, то, во всяком случае, исторически-оценочного характера, только по большим праздникам, да и то работы их в такой же мере далеки от науки, в какой близки к политике.

В дальнейшем мы на страницах «Н. Ч. С.» и «Г. М. н. ч. с.» статей общего характера уже не находим, а почти исключительно материалы, да и то далеко не всегда интересные.

Так, две статьи посвящены Герцену—А. Лясковского «Культурная работа А. И. Герцена в Вятке» («Н. Ч. С.» № 8, стр. 213—219), дающая несколько фактов из жизни Герцена во время его вятской ссылки и С. П. Мельгунова «Герцен, Россия и эмиграция» («Г. М. н. ч. с.» № 3, стр. 257—291). Автор пытается выяснить причину разрыва Герцена с двумя поколениями—современниками его и шестидесятниками—но значительно при этом преувеличивает революционность позиции самого Герцена.

В № 7 «Н. Ч. С.» за 1924 г. (стр. 233—243) напечатана публикация М. Неттлау «Бакунин в Кенигштейне. Отрывки из писем к Рейхель 1848—1850 гг.» (письма

эти были перепечатаны и у нас). В 10 и 12 №№ «Н. Ч. С.» (стр. 37—63 и 181-186) помещены переводы переписки Николая I и Франца-Иосифа, напечатанной в подлинниках в «Neue Freie Presse».

Из материалов, относящихся к эпохе царствования Александра II, в № 4 «Н. Ч. С.» мы находим «Домашние записки» В. Боровиковой, камер-юнгферы княгини Юрьевской, морганатической жены Александра II. Записки эти, посвященные домашнему быту княгини и, главным образом, истории вражды автора с компаньонкой Юрьевской Шебеко, написаны в специфически лакейской манере. Вот характерный образчик: «Вся моя жизнь у княгини Юрьевской и драгоценного моего государя Александра II прошла, как сон. Много было хорошего и дурного. Все пережила, исполняла свои обязанности свято, служила верой и правдой, как свеча теплилась перед богом». Любопытно, что редакция почти не оговаривает стиля Боровиковой, подчеркивая вместе с тем высокое «уникальное» значение записок, и ссылается в этой оценке на авторитет Д. В. Философова, тепло отзывавшегося об авторе записок, как о «преданной своей госпоже слуге старого «придворно - крепостного» типа». Никаких комментариев к тексту, как впрочем и к большинству печатаемых материалов, редакция не дает.

Значительно больший интерес представляют напечатанные в этом же и следующем №№ «Н. Ч. С.» дневники Я. П. Полонского за 1876—78 гг. В своем дневнике поэт фиксирует ряд столичных слухов и сплетен, вместе с тем часто останавливаясь на различных фактах бюрократического произвола, воровства, мошенничества и т. п., раз'едавших государственный аппарат. Интересны публикуемые материалы по истории революционного движения этой эпохи, главным образом, заимствованные из архива Бурцева и обработанные Б. Николаевским. Сюда относятся: «Устав Исполнительного комитета Народной Воли» («Н. Ч. С.» № 7 ст. 221—32), «Материалы по делу об убийстве Судейкина» (показания Конашевича, Стародворского, Лопатина и Караулова), напечатанные в № 9 (стр. 205—218), «Из переписки Лаврова» («Н. Ч. С.» № 10, 12 и «Г. М. н. ч. с.» № 5) и некоторые другие.

Значительно слабее представлены последующие десятилетия. К ним относятся: небольшая заметка «Страничка прошлого» (из дневника ген. Смельского о Свящ. дружине). («Н. Ч. С.» № 8, стр. 226—228), материалы Б. Николаевского из истории вторых первомартовцев («Г. М. н. ч. с.» № 3), воспоминания Дионео о лондонских эмигрантах («Г. М. н. ч. с.» № 4) и некоторые другие мелкие публикации. К 90-м годам в значительной своей части относятся воспоминания В. Водовозова «Мое знакомство с Лениным» («Н. Ч. С.» № 12, стр. 174—180). Автор сообщает несколько фактов из биографии Ленина, к которому он вообще относится неприязненно, хотя и не отрицает его величины и значения.

Богаче представлены последние два десятилетия перед революцией. Наибольшее количество материалов, относящихся к этим годам, касается Азефа, как напр.: Н. Крестьянинов «Азеф в начале деятельности» («Н. Ч. С.» № 4, стр. 135—169)—история первой попытки разоблачить Азефа еще в 1902—1903 гг.; А. В. Пешехонов «Мои отношения с Азефом» («Н. Ч. С.» № 5, стр. 51—70)—воспоминания, написанные по поводу предыдущих, но захватывающие и позднейший период деятельности Азефа; А. Аргунов «Азеф в партии с.-р.» («Н. Ч. С.» № 6, стр. 157—200 и № 7, стр. 47—79) — подробные воспоминания о знакомстве и совместной деятельности Азефа с автором, а также о суде над Бурцевым и поездке Аргунова в Россию для переговоров с Лопухиным; заметка «Первое обвинение Азефа» в № 10 «Н. Ч. С.» и, наконец, воспоминания Ю. Делевского «Дело Азефа и семеро повешенных» («Г. М. н. ч. с.» № 4, стр. 121—156).

Ряд публикаций относится к истории революционного движения и полиции. Таковы: письма П. А. Кропоткина к В. Л. Бурцеву, главным образом за 1908—1914 гг., затрагивающие ряд общественных вопросов, особенно в связи с контрпровокаторской работой Бурцева (дела Стародворского, Азефа, Ландезена, Жученко и др. «Н. Ч. С.» № 6, стр. 119—155), автобиография жандармского генерала Новицкого («Н. Ч. С.» № 8, стр. 143—158), В. Ор-вский «Из записок полицейского офицера» («Н.Ч.С.» № 9, стр. 143—152)—записки, сообщающие некоторые бытовые подробности об аресте известного авантюриста Ржевского, агента Хвостова в борьбе его с Распутиным; заметка С. Сватикова «Из прошлого русской политической полиции за границей» («Н. Ч. С.» № 10, стр. 181—185), повествующая о полицейской слежке за «высокопоставленными поднадзорными», как-то: княгиней Юрьевской и братом Николая II—Михаилом; «Из переписки 1905—1906 гг.» («Н. Ч. С.»

№ 11, стр. 244—254)—переписка, отражающая декабрьское восстание и некоторые другие моменты эпохи; А. Демьянов «Из воспоминаний о процессе С. Петербургского совета рабочих депутатов 1906 г.» («Н. Ч. С.» № 12, стр. 170—178)—эпизод с письмом А. А. Лопухина к Столыпину о провокационных приемах правительственных агентов; ряд отрывочных и не очень ярких воспоминаний о революционных группировках конца XIX—начала XX ст. помещен Н. М. Могилянским в 4 № «Г. М. н. ч. с.» («На рубеже столетий», стр. 83—119).

К тому же хронологическому отрезку относятся статья А. Кизеветтера «Университет им. Шанявского» («Н. Ч. С.» № 3, стр. 164—178), переписка Победоносцева с С. Д. Войтом («Н. Ч. С.» № 8, стр. 177—201), переписка Рейнбота с Пуцыковичем (там же, стр. 203—212) «Петербургский дневник» С. Минцлова («Н. Ч. С.» № 8, стр. 167—176, № 9, стр. 156—179, № 10, стр. 103—120) за 1907—1909 гг., являющийся продолжением дневника, печатавшегося в «Голосе минувшего» за 1917 г. и характерный для настроений либеральной буржуазной интеллигенции в годы реакции. Упомянем также воспоминания известного политического адвоката О. Грузенберга о Короленко, как подзащитном («Н. Ч. С.» № 13, стр. 70—85) и «Предсмертную записку» А. Д. Протопопова («Г. М. н.ч.с.» № 2, стр. 167—193).

В различных номерах журнала помещен также ряд историко-бытовых мемуаров, относящихся к XIX в. В большинстве своем они представляют очень незначительный интерес, однако, для полноты обзора перечислим и их. Сюда относятся: Н. Н. Щепкин. «Из ранних воспоминаний» («Н. Ч. С.» № 2, стр. 1—38)—довольно бледная картина детства автора; М. Читтау-Кармина «П. А. Стрепетова (воспоминания)» («Н. Ч. С.» № 7, стр. 33—46); Д. Олсуфьев «Тургенев (воспоминания и заметки)» («Н. Ч. С.» № 11, стр. 49—60); Л. Урванцов «Театральные воспоминания. Драматурги» (там же, стр. 101—135); В. А. Оболенский «На экране моей памяти» («Г. М. н. ч. с.» № 1, стр. 101—118, № 2, стр. 129—137, № 3, стр. 153—176): довольно живо написанные университетские воспоминания А. А. Кизеветтера «Из воспоминаний восьмидесятника »(«Г. М. н.ч.с.» № 1, стр. 11—132, № 2, стр. 138—153, № 3, стр. 123—152); Н. В. Чайковский «Детские годы» («Г. М. н. ч. с.» № 1, стр. 283—297); А. И. Деникин «Из прошлого русской армии. В Академии» («Г. М. н. ч. с.» № 5, стр. 51—71); А. М. Хирияков «Отрывки воспоминаний» («Г. М. н. ч. с.» № 6, стр. 189—216) и М. М. Кармина-Читтау «Исторические миниатюры» (там же, стр. 217—233). Сравнительно больший интерес представляют очерки покойного М. И. Венюкова, публикуемые под заглавием «Исторические очерки России в царствование Александра II» («Г. М. н. ч. с.» № 1, стр. 81—99, № 2, стр. 113—128, № 3, стр. 197—208), содержащие много любопытных анкдотов и деталей, относящихся к царской фамилии, знати и бюрократии трактуемой эпохи.

Отметим еще заметку Олара «Русское влияние в изучении французской революции» («Г. М. н. ч. с.» № 1, стр. 7—9), резко идущую вразрез с общим направлением журнала, ибо покойный историк французской революции говорит о переменах, происшедших в изучении революции под влиянием социалистов, вслед за Марксом поставивших вопрос об изучении экономических основ классовой борьбы во Франции; «археографические», если можно так выразиться, заметки С. Мельгунова: «Как мы приобретали записки Илиодора» («Н.Ч.С.» № 2, стр. 47—56), бывшего сотрудника Центрархива А. Ф. Изюмова «В поисках бумаг последнего царя» («Н.Ч.С.» № 3, стр. 106—111) и И. Симанского «Дневник генерала Куропаткина» («Н. Ч. С.» № 11, стр. 61—99) и на этом закончим несколько затянувшийся обзор этого журнала, наиболее, впрочем, богатого материалом и значительного по об'ему. Кроме названных статей и материалов, в «Н. Ч. С.» и «Г. М. н.ч.с.» помещен еще ряд мелких заметок и публикаций, библиографических статей, а также большое количество статей и материалов по истории русской литературы, главным образом, касающихся биографии Л. Н. Толстого.

В 1924 г. вышел второй выпуск 1-го тома «Ученых записок, основанных русской учебной коллегией в Праге», посвященный «историческим и филологическим знаниям». Здесь мы находим слабую статью Г. В. Вернадского на тему, которую не мешало бы поставить и советским историкам,—«Пушкин как историк»; небольшую статью того же автора «Об одном возможном источнике Русской Правды», в которой он солидаризируется с мнением Ключевского о влиянии на Русскую Правду византийского сборника Ecloga ad Prochiron mutata; и, наконец, бо́льшую и обстоятельную, но по очень частному и историче-

ски мало существенному вопросу, статью А. В. Флоровского «Академия Наук и законодательная комиссия 1767—74 гг.».

Отметим еще издаваемые пешехоновской группой «Записки института изучения России», Прага 1925 г., т. I—II. Это один из наиболее серьезных по тону эмигрантских журналов. Здесь мы находим две интересные по приводимому в них материалу исторические статьи: А. Н. Челищева «Помещичье хозяйство в России перед революцией» и К. С. Кочаровского «Выходы из общин».

В эмиграции вышел ряд книг по русской истории. Но о тех из них, которые с какой-нибудь стороны заслуживают внимания, уместно говорить особо.

И. Троцкий

К 50-ЛЕТИЮ КАЗАНСКОГО О-ВА АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ

25—27 января Казанское общество археологии, истории и этнографии праздновало свою юбилей. Общество было основано в 1878 году, и в 1928 году ему исполнилось 50 лет. На юбилей приехали представители ученых обществ Москвы, Ленинграда, Саратова, Самары, Уфы и Карелии. Было получено большое количество адресов, приветствий и телеграмм. Юбилейные заседания, длившиеся три дня, протекали на пленумах и секциях. Было заслушано в общей сложности до 35 научных докладов. Уже это одно показывает, какая интенсивная научная работа была развита обществом и его гостями в юбилейные дни. Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете имеет специфические особенности. Это не только единственное общество, просуществовавшее 50 лет, но это единственное общество, ведущее большую научную работу по изучению истории и этнографии национальностей, населяющих обширный бассейн Волжско-Камского края. Связь научной работы общества с национальным вопросом и придает ему специфический характер. Эта особенность сказывается теперь, когда после крушения старого строя и Казанское общество археологии, истории и этнографии из орудия борьбы в руках господствующих классов старой России превратилось в орудие освобождения и культурной революции в руках народностей Среднего Поволжья. Перед обществом стоят огромные задачи—освоить и переработать по-новому обширный материал, собранный в течение 50 лет. Перед ним стоит сейчас во всю ширь задача обслуживать новые потребности растущей национальной культуры народностей Среднего Поволжья.

Юбилейные заседания и доклады в секциях носили на себе печать этих новых задач. Обществу приходится связывать общие проблемы изучения истории с изучением проблем истории местного края. Его деятелям приходится переходить от прежних методов полунаучной обработки материалов к освоению и интерпретации и исторического, и этнографического, и археологического материалов новыми методами. Юбилейные заседания распадались на 3 секции: секцию истории, секцию археологии и искусства и секцию этнографии и лингвистики. Самые темы докладов в секции истории показывают, насколько сильно связано общество с общим руслом исторической науки и как вплетает оно в это общее русло местные интересы, вопросы разработки местной истории. Четыре доклада—три по истории Запада и один по истории России—были посвящены вопросам общеисторическим: доклад Сингалевича «Первый Интернационал в освещении историков-современников», доклад Бушмакина «Робеспьер в новейшей французской литературе», доклад Дитякина «Задачи и пути марксистского исследования эпохи Возрождения» и доклад Бродовского «Философские взгляды Н. А. Рожкова»—являются плодом работы местных историков над общеисторическими вопросами. Эти доклады стоят вполне на уровне современной марксистской исторической науки.

Другую группу докладов представляют доклады, посвященные истории местного края. Это—доклад Чернышева «Судебный процесс о башкирских землях 1906—1918 года», составленный на основании сырых архивных материалов и сообщающий ряд интересных фактов о том, как путешествовали по царским судам дела, как и в каких формах протекала борьба башкир за земли, вернувшиеся в распоряжение трудящихся Башкирии лишь после Октябрьской революции; доклад Корбута, посвященный интереснейшим вопросам о национально-буржуазных с'ездах Волжско-Камского края 1917 году, доклад, составленный на основании неизученного никем до сих пор материала, проливающий свет на один из темных вопросов истории нашей революции, на

один из вопросов, обрисовывающих причины участия национально-буржуазных элементов в различных фазах революции. Наконец, интереснейший по содержанию доклад молодого татарского ученого Абдрахимова «Новые списки татарских летописей». Тов. Абдрахимову удалось найти неизвестные до сих пор татарские летописи. Эти летописи, которые велись до 30-х годов прошлого столетия в селах, содержат в себе ряд сведений по целому ряду крупных исторических событий и содержит цитаты из неизвестных еще восточных писателей. Нужно пожелать, чтобы задача, поставленная себе Абдрахимовым и обществом археологии, истории и этнографии,—как можно скорее издать текст и переводы этих летописей, не была отложена в долгий ящик и была осуществлена возможно скорее. Два доклада в секции истории носили информационный характер—это доклад заведующего архивом Татреспублики Зайцева и доклад Истпрофа Борисова. В Казани в архивах Татреспублики сосредоточены огромные богатства, имеющие большую научную ценность для изучения истории местного края, и изучения ряда исторических проблем вообще. В прениях по докладу т. Зайцева все отмечали огромную ценность и интерес казанских архивов и указывали на насущную необходимость усилить охрану сосредоточенных в них богатств. Доклад т. Борисова из истории рабочего движения в Казани прежде всего знаменателен тем, что это один из первых докладов, поставленных местным Истпрофом на заседании общества. Тов. Борисов, дав краткий очерк работы казанского Истпрофа, призывал общество к дружной совместной работе над разработкой истории рабочего класса и рабочего движения Волжско-Камского края, указывая в то же самое время, что общество обязано и может принять участие в разработке истории рабочего движения не только как историческое общество, но и как археологическое, взяв на себя охрану памятников старины, рабочего движения Волжско-Камского края. И в прениях по докладу т. Борисова, и в заключительной речи на пленуме проф. Фирсова все участники юбилейных заседаний одинаково дружно подчеркивали необходимость широкого внесения в число тем, изучаемых обществом, тем, посвященных истории рабочего движения.

Не менее богатыми по кругу своих тем были работы археологической секции и секции этнографии и лингвистики. Секция этнографии и лингвистики естественно отдавала исключительную дань своего внимания местному краю. Но нельзя сказать, чтобы, за немногими исключениями, напр., доклада М. М. Хомякова «Религия удмортов и отражение в ней институтов древнего права», эти доклады стояли на высоком методологическом уровне. Это по преимуществу—описательные доклады, сообщающие этнографический материал, но не ставящие методологических проблем разработки этого материала. И доклады, и прения по ним свидетельствуют об огромном накопленном этнографическом материале. Из этих докладов лишь один был посвящен лингвистике, доклад татарского ученого Шарифа: «Применение экспериментальной фонетики к татарскому языку».

В секции археологии и искусства был заслушан ряд сообщений о местных раскопках, протокольные сообщения Башкирова о раскопках болгарского городища Билярска и доклад Калинина о раскопках в Казанском кремле в 1928 году. Интересные доклады были даны приезжими археологами, тт. Теплоуховым и Шмидтом. Приезжие же археологи информировали о тех археологических изысканиях, которые ведутся в Карелии, в Самарской губернии, в Нижнем Поволжье. На пленарных заседаниях были заслушаны подробный исторический очерк проф. Фирсова о 50-летней деятельности общества, и два доклада—содержательный и обстоятельный доклад Дитякина о яфетической теории (имя академика Марра и яфетическая теория часто всплывали на заседаниях секции этнографии и лингвистики, имея горячих сторонников и противников) и Бороздина об «Итогах и перспективах изучения материальных культур тюркских народов СССР».

В работах секций и на пленарных заседаниях принимало участие более ста человек. Все работы юбилейных заседаний свидетельствуют о большом интересе к краеведческим проблемам и о связи между общими проблемами истории и вопросами изучения местного края, о начавшемся проникновении марксистской методологии, которая вносится в работы общества небольшою группою, главным образом, связанных с университетом историков-марксистов о связанности всех тем с насущными нуждами изучения национальной культуры Волжско-Камского края.

С. Пионтковский

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Дорогие товарищи.

В статье моей «Марксисты на исторической неделе в Берлине» («Историк-марксист» № 9) имеются отдельные места, требующие следующего заявления.

Вот первая цитата из статьи:

«Но являясь господствующим течением в науке, марксизм отнюдь не подавляет другие точки зрения. У пишущего эти строки состоялся следующий диалог с одним крупным профессором:

— А разве в делегации есть не марксисты?

— Есть, притом такой, к примеру, который остался ректором университета, когда из него ушли даже кадеты.

— Я, признаться, думал, что не марксисты давно изгнаны.

— Вы правы, если иметь в виду профессоров богословия.

— Да, и то, вероятно, потому что у вас нет богословских факультетов,— перебил меня мой собеседник...

Выступления беспартийной немарксистской части делегации нанесли сильный удар по предрассудкам, по которым в Советском союзе уничтожена буржуазная историческая наука и механически подавляются инако мыслящие».

В таком своем виде это место является политически неверным, ибо позволяет сделать ошибочный вывод о принижении боевого характера марксизма и его значения, как господствующего мировоззрения.

Второе место:

«Если берлинская «неделя», условно выражаясь, является восходом советской исторической науки, то международный конгресс историков в Осло есть свидетельство заката буржуазной исторической науки. Впрочем, строго говоря, метафора эта вряд ли подходит к буржуазной историографии: нельзя же говорить о закате давно потухшего солнца. Солнце буржуазной исторической науки показалось над горизонтом после побед буржуазии в великих классовых битвах XVIII и начала XIX веков, но быстро скрылось после революции 1848 г., когда на политической арене появился новый класс с властным требованием на науку и труд. За буржуазными историками, да и то в лучшем случае, осталось собирание фактических данных, но одни факты нигде еще не составляют науки: и в химии, и в физике, как и в истории, науку составляет тот метод, при помощи которого об'ясняют факты. Об'яснять же научно, т. е. исходя из классовой точки зрения, буржуазные историки уже давно не смеют».

Весь абзац имеет задачей подчеркнуть, что метод, с помощью которого буржуазия об'ясняет исторические факты, не научный, что только марксизм— единственно научный метод.

Но из этой формулировки можно сделать вывод, что вообще буржуазной науки не существует, что, следовательно, нечего и говорить о борьбе с ней.

С этой стороны вся эта мысль выражена неудачно. В связи же с оживлением буржуазной идеологии на всех участках, в том числе и на историческом фронте, где мы имеем активизацию чуждых нам элементов, эта мысль, позволяющая сделать такой вывод, приобретает политически неверный характер.

Я считаю необходимым сделать эти раз'яснения, ибо наш журнал является боевым руководителем марксистов-историков в борьбе с враждебной идеологией, и всякая даже отдельная нечеткая или ошибочная формулировка в статьях может затруднить эту борьбу.

С комприветом **И. Минц**

Уважаемые товарищи!

Обращаюсь в редакцию по двум вопросам: 1) В № 9 «Историка-марксиста» А. В. Шестаков в своей статье «М. Н. Покровский—историк-марксист» полемизирует с моей старой работой «Русская история в освещении экономического материализма» (Казань, 1922). То же делает Е. Кривошеина в своей статье о М. Н. Покровском в «Комсо-

мольской правде» от 25/X 1928 г. и т. Н. Степанов в своей рецензии на работу М. Цвибака о Рожкове, помещенной в упомянутом номере «Историка-марксиста». В то же время мои новые работы о марксистской историографии, публикация которых должна была быть приурочена к юбилею М. Н. Покровского, по не зависящим от меня обстоятельствам в печати не появились. Совпадение всех этих обстоятельств может оставить у читателей, незнакомых с моими работами за последние 6 лет, неправильное впечатление, что я и в настоящее время разделяю мнения моей старой работы. Это заставляет меня пояснить, что эта работа является конкурсным сочинением студентки II курса, написанным на заданную факультетом тему в 1919 году,—марксистская неподготовленность автора повлекла за собой наличие большого количества ошибок.

2) В том же номере «Историка-марксиста» помещено изложение моего доклада «Постановка исторического семинара в общественных вузах». К сожалению, сокращение это сделано по невыправленной мною стенограмме и не было показано мне, поэтому в него вкрался ряд ошибок и искажений, коснувшихся даже самого заглавия доклада.

1/XI 1928 г.

М. Нечкина

Ответственный редактор **А. В. Шестаков** Ответственный секретарь **И. Л. Татаров**